

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1 9 5 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва.

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель главного редактора И. И. Потехин,
М. О. Косвен, П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 4.III. 1955 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$. Бум. л. 6^{1/2}.
Т-01467. Печ. л. 17,12 Зак. 862. Уч.-изд. листов 21,2. Тираж 2560 экз

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ В ПРОВЕДЕНИИ НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

В осуществлении перехода нашей страны от социализма к коммунизму огромную роль призвана сыграть идеологическая работа, коммунистическое воспитание трудящихся. В решениях XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза особо подчеркивается необходимость решительной борьбы с остатками буржуазной идеологии, с пережитками капитализма в сознании советских людей. Одним из наиболее распространенных пережитков реакционной идеологии являются религиозные суеверия.

Коммунистическая партия всегда придавала большое значение освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков. В советский период в ряде партийных документов указывалось на необходимость борьбы с религиозными пережитками и политико-воспитательной работы в этом направлении.

В истекшем году центральным органом партии, газетой «Правда», отмечалось, что в настоящее время пропаганда материалистических взглядов и борьба с религиозными предрассудками ведутся неудовлетворительно. «Правда» призвала «придать широкий, подлинно массовый размах научно-атеистической пропаганде, решительно улучшить ее содержание»¹.

Постановление Центрального Комитета КПСС от 10 ноября 1954 г., указывая на некоторые ошибки, допущенные в проведении антирелигиозной работы в последнее время, обязывает все партийные организации «не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в деятельность церкви». Вместе с тем постановление отмечает, что «исправление ошибок, допущенных в антирелигиозной пропаганде, не должно привести к ослаблению научно-атеистической пропаганды, являющейся составной частью коммунистического воспитания трудящихся». Развивая далее положение о коренной противоположности науки и религии, о несовместимости религиозных догм с научными фактами, Центральный Комитет подчеркивает, что «Коммунистическая партия воспитывает советских людей в духе научного мировоззрения и ведет идейную борьбу с религиозной идеологией, как с антинаучной идеологией»². В основу научно-атеистической пропаганды должно быть положено популярное описание наиболее важных явлений в жизни природы и общества, изложение научных данных, убедительно разъясняющих с позиций материалистического мировоззрения антинаучный характер религиозных представлений.

Среди наук, данные которых опровергают религиозные догмы, большое место занимают этнография и антропология. Данные этнографии и антропологии, археологии и истории первобытного общества всегда привлекались прогрессивными учеными, как русскими, так и зарубежными, в их борьбе за материалистические взгляды на природу и общество.

¹ Передовая «Правды» от 24 июля 1954 г.

² «Правда» от 11 ноября 1954 г.

Этнографические материалы занимали большое место в пропаганде атеизма, которую вели революционные демократы — Белинский, Герцен, Добролюбов, Писарев, Чернышевский. В советский период данные этнографии, истории первобытного общества и антропологии широко использовались в антирелигиозной пропаганде.

Этнография более, чем какая-либо другая наука, может осветить проблемы возникновения и развития религиозных верований и обрядов в прошлом, формы и причины сохранения религиозных верований в настоящее время. Главная и основная задача советской этнографии в области атеистической пропаганды — создание научных трудов, которые служили бы материалом для пропагандистской работы. В предшествующий период развитию научно-атеистической пропаганды мешал разрыв между научно-исследовательской работой в области истории религии и практической антирелигиозной работой. Научное исследование религий народов СССР велось в очень узких рамках; оно ограничивалось главным образом изучением религий народов древности и дореволюционной России. Изучение пережитков было подчинено задаче исторической реконструкции существовавших ранее верований и обрядов. Пережитки не изучались как современные формы, собранные данные не обрабатывались научно с этой точки зрения. В то же время пропаганда страдала отсутствием научно осмысленного фактического материала. Популярная литература и лекции большей частью ограничивались изложением общих положений о реакционном характере религии и фактами антиклерикального значения. Преодолеть разрыв между научным исследованием и пропагандистской работой, связать изучение истории религии и бытующих религиозных пережитков с практическими потребностями антирелигиозной пропаганды — таков путь, на котором советская этнография может выполнить задачи, поставленные на очередь партией и правительством.

Таким образом, перед советскими исследованиями стоят в настоящее время две главные задачи. Это, во-первых, вопросы происхождения религии, развития религиозных представлений и культов при первобытно-общинном строе и в период перехода к классовому обществу. Археологические и исторические памятники древнейших религий оживают лишь в сопоставлении их с фактами, наблюдаемыми у живых народов. Поэтому в освещении проблем происхождения религии этнографическому исследованию принадлежит первое место. В этой области уже многое сделано советскими учеными. Однако немало остается еще вопросов, требующих углубленного изучения в свете новейших данных антропологии, археологии и этнографии: происхождение человека, вопрос о неандертальских погребениях, происхождение различных форм магии, возникновение шаманизма, роль религии в период образования классов и государства и т. д. Важным участком работы в этой области является критика идеалистических концепций происхождения религии. Реакционные буржуазные ученые, а в последние полвека особенно ученые-клерикалы, в своих попытках научно обосновать теорию богооткровения охотно обращаются к этнографии. Исследователи-клерикалы тенденциозно интерпретируют этнографические данные, нередко они не останавливаются перед фальсификацией фактов. Руководствуясь учением марксизма-ленинизма, советские ученые должны разоблачать лженаучные построения и, привлекая фактические материалы добросовестных исследователей (в том числе и ученых-идеалистов), способствовать объективному освещению добытой наукой фактов. Немаловажной задачей остается и преодоление остатков ошибочных концепций Марра и его последователей в подходе к проблеме происхождения религии.

Разработка всех этих сложных вопросов требует от советских этнографов глубокого освоения всего многообразия фактического материала, преодоления еще далеко, к сожалению, не изжитого влияния социологических схем, упрощенчества и вульгаризации. Надо признать, что тако

влияние проявлялось и в статьях, опубликованных на страницах журнала «Советская этнография». На это справедливо было указано в корреспонденции, опубликованной в газете «Правда» от 9 декабря 1954 г. в связи с напечатанной в № 3 «Советской этнографии» за тот же год статьей В. Белицер и Г. Масловой «Против антимарксистских извращений в изучении одежды»³. Преодоление схематизма, необходимое в разработке любой проблемы, особенно важно при изучении таких сложных вопросов, как происхождение и история религии.

Второй комплекс вопросов связан с изучением религиозных пережитков и причин их сохранения у народов СССР. Уделив главное внимание изучению социалистического переустройства хозяйства, культуры и быта народов нашей страны, мы не должны обходить трудности и препятствия, стоящие на пути коммунистического строительства, в том числе и пережитки капитализма и докапиталистических формаций в сознании людей. Для того чтобы преодолеть эти пережитки, их необходимо изучить. Изучение религиозных пережитков и причин их бытования связано с исследованием процесса отхода масс от религии. Это две стороны одного и того же вопроса. Процесс отхода масс от религии протекает в настоящее время в иной обстановке, чем это было в довоенные годы. Подавляющее большинство советского народа освободилось от влияния религии. Мироззрение основной массы советских людей — строителей коммунизма — носит уже материалистический характер. Сами верующие стали иными. Активное участие в строительстве коммунизма не может не отразиться на их мироззрении. Происходит борьба старого с новым; скорейшая победа нового или временный успех старого в значительной степени зависят от большего или меньшего развития научно-атеистической пропаганды.

Советские этнографы более, чем представители какой-либо другой науки, могут и должны изучать процесс отхода масс от религии, в том числе и те препятствия, которые тормозят развитие этого процесса. Внимательному исследованию должны подвергнуться конкретные формы религиозных пережитков у различных народов СССР, теперь во многом изменившиеся по сравнению с дореволюционным временем. В особенности важно выяснить, какие именно причины способствуют сохранению религиозных представлений и культовых обрядов в данном районе, у данной группы населения. Большое значение имеет выявление исторических корней тех или иных местных культов, изучение их происхождения и показ их реакционного характера. Глубоко научный, исторический подход к религиозным пережиткам поможет преодолеть распространенный ошибочный взгляд, что в наше время культовые обряды уже выполняются лишь по традиции, что они утратили всякое религиозное содержание. В некоторых случаях, когда речь идет о древних обычаях, связь которых с религией уже в дореволюционном прошлом часто сводилась лишь к традиционному приурочению обрядов к датам церковного календаря, дело обстоит действительно так. Но большей частью такие обряды — крещение, обрезание, причащение, культ «чудотворных» источников и могил «святых» — связаны с религиозной идеологией.

В изучении конкретных форм религиозных пережитков этнографам нередко приходится преодолевать стремление замалчивать наличие религиозных пережитков, преуменьшать значение этих пережитков и т. п. Такая тенденция, существующая и среди самих этнографов, неправильно ориентирует тех, кто ищет в этнографических материалах освещения действительного положения вещей. Исследовать место религиозных обрядов в быту, изучить стоящие за ними представления, объяснить, почему они сохранились в данной обстановке, обобщить аналогичные факты — только

³ См. ниже, в разделе «Хроника», обсуждение этого вопроса на расширенном заседании Редколлегии журнала «Советская этнография».

этим этнографы помогут подвести научную основу под атеистическую пропаганду, найти наиболее действенные пути преодоления религиозных пережитков.

Выясняя причины сохранения остатков религии, научно освещая вопросы происхождения человека и человеческого общества, возникновения и развития религиозных верований, советские этнографы и антропологи внесут ценный вклад в научно-атеистическую пропаганду, ускоряя процесс овладения масс материалистическим мировоззрением и тем самым окажут практическую помощь построению коммунизма в нашей стране.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Б. Ф. ПОРШНЕВ

О ДРЕВНЕЙШЕМ СПОСОБЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОГНЯ

1. Этнографические и археологические данные. Состояние вопроса

Начало применения человеком огня, говорит Энгельс, так старо, «что от него можно считать начало человеческой истории»¹.

Огромное значение огня в истории материальной культуры общеизвестно. Нередко говорят², что в известном смысле вся история материальной культуры сводится к развитию использования огня. Естественно, что вокруг вопроса о первоначальном открытии огня идет борьба между идеализмом и материализмом.

Идеализм издавна приписывал появление огня в жизни человека либо прямо богу, либо полубожественному герою (например, Прометею), либо какому-то индивидуальному «гению» среди людей, носителю «искры божьей». С развитием в XIX в. этнографии и истории культуры построения стали много сложнее, но тема о происхождении огня трактовалась (в частности, немецкими учеными Куном, Гейгером и др.) не иначе, как в неразрывной связи с вопросами истории религии, верований, солнечного культа. Важнейший факт материальной культуры выводился из развития религиозных идей. Технологическая сторона появления огня оказывалась при этом чем-то случайным: была бы у дикаря идея огня, а жизнь, наблюдения или случай подскажут, как практически зажечь огонь. Так, по Куну, первобытный человек мог увидеть, как в лесу лиана, раскачиваемая бурей, попав в углубление сука, вызвала трением появление огня,— для солярного мировоззрения человека это было достаточным толчком к подражанию, искусственному добыванию огня трением³. Сходные наивные картины «наблюдений» рисует Вахтер⁴. По Гейгеру, первое получение огня было неожиданным, случайным результатом вращения, производившегося с мистической целью, ибо вращение (предметов, колес, священных мельниц, людей в хороводах и т. д.) связано с природой магического мышления; генетическая связь с вращением придавала, по Гейгеру, огню его последующее сакральное значение⁵.

Хотя эта школа давно отступила под натиском позитивизма и эволюционизма, от нее надолго сохранилось научное положение, что древнейший способ добывания огня человеком следует искать в пережиточных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 569.

² См., например, А. Левин-Дорш и Г. Кунов, *Первобытная техника*, М.—Птпр., стр. 13.

³ A. Kuhn, *Die Herabkunft des Feuers und des Göttertrankes*, Berlin, 1859, стр. 104.

⁴ I. Wachter, *Das Feuer in d. Natur, im Kultus und Mythos, im Völkerleben*, 1904, стр. 8—12.

⁵ Д. Анучин, *Огонь*, Энцикл. словарь Брокгауз-Ефрон, т. 42, 1897.

религиозных культах, что этим древнейшим способом являлось добывание огня трением — вращением деревянной палочки в углублении, сделанном в другом куске дерева. Этнографы тщательно изучили этот способ добывания огня у разных народов (К. Штейнен и др.). Во времена Энгельса в специальной литературе не существовало какого-либо другого мнения и данный факт считался непреложно установленным.

Накопление этнографических и археологических сведений понемногу осложняло картину. Представления, господствующие теперь в литературе, кратко можно свести к следующей трехчленной схеме.

I. Различают три последовательные стадии: а) стадия, когда человек жил без огня; б) стадия, когда человек лишь использовал и умел хранить огонь, возникающий в природе; в) стадия искусственного добывания огня.

II. У современных народов различают разные примитивные способы искусственного добывания огня (кроме кресания сталью о камень, зажигания огня спичками и т. п.): 1) трением дерева о дерево в виде а) трения в желобе (огневой плуг), б) сверления или ротации (огневое сверло), с целой гаммой вариантов от простого вращения палочки руками до сложного лучкового сверла или дрели, в) пиления (огневая пила, например, одной половинкой бамбука поперек другой); 2) высеканием ударом из кремня, но не сталью или железом, а пиритом, т. е. куском железного или серного колчедана, руды (FeS_2); 3) сжатием воздуха в особом приборе (пневматическое или насосное огниво). Карта, составленная по принципу «культурных кругов»⁶, показывает, что наиболее распространенными являются простое вращение и трение в желобе.

III. Среди указанных способов искусственного добывания огня древнейшим считается трение дерева о дерево (простое вращение, трение в желобе), а не высекание ударами камня о камень, так как последнее не только мало распространено в настоящее время, но и археологам находки кусочков пирита, служившего для добывания огня, известны лишь в стоянках развитого верхнего палеолита и мезолита (Шале, Лез-Эйзи, Маглемозе).

Нетрудно заметить, что вся эта схема базируется на мнении, что получение огня высеканием путем ударов двух камней без участия пирита (например, двух кремней) невозможно. Эту невозможность аргументируют чаще всего негодностью искры, возникающей при ударе кремня о камень, для зажигания чего бы то ни было; существует молчаливое убеждение, что эта искра «холодная» и т. п. Вопрос этот нигде в научной литературе обстоятельно не разбирается; чаще всего он обходится молчанием⁷. В статье П. И. Борисовского «Освоение огня», в целом весьма компетентной, данный вопрос тоже некритически отброшен: «Представление о том, — пишет автор, — что, обрабатывая камень, палеолитические люди научились высекать из кремня искры и таким путем стали добывать огонь, не соответствует действительности. Высечь искры ударом кремня о камень и затем разжечь получившиеся таким путем искры в пламя почти невозможно»⁸. Здесь остается совершенно неясным: что конкретно считает автор почти невозможным (высечь искры или разжечь) и что означает слово «почти» — не сомнение ли автора в своей правоте?

Приведенная трехчленная схема на протяжении примерно последнего двадцатилетия понемногу расшатывалась под давлением новых фактов.

Прежде всего, для нее оказались критическими успехи археологического изучения древнего и среднего палеолита. Выяснилось, что всегда или

⁶ G. Montandon, *L'Ologénèse culturelle*, Paris, 1934, стр. 263.

⁷ См., например, статью «Feuer» в Max Ebert's «Reallexikon der Vorgeschichte», где сказано без всяких объяснений, что ударами кремня о камень или кварцита о кварцит «можно получить искры, но они не могут зажигать».

⁸ П. И. Борисовский, *Освоение огня*, «Краткие сообщения ИИМК», VI, 1940, стр. 49; ср. А. В. Арциховский, *Основы археологии*, 1954, стр. 34.

почти всегда, когда налицо не переотложенные памятники, а остатки стоянки палеолитического человека, в них налицо следы пользования огнем. Это бесспорно свидетельствует о наидревнейшей и к тому же о систематической, а не спорадической (при лесных пожарах, вулканических извержениях и пр.) связи древнепалеолитического человека с огнем. Некоторые авторы⁹ ищут выход из этого затруднения в оспаривании раннего возраста всех наиболее выразительных в этом отношении памятников — пещеры Чжоукоудянь, грота Обсерватории, стоянок Латейнберг, Шпихерн, Крёльпа, Таубах, Киик-коба (нижний горизонт) и других — и отнесении их в лучшем случае к ашелю или даже к мустье. Эта тенденция связана с вполне основательным отрицанием наличия техники сверления и шлифования дерева на ранних стадиях палеолита, без чего немыслимо и доживание огня трением. Другие авторы, напротив, ищут выход в допущении как раз очень раннего появления, если не сверления, то резания, пиления и скобления дерева, причем не только каменными орудиями, но и специально изготовленными орудиями из более крепкого дерева, что и давало самовозгоравшиеся при такой работе стружки и опилки¹⁰. Эти недоказанные догадки с логической необходимостью потребовали весьма спорного обобщения, что в древнем палеолите «каменные орудия являлись по преимуществу средствами производства орудий труда. Непосредственно же орудия охоты (палки, дубины, рогаины) и собирательства (копательные палки) изготовлялись из дерева»¹¹.

Сильно пошатнулась приведенная выше трехчленная схема и в глазах зарубежных этнологов. Монтандон, Фрэзер, Маунтфорд и Беридт, Веллар, Шмидт пришли к сомнению относительно того, следует ли считать древнейшим способом искусственного добывания огня трение (деревом о дерево), а не высекание (камнем о камень). Правда, дальше скепсиса они не пошли, но мотивы этого скепсиса заслуживают внимания.

Монтандон пишет, что хотя ныне трение распространено почти повсеместно, а высекание лишь в холодных странах (огнеземельцы, эскимосы), и поэтому с точки зрения концепции культурных кругов следовало бы расценивать трение как более ранний прием, «мы не хотели бы признавать вопрос решенным», ибо «в палеолите высекание также должно было быть повсеместным»¹². К соображениям Монтандона можно добавить, что археологи долгое время вообще не обращали внимания на кусочки серного колчедана, которые могли попадаться при раскопках стоянок верхнего палеолита. К тому же серный колчедан плохо сохраняется под землей, легко распадаясь в коричневый порошок, и остается фиксировать лишь следы удара им по кремню¹³. Отсюда ясно, что редкость таких находок отнюдь не свидетельствует о редкости самого приема в верхнем палеолите. На тезис Монтандона, однако, можно возразить, что высекание при помощи пирита не могло быть повсеместным, ибо на земле далеко не повсеместно поверхностное нахождение железного или серного колчедана.

Через восемнадцать лет В. Шмидт принужден был уже более определенно, чем Монтандон, отдать первое по древности место высеканию: оказалось, что почти всем народам, выделенным культурно-исторической школой в качестве носителей «наидревнейших культур», известно высекание огня камнем о камень¹⁴. Но из этих фактов данная школа не способна сделать никаких выводов, объявляя вопрос о происхождении огня у человека (как и о происхождении речи) «метафизической проблемой», ибо огонь и речь — «изначальные феномены человеческого бытия».

⁹ См., например, П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, изд. 2-е, 1938, и изд. 3-е, 1954.

¹⁰ П. И. Борисковский, *Указ. соч.*

¹¹ П. И. Борисковский, *Палеолит Украины*, 1953, стр. 54.

¹² G. Montandon, *Указ. соч.*, стр. 268.

¹³ А. Левин-Дорш и Г. Кунов, *Указ. соч.*, стр. 32.

¹⁴ P. W. Schmidt, *Die Urkulturen*, «Historia Mundi», Bd. I, Bern, 1952, стр. 425—427.

Фрэзер, собравший предания и легенды разных народов о происхождении огня, принужден был признать, что некоторые из них говорят о первичности высекания. Наиболее знаменательной ему показалась одна якутская легенда¹⁵, опубликованная Приклонским в «Живой старине»: «...Сначала люди, т. е. якуты, не знали огня, ели все сырое и много терпели от стужи, пока добрые духи не умудрили одного из них добыть огня из камня и совершенно неожиданно. Вот это как было: в летний жаркий день бродил старик по горам и, присев отдохнуть, от нечего делать стал бить камень о камень; от удара посыпались искры, зажгли сухую траву, а за нею и сухие ветви... С этого времени якуты научились добывать огонь»¹⁶. У Фрэзера можно найти другие легенды, говорящие о заключении огня каким-либо божеством или животным в камень и получении его затем людьми из камня, о высекании огня двумя камнями. Без всяких оснований некоторые буржуазные этнографы¹⁷ связывают с такими легендами только вопрос о высекании огня пиритом. Можно было бы привести другие легенды, не учтенные Фрэзером, которые прямо противоречат такому ограничению. Так, например, в Подольской губернии в XIX в. было записано предание о начале огня: мудрый царь Соломон «отыскал два кремня, ударил один о другой, и явился огонь»¹⁸. Да и все легенды, говорящие о «камне», как носителе огня, о высекании «двумя камнями», не дают основания предполагать, что речь идет о двух совершенно различных породах камня. У племен хайда и тлинкитов в Северо-западной Америке в новое время зарегистрировано добывание огня исключительно огневым сверлом, но в мифе о происхождении огня они рассказывают, что некогда ворон нес тлеющую головешку и от жгучей боли уронил ее на скалу, чем и объясняется, что из камня можно высечь огонь¹⁹. Не ясно ли, что одна скала не может подразумевать две породы камня?

Веллар произвел лингвистические исследования в Южной Америке и обнаружил, что, например, в языке племени Wñiha в Парагвае, хотя и добывающего огонь трением дерева о дерево, термин «добывание огня» происходит от слов «высекание ударом»²⁰. Это доказывает, что высекание здесь предшествовало трению. Известно, что высеканием добывали огонь и древние мексиканцы.

Наконец, расширился мало-помалу и круг народов, у которых этнографами было зарегистрировано высекание огня пиритом: сейчас на карту должны быть нанесены не только огнеземельцы и эскимосы, но также нивхи, алеуты, некоторые североиндийские племена, патагонцы, индейцы Британской Колумбии, жители о-ва Малайта (Соломоновы о-ва). К смущению школы «культурных кругов» все эти зарегистрированные точки не образуют на карте замкнутой территории, а разбросаны в разных уголках земного шара. Особенно важным явилось открытие высекания огня у австралийцев. Австралия и Океания считались классической ареной, иллюстрирующей древность и первичность добывания огня трением; еще недавно, казалось, Ф. Шпейзер подтвердил это своими исследованиями. Но в 1937—1941 гг. два сотрудника университета в Аделаиде, Маунтфорд и Берндт, установили у ряда племен Южной Австралии бытование, наряду со сверлением, остатков более древнего приема — высекания пиритом из кремня. Заключение авторов гласит: «Метод добывания огня «трением» применяется по всей Австралии; в тех областях,

¹⁵ J. G. Frazer, *Myths of the Origin of Fire*, London, 1930, стр. 104, 226.

¹⁶ В. Л. Приклонский, Якутские народные поверья и сказки, «Живая старина», вып. II, 1890, стр. 170.

¹⁷ C. P. Mountford and R. M. Berndt, *Making Fire by Percussion in Australia, «Oceania»*, vol. XI, No. 4, June 1941, стр. 344.

¹⁸ В. Харузина, К вопросу о почитании огня, «Этнографическое обозрение», 1906, стр. 176.

¹⁹ Д. Анучин, Открытие огня и способы его добывания, М., 1922, стр. 3.

²⁰ J. Vellard, *Les Indiens Guayaki*, «Journal de la Société des Américanistes», Paris, N. S., t. XXVI, fasc. 2, 1934, стр. 243.

где прежде был принят метод высекания, он был, повидимому, постепенно замещен методом «трения», так как являлся, согласно сведениям племени Adnjamatana, трудным и ненадежным на практике». Отсюда следует обобщающий вывод: «Возможно, что метод получения огня высеканием является самым древним из всех»²¹.

Значение этих открытий состоит в том, что они еще более расшатали традиционную схему и что они, с другой стороны, свидетельствуют о падении шор, которые эта схема накладывала на глаза исследователей: пока вера в первичность добывания огня трением была незыблемой, оставались незамеченными такие важные факты, как широкая распространенность высекания. Теперь их стали замечать, фиксировать, исследовать. Но в перечисленных случаях речь идет исключительно о высекании пиритом. Это — новые шоры, ограничивающие поле зрения.

Принципиально важное в этом отношении открытие опубликовал в 1934 г. французский этнограф Веллар: он описал на основании личных наблюдений способ добывания огня у племени гуяков — путем высекания искр ударами друг о друга двух кусков мелкозернистого кварцита; трением служит пух растения самугу (*Seiba rubiflora*)²². Другой французский этнограф Триль точно так же обнаружил у африканских пигмеев габун высекание огня двумя кремнями²³. Даже эти единичные факты опровергают предвзятое мнение о невозможности высекания огня без пирита.

Однако этот путь не получил развития в буржуазной науке: он ведет к «слишком простой» возможности получения огня древним человеком, не оставляющей места для представления о «божьей искре». Характерно, что следующий шаг сделан двумя советскими авторами, причем совершенно независимо друг от друга, хотя и одновременно. В 1946 г. в Сталинабаде и Москве были доложены новые факты и наблюдения, доказывающие возможность, распространенность и глубокую древность получения огня высеканием без помощи пирита.

Одним из этих авторов был известный этнограф, исследователь Средней Азии М. С. Андреев. Его заинтересовало полное отсутствие в Таджикистане и других областях Средней Азии добывания огня трением дерева о дерево и каких-либо намеков на этот прием в реликтовых обычаях и сказках. Как же добывали здесь огонь в древности, до появления железного кресала? М. С. Андреев путем обычного в этнографии метода опроса к 1946 г. нащупал ответ. Его статья, содержащая всю собранную информацию, опубликована посмертно в 1951 г.²⁴ Здесь перед нами около двух десятков записей сведений, собранных от надежных осведомителей-очевидцев, описавших, иногда кратко, иногда с мельчайшими техническими деталями, бытующий среди населения способ высекания огня двумя кремнями. Тут есть сведения и об употребляемых породах кремня, и о видах применяемого трута (вата, хлопок, сухая трава «шульха», солома), и о приемах держания кремней и трута при ударе.

М. С. Андреевым установлены географические точки, определившие огромный ареал распространения данного способа добывания огня: он зарегистрирован на территории Казахской, Таджикской, Узбекской (Фергана, Бухара, Джизак, долина Пянджа и т. д.), Киргизской, Туркменской, Азербайджанской ССР (возможно, всего Кавказа и Закавказья), а также на всем пространстве Афганистана, в северо-западной части Индии, примыкающей к Афганистану, в большей части Ирана (в Хорасане, Семане, Дамгане, Себзеваре, Мазандеране, Фирюзкухе, Демавенде, Амуле),

²¹ С. Р. Mountford and R. M. Berndt, Указ. соч., стр. 344.

²² J. Vellard, Указ. соч., стр. 242—243; ср. Н. Г. Шпринцин, Индейцы гуаяки, «Советская этнография», 1952, № 4, стр. 121.

²³ H. Trilles, *Les Pygmées de la Forêt Equatoriale*, Paris-Münster, 1932.

²⁴ М. С. Андреев, О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах, Труды Таджикского филиала АН СССР, т. XXIX, 1951.

наконец, в Восточном (китайском) Туркестане. Уже этих данных достаточно, чтобы опрокинуть все составленные этнографами карты распространения разных способов добывания огня. Территория высекания уже сильно превзошла территорию трения. М. С. Андреев полагал, что он обнаружил огромную область высекания, центр которой в глубокой древности находился где-то в Средней Азии, и что дальнейшая задача состоит в установлении «встречи», т. е. границы распространения двух способов добывания огня — ударами кремня о кремень и трением дерева о дерево. М. С. Андреев не предполагал, что дело идет не о распространении способа высекания из одного культурного очага, а в известном смысле о повсеместности этого способа.

Одновременно с М. С. Андреевым работал автор настоящей статьи, доживший свои первые результаты и теоретические соображения Ученому совету Института этнографии АН СССР в 1946 г.

После того как в соответствующих естественно-научных институтах АН СССР я получил консультации, подтверждавшие теоретическую возможность возгорания от кремневой искры (т. е. от ударов кремня о кремень), я проверил бытование этого способа получения огня таким же этнографическим методом опроса, каким пользовался М. С. Андреев. В течение ряда лет я опрашивал лиц, которые или сами когда-либо добывали огонь ударами двух кремней, или видели это своими глазами. Среди моих осведомителей, преимущественно русских, оказались и уроженцы тех областей (Вологодской, Смоленской, Калининской, Орловской, Воронежской, Поволжья), где этнографами давно зарегистрированы и описаны обряды добывания «живого огня» трением. Из бесед выяснилось, что высекание огня двумя кремнями не связано с какими-либо обрядами и верованиями. Оно является чисто практическим рациональным актом, наблюдалось обычно при тех или иных затруднительных жизненных обстоятельствах, когда трудно было получить огонь иным способом: в условиях недостатка спичек в деревнях в 1919—1920 и 1942—1944 гг., подчас в чрезвычайных фронтовых условиях, в условиях пастьбы скота, охоты или рыболовства в отдаленных районах, в условиях далеких путешествий. В виде игры дети высекают огонь на жженую тряпку или другой трут, долго стучая один о другой два куска кремня. Осведомители согласны в том, что этот способ добывания огня значительно неудобнее и ненадежнее, чем при помощи стального кресала; приходится «долго долбать», как выразился один из них.

Опыт показывает, что можно собрать буквально безграничное количество свидетельств о добывании кремневого огня. Этих сведений раньше не имели только потому, что их не искали. Особенно велик процент таких свидетелей среди стариков, помнящих то время, когда спички были в русской деревне еще редкостью. Навряд ли дальнейший сбор этих свидетельств может представлять научный интерес, — они ничего не скажут нам о степени древности данного способа получения огня или об ареале его распространения, ибо дело идет, вполне возможно, не о какой-либо единой древней культурной традиции, а о множестве Новоткрытий того же самого приема, технически весьма несложного. Достаточно того, что «почти невозможное» в глазах ученых высекание огня двумя кремнями широко известно в народе; если жизненные условия не принуждают прибегать к этому приему, им пользуются для игры дети.

Указанными исследованиями советских авторов глубоко подорвана традиционная схема, лишен основания тезис о наибольшей древности получения искусственного огня трением и подготовлена возможность дебатировать тезис: не является ли наидревнейшим способом получения огня высекание его двумя кремнями, шире — двумя камнями одинаковой породы, без помощи пирита?

В самом деле, стоит в свете этих исследований вернуться к старой этнографической литературе, как начинают всплывать факты, незаконно

игнорируемые: высекание огня двумя кремнями было зарегистрировано еще у тасманийцев²⁵; алгонкинское племя чейеннов знало добывание огня раскалыванием кремня и ударами друг о друга двух твердых кусков²⁶; калифорнийские индейцы помо получали огонь ударами двух кусков кварца²⁷. Но насколько глубока древность этого способа?

Мифы и предания не могут, конечно, помочь в решении этой проблемы, — они формировались бесконечно позже того времени, когда человекзнакомился с огнем. Больше сможет дать лингвистика. Есть некоторые основания констатировать в разных языках очень древнюю связь терминов, обозначающих «кремень», «бить», «ударять», с терминами, обозначающими «огонь», «гореть». Например, общее ряду европейских языков слово flint (кремень) одного корня с лат. fligo, fligere (ударять, сталкиваться), с ilagro (гореть, сверкать), которое опять-таки одного корня с flamma (пламя, огонь). Заслуживает изучения возраст общего для некоторых германских языков наименования кремня «Feuerstein» («огненный камень»), так же как и наименования кремня в некоторых русских областных диалектах «огневик» и архаического применения наименования «кресало» к кремню. Но все же и современные языки и даже древние почти так же мало могут сказать нам о палеолите, как находимые нами у Софокла и Фирдоуси упоминания о высекании огня двумя камнями. Все это годится лишь для негативной задачи — преодоления привычных схем.

Для того чтобы проверить сложившуюся у меня и доложенную в 1946 г. гипотезу, я обратился к эксперименту.

2. Экспериментальные данные²⁸

В течение августа 1954 г. я провел систематические эксперименты с высеканием кремневого огня во время работ Костенковской археологической экспедиции (начальник А. Н. Рогачев). Моими сотрудниками были молодые воронежские археологи Л. М. Тарасов и В. С. Щербаков, которые принишу здесь свою горячую благодарность.

Кремни разных видов для опытов были собраны мной вместе с геологом Э. А. Вангенгейм в окрестностях Костенок преимущественно в обнажениях морены, как выходящих на поверхность («Кузнецов гребень»), так и в оврагах («логах»). Возможно, что таким же путем собирали кремень и верхнепалеолитические обитатели костенковско-боршевского района, но нам не удалось найти образцов такого высококачественного сплошного, плотного кремня (голубого, серого и др.), из какого сделаны многие их орудия.

Отдельно должны быть оговорены несколько собранных нами небольших кремневых галек с гладко окатанной черной коркой (но при разломе показывающих полупрозрачный плотный желтоватый или сероватый кремень). Они интересны в том отношении, что население Костенок, по словам 62-летнего колхозника И. М. Романова, еще недавно специально искало и хранило их для высекания огня (стальным кресалом), считая их особо «огнистыми». Самая крупная из этих собранных нами галек, около 8 см длины, схожа с подобными, но более крупными и гладкими гальками, найденными во втором горизонте Костенок IV в особых ямках вместе с охрой²⁹; они имеют с края одного конца ясные следы ударов по твердому материалу, несомненно, по другому кремню, и, по предположе-

²⁵ H. Ling, The Aborigines of Tasmania, 1890.

²⁶ G. B. Grinnell, The Cheyenne indians, their History and Ways of Life, New Haven, 1923, vol. 1, стр. 54.

²⁷ A. L. Kroeber, Handbook of the Indians of California, Washington, 1925, стр. 249—250.

²⁸ Здесь даются лишь краткие итоги экспериментов. Подробное изложение будет опубликовано особо.

²⁹ А. Н. Рогачев, Палеолитическое поселение Костенки IV, КСИИМК, IV, 1940.

нию А. Н. Рогачева, высказанному в свете наших опытов, служили жителям Костенок IV своего рода кремневым кресалом для высекания огня.

Возгорание (тление) трута от искры, высеченной ударами кремня, было получено нами многие десятки раз.

Уже первые дни показали нам одну непредвиденную трудность. Сначала казалось необъяснимым, что в одни дни возгорание (тление) трута достигалось сравнительно легко, подчас даже с 4—5 ударов, а в другие дни безрезультатно затрачивались многие десятки ударов или даже вовсе не удавалось добиться ни одного возгорания. Вскоре выяснилось, что эти колебания зависели от влажности воздуха. Более ровные результаты получались в хорошо протопленном закрытом помещении. Но одновременно в ходе опытов сложилось впечатление, что при достаточной сухости воздуха среднестатистическая вероятность возгорания и удержания искры трутом повышается, если есть ветерок.

Наши опыты состояли из трех серий.

Во-первых, надо было выяснить, зависит ли возможность возгорания от породы и свойств применяемых кремней. Были испробованы, при неизменности всех прочих условий высекания, десять различных сочетаний кремней разной расцветки. Все сочетания оказались результативными (опыты Л. М. Тарасова 19 августа). Было проверено, не связан ли результат с применением обязательно двух разных по окраске и свойствам кремней: был расколот большой кусок кремня и высекание столь же успешно осуществлялось двумя его осколками.

Эти опыты дают право на обобщение, что любые два кремня, достаточно крепкие, чтобы дать при ударе искру (слабо окремненный мел искры не давал), тем самым годны для получения огня. Дело, следовательно, только в том, чтобы возникла искра и чтобы достаточной силой удара эта раскаленная частица была оторвана от камня. Известно, что возникновение и отлетание искр наблюдаются у всех крепких силикатных пород (SiO_2) — кварцита, кварца, кремнистого известняка, плотнок песчаника. Мы не пробовали добыть огонь на трут от кварцита и кварца, но сведения Веллара о гуаяках и Кребера об индейцах явно подтверждают эту возможность. Следует полагать, что высекание огня возможно камнями всех указанных пород.

Сказанное, однако, не надо понимать в том смысле, что породы и свойства кремня безразличны для высекания огня. Речь пока шла лишь о возможности. Но сколько понадобится времени и усилий, чтобы реализовать возможность, получить огонь, это в значительной мере зависит от свойств данных кремней. В основном эффективность кремней различается не по цвету, а по степени их однородности, стекловидности, плотности. Чем более налицо эти качества, тем «огнистее» кремень, т. е. тем выше статистическая вероятность быстрее получения от него огня. Иными словами, степень «огнистости» определяется теми же самыми свойствами, которые определяют и достоинства кремня для изготовления орудий. Именно по этим признакам палеолитический человек отбирал те кремневые желваки, валуны или обломки, которые были ему наиболее желательны, которые он приносил на стоянку.

Вторая серия наших опытов состояла в изменениях трута. Сначала огонь высекался на вату, пропитанную марганцевокислым калием и хорошо высушенную. Затем была применена вата, проваренная в воде с золой подсолнечника и также хорошо высушенная; результат был снова положительный (опыты В. С. Щербакова 23, 24, 25 августа). Наконец, вместо ваты был применен один из наиболее распространенных в народе видов трута, называемый местными жителями «пыжик» — цилиндрическое соцветие (початок) камыша рогоза или куги (Turpha). Распушенным ватообразным «пыжиком» население набивает подушки и перины. Этот распушенный «пыжик» был промочен нами в воде с золой подсолнечника, затем отжат и хорошо высушен. Для использования в качестве трута

он нуждается, как мы убедились, в дальнейшем сваливании и обминании. На этот трут многократно успешно высекался огонь, даже более эффективно, чем на вату, пропитанную марганцовкой; он хорошо схватывает искру, отлично сохраняет тление и легко дает раздуть огонь (опыты Л. М. Тарасова и В. С. Щербакова 26 и 28 августа).

Таким образом, начав с использования продуктов современной промышленности, мы дошли до трута чисто природного характера. Мы не имели возможности продолжить опыты с другими трутами и провели только некоторые подготовительные пробы разных материалов. Но и изложенные результаты дают, повидимому, право на такое обобщение: при высекании огня двумя кремнями трутом могут служить, очевидно, все те материалы, которые используются разными народами при высекании огня стальным кресалом или пиритом. Разница здесь может быть только количественная, в быстроте и надежности возгорания, но не принципиальная.

Третья серия наших опытов, проходившая параллельно с первыми двумя, состояла в выяснении эффективности разных положений кремней и трута при ударе, разных типов удара.

Исходным пунктом этой серии было подражание приему, применяемому при высекании огня стальным кресалом. Но наблюдения подсказывали, что целесообразнее помещать трут не сверху, а снизу, и опыты подтвердили это. Эффективными оказались также удары сверху вниз прямо по поверхности кремня, который в этом месте был с трех сторон окружен выступающим трутом, прижатым снизу всеми пальцами левой руки; обильные искры от ударов рассыпались в разные стороны на расстоянии до 10 см и, попадая на окружающий трут, несколько раз давали возгорание (опыты Л. М. Тарасова 15 и 19 августа).

Завершением этой серии явились опыты, при которых ударяемый кремь клался на землю. Высекающий человек сидит на земле или стоит на коленях. Трут («пыжик») положен впереди кремня.левой рукой ударяемый кремь придерживается сзади и слева, правой рукой наносятся удары продолговатым кремнем — отбойником или ударником, удерживаемым сверху и справа; удары средней силы наносятся по верхней грани, сверху вниз, слегка к себе, искры отлетают вниз и к себе на расстоянии 3—7 см и, падая на трут, дают особенно легкое возгорание трута, в нескольких случаях всего лишь после 4—5 ударов (опыты В. С. Щербакова 28 августа). Таким образом, эта серия, начавшись с подражания современному кресанию, в поисках наибольшей «огнистости» приема, завершилась получением огня в такой ситуации, которая в сущности совпадает с ситуацией изготовления палеолитического грубого кремневого орудия, скалывания и обивания края кремня.

3. Гипотеза о произвольном возникновении огня

Изложенные экспериментальные данные дают основание тесно связать древнейшее получение огня человеком с процессом изготовления им каменных орудий, с раскалыванием и обработкой кремня.

Рассмотрим единственное остающееся возражение, которое может быть сделано против этой гипотезы. Если искра, способная зажечь огонь, была под рукой у палеоантропа с того времени, как он стал изготавливать каменные орудия, если он уже тогда ежедневно видел вблизи себя множество, каскады искр, даже ощущал их прикосновение к своей коже, то мог ли быть у него уже тогда и трут, чтобы принять эту искру?

Д. Н. Анучин писал: «Вообще способ высекания огня должен был возникнуть позже способа получения его из дерева трением, потому что он подразумевает знакомство с трутом, без которого невозможно уловить искру»³⁰. Мысль о путях изобретения человеком трута находится и в

³⁰ Д. Анучин, Открытие огня и способы его добывания, стр. 21.

центре цитированной статьи П. И. Борисковского. Автор полагает, что в допустерское время для хранения и переноса природного огня человек понемногу научился готовить специальные тлеющие материалы, трут, и это техническое достижение подготовило искусственное добывание огня, начинающееся с мустье³¹. Зарубежные авторы обычно считают изобретение трута таким сложным техническим достижением, о появлении которого в нижнем и среднем палеолите не может быть и речи.

Но если подойти к этой трудности с точки зрения современных научных представлений об антропогенезе, она отпадает сама собой.

Самые близкие к человеку антропоиды, шимпанзе и гориллы, строят на каждую ночь гнезда на земле. Если, несмотря на древесный образ жизни, они строят их на земле, это значит, повидимому, что перед нами инстинкт, возникший в более отдаленные времена, чем произошла их древесная специализация. Значит, предку человека этот гнездостроительный инстинкт тоже должен был быть присущ, мало того, он мог выразиться на ранних стадиях антропогенеза в гораздо более активных формах и, может быть, возродить угасшие инстинкты более далеких предков: ведь человеческая самка не могла так таскать новорожденного ребенка, как таскает обезьяна своего детеныша, который с первых дней цепко держится за шерсть матери сначала на животе, затем на спине, — у ребенка человека хватательный «рефлекс Робинсона» слабо выражен и рано исчезает (может быть, ввиду его бесполезности и связи с древней редукцией у человека густого волосного покрова). Если и антропоиды создают на некоторое послеродовое время более долговременные гнезда (на дереве), то уже обезьяноподобный предок человека, таким образом, безусловно должен был сооружать гнездо весьма долговременное, относительно утепленное и умягченное, как делает и множество других млекопитающих. Поэтому ему были недостаточны те гнездостроительные приемы, какие налицо у антропоидов, но он не мог на первых порах выйти и за рамки той гнездостроительной техники, которая обща всем строящим гнезда зверям, которая диктуется природой и ограничена природными возможностями. Что видит зоолог в зверином гнезде? И крупные животные и мелкие — тупаи, белки, мыши и т. д. — используют, кроме основы (нора, дупло и пр.), для настилки: а) сухой мох, нередко размельченный, б) листья и траву — сухие во избежание прения, в) мелкие сухие веточки и прутики, г) растительный пух, д) животные шерсть и пух, как вырванные у себя, так и набранные в окружающей природе. Все это утрамбовывается; белки, например, специально утаптывают внутренность гнезда.

То же самое, несомненно, мы нашли бы и в гнезде обезьяноподобного предка человека. Оно настилялось или прямо на земле, или на какой-либо основе из ветвей наподобие гнезд антропоидов. Настилка состояла из большего или меньшего количества тех или иных перечисленных материалов. В зависимости от продолжительности обитания они были более или менее растоптаны, превращены в труху, сваляны.

А это значит, что под ногами нашего предка находился трут. Любой из перечисленных материалов, устилавших гнездо, способен служить трutom. Каждый из них может быть найден в списке материалов, употребляемых разными народами при высекании огня. Эскимосы, например, употребляют в качестве трута пух морских птиц, сердцевину ивовых прутьев, сухой измельченный мох³², австралийцы — сухую траву, измельченную сосновую кору, шерсть, перья эму³³, таджики — хлопок, сухую траву, сухую солому³⁴, монголы — сухую траву, кизяк, огнеземельцы — птичий пух, гуаяки — растительный пух и т. д.

³¹ П. И. Борисковский, Освоение огня, стр. 50.

³² Д. Анучин, Открытие огня и способы его добывания, стр. 21.

³³ С. Р. Mountford and R. M. Berndt, Указ. соч., стр. 342—343.

³⁴ М. С. Андреев, Указ. соч., стр. 80—81.

Выше мы констатировали, что нет причин думать, будто какой-либо вид трута, годный для получения огня при высекании пиритом или железом, не годен при высекании кремнем о камень. Раз есть раскаленная искра, она при падении на любой вид трута, если только он достаточно сухой, может вызвать его тление. Чем выше его сухость, тем выше статистическая вероятность возгорания. Сухая ковыльная степь в Казахстане может загореться, по наблюдению Э. А. Вангенгейм, даже от стряхнутого на траву папиросного пепла.

Древнейшие каменные орудия, предназначенные для разделки и освоения туш животных³⁵, выделялись, несомненно, на месте потребления мяса, т. е. на месте обитания. Человек разбивал и обивал кремни тут же, на этой настилке или у ее края. Искры, несомненно, нередко возникали на расстоянии в 1—10 см от нее, а при сильных ударах могли отлетать на 20 и более см. Из тысяч искр, прикоснувшихся к настилке, одна принималась этим естественным трутом, из сотен принятых одна не потухала через мгновение. Да если и начиналось тление, его никак нельзя представить себе в виде какого-то пожара: тление происходит в виде крошки, и, несомненно, в подавляющем большинстве случаев оно очень скоро прекращалось само собой, затронув микроскопический участок.

Иными словами, мы должны представить себе, что процесс изготовления каменных орудий сопровождался в жаркую сухую погоду этими побочными явлениями и что они были для палеоантропа в общем нейтральны и привычны, как и, скажем, легкий запах дыма, возникающий всегда при ударах кремня о камень. Никакой реакции «тушения» эти явления у палеоантропа не могли выработать. Он был к ним безразличен, самое большее, он мог чем-нибудь придавить тлеющую искру. Об отсутствии у нашего предка какого-либо инстинкта, врожденного рефлекса по отношению к огню свидетельствует и наблюдение, давно сделанное в педагогике и психологии: ребенок современного человека не имеет никакого врожденного отношения к огню, никакого инстинктивного защитного рефлекса от огня.

Большое количество микровозгораний, накапливая микроскопические дозы золы, могло постепенно увеличивать коэффициент восприимчивости трута-настилки, — как известно, у всякого трута коэффициент восприимчивости значительно возрастает, если трут обожжен или смешан с золой. Попадание на настилку костного мозга из разбиваемых тут же костей животных и ее просаливание могли повысить ее воспламеняемость. В каких-то в высшей степени редких случаях настилка могла в отсутствие обитателей протлеть с края до края или воспламениться под порывом ветра и сгореть. Но и при этой, очевидно, редчайшей ситуации, если только не вспыхивали вокруг трава, кусты, нет причин воображать какое-либо бедствие для палеоантропа: не было еще никакого имущества, которое могло бы пострадать от пожара. На золу от прогоревшей настилки натаскивалась новая настилка, и жизнь продолжалась попрежнему. Разве только новая настилка, смешиваясь с подстилающей золой, становилась восприимчивее к искре и имела больший шанс снова когда-нибудь прогореть. Разумеется, это наблюдалось только при исключительном условии регулярного длительного появления палеоантропов в одном удобном месте обитания.

Древнейшим известным нам местом обитания такого рода является пещера Чжоукоудянь. Нарисованная выше картина и служит попыткой истолкования углисто-золяного слоя или «кострища» синантропа, уже многократно описанного в литературе³⁶. Часто пишут, что огромная тол-

³⁵ С. П. Толстов, Проблемы родового общества, «Советская этнография», 1931, № 3—4, стр. 79.

³⁶ H. Breuil, Le feu et l'industrie litique et osseuse à Choukoutien, «Bulletin of the Geol. Soc. of China», XI, No. 2, 1931; H. Breuil, Le gisement de Sinanthropus de

щина этого слоя, достигающая в одном месте 7 м, и наличие в его основании черной прослойки, содержащей частицы древесного угля, якобы свидетельствуют о том, что огонь здесь, раз зажженный, затем поддерживался в тлеющем состоянии постоянно в течение многих веков. Отсюда делают вывод, что синантроп еще не умел добывать огонь, но уже умел поддерживать и хранить не только круглый год, но из поколения в поколение, сотни, тысячи лет огонь, позаимствованный однажды у природы (при лесном или степном пожаре или извержении лавы). Однако одно обстоятельство опровергает этот взгляд: зольный слой синантропа не сплошной, а состоит из множества наслоений, различающихся окраской, — коричневых, серых, желтоватых, розоватых, лиловатых. Их сравнивают с так называемыми ленточными отложениями кострищ пещеры Мас д'Азиль, исследованной Пьеттом. Эта ленточность зольных наслоений неоспоримо доказывает, что в тлении или горении были перерывы. Следовательно, огонь в Чжоукоудянь возникал многократно в течение тех веков и тысячелетий, когда там селились синантропы.

С точки зрения изложенной гипотезы картина получает удовлетворительное объяснение. Дело идет о непроизвольном прогорании время от времени подстилки, на которой обитал синантроп. Если внизу мы видим частицы древесного угля, а выше их нет, и наслоения носят более светлый, зольный характер, то это хорошо увязывается с нашим предположением, что первоначально гнездо предка человека могло иметь основание из больших ветвей наподобие гнезд антропоидов. Нижний черный слой с частицами древесного угля — это результат «пожаров», охватывавших все это основание, слежавшееся, богатое древесиной. В дальнейшем основание из больших ветвей перестали накладывать, так как сам угольный слой на дне расщелины служил уже хорошим основанием для гнезда. На него натаскивали настилки, оставившие после себя лишь зольные слои, без следов древесного угля. В одной из трещин в Чжоукоудянь найден пучок обуглившихся мелких веточек «иуди́на дерева» (Cersis)³⁷, — такого рода и иной легкий материал мог служить мягкой настилкой и иногда прогорать или протлеть от упавшей искры, оставляя зольную прослойку. Естественно, что в зольной толще встречаются следы жизни синантропа на этой настилке — камни со следами копоты, расколотые куски кварца, кости животных со следами действия огня. Различная окраска разных прослоек золы свидетельствует о том, что настилка гнезда синантропа в разные периоды делалась из разных материалов или что к моменту случайного прогорания она могла быть более свежей или более старой, менее и более утопанной, подвергшейся разным химико-органическим воздействиям от натаскиваемой пищи и т. п.

Так можно представить себе историю «кострища» синантропа. Здесь нет возможности анализировать все другие нижнепалеолитические памятники. Достаточно сказать, что во всех случаях, где налицо несомненное стойбище, место обитания предка современного человека, а не рассеянные его орудия или кости, там есть и следы огня.

Очень долго, неисчислимые тысячелетия, огонь оставался непроизвольным, непрощенным спутником предка современного человека, который едва ли мог сколько-нибудь ощутимо дифференцировать в этом спутнике вредные и полезные свойства (разве только тот перебрасывался на

Chou-Kou-Tien (Chine) et ses vestiges de feu et d'industrie, «Anthropos», XXVII, Heft 1—2, 1932; H. Breuil, Le feu et l'industrie de pierre et d'os dans le gisement du «Sinanthropus» à Choukoutien, «L'Antropologie», t. 42, 1932; D. Black, Evidences of the Use of Fire by Sinanthropus, «Bulletin of the Geol. Soc. of China», XI, No. 2, 1931; D. Black, Chardin de Teilhard, C. C. Young and W. C. Pei, Fossil Man in China, «Memoirs Geol. Survey of China», ser. A, No. 11; Б. Л. Богаевский, Техника первобытно-коммунистического общества, 1936, М.-Л., стр. 27; П. П. Ефименко, Первобытное общество, изд. 3-е, стр. 138, 139.

³⁷ R. W. Chaney and Daugherty Lymith, Occurrence of Cersis associated with Remains of Sinanthropus, «Bulletin of the Geol. Soc. of China», XII, No. 3, 1933.

окрестную природу), пока развитие «каменной индустрии» не сделало общение нашего предка с огнем более частым и интенсивным.

Тем самым окончательно отпадает необходимость обращаться к гипотезам и о стадии, когда предок современного человека вовсе не знал огня, и о стадии, когда он использовал лишь природный огонь. В самом деле, не приходится говорить о «безогненной» стадии, если огонь в качестве побочного продукта сопутствовал жизни предка современного человека с того момента, как он стал изготавливать каменные орудия. Определения человека как животного, создающего орудия, и как животного, создающего огонь, практически совпадают. Представление о «безогненной» стадии осталось от этнографии XVIII — первой половины XIX в., когда было широко распространено мнение о существовании на земле народов, не знающих огня («сыроядцев»). Оно основано на мифологии многих народов³⁸. Успехи этнографии опровергли это представление³⁹.

Ошибочным оказалось и не менее распространенное в старой литературе и также связанное с первобытными мифами об огне⁴⁰ мнение о существовании многих народов, которые хотя и умеют пользоваться огнем, но не умеют его искусственно добывать, — мнение, породившее догадку, что некогда человек пользовался только тем огнем, который возникал в природе без его участия. Причина, породившая эту догадку, давно отмерла: впечатления путешественников о неумении туземцев добывать огонь в подавляющем большинстве случаев при более близкой проверке оказались порожденными сложной системой запретов на зажигание и тушение огня, строгими обычаями, предписывающими не зажигать огонь, если можно его у кого-либо взять. В настоящее время на карте земного шара остался единственный народ, андаманцы, который, как говорят, не умел зажигать огня, владея зато не имеющей себе равной техникой хранения и особенно переноса огня. Может быть, андаманцы в силу этого последнего преимущества утратили, забывли приемы добывания огня, но никак нельзя видеть в них пример народа, который «еще не дошел» до добывания огня: по всем другим показателям материальная культура андаманцев стояла отнюдь не ниже уровня всех народов. Тем более культурный уровень андаманцев не ниже уровня неандертальцев, у которых П. И. Борисковский с полным основанием предполагает уже искусственное добывание огня, основываясь на находках в мустьерских стоянках частых скоплений древесного и костного угля, а иногда и специально вырытых угольных ям, что уже не увязывается с использованием только случайным природным огнем⁴¹.

Еще в 1928 г. в брошюре, выпущенной Музеем антропологии и этнографии к специальной выставке «Огонь в истории культуры», правильно формулировалась линия советской науки в этом вопросе: «В прежнее время источником знакомства человека с огнем считали удар молнии в дерево, лесные пожары, извержения вулканов, воспламенение сухих ветвей дерева от взаимного трения во время ветра. В настоящее время ни одна из этих теорий не может считаться правильной: открытие огня и различных способов его добывания произошло в процессе труда, при решении других технических задач: человек познакомился с огнем во время работы над усовершенствованием своих орудий производства»⁴². К прежним возражениям против этих теорий здесь достаточно добавить возражения против некоторых новых аргументов. Ссылаются на некоторые виды животных, приспособившихся к использованию тепла стывущей лавы; ссылаются на то, что в начале плейстоцена вулканическая

³⁸ J. G. Frazer, Указ. соч., стр. 202—203.

³⁹ E. B. Tylor, *Researches into the Early History of Mankind*, 1870.

⁴⁰ J. G. Frazer, Указ. соч., стр. 203—217.

⁴¹ П. И. Борисковский, *Освоение огня*, стр. 47—48.

⁴² Музей антропологии и этнографии АН СССР, Выставка «Огонь в истории культуры», 1928, стр. 1.

деятельность была развита гораздо сильнее, чем в настоящее время⁴³. Но как бы она ни была развита, наш предок оказался бы прикованным, как соответствующие виды животных, к районам вулканической деятельности, а мы видим его в шелльской, ашельскую, мустьерскую эпоху и там, где вулканической деятельности не могло быть. Следовательно, придется предположить, что он, переселяясь, разносил с собой огонь на тысячи километров. Возникает лишь новая загадка: как он это делал? Из опыта современных отсталых народов мы знаем, что техника переноса тлеющего огня на значительное расстояние даже сложнее, чем техника добывания огня, — требуются особый сосуд, запас совершенно сухого трута в какой-либо корзине или плетенке, тысячи предосторожностей. Ясно, что палеоантроп не мог этого делать. Но палеоантроп переселялся на огромные расстояния, возможно, следуя за стадами животных. Длительное обитание на одном месте, как в пещере Чжоукоудянь, было редчайшим исключением, да и там вероятнее предполагать не оседлость, а периодические посещения пещеры синантропами. Теория же о стадиях систематического хранения природного огня, в любом варианте, волей-неволей приписывает палеоантропу оседлость (так как мысль о систематической транспортировке огня в нижнем палеолите надо отбросить).

Другой недостаток этой теории — в ее психологизме. Она восходит к представлениям о «дикаре-философе»: сначала кто-то на жертвах лесного пожара оценил достоинства жареного мяса, затем осознал причинную связь этих явлений, затем осознал тождество разных видов огня, затем продумал способ перенести огонь от зажженного молнией дерева или от вулканической лавы к костру, заранее расположенному в таких условиях, чтобы огонь мог длительно поддерживаться, но и не распространяться на окрестную растительность, что в свою очередь предполагает правильное понимание свойств огня. Вообще категория рационального изобретения, подыскивающего средства для достижения заранее осознанной полезной цели, не должна применяться к истории древнекаменной техники. Там действовала многовековая эволюция, а не индивидуальное открытие. Согласно указанным теориям, палеоантроп имел представление о полезных свойствах огня до того, как практически с ним познакомился. В действительности, как мы видели, он практически познакомился с огнем раньше, чем составил представление о его полезных и вредных свойствах.

4. Этапы освоения огня

Медленно эволюционируя, древняя техника изготовления каменных орудий попутно заставляла палеоантропа все чаще встречаться с огнем. Переход от шелльских орудий к более тщательно обтесанным ашельским, далее, от двустороннего обтесывания к мустьерской технике сколов, включающей стесывание и подтеску нуклеуса, откалывание пластин, вторичную обработку отщепов многими ударами, — все это есть нарастание техники, основанной на принципе удара, восходящая линия ударной техники, кульминационная точка которой в мустье совпадает с первыми зачатками отжимной техники. Отжимная техника не дает искр при изготовлении орудий, ударная же чем больше развивалась, тем больше требовала ударов камнем по камню, тем больше давала искр, тем чаще, следовательно, сопровождалась произвольными возгораниями подстилки места обитания. Возрастала тем самым статистическая вероятность распространения этого огня на лес и степь вокруг. Эти количественные изменения привели к новому качеству — к началу «приручения» огня, т. е. обуздания его отрицательных проявлений, и медленного выявления в этом обузданном огне отдельных полезных свойств.

⁴³ П. И. Борисковский, Освоение огня, стр. 47.

Как мы убедились, об «открытии» огня не приходится вообще говорить, — он появился помимо воли и сознания человека. От человека потребовалось «открытие» обратного рода: как сделать, чтобы огонь не возникал. С ростом ударной техники этот гость стал слишком назойливым, он уже не мог быть безразличным, а становился вредным. Та же пещера Чжоукоудянь показывает слабую тенденцию локализовать воспламенимую часть места обитания: если в нижних слоях, по сообщению Пей Вень-чжуна, «кострище» совпадает с местом обитания и орудия синантропа равномерно находятся на всем его протяжении, то в верхних слоях, т. е. тысячи лет спустя, картина несколько иная: кострище занимает лишь часть пола, орудия размещаются не столько в кострище, сколько вокруг него.

Еще отчетливее замечается такая тенденция при сравнении двух горизонтов пещеры Киик-коба. Нижний горизонт Киик-коба лишен каких бы то ни было признаков локализации темного угольного слоя, который заполняет весь грот, нет находок кремней или костей вне его. С внешней, открытой стороны грота кремневые находки простираются и туда, где нет потемнения, но Г. А. Бонч-Осмоловский полагает, что оно здесь уничтожено корнями кустарников и деревьев. «Вся разнообразная продукция кремневой техники (нуклеусы, орудия, осколки), — пишет Г. А. Бонч-Осмоловский, — распределена в общем в совершенно одинаковой пропорции по самым различным уголкам грота», хотя все же к периферии ее несколько больше, чем к центру⁴⁴. Остается впечатление, что палеоантроп здесь как бы жил на кострище, вернее, кострище охватывает всю территорию его жилья, его места обитания, — в действительности это прогоревшая или неоднократно прогоравшая настилка пола. Верхний горизонт Киик-коба очень сходен в этом отношении с нижним, здесь тоже кострище охватывает почти всю площадь обитания, но все же на ее периферии в гроте уже имеется с некоторых сторон узкая полоса, где нет потемнения, но есть находки. За пределы грота, к природной растительности кострище уже не распространялось; еще важнее, что кострище сгущается к глубине грота. «Странно, — замечает Г. А. Бонч-Осмоловский, — что костры раскладывались не посередине грота, а в глубине его, в самом низком из доступных углов, где высота свода (над уровнем IV слоя) сейчас не превышает 165 см; в то время свод, несомненно, нависал еще ниже»⁴⁵. Странность разъяснится, если только признать, что дело идет не о «раскладывании костров», а о сдвигании настилки «гнезда» для детенышей в низкую заднюю часть грота; это допущение подкрепляется наличием тут же чего-то вроде спальных ямок.

Эти примеры свидетельствуют о медленной, едва заметной эволюции в сторону отстранения трута (настилки) от икры. Конечно, те же примеры показывают, что настилка все же прогорала, но такое отстранение снижало вероятность возгорания (на первых порах, наверное, лишь в той мере, в какой возрастала вероятность возгорания в связи с расширением ударной техники). Это было еще первыми, бессознательными шагами к борьбе с огнем.

В мустьерскую эпоху признаки локализации настилки, ее обособления от места изготовления орудий заметно прогрессируют. А раз было открыто средство избегать непроизвольного возгорания, значит, тем самым возникла возможность применять это средство или не применять, возникла возможность перехода от непроизвольного получения огня к произвольному.

В конце мустье впервые наметился и иной путь, ведущий к той же возможности, но не отстранением трута, а устранением искры: отжимная техника как альтернатива ударной. Но развилась отжимная техника

⁴⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский, Грот Киик-коба (Палеолит Крыма, вып. 1), 1940, стр. 79, 42.

⁴⁵ Там же, стр. 131—134.

только в верхнем палеолите, что и означало резкое сокращение шансов непроизвольного возгорания, если даже человек и продолжал настилать жилье прежними материалами. Еще дальше ушла каменная техника от возникновения искр с переходом к сверлению и шлифованию, которые однако, таили в себе новую неожиданную потенцию возникновения огня.

Чтобы завершить обзор путей, ведущих человека к преодолению непроизвольных возгораний, надо сказать о тушении огня водой. На первый взгляд это открытие кажется простым. Но не случайно цитируемая выше якутская легенда ставит его в один ряд с открытием добывания огня: добрые духи залили распространившийся огонь водой, и «с этого времени якуты научились и добывать огонь и тушить его»⁴⁶. В палеолит не было еще сосудов большой емкости, носить воду было нечем. Следовательно, залить можно было разве только малый огонь. Дождь лишь sporadически тушил огонь, пока не развилось длительное поддержание огня; устойчивого, связанного с постоянной жизненной практикой представления о взаимоотношениях огня и воды не могло быть. Оно возникло в связи с техникой сверления: при сверлении камня необходимо подливать воду, при применении же такой техники к дереву повседневный опыт тысячекратно фиксировал, что без подливания воды возникает огонь, подливание воды — его устраняет. Дальнейшая утилизация открытого таким образом антагонизма воды и огня развивалась в неолите по мере развития производства глиняной посуды.

В ходе этой борьбы с непроизвольным огнем наши предки мало-помалу обнаруживали в обузданном, локализованном огне и выгодные для себя свойства.

Из разных проявлений, в каких может выступать огонь (искра, тление, дым, жар от углей, пламя), раньше всего, конечно, были утилизированы те, с которыми человек раньше всего имел дело. Поэтому следует считать, что на древнейшей стадии он мог использовать не тепло и не свет от огня, обязательно подразумевающие горячие угли и устойчивое пламя, а всего лишь дым: человек имел дело лишь с постоянно возникавшим тлением, распространявшимся в виде тлеющей крошки, без раздувания не дававшим ни тепла, ни света, но дававшим специфический дымный запах. Чем более этот запах становился постоянным признаком человеческой стоянки, тем более он мог иметь сигнализационное значение; многие раннепалеолитические стоянки расположены на перекрестке ветров, откуда запах дыма мог очень далеко разноситься по речной долине и по оврагам. Систематически поддерживаемое тление в стоянке закрытого типа (в пещере) могло иметь также то серьезное значение, что дым выгонял наружу мошку, комаров, гнус, являвшихся настоящим бичом, так что без помощи дыма, может быть, обитание в отдельных случаях вообще становилось невозможным. Во всех этих случаях мог выработаться навык набрасывать в каком-нибудь углу или пункте новую настилку поверх тлеющей старой, чтобы продлить тление и дымление; могло практиковаться натаскивание в настилку сильно дымящего материала (как позже подбрасывание в огонь костей, дающий особо смрадный дым). Не случайно, может быть, древнейший вид трута, упоминаемый в преданиях (в мифе о Прометее), называется «вонючка» (асафетида, *Fetula Asa foetida*).

Возьмем в качестве археологического примера ту же стоянку Киикоба, с образцовой тщательностью опубликованную Г. А. Бонч-Осмоловским. Если бы существенной функцией огня в ту эпоху было согревание человека, мы вправе были бы ожидать качественного различия между кострищем нижнего горизонта, относящегося к середине межледникового периода, с тропической фауной, и верхним горизонтом, относящимся к концу межледниковья или началу максимального оледенения, с костями

⁴⁶ В. Л. Приклонский, Указ. соч., стр. 170.

песца и других появляющихся представителей полярной фауны. Обитатели нижнего и верхнего слоя жили в резко различном климате. Значение похолодания усугубляется тем, что грот Киик-коба расположен в холодном уголке Крыма, где температура сейчас значительно ниже, чем в окрестностях, снег стает позже, не произрастают некоторые культуры и т. д. Между тем, кроме слабых различий, отмеченных выше, мы не наблюдаем изменения характера, окраски, расположения кострищ; статистический подсчет сожженных пород дерева по остаткам угля дал в обоих случаях 80—90% можжевельника (*Juniperus*), хотя, если бы огонь раньше не служил для обогрева, а потом приобрел эту новую функцию, или если бы значение этой функции резко возросло, это сказалось бы на подборе древесных пород для топлива, так как разные породы дают очень разное количество тепла.

Следовательно, назначение огня у киик-кобинцев не изменилось и этим назначением не было согревание. Ввиду того, что палеоботаника⁴⁷ смогла объяснить лишь то, почему можжевельник, остаточная миоценовая порода, встречался в Крыму в плейстоцене, но никак не его преобладание, остается признать, что киик-кобинец почему-то предпочитал можжевельник другим окрестным породам и отбирал именно его⁴⁸. Предпочтительность можжевельника как материала для поделок исключается ввиду кустарникового характера тех его видов, которые известны в Крыму (*J. communis*, *J. sabina*). Остается одно объяснение: киик-кобинец и в раннюю и в позднюю эпоху отбирал можжевельник из-за специфического запаха и обильного дыма, который тот дает при горении, вследствие чего можжевельник и сейчас жгут, чтобы отогнать комаров и мошкору.

Можно предполагать, что в далекой древности роль разных запахов, оттенков дыма, отличавших разные поселения и жилища, была велика, хотя в дальнейшей цивилизации общественная роль обоняния все более сходит на нет (остатки: «вдыхание запаха», трение носами у ряда народов, как знак приветствия и узнавания своих).

Вместе с отопительной версией отпадает и кулинарная версия древнейшей полезной функции огня. Раз огонь на начальной стадии представлял собой по преимуществу тление, а не горение, и имел форму перемещающейся кромки, он не годился для жарения мяса, накалывания камней и т. д. С другой стороны, весьма точные и вдумчивые наблюдения, произведенные над костями животных в стоянках Ла Кина и Киик-коба, убедительно доказывают, что мясо отделялось от костей в сыром виде, и, следовательно, потреблялось сырым⁴⁹. Не повторяя здесь аргументов указанных авторов, добавлю, что на диафазах трубчатых костей вообще не сохранилось бы так много следов отскабливания и отдираания мяса кремневым орудием, как это зарегистрировано в Ла Кина, Киик-коба и многих других древних стоянках, если бы мясо было прожарено и, следовательно, легче отрывалось от кости зубами.

О приготовлении пищи при помощи огня можно с уверенностью говорить только для той стадии, когда появляются настоящие угольные ямы (ямы-очаги), т. е. в позднем мустье и ранней поре верхнего палеолита. Однако вначале надо поставить не приготовление пищи в целях изменения ее удобоваримости и вкусовых качеств, а копчение ее в дыму в целях ее хранения, предотвращения голодной смерти. И здесь, следова-

⁴⁷ Е. Вульф, Палеолит Крыма, «Природа», 1930, № 2, стр. 229.

⁴⁸ А. Ф. Гаммерман, Результаты изучения четвертичной фауны по остаткам древесного угля, Труды II международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, 1934, стр. 71.

⁴⁹ Н. Martin, Recherches sur l'évolution du Moustérien dans le gisement de la Quina (Charente), vol. I, Industrie osseuse, 1907—1910, стр. 305; Г. А. Бонч-Осмоловский, Указ., соч., стр. 124—125.

тельно, древнейшей ступенью было использование только дыма. Из cooking пищи развилось и жарение ее на вертеле и печение в яме⁵⁰.

Как следует представить себе переход от стадии тлеющего и дымящего огня к стадии использования угольного жара? Отнюдь не через стадию использования горящего огня, пламени. Использование пламени — высший, последний этап освоения огня, относящийся к верхнему палеолиту. Конечно, пламя и до того спорадически появлялось в жизни и практике, но лишь как быстро преходящее и хозяйственно не используемое явление, как для нас, скажем, при зажигании спички, наоборот, существенно только пламя и не существенно тление. Часто злоупотребляют представлением о «кострах», якобы всегда, чуть ли не многими годами, горевших в ашельских и мустьерских стоянках, так как думают, что костер можно поддерживать бесконечно. В действительности из-за истощения окрестного подручного сухого топлива его невозможно поддерживать и две недели. Дальше уже понадобится или транспорт для топлива, или перенесение костра в другую местность. Иное дело — поддержание тлеющего огня. Оно возможно очень длительное время, и предок современного человека мог приобрести этот опыт на стадии использования запаха дыма, пододвигая или подбрасывая к месту тления добавочный тлеющий и дымящий материал. Это в известной мере стабилизировало место огня. На этой почве эволюционно могло развиться и увеличение температуры тлеющего огня путем увеличения толщины его слоя (вверх или в специальное углубление вниз). От слабой теплоты потухшей золы до жара углей в яме — целая шкала переходов. Тот факт, что в зольной толще пещеры Чжоукоудянь обнаружены включения аморфного костного вещества⁵¹, несомненно свидетельствует о не очень высокой температуре зольной подушки, под которой оказались кости: кость обладает свойством размягчаться, «плавиться», если известное время находится в температуре высокой, но недостаточной для горения. Но эту температуру позже могли стараться специально повысить, увеличивая количество тлеющего материала, например, чтобы из всунутой в него трубчатой кости выплавить без остатка весь костный мозг (прием, согласно консультации покойного М. В. Воеводского, очень распространенный), чтобы заставить кость интенсивнее давать свой смрадный дым и т. д.

В конце этого долгого эволюционного ряда находится такое качественно новое явление, как специальная яма, в которой тлеющий огонь, во-первых, полностью локализован, обособлен от воспламеняемой подстилки места обитания, во-вторых, сохраняется наиболее долгое время, в-третьих, сконцентрирован, сгущен до степени жара. Допустимо предположение, что жар был первоначально достигнут при помощи не костра, а ямы, и что первая функция ямы — жар. На раскопках Сталинградской позднемустьерской стоянки (1954) ясно можно было наблюдать наряду с аморфными угольными пятнами еще не вполне оформившуюся, но несомненную угольную яму. В стоянках Чокурча, Ла Фарраси и других угольные ямы вполне выражены. Признаком настоящей очажной ямы, длительно хранившей жар высокой температуры, служит прокаливание почвы на ее дне и стенках (изменение окраски). Этот признак уже широко распространен с начала верхнего палеолита. Остается добавить, что в дальнейшей эволюции очажная яма дала начало печи.

На протяжении охарактеризованной эволюции «культуры тлеющего огня» человек, очевидно, еще не овладел вполне таким важнейшим проявлением огня, как пламя. Костры возникали лишь спорадически, преимущественно как кратковременное явление, служащее созданию более тол-

⁵⁰ На материалах Южной Америки Норденшельд констатировал наибольшую древность жарения мяса с помощью вертела, а также большую древность угольных ям. См. E. Nordenskiöld, Eine geografische und ethnografische Analyse der materiellen Kultur Zweier Indianerstämme im Gran Chaco, Göteborg, 1918.

⁵¹ H. Breuil. Le feu... etc., 1931, стр. 147—154.

стого слоя тлеющей золы и углей. «Культура пламени» была еще впереди. На стадии угольных ям можно уже с уверенностью говорить об извлечении человеком большой пользы из «приручения» огня: о согревании его у этих очагов, о приготовлении пищи в них. Что касается функции запугивания (при облавах) и отпугивания (на ночлегах) животных, то ее нельзя предполагать на этих ранних этапах, во-первых, потому, что представление о ней подразумевает как раз высокую культуру пламени, в том числе такую сложную технику, как просмоленные факелы и огромные ежедневные заготовки на ночь сухого горючего материала, его хранение в сухом месте и т. д.; во-вторых, потому, что дикие, не истребляемые человеком животные вовсе не имеют такого врожденного ужаса перед огнем, как нередко некритически предполагается, и столь же часто идут к огню, как и от огня. Данные зоопсихологии говорят о том, что тигр имеет врожденный инстинкт прыгать через огонь при некоторых условиях.

Только в верхнем палеолите, в ориньяке появляется косвенное, но надежное свидетельство того, что человек овладел и пламенем, пользуясь им независимо от интереса к золе и угольям. Это свидетельство — каменные «светильники». В действительности они навряд ли служили светильниками по преимуществу, скорее это приспособления для сохранения язычка пламени, от которого можно было легко зажигать огонь. Но как побочная, производная функция открылось и новое полезное свойство огня — освещение. Это сделало возможным обитание в закрытом искусственном жилище. Таким образом, только верхний палеолит дает нам картину овладения человеком всеми основными свойствами огня. Этот огонь уже можно назвать «одомашненным».

Вместе с тем в верхнем палеолите, в связи с развитием новой (отжимной) техники обработки кремня, отмиранием животногообразного «гнезда», наконец, значительным повышением влажности атмосферы, все более исчезал древний источник огня — непроизвольное возгорание при изготовлении кремневых орудий. Но огонь успел стать жизненно необходимым человеку. Из этой коллизии выход был только в развитии произвольного получения огня. Если ямы и «светильники» свидетельствуют о развитии техники хранения огня, то находки кусочков пирита и специальных кремневых «кресал» в форме гладких галек (Костенки IV) свидетельствуют о поисках и распространении все более эффективных и надежных приемов высекания огня, приемов, уже обособившихся от техники изготовления каменных орудий. Эти новые специализированные приемы, возможно, уже в верхнем палеолите вытесняли добывание огня простыми кремнями.

Открытие совершенно нового способа добывания огня сверлением и «паханием» деревом в дереве относится к довольно высокой ступени материальной культуры. Невозможно согласиться с П. И. Борисковским, относящим это открытие к мустьерскому времени⁵²: при грубой обработке дерева никакого его воспламенения не получается, предполагать же в мустье тонкую столярную работу, тщательное выпиливание, выскабливание, приводящие к скоплению мельчайших горячих опилок, совершенно немыслимо: вся эта техника родилась для более крепкого, чем дерево, материала, не поддававшегося иной обработке, — для рога, кости, и, уже будучи освоенной, могла быть перенесена на дерево. К ориньяку (стоянка Абри Бланшар) относятся первые свидетельства о технике сверления, примененной к рогам северного оленя (так называемые выпрямители для древка дротика), и шлифования (полирования) бивня мамонта при помощи протирания мелким речным песком. Но только в мадленское время сверление кости получает распространение (стоянки Мадлен, Афонтова гора и др.) и только в неолите, да и то далеко не сразу, сверление и шлифование камня становится широко распространенным

⁵² Пользуюсь случаем поблагодарить П. И. Борисковского за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с неопубликованной частью его статьи.

техническим приемом. Следовательно, только в конце палеолита или да в неолите мы вправе предполагать «второе рождение огня» — открыт возможности добывать огонь трением дерева о дерево, а вместе с тем как сказано выше, и открытие возможности тушения огня водой. Так образом, в неолите завершилось освоение огня, что подготовило предпосылки для перехода к веку металла.

Все сказанное можно свести к трем главным этапам освоения огня.

I. Древний палеолит. Непроизвольный, «дикий» огонь. Огонь преимущественно в форме искры, тления (тлеющей перемещающейся крошки дыма. От протлевания и прогорания настилки на всем пространстве обитания до начала ее локализации. От полной бесполезности огня для палеоантропа до начала использования дыма от тления (запаха).

II. Средний палеолит. «Прирученный» огонь. Огонь преимущественно в форме тления, теплой и горячей золы, угольного жара. От начала локализации возгораемого материала до угольной ямы. От использования дыма (запаха) до начала использования жара для обогрева и приготовления пищи.

III. Верхний палеолит и далее. «Одомашненный» огонь. Огонь преимущественно в форме жара, пламени, горения. От ямы до ямы-печи, светильника. Использование человеком всех полезных свойств огня. Появление новых способов получения огня: высеканием пиритом и специальным кремневым кресалом, трением дерева о дерево. Освоение приема тушения огня водой.

В этой схеме, разумеется, многое несовершенно и будет исправлено дальнейшими исследованиями. Но она показывает возможность обойтись без еще очень распространенных сцен чьих-то «наблюдений» и «догадок» при первоначальном освоении огня, когда дело идет о процессе, занявшем не менее полумиллиона лет, т. е. о процессе, по темпу своему более похожему еще на биологический, чем на исторический. Поэтому важно представить себе в отдельности следовавшие друг за другом малейшие (с нашей современной точки зрения) сдвиги вперед, памятуя, что каждый из них занял многие тысячи лет. Даже самонаименьший сдвиг, — не то, что «открытие огня», — выражал эволюцию множества поколений, а не опыт отдельных особей. На значительной части этого пути еще и не было развитого аппарата второй сигнальной системы, благодаря которому опыт отдельной особи может делаться общим достоянием.

5. Заключение

Почему же все-таки такой простой и доступный способ добывания огня, как высекание двумя кремнями, не наблюдается у ряда народов, — не только у андаманцев, у которых вообще не было никакого способа добывания огня⁵³, но и у тех народов, которые пользуются только трением? Было бы несерьезно ожидать, что этот способ обязательно будет обнаружен со временем у всех народов. Неверно полагать, будто его нет лишь там, где нет природных выходов кремня и других крепких силикатных пород, — это легко опровергается данными геологии. Значит, этот самый простой и самый древний способ получения огня был почему-то утрачен. Он был в большинстве случаев утрачен и там, где теперь обнаружен являясь поздним новооткрытием, а не палеолитической традицией.

Техническими причинами объяснить эту утрату нельзя. Если бесспорно, что высекание пиритом проще и надежнее, чем высекание двумя кремнями (но ведь выходы пирита далеко не повсеместны!), то уж никак нельзя поверить, будто получение огня трением легче, чем высеканием⁵⁴

⁵³ Но в мифе северные андаманцы сохранили память именно о высекании, хотя художественно преобразованном: их верховное существо некогда извлекло огонь ударами друг о друга красного камня и перламутровой раковины.

⁵⁴ С. Р. Mountford and R. M. Berndt, Указ. соч., стр. 344.

Европейским ученым при всех стараниях не удастся воспроизвести в лабораторных условиях добывание огня трением, тогда как высекание и пиритом и кремнем о кремень доступно всякому. Еще Тэйлор с полным основанием утверждал, что высекание огня куском железного колчедана и кремня — способ, стоящий намного выше, много более легкий, чем употребление деревянного сверла⁵⁵. Таким образом, нет причин считать, что просто более трудный способ был вытеснен более легким.

Скорее нас приведет к ответу следующее сопоставление: согласно наблюдениям Веллара, гуаяки, добывающие огонь ударами кварцита о кварцит, отличаются от других индейцев-собирателей полным неумением сохранять огонь во время переходов⁵⁶; андаманцы, единственный народ, повидимому, не знавший в недавнее время никакого способа добывания огня, превосходили все народы в технике переноса огня. Степень развития переноса огня зависит в известной мере от наличия или отсутствия некоторых видов растений (а также от социальных условий). Не следует ли отсюда, что народы, имевшие наибольшую возможность обходиться без добывания огня, т. е. одним заимствованием огня друг у друга, утратили не только древнейшие способы, но даже и добывание огня трением, а народы, имевшие наименьшую возможность обходиться заимствованием огня, сохранили даже наидревнейший способ его добывания (двумя одинаковыми камнями)?

В самом деле, путешественники и этнографы очень много раз отмечали, что отсталые народы «неохотно» прибегают к добыванию огня, «предпочитая» заимствовать его. Но все же это наблюдение как-то недооценено.

Чем можно объяснить «нежелание» добывать огонь? Дело тут отнюдь не в технической трудности этой операции (мы убедились, что она доступна даже совершенно неопытным рукам), не в субъективном нежелании, а в общественных запретах и ограничениях. Здесь было бы невозможно охватить огромную проблему общественного значения огня при первобытном строе и разных форм его «почитания» у народов мира. Это — гигантская и сложная тема⁵⁷. Отметим в ней лишь два-три узловых момента.

Судьбы огня связаны с древнейшими формами и древнейшими судьбами собственности. Не даром большинство мифов и легенд о происхождении огня рассказывает о его «похищении». Понятие похищения связано с отношениями собственности. Огонь рода был как бы олицетворением, субстанцией всей собственности родовой общины (в знак чего частица всех основных благ сжигалась на огне). Соответственно тушение огня выступало как нанесение ущерба родовой собственности. Огонь хранили от тушения или похищения и хвалились похищением его у другой общины. «Свой» огонь (может быть, раньше запах дыма) обособлял одну общину от другой, и можно предполагать, что запрет выдавать огонь на сторону имеет особенно древний характер.

Вместе с тем огонь внутренне сплачивал общину, выражал ее единство, общность крова и крови. Красная краска — символ и крови и огня одновременно, они как бы эквивалентны: кровь в родовых обычаях искупается кровью или очищается огнем. Огонь — олицетворение предков рода и тем самым кровного родства⁵⁸. При отпочковании родов и семей происходил перенос родового огня, как наглядное выражение сохраня-

⁵⁵ Э. Тэйлор, *Первобытная культура*, 1939, стр. 145.

⁵⁶ J. Vellard, *Указ. соч.*, стр. 243.

⁵⁷ См., например, указанные работы I. Wachter, Э. Тэйлора, В. Харузиной, а также С. В. Максимова, *Нечистая, неведомая и крестная сила*, СПб, 1903, стр. 197—224 и др.

⁵⁸ См. I. Wachter, *Указ. соч.*, стр. 69—71; Л. Я. Штернберг, *Гиляки, «Этнографическое обозрение», 1904, № 4, стр. 72—74; Н. Харузин, Этнография, вып. IV, 1905, стр. 321; В. Харузина, Указ. соч., стр. 86—92.*

ющейся связи с предками. Ясно, что в этих условиях вырабатывались жесточайшие запреты тушения огня, многочисленные пережитки которых широко известны этнографам.

С ростом межобщинных связей вырабатывался обратный обычай: обязательное предоставление друг другу огня как знак мира и символ общности в пределах племени, союза племен, наконец, государства (Греция, Рим). При таких условиях зажечь огонь, а не попросить его у соседей, значило бы продемонстрировать отрицание общности огня, отрицание родства или союза, т. е. было бы актом враждебности к соседям. На этой почве должны были выработаться строгие запреты зажигать огонь, пережитки которых тоже известны этнографам.

Запреты тушить и зажигать огонь дали ту систему длительного хранения «неугасимого» огня, несомненно восходящую к эпохе матриархата (хранительница огня — всегда женщина), которая не только создала у путешественников иллюзию неумения «дикарей» добывать огонь, но и действительно приводила к забвению способов добывания огня, так как они сплошь и рядом не применялись на практике несколькими поколениями.

Так, повидимому, решается вопрос о причинах утраты древнейшего и самого несложного способа добывания огня. Проблемой является скорее обратный вопрос: почему в отдельных исключительных случаях это традиционное воздержание от добывания огня все же нарушалось, огни ритуально тушились и добывался новый, «живой» или «дикий» огонь, почти всегда сложным, поздним по происхождению способом трения дерева о дерево (и всегда мужчиной)⁵⁹. Есть основания связать эту проблему также с некоторыми чертами родового строя. Но рассмотрение их далеко выходит за рамки данной статьи.

⁵⁹ О сексуальном значении, вкладываемом многими народами в этот прием добывания огня, см.: J. G. Frazer, Указ. соч., стр. 23—45, 85, 131—133, 220; о соответствующей символике в брахманизме см.: A. Kuhn, Указ. соч., стр. 70—74.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. Н. РОГАЧЕВ

ПОГРЕБЕНИЕ ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА НА СТОЯНКЕ КОСТЕНКИ XIV (МАРКИНА ГОРА)

Костенковско-Боршевский район палеолитических местонахождений, расположенный на восточной окраине Средне-Русской возвышенности, на правом берегу Дона, в 40 км к югу от Воронежа, приобретает все большее и большее значение в изучении истории материальной культуры древнейшего населения нашей страны. На материалах, собранных в Костенках, был произведен первый опыт определения относительной древности верхнепалеолитических стоянок Русской равнины; последующая разработка этого вопроса осуществлялась в значительной мере на основании изучения многочисленных стоянок этого района¹. Известна также выдающаяся роль материалов, собранных в Костенках, в постановке и разрешении вопросов о палеолитических жилищах и о значении образа женщины в искусстве верхнего палеолита. Советские археологи, и прежде всего П. П. Ефименко, являющийся пионером в постановке этих вопросов, исходили в разрешении их в значительной мере из фактов, установленных в Костенках².

Археологические раскопки последних лет значительно дополнили собранные ранее материалы и позволяют глубже осветить эти важные проблемы. Изучение большого числа многослойных палеолитических стоянок не только уточняет представление об относительной древности их ранее известных верхних культурных слоев, но и позволяет сделать вывод о своеобразном пути развития верхнепалеолитической культуры на территории Русской равнины. Значительно расширившиеся работы по изучению поселений верхнепалеолитического времени в Костенках, обилие памятников этого времени, их многослойность и ряд других важных обстоятельств позволили установить наряду с хронологическими этнографические особенности верхнепалеолитической культуры и тем самым прощупать пути для постановки вопросов о конкретно-историческом освещении истории материальной культуры в этот период для центрального района Русской равнины³. Для такой более широкой постановки этих

¹ П. П. Ефименко, Некоторые итоги изучения палеолита СССР, Журн. «Человек», 1928, № 1, стр. 48—57; его же, Первобытное общество, 3-е изд., Киев, 1953, стр. 314—319.

² П. П. Ефименко, Значение женщины в ориньякскую эпоху, Изв. Гос. академии истории материальной культуры, т. XI, вып. 3—4, 1931; его же, Первобытное общество, стр. 384 и др.

³ А. Н. Рогачев, Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточной Европы, МИА, вып. 39, 1953; его же, Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм, там же.

вопросов мы до сих пор не имели важных исторических источников, какими являются антропологический материал и обряды погребения. Однако теперь можно сказать, что начал заполняться этот существенный пробел в наших знаниях верхнепалеолитической культуры Русской равнины. В 1952—1954 гг. в окрестностях Костенок были найдены четыре погребения верхнепалеолитического времени. Благодаря этому еще больше возросло значение Костенковско-Боршевского района палеолитических местонахождений — этой жемчужины русского палеолита — в изучении истории материальной культуры нашей страны и вообще в изучении палеолита.

Костенковские погребения остаются еще малоизвестными, поэтому необходимо дать о них хотя бы краткую фактическую справку.

Первое погребение в Костенках было изучено в 1952 г. на Городцовской стоянке (Костенки XV)⁴, находящейся рядом с Тельманской стоянкой на другом склоне этого же овражного мыса, в устьевой части Алесандровского лога, в 3 км южнее Покровского лога. На Городцовской стоянке ребенок 4—5 лет был погребен внутри жилища, в широкой овальной могиле, вырытой в полу. Размер могилы 1,24 на 0,80 м, глубина от пола или об основании культурного слоя 0,43 м. В длину могила вытянута с севера на юг. Принадлежность могилы к плохо сохранившимся остаткам небольшого, повидимому, круглого наземного жилища подтверждается многими обстоятельствами, и в частности полным тождеством кремневого и костяного сопровождающего покойника погребального инвентаря с инвентарем, найденным при изучении покрывающего погребение культурного слоя.

Исключительный интерес представляет точно установленный и, насколько нам известно, единственный для столь древнего времени обряд погребения покойника в сидячем сильно скорченном положении. При этом, надо полагать, могила не была непосредственно засыпана землей, а имела земляное перекрытие и представляла собой своего рода примитивный склеп. К такому выводу мы пришли на основании анализа устройства и заполнения могилы, своеобразного положения костей скелета расположения сопровождающего погребального инвентаря.

Не имея возможности в краткой статье изложить многие детали, подтверждающие этот вывод, остановимся на главном. На дне могилы был обнаружен крупный фрагмент лопатки мамонта, лежавший у ее западного края и перекрывавший непосредственно бедра и голени покойника кучу кремней, лежавшую на дне могилы к северу от правого бедра. У противоположного восточного края могилы на дне была обнаружена куча яркожелтой, повидимому, ергенинской глины, возвышавшаяся на 4—6 см выше плоского, слегка наклонного к северу дна могилы. При вскрытии скопления желтой глины было установлено сложное устройство этого, на наш взгляд, сиденья для покойника. Под желтой глиной на уровне дна могилы здесь залегала более мощная прослойка красной краски, чем на всей остальной площади дна могилы. Ниже, в пределах более узкой круглой ямки, вырытой на дне могилы на глубину 10—11 см, залегала сначала линза желто-зеленоватого сеноманского песка, мощностью 2—3 см, а на дне ямки та же, что и сверху, яркожелтая глина. На кучке желтой глины лежал крупный костяной нож, вырезанный из стенки трубчатой кости мамонта, с плоским расширяющимся и утончающимся лезвием, с круглой рукояткой и выраженными на ней плечиками, отделяющими лезвие. Средняя часть лезвия истле-

⁴ В расчистке погребения приняли участие старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР В. П. Якимов и В. П. Сорокин. Геологические условия залегания погребения изучались Г. И. Лазуковым и А. А. Величко. Большую помощь экспедиции оказал Воронежский областной музей краеведения и в особенности его сотрудники Д. Д. Леонов и В. А. Афонюшкин.

и превратилась в коричневую труху, четко выделявшуюся на яркожелтой глине.

Столь необычное частичное разрушение этой находки объясняется ее положением в могиле, за спиной покойника в области седалища, т. е. в области наибольшего количества гниющих тканей человека. Тазовая кость и нижний отдел позвоночника человека сгнили полностью, на месте их залегания можно было наблюдать лишь костную труху. Приходится предполагать, что полусгнивший труп ребенка распался в результате провала в могилу наиболее тяжелой части ее перекрытия: фрагмента лопатки мамонта. В результате этого нижняя челюсть упала на дно могилы и оказалась под правым бедром, в положении зубами вниз, череп откатился в северный конец могилы, а остальные кости скелета, не утратившие еще связок, упали в южный конец могилы, при этом все шейные позвонки, в том числе и атлант, лежали в анатомической связи с остальной частью позвоночника. На голове покойника находился головной убор, на котором было прикреплено свыше 150 просверленных зубов песка (клыков, резцов и коренных). Об этом свидетельствует нахождение большой группы их, залегавших в определенном порядке в области темени. Часть этих украшений отвалилась еще при первоначальном положении черепа на коленях, другие же группы просверленных зубов отделились от черепа в процессе его падения и залегали только в северной половине могилы. Справа от сидящего в скорченном положении покойника на дно могилы, повидимому, в мешке, было положено около 70 кремневых отщепов и пластинок, в том числе десятков концевых скребков и проколка. Слева же лежали костяная игла с отломанным ушком и костяное ложило.

Стоянка и погребение датируются ранней, но не самой древней порой верхнего палеолита. Относительная древность Городцовской стоянки определяется временем второго слоя Тельманской стоянки. Со вторым слоем Тельманской стоянки Городцовскую стоянку сближает геологическое положение культурных остатков. Оба эти памятника расположены на одном и том же овражном мысу, в 150—200 м друг от друга. Городцовская и второй слой Тельманской стоянки залегают непосредственно под верхней прослойкой верхней гумусовой толщи, окрашенной в кирпично-красный цвет и имеющей распространение по всей площади этого мыса. На Городцовской и на Тельманской стоянках ниже залегает вторая (нижняя) толща погребенного гумуса; на Тельманской стоянке в этой толще залегает четвертый или нижний верхнепалеолитический культурный слой, не имеющий каких-либо признаков гримальдийского инвентаря. К тому же второй слой, называемый П. П. Ефименко гримальдийским, был отделен от четвертого третьим культурным слоем, залегавшим в основании верхней гумусовой толщи и содержавшим совершенно особый кварцитовый инвентарь и стержневидные наконечники метательных орудий, вырезанные из бивня мамонта. Отнесение Городцовской стоянки к мадленскому времени на основании наличия долотовидных орудий (*outils écaillées*) и костяных игл с просверленным ушком показывает в данном случае весьма убедительно, к каким ошибочным выводам приводит предубежденный взгляд, что форма кремневых орудий и состав инвентаря верхнепалеолитических стоянок сами по себе могут служить основанием для датировки.

Второе погребение в Костенках было изучено в 1953 г.⁵ Оно находилось на высоком левобережном приустьевом мысу Покровского лога на третьей, 35—40-метровой эрозионной террасе Дона, сложенной коренным песком мелового периода. Здесь на месте погребения и рядом с ним

⁵ В расчистке погребения участвовали М. М. Герасимов, С. С. Шутов и члены комиссии, созданной ИИМК АН СССР для рассмотрения спорных вопросов стратиграфии палеолитических стоянок: С. Н. Замятнин, М. Н. Грищенко, В. И. Громов, А. И. Москвитин, В. М. Фридлянд. Кости мамонта были определены на месте И. Г. Пидопличко.

совершенно не было каких-либо признаков палеолитической стоянки. Только в 100 м к югу, на склоне к Покровскому логу, и на таком расстоянии к северу, на склоне к пойме Дона, на поверхности сравнительно часто встречались отдельные верхнепалеолитические кремни.

Скелет ребенка 6—7 лет был обнаружен в могильной яме, вырытой в коренном сеноманском песке на глубине 1 м от поверхности. Могилу дважды, и притом с двух сторон, была разрушена впускными ямами, которые сильно повредили заполнение могилы, отчасти повредили и скелет. Кости конечностей по средней части бедра и плечевых были отрублены свыше 50 лет назад при рытье погребка. Скелет лежал на дне могилы на левом боку головой к юго-западу, лицом к северо-западу.

Судя по сохранившимся частям бедер, он имел слегка скорченное положение. Никаких вещей и следов краски в могиле не было. Однако верхнепалеолитический возраст погребения устанавливается вне всякого сомнения из-за перекрытия скелета трубчатыми костями и фрагментами лопаток мамонта, залегавшими в три яруса. Общая мощность сильно истлевших костей мамонта, покрывавших скелет, достигала 35 см. Кости мамонта залегали в следующем порядке: над черепом и над грудью лежали два фрагмента лопаток, над ними ряд трубчатых костей, лежащих вдоль скелета, а выше плотный ряд трубчатых костей и фрагментов бивня, залегавших поперек могилы (скелета).

Более точная датировка погребения в пределах эпохи верхнего палеолита затруднена рядом обстоятельств.

В том же 1953 г. на стоянке Костенки II, расположенной в Аносовом логу, открывающемся в долину Дона между Александровским и Покровским логами, был найден скелет старика, залегавший под развалинами удлиненного входа в небольшое круглое жилище⁶. Стенки жилища и вход в него были построены с использованием большого количества трубчатых и плоских костей мамонта. Исследовавший этот памятник П. И. Борисковский полагает, что в данном случае имеет место преднамеренное захоронение, при этом остатки входа в жилище он склонен понимать как специальное ритуальное сооружение — погребальную камеру.

В 1954 г. на палеолитической стоянке Маркина гора (Костенки XIV), открытой П. П. Ефименко в 1928 г., было найдено новое, четвертое, погребение верхнепалеолитического времени в Костенках.

Маркиной горой у местных жителей называется пологий овражный мыс, постепенно поднимающийся к водоразделу. Он образован основным руслом Покровского лога и его древним ответвлением Ермишиным логом. Стоянка находится в 1 км от края поймы Дона на еле заметной площадке этого мыса, поднимающейся на 15—20 м над дном лога и на 30—35 м над летним уровнем Дона. Судя по шурфу П. П. Ефименко, вырытому в восточной части стоянки, и нашим раскопам, поставленным в западной части этой площадки, стоянка занимает площадь около 2 га, при этом в разных местах ее имеются различные культурные напластования, заключенные в 6-метровой толще позднечетвертичных суглинков.

С точки зрения геологического строения Маркина гора представляет собой типичный для района многослойный памятник, где наиболее полно представлено строение второй надпойменной террасы Дона и балок (рис. 1). Под метровой толщей чернозема здесь залегают 2—3-метровая толща лессовидного суглинка, включающая верхний культурный слой. Лессовидный суглинок подстилается мощной верхней толщей погребенного слоистого гумуса в западной части стоянки, разделенного прослойкой мелового галечника. В верхней части верхней гумусовой толщи залегает второй культурный слой, а в основании ее — третий культурный слой. Ниже залегает прослойка суглинка, коричневатого в западной и мергелистого в восточной части стоянки. Местами в ней содержатся про-

⁶ Описание этого погребения см. ниже в статье П. И. Борисковского.

слойки и линзы вулканического пепла. Еще ниже залегает мощная слоистая нижняя гумусовая толща, в восточной части стоянки разделенная прослойкой мергелистого суглинка и содержащая, помимо того, на всей площади, в большом количестве осколки костей лошади и относительно небольшое число расщепленных кремневых пластин, отщепов и некоторое количество кремневых орудий, относящихся, несомненно, к верхне-палеолитическому времени.

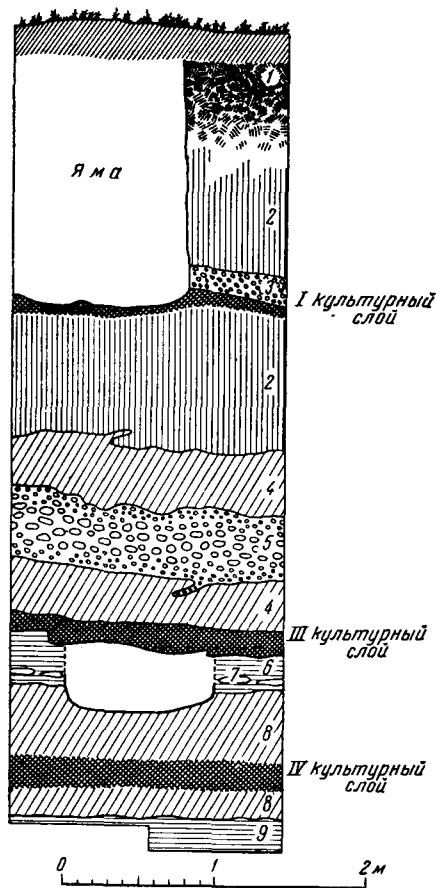

Рис. 1. Маркина гора (Костенки XIV). Схема геологических отложений второй надпойменной террасы балки Покровский лог на месте погребения: 1 — чернозем, 2 — лёссовидный суглинок с прослойкой мелкой меловой гальки (3), в основании которой находится первый (верхний) культурный слой; 4 — верхняя слоистая гумусовая толща, разделенная мощной прослойкой меловой гальки (5); в основании толщи залегает третий культурный слой; 6 — прослойка суглинка с линзами вулканического пепла (7), прорезанная гумусовой толщей, содержащая четвертый культурный слой; 9 — мергелистый суглинок.

Второй культурный слой стоянки отмечен лишь в 10 м к востоку от разреза в верхней части верхней гумусовой толщи

Совершенно такой же разрез со всеми перечисленными его слоями и с прослойкой вулканического пепла, разделяющей верхнюю и нижнюю гумусовые толщи, наблюдается на правобережном приустьевом мысу Покровского лога (Костенки XII), на второй надпойменной террасе в долине Дона между Покровским и Аносовым логами (Костенки XVII) и в Александровском логу на правобережном приустьевом мысу (Костенки VI). Во всех упомянутых пунктах имеются культурные слои, залегающие в нижней и в верхней гумусовых толщах. Почти на всех других памятниках второй надпойменной террасы, в том числе на Костенках I, на Тельманской, Городцовской и на других стоянках, отмечаются нижняя и верхняя гумусовые толщи, но разделяющей их прослойки вулканического пепла не наблюдается.

На Маркиной горе в западной части стоянки в 1953—1954 гг. было вырыто четыре небольших шурфа, 2×2 м каждый, и два небольших раскопа 10×5 и 5×5 м. Кроме того, в 1928 г. П. П. Ефименко в восточной части стоянки был вырыт шурф 3×1 м, в котором был обнаружен только верхний культурный слой. Таким образом, общая площадь раскопов и шурфов составляет меньше 100 м^2 , т. е. памятник остается

по существу только разведанным, но далеко еще не изученным. Глубоко залегающий четвертый культурный слой вскрыт в трех местах на общей площади всего лишь 13 м², при этом во всех трех пунктах имеются своеобразные находки.

Верхний культурный слой, известный здесь с 1928 г., представлен на всей площади стоянки отдельными костями мамонта, иногда образующими небольшие скопления, и отдельными расщепленными кремнями, очень редко имеющими вторичную обработку. В крайнем западном раскопе над погребением (5 × 5 м) в верхнем слое вместе со скребками был найден почти целый небольшой наконечник с боковой выемкой, близкий к таковым из верхнего слоя Костенок I.

Второй культурный слой, залегающий в верхней части верхней гумусовой толщи, отсутствует в раскопе над погребением, но имеется в 10 м к востоку от него. Он представлен мощным скоплением костей лошади и других животных, скоплениями красной и желтой краски с большим количеством расщепленного кремня и кварцита, кремневых и кварцитовых орудий, костяных шильев, иглол и обломков иных поделок с простейшим геометрическим орнаментом. Характерным для этого слоя является наличие большого количества концевых скребков, значительного количества мустьерского типа остроконечников и скребел и полное отсутствие резцов. Кремень здесь меловой, серый, близкий к деснинскому; на других памятниках в Костенках такой кремень не известен.

Третий культурный слой, залегающий в самом основании верхней гумусовой толщи в раскопе с погребением, насыщен значительно меньшим количеством осколков костей лошади и других животных, большим количеством расщепленного песчаника (розоватого шокшинского и светлого, кварцитообразного), относительно небольшим количеством черного кремня; имеются скребки, простейшие резцы и обломки стержней подчетыреугольной формы в сечении, вырезанные из рога оленя. Здесь, в отличие от второго слоя, нет ни одного орудия архаического типа. Слой исследован всего лишь на площади 20 м², залегает он на крутом склоне, местами имеет выраженную внутреннюю слоистость, но в то же время в 1 м от погребения, в основании культурного слоя, были расчищены остатки очага в виде скопления зольной массы, костных и древесных углей, обожженных кремней, залегающих в неглубокой очажной лунке с явными признаками покраснения (прокаливания) суглинка, подстилающего очажную массу. Могильная яма находится непосредственно под этим культурным слоем, мощность которого не превышала 20—25 см. Глубина ее от пола или основания культурного слоя 31—48 см. Могила прорезала прослойку бурого суглинка, содержащую линзы вулканического пепла, и врезалась отчасти в нижнюю гумусовую толщу.

Четвертый культурный слой, залегающий в средней части нижней гумусовой толщи на 0,5 м глубже дна могилы, содержал большое количество осколков костей лошади, небольшое количество расщепленного кремня и отдельные кремневые орудия верхнепалеолитического времени, в том числе типичный концевой скребок. Слой исследован всего лишь на площади 8 м². В средней его части, примерно под западным концом могилы, найдено небольшое скопление отдельных крупных древесных углей. Мощность горизонта находок не превышала 25 см.

Могила была обнаружена в разрезе шурфа, которым в совершенно ничтожной мере был поврежден лишь ее южный край, поэтому мы имели возможность тщательно изучить как заполнение могилы, так и покрывающие породы. Разумеется, особое внимание было уделено рассмотрению третьего культурного слоя, выше которого на его поверхности и в его основании не было каких-либо признаков могильной ямы.

Третий культурный слой, перекрывающий заполнение могилы, представлял собой линзы черного гумуса, насыщенные обильными остатками

обитания людей. Основание его или пол, состоящий из бурого суглинка, был неровным и на всей площади раскопа четко отделялся от насыщенного культурными остатками черного гумуса. На полу, круто падающем в соответствии с современным склоном местности (падение 10—12 см на 1 погонный метр), было расчищено большое количество своеобразных и однотипных по форме западин. Юго-западный край их, обращенный кверху склона, крутой, отвесный, чаще с подбоем или, точнее, с нависающим краем, противоположный же край, обращенный вниз по склону, совершенно не чувствовался, так как западины постепенно выполаживались и незаметно сливались с общим уровнем пола. Ширина таких западин, имеющих четкий дугообразный край, обращенный вверх по склону, от 50 до 90 см, глубина 10—30 см. Система размещения этих западин, их сдвоенная форма и заполнение вклинившейся в пол линзой культурного слоя свидетельствуют, несомненно, о естественной деформации культурного слоя. Но вместе с тем надо отметить, что близкую к ним форму имеет и обычная очажная лунка, сохранившая положение *in situ* и заполненная зольной массой, с признаками обожженности пода очага. Остатки очага располагаются в 1 м к северо-западу от могилы. Менее выраженные остатки такого же очага с разрушенными краями залегают рядом в 1 м к северу от могилы. Остатки зольной массы с костными и древесными углями наблюдались у стен раскопа к северо-востоку и к югу от могилы.

Верхняя часть заполнения могилы и ее северный край в верхней части были нарушены одной из западин описанного выше типа. Глубина западины 30 см и в области груди скелета она не достигала последнего всего лишь на 7—10 см. Заполнена она была черным гумусом, содержащим в большом количестве характерные для третьего культурного слоя находки. Западина была связана с гумусом непрерывностью культурного слоя, одинаково насыщенного культурными остатками от поверхности слоя до дна западины. Ширина западины составляла 80 см. На расстоянии 50 см к северу от круглого края западины, постепенно поднимавшееся вверх дно ее сливалось с достаточно круто падающим вниз по склону полом, или основанием третьего культурного слоя, в котором в этом месте была вторая такая же западина несколько меньших размеров, но с таким же заполнением.

После того как заполнение большой западины было вычищено (кстати, оно легко отделялось от суглинка, подстилавшего третий культурный слой), приступили к расчистке заполнения могильной ямы, которое ничем не отличалось от окружавшего суглинка. В нижней части оно было так же слегка гумусировано, как и нижняя гумусовая толща, в которую врезалось дно могилы. Однако в заполнении могилы не было линз вулканического пепла и во всей толще заполнения могилы встречались отдельные мелкие и мельчайшие осколки костей животных и отщепы кремня. Эти находки обнаруживались в результате тщательного просмотра заполнения могилы при помощи размыивания его на мелкой сетке с подачей воды по желобу из запруды. Кроме того, в заполнении могилы непосредственно над скелетом, в области груди был встречен позвонок зайца (?), а в противоположном восточном конце могилы вертикально торчащая суставом вниз лопатка зайца и конечная фаланга мамонта. В области таза были найдены три кремневых отщепы. Нужно отметить, что такие же находки имелись в большом количестве в третьем культурном слое, и ни одну из них мы не можем считать преднамеренно положенной в могилу. Об этом свидетельствуют условия их залегания во всей неповрежденной западиной толще заполнения могилы. При последующем контрольном вскапывании суглинка вокруг могилы мы убедились в отсутствии в нем каких-либо находок и в обилии линз вулканического пепла, залегавших примерно на уровне черепа. При зачистке стен могильной ямы линзы пепла были обнаружены почти всюду.

Могила имела правильную овальную форму. Корытообразное дно могилы было посыпано темнокрасной краской, что помогло точно установить ее план. Размер могилы 99×39 см, глубина от пола третьего культурного слоя в восточном конце 31 см, а в западном — 48 см. Ось длины могилы почти точно совпадала с линией восток — запад (рис. 2)⁷.

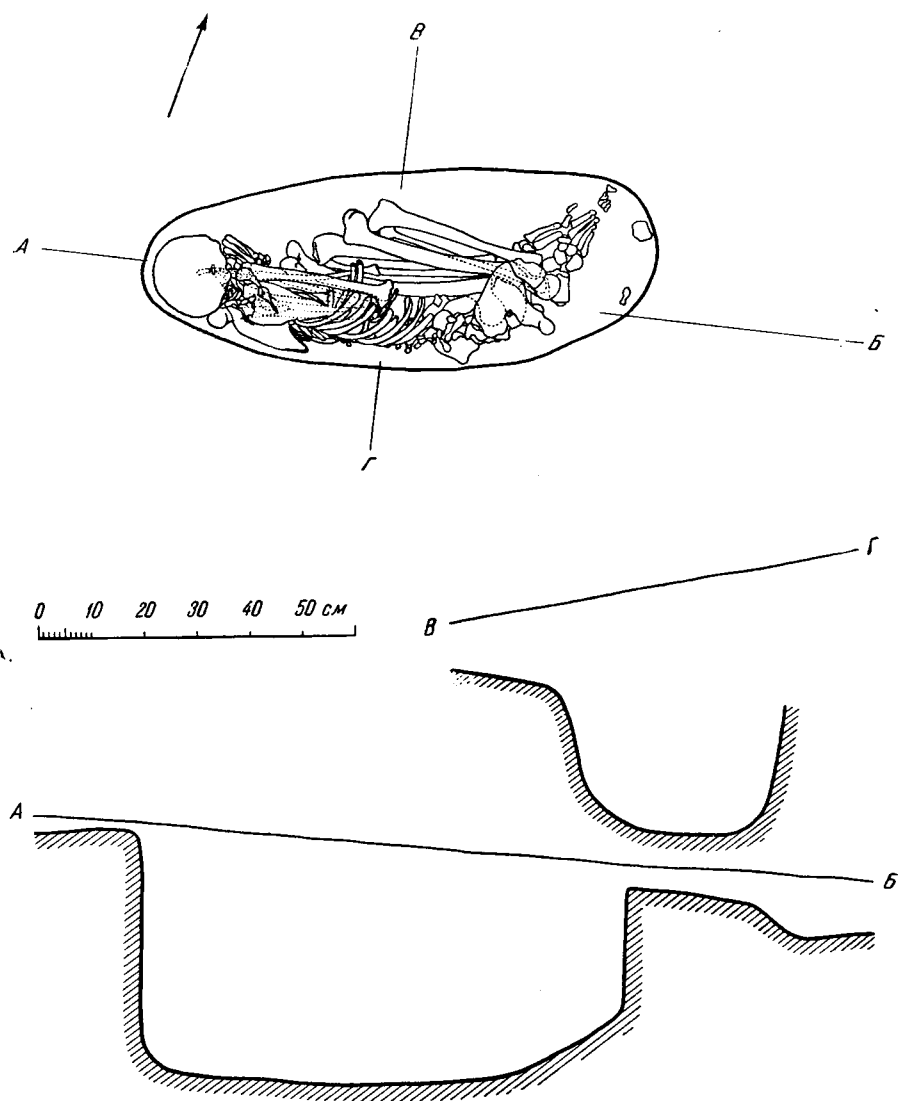

Рис. 2. Маркина Гора. План и профили могилы. Линии А — Б и В — Г над профилями обозначают верхнюю границу третьего культурного слоя

На дне могилы лежал скелет взрослого мужчины на левом боку, головой к западу, лицом к северу, при этом череп был значительно повернут лицевой частью вниз. Положение скелета сильно скорченное, с коленями, подтянутыми к груди, при этом локти находились между грудью и коленями. Ширина скелета от колен до позвоночника составляла всего лишь 28 см, что свидетельствует о погребении трупа в связанном состоянии. Кости кистей были сжаты в кулаки и находились —

⁷ В раскопках погребения приняли участие М. М. Герасимов, М. Г. Левян, Б. Ф. Порошинев, студенты Л. М. Тарасов, В. С. Щербаков, Т. Г. Шеколадова и работники Воронежского краеведческого музея Д. Д. Леонов и В. А. Афонюшкин.

левая между ветвями нижней челюсти под черепом, а правая у подбородка. Естественно вытянутые кости стоп лежали друг на друге и пятками плотно прилегали к тазу. Некоторые незначительные нарушения анатомического порядка в залегании костей объясняются условиями захоронения и положением скелета. Кости скелета и особенно череп со всех сторон окрашены темнокрасной охрой. Сохранность скелета очень хороша. Никаких вещей на дне могилы не было (рис. 3).

Рис. 3. Маркина гора. Скелет взрослого мужчины на дне могилы

Для датировки погребения существенным является решение вопроса о его отношении к третьему культурному слою. Небольшая площадь раскопа и отсутствие сопровождающего погребального инвентаря, наконец, недостаточная степень изученности в целом замечательного многослойного памятника Маркина гора не позволяют сделать определенный вывод. Наличие в заполнении могилы отдельных культурных остатков, принадлежность которых к третьему культурному слою является несомненной, не может, с нашей точки зрения, рассматриваться в качестве исчерпывающего доказательства связи погребения с перекрывающим его культурным слоем.

Необходим тщательный анализ как собранного, так и дополнительных материалов для вывода о погребении в жилище, в качестве остатков которого следует рассматривать третий культурный слой с сохранившимися в какой-то мере *in situ* остатками очагов. Тем более необходимо расширение раскопа для вывода о погребении на развалинах этого же жилища, остатки которого благодаря залеганию на крутом склоне подвергались загадочной пока для нас деформации. Предположение о совершении погребения до отложения третьего культурного слоя отвергается нами как совершенно невероятное. Невероятна и синхронность погребения со вторым слоем Маркиной горы.

Однако при любом решении этого вопроса погребение на Маркиной горе относится к ранней, но не самой древней поре верхнепалеолитического времени. Общая датировка погребения четко определяется условиями его залегания в определенных отложениях второй надпойменной террасы балки, имеющей полное сходство в строении со второй надпойменной террасой Дона. Погребение на Маркиной горе относится к боль-

шой группе памятников, характеризующихся залеганием в верхней гумусовой толще. Оно одновременно с погребением на Городцовской стоянке (Костенки XV), со II и III культурными слоями Тельманской стоянки.

Памятники предшествующей поры, близкие по времени четвертому слою Маркиной горы, залегающему непосредственно под погребением, тоже представлены значительной группой. К ним относятся нижний (четвертый) слой Тельманской стоянки и нижний (пятый) слой Костенок I. Существенно при этом отметить, что под прослойкой вулканического пепла на стоянке Костенки VI были найдены в нижней гумусовой толще тождественные пятому слою Костенок I двусторонне обработанные треугольные наконечники с вогнутым основанием. На Костенках XII в нижней гумусовой толще, тоже перекрытой прослойкой вулканического пепла, обнаружен сходный с пятым слоем Костенок I инвентарь. Таким образом, хотя в Костенках I и на Тельманской стоянке и нет прослойки вулканического пепла между нижней и верхней толщами погребенного гумуса, связь этих памятников с древнейшей группой является несомненной.

Наши суждения об относительной древности памятников Костенковской группы находятся в согласии с мнением подавляющего большинства комиссии Института истории материальной культуры АН СССР, выяснявшей в 1953 г. на месте вопрос об относительной древности памятников Костенковско-Боршевского района. Комиссия, отметив закономерное залегание двух толщ гумуса, разделенных в ряде мест прослойкой вулканического пепла, высказалась за признание стратиграфической значимости этих слоев правобережья Дона в районе Костенок.

Если придерживаться взглядов П. П. Ефименко на относительную древность памятников костенковской группы, то третий слой и погребение на Маркиной горе следует датировать раннетельманским временем⁸. Однако он ошибочно считает второй слой Тельманской стоянки древнейшим памятником на Русской равнине, где, по его мнению, памятники начальной поры верхнего палеолита еще не найдены. Действительно же более древний нижний слой Костенок I он относит к позднетельманскому времени, что является совершенно неприемлемым при современном состоянии изученности памятников этого района.

⁸ П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, стр. 316.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА И ПОГРЕБЕНИЯ НА СТОЯНКЕ КОСТЕНКИ II в 1953 г.

(Краткая информация)

Одним из разделов работ Костенковской палеолитической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР 1953 г. были раскопки позднепалеолитического поселения Костенки II¹.

Стоянка Костенки II расположена на левом склоне Аносова лога. Среди костенковских палеолитических стоянок она занимает центральное положение, находясь в основном к югу от Костенок III и Костенок I и к северу от Костенок IV.

Как известно, стоянка была открыта в 1923 г. и раскапывалась под руководством П. П. Ефименко и С. Н. Замятина в 1923 и 1927 гг.²

Главным раскопом 1953 г. площадью 147 м² под черноземом в суглинке, на глубине 0,90—1,70 м от поверхности, было вскрыто большое, овальное в плане скопление палеолитических культурных остатков, имевшее примерно размеры 7×8 м. Основным элементом скопления являлись крупные кости, зубы и бивни мамонтов, принадлежавшие, по подсчетам И. Г. Пидопличко, не менее чем 28 особям (из них только 11 особей были вполне взрослыми) и носившие явные признаки сортировки рукой человека. Ряд костей мамонта, обнаруженных по краям скопления, был вертикально вкопан. Другие фаунистические остатки принадлежали, по определению Н. К. Верещагина, лошади, северному оленю, песцу, лисице и щуке³.

Скопление костей мамонтов имело толщину 20—40 см. В нем лишь очень редко встречались обработанные кремни и угольки. Под скоплением же, в подстилавшем суглинок песке, залегал темносерый слой толщиной около 10 см, насыщенный большим количеством обработанного кремня, угольками и золой. Границы распространения этого слоя в горизонтальной плоскости совпадали с границами распространения перекрывавшего его скопления костей мамонтов. В этом слое были найдены костяные орудия и произведения искусства. В центральной части этого слоя был раскрыт круглый в плане очаг, имевший около 65 см в поперечнике.

Нет оснований говорить о наличии в Костенках II двух разновременных культурных слоев. Слой, подстилающий скопление костей, не был отделен от последнего прослойкой, не содержащей культурных остатков.

¹ Раскопки Костенок II производились под руководством П. И. Борисковского и при ближайшем участии М. З. Паничкиной, М. Д. Гвоздовер, З. А. Абрамовой, Т. Г. Шеколадовой, Г. Ф. Следковой и И. В. Гавриловой.

² См.: П. П. Ефименко, Первообытное общество, 3-е изд., Киев, 1953, стр. 536; С. Н. Замятин, Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г., «Сообщения ГАИМК», II, 1929.

³ По определению В. Д. Лебедева, найденный нами хвостовый позвонок принадлежал щуке, имевшей 120—150 см длины. Это первая находка кости рыбы для палеолита Костенок и Боршева.

Кремневый инвентарь, извлеченный из скопления костей, — тот же, что и кремневый инвентарь, найденный под скоплением. Многие из костей мамонта, образующих скопление, уходили в нижележащий слой. Мы имеем дело с двумя, правда, разного происхождения, частями одного палеолитического культурного комплекса.

Культурный слой, подстилающий скопление костей мамонтов, представляет собой обычный пол палеолитического постоянного жилища. Найденные в этом слое культурные остатки частью, вероятно, являлись отбросами, лежавшими на полу в период существования жилища, частью были спрятаны в небольших расплывшихся ямках на дне жилища, а

Рис. 1. Костенки II. Раскопки 1953 г. Выложенная из костей мамонта погребальная камера, в которой сидел кроманьонец

затем забыты или брошены в тот период, когда поселок покидался его обитателями.

Перекрывающее пол палеолитического жилища скопление костей мамонтов имеет иное происхождение. Значительная часть крупных костей, в первую очередь кости, вертикально вкопанные, вероятно, входила в состав конструкции жилища, образовывала каркас его стен. Часть же костей мамонтов, возможно, лежала на кровле, придавливая шкуры. После того как жилище было оставлено людьми, оно постепенно начало рушиться, кости, входившие в состав стен и крыши, стали падать на пол.

Обнаруживая немало общих черт с жилищами, остатки которых открыты во многих позднепалеолитических поселениях на территории СССР, жилище Костенок II в то же время представляет особую, ранее не известную разновидность. Занимая довольно большую площадь (около 60 м²), оно имело только один хорошо выраженный очаг в центре. Оно являлось наземным; его пол был лишь очень незначительно (на 10—20 см) углублен по сравнению с окружающими участками. В то же время это было долговременное, прочное, зимнее, общинное жилище. Некоторые особенности его конструкции, в частности наличие большого числа вертикально поставленных костей в его северо-восточной части, были, вероятно, связаны с тем, что оно находилось на склоне.

В 1953 г. в главном раскопе Костенок II было обнаружено погребение кроманьонца, располагавшееся в удлиненной, вытянутой в направлении с северо-запада на юго-восток погребальной камере, тщательно выложенной из костей и черепов мамонтов, открытой сверху и непосредственно примыкавшей с юга к палеолитическому жилищу. Камера представ-

ляла собой узкий овал или кольцо (рис. 1), имевшее по внутреннему обводу размеры $2,20 \times 0,55$ м, а по внешнему обводу $4,00 \times 1,50$ м.

Мертвец сидел в центре погребальной камеры лицом к юго-востоку. Здесь сохранились кости его ног, тазовые кости, остатки позвонков и ребер. Кости ног не упали, сохранили свое первоначальное положение и подверглись лишь незначительному смещению (рис. 2). От коленных

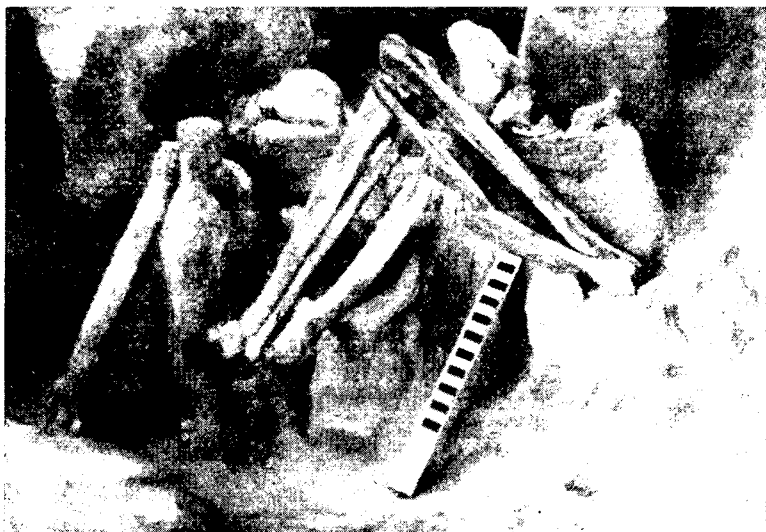

Рис. 2. Костенки II. Раскопки 1953 г. Кости ног кроманьонца в погребальной камере (вид сбоку)

чашечек вниз уходили бедренные и берцовые кости, ниже которых располагались кости стоп и таз. М. М. Герасимов, принявший участие в исследовании погребения, предполагает, что мертвец был посажен в связанном положении, с резко согнутыми, прижатыми к животу ногами.

Внутри погребальной камеры отсутствовал погребальный инвентарь. Отсутствовали и признаки окрашивания трупа. Рядом с человеческими костями найдены только отдельные кости мамонта и несколько осколков кремня, которые могли попасть в могилу из культурного слоя жилища.

Череп палеолитического человека, похороненного в камере, был обнаружен за ее пределами, в 1,5 м к северо-западу от костей ног, на площадке палеолитического жилища. Представляется более всего вероятным, что ноги и туловище посаженного в могильную камеру мертвеца, будучи присыпаны песком и суглинком, сохранили свое первоначальное положение. Голова же упала назад, за пределы камеры и, кроме того, подобно рукам, была повреждена и несколько перемещена в результате деятельности хищников и землероек.

Особенностью первобытной техники Костенок II является широкое использование в ней валунного коричневого и желтого кремня местного происхождения. Этим Костенки II отличаются от многих других позднепалеолитических поселений Костенковско-Боршевского района. Среди кремневых орудий Костенок II преобладают резцы (главным образом нуклевидные, многофасеточные, срединные и резцы на углу сломанной пластинки), а также пластинки, имеющие тесловидное лезвие, образованное рядом небольших плоских стёсов, идущих со спинки и с брюшка (так называемые пластинки с подтёской с брюшка, или *pièces écaillées*). Найдены также нуклевидные скобели, концевые скребки, единичные проколки и острия с затупленным краем.

Своей кремневой техникой Костенки II близко напоминают обширную группу позднепалеолитических стоянок Русской равнины, представленную такими поселениями, как Костенки III, Карачарово, Елисеевичи, Кирилловская, Студеница. Эти стоянки являются послесолютрейскими и их можно отнести к раннемадленскому времени, к пятой ступени развития позднепалеолитической культуры Русской равнины. В них не наблюдаются еще характерные для конца позднего палеолита признаки микролитизации кремневого инвентаря и в то же время уже отсутствуют какие-либо признаки солютрейской техники обработки кремня. Костенки II древнее стоянки Боршево II, но моложе таких стоянок, как Костенки I, Тельманская и Маркина гора. Эта датировка Костенок II совпадает с их геологической интерпретацией, предлагаемой В. И. Громовым, М. Н. Грищенко, Г. И. Лазуковым и другими исследователями.

Костяные изделия Костенок II представлены рядом шильев и наконечников (шилья найдены целыми, наконечники все в обломках). К произведениям искусства относятся схематическая человеческая фигурка из кости и две удлинённые костяные пластинки, украшенные узором в виде асимметричных изогнутых линий. Этот орнамент сильно отличается от геометрического орнамента, наблюдаемого в Костенках I и в Авдеевках и во многом напоминает орнаментальные мотивы Кирилловской стоянки и Елисеевичей. Особенности произведений искусства, происходящих из Костенок II, интересны тем, что подтверждают датировку этого поселения раннемадленским временем.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В КОСТЕНКАХ

(Предварительное сообщение)

При раскопках А. Н. Рогачева и П. И. Борисковского на позднепалеолитических стоянках, расположенных в окрестностях с. Костенки Воронежской области, найдено четыре погребения¹. Детский скелет из погребения на Городцовой стоянке (Костенки XV), открытого А. Н. Рогачевым в 1952 г., изучается В. П. Якимовым. Другой детский скелет из погребения, раскопанного А. Н. Рогачевым в 1953 г. на мысу Покровского лога, еще не реставрирован.

1. Скелет из погребения на стоянке Маркина гора

Погребение на стоянке Костенки XIV (Маркина гора) обнаружено при раскопках А. Н. Рогачева в 1954 г. Скелет был извлечен из земли и реставрирован М. М. Герасимовым. Он прекрасно сохранился — уцелели даже позвонки и ребра. Судя по тазу, скелет несомненно мужской. Возраст 20—25 лет, что следует из состояния швов (все открыты) и зубов, которые слабо стерты, причем хорошо заметна разница в степени стертости третьих моляров по сравнению с остальными.

Несмотря на раннюю дату (начало позднего палеолита), неандерталлоидных признаков почти нет. Лицо очень низкое (общая высота назион — гнатион 98 мм, высота до альвеолярной точки всего 60 мм). Ширина лица между наружными краями скуловых дуг тоже небольшая — 132 мм, но все же больше, чем ширина мозговой коробки (128 мм). Клыковые ямки выражены умеренно, но вполне явственно, глубина левой ямки 5,1 мм. Подбородочный выступ имеется, хотя подбородок, в общем слабо выступающий — угол линии инфраментале — погонион с базальной плоскостью, составляет 80° (у современных европейцев около 70°). Зубы небольшие — меньше средних размеров у современного человека. Надбровные дуги сильно развиты, но надглазничного валика не образуют. Лоб сравнительно узкий (93 мм) и прямой — угол линии назион — метопион с франкфуртской плоскостью 88°, другие способы измерения наклона лба тоже указывают на прямой лоб. Высота мозгового черепа базион — брегма небольшая — 129 мм, но все же на 1 мм больше поперечного диаметра. Измерения высоты черепной крышки дают величины, хотя и небольшие, но все же отнюдь не выходящие за пределы вариации у современного человека. Затылок округлый, передний край затылочного отверстия, при ориентировке во франкфуртской плоскости, лежит выше заднего. Длина основания черепа базион — назион небольшая — 98 мм. Остальные части скелета тоже не имеют неандерталоидных признаков, за исключением очень сильного наклона суставной площадки большой берцовой кости: угол ретроверсии составляет 22—23°. Пропорции конечностей вполне современные. Длина трубчатых костей (правой стороны, раз-

¹ См. статьи упомянутых авторов в этом номере.

мер везде наибольший, кроме длины большеберцовой кости, которая измерялась без межмышцелковой возвышенности) равна: бедренной 427 мм, большеберцовой 345 мм, плечевой 301 мм, лучевой 243 мм. Длина тела, по таблицам Мануврие, 160 см. Ширина таза 255 мм, высота 196 мм.

Угол линии назион — простион² с франкфуртской плоскостью 76°, с французской альвеоло-кондиллярной плоскостью 73°; указатель Флоуэра (100 базион — простион : базион — назион) 105,1; угол А треугольника базион — альвеолярная точка — назион 68°,9; угол N того же треугольника 76°,3. Все это указывает на резко выраженный прогнатизм. Нос широкий (27,1 мм), что при малой высоте его (43,1 мм) дает очень высокий указатель — 62,9. Сочетание выраженного прогнатизма с большой шириной носа свидетельствует о сходстве с негроидами. Орбиты низкие: высота (левой) 27,2 мм, ширина (от дакриона) 39,5 мм, что также свойственно негроидам, впрочем, не всем и не только негроидам. Уплощенность лица умеренная: назомаллярный угол (вершина в назионе, стороны проходят через *fmo*) 138°; зигомаксиллярный угол (вершина в субспинальной точке, стороны проходят через передние зигомаксиллярные точки³) 135°. Подобные величины свойственны негроидам, но как индивидуальное отклонение могут встретиться и у других рас. Носовые кости очень сильно выступающие: угол их с линией назион — простион 42°; симотическая высота 5 мм (симотический индекс 56,2); дакриальная высота около 12 мм (дакриальный указатель около 48). Все это, конечно, совсем не характерно для негроидов, но как индивидуальное отклонение такие величины могут быть встречены у океанийских форм. Небольшие размеры зубов и верхней челюсти тоже негроидам не свойственны, но различия между большими расами в этих признаках невелики и не идут ни в какое сравнение с различиями в прогнатизме и в ширине носа. Выраженно-долохотканная форма мозгового черепа (черепной указатель 71,5) завершает сходство с негроидами, хотя, с другой стороны, такая величина может встретиться где угодно. В пропорциях скелета негроидный характер имеет отношение предплечья к плечу; отношение голени к бедру не отличается от среднего европейского, но и в этих признаках расовые различия в общем невелики.

При сравнении ископаемых черепов с современными идут двумя путями. Первый — сопоставление с учетом таксономического значения признаков. Идя таким путем, мы должны признать, что прогнатизм и ширина носа играют решающую роль, и череп с Маркиной горы следует признать негроидным. Второй путь — сопоставление по максимальному количеству признаков без учета их таксономической значимости. Таким путем шел, например, Я. Я. Рогинский⁴. По его методу минимумов и максимумов скелет с Маркиной горы по 55 признакам (включая указатели пропорций конечностей) оказывается также наиболее близким к негроидам (минус 22%), далее по степени сходства идут европеоиды (плюс 13%) и дальше всего стоят монголоиды (плюс 24%). Таким образом, какой бы принцип мы ни положили в основу сопоставления, результаты получаются одинаковые — скелет с Маркиной горы следует отнести к числу негроидных форм.

Негроидные черты в строении позднепалеолитических скелетов Европы отмечаются, как известно, не впервые. Кроме знаменитых «негроидов Гримальди», следует отметить череп Пржедмост IV и несколько других менее выразительных находок. Детальное сравнение с ними должно явиться одной из задач будущего исследования замечательной находки.

² Так следует называть только переднюю точку нижнего края альвеолярного отростка верхней челюсти. Нижнюю надо именовать альвеолярной точкой.

³ Эти точки лежат на 3—5 мм выше, чем *zm* Мартина на перегибе скуло-челюстного шва при пересечении его с верхней границей прикрепления основных пучков жевательной мышцы. Способ предложен Н. А. Абиндером.

⁴ Я. Я. Рогинский, Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, М., 1949.

2. Скелет из погребения на стоянке Костенки II

Это погребение относится к концу позднего палеолита. Десятки тысячелетий отделяют его от погребения на Маркиной горе.

Череп, в противоположность черепу с Маркиной горы, сохранился очень плохо, и, несмотря на то, что он был мастерски реставрирован М. М. Герасимовым, возможно лишь приближенное определение большинства размеров. Правая сторона сохранилась несколько лучше. На этой стороне имеются: чешуя затылочной кости, значительная часть височной (без пирамиды), два больших куска теменной, соприкасающиеся, к сожалению, лишь в одной точке, примыкающая к теменной часть чешуи лобной кости, вся скуловая, вся верхнечелюстная. От нижней челюсти сохранилось тело и правая ветвь без сочленовного отростка. С левой стороны имеется только верхнечелюстная кость без носового отростка и скуловая без скуловой дуги. Особенно досадно отсутствие передней части лобной кости.

Кости скелета сохранились тоже довольно плохо. К тому же к их очистке и реставрации еще не приступлено. По сохранившимся частям таза, по крайней мере до его реставрации, пол определить трудно. По черепу пол мужской, что определяется величиной сосцевидных отростков, затылочным рельефом и другими признаками. Возраст пожилой, вероятно старше 50 лет. Швы заросли совершенно, их почти не видно. Зубы очень сильно стертые, от лопаток резцов не осталось и следа. Все зубы, впрочем, здоровые. Вообще никаких признаков старческой инволюции нет. Третий моляр сверху справа не вырос, что редко наблюдается на ископаемых черепах. Внизу справа третий моляр имеется, на левой стороне эти участки челюстей не сохранились.

Несмотря на отсутствие некоторых частей черепа, определение его видовой принадлежности не вызывает никаких сомнений. Перед нами бесспорно представитель современного вида человека. Прежде всего следует отметить крайне низкое (короткое) лицо. Точное измерение высоты его, правда, невозможно, так как положение назиона определяется приблизительно на основе верхнего края носового отростка. Но зубы хорошо сохранились, и поставить нижнюю челюсть на место не составляет труда. Вряд ли ошибка измерения больше ± 2 мм. Полная высота лица назион — гнатин оказалась равной 104 мм, высота верхней части до альвеолярной точки 64 мм. Ширина лица между зигомаксиллярными точками умеренная — 97 мм, наибольшая ширина, определяемая приблизительно ввиду отсутствия левой скуловой дуги, очень большая — 145 мм. Клыковая ямка глубокая — 7 мм. Подбородок ясно выражен, угол линии инфраментале — погоний с базальной плоскостью составляет 71° . В сохранившихся частях мозговой коробки тоже нет никаких неандерталовидных признаков. Из высотных размеров можно более или менее точно измерить только проекционную высоту порион — брегма. На реставрированном черепе она равна 114 мм, но так как кости свода почти не соприкасаются с височной костью, то и это измерение следует считать приближенным. Все же высота мозговой коробки ни в коем случае не малая. Затылок округлый, сосцевидный отросток большой и бугристый.

Из числа современных человеческих рас человек из погребения на стоянке Костенки II обнаруживает наибольшее сходство с европеоидами. Прежде всего следует отметить гиперортогнатный профиль лица, чем он резко отличается от черепа с Маркиной горы. Установка черепа во франкфуртской горизонтали может быть произведена с достаточной точностью, так как височная кость хорошо соединяется со скуловой через неповрежденную скуловую дугу и взаимное положение нижних точек обеих орбит и верхнего края правого ушного отверстия не нарушено. Если бы лицевой скелет (верхнечелюстные и скуловые кости) был смят и сдвинут кзади, то скуловая дуга неизбежно деформировалась бы,

а нижняя челюсть не встала на свое место. Ни того, ни другого не наблюдается, и угол лицевого профиля, равный 95° , следует считать определенным достаточно точно, во всяком случае с ошибкой не более 2° . Индекс Флоуэра (100 базион — простион : базион — назион) опреде-

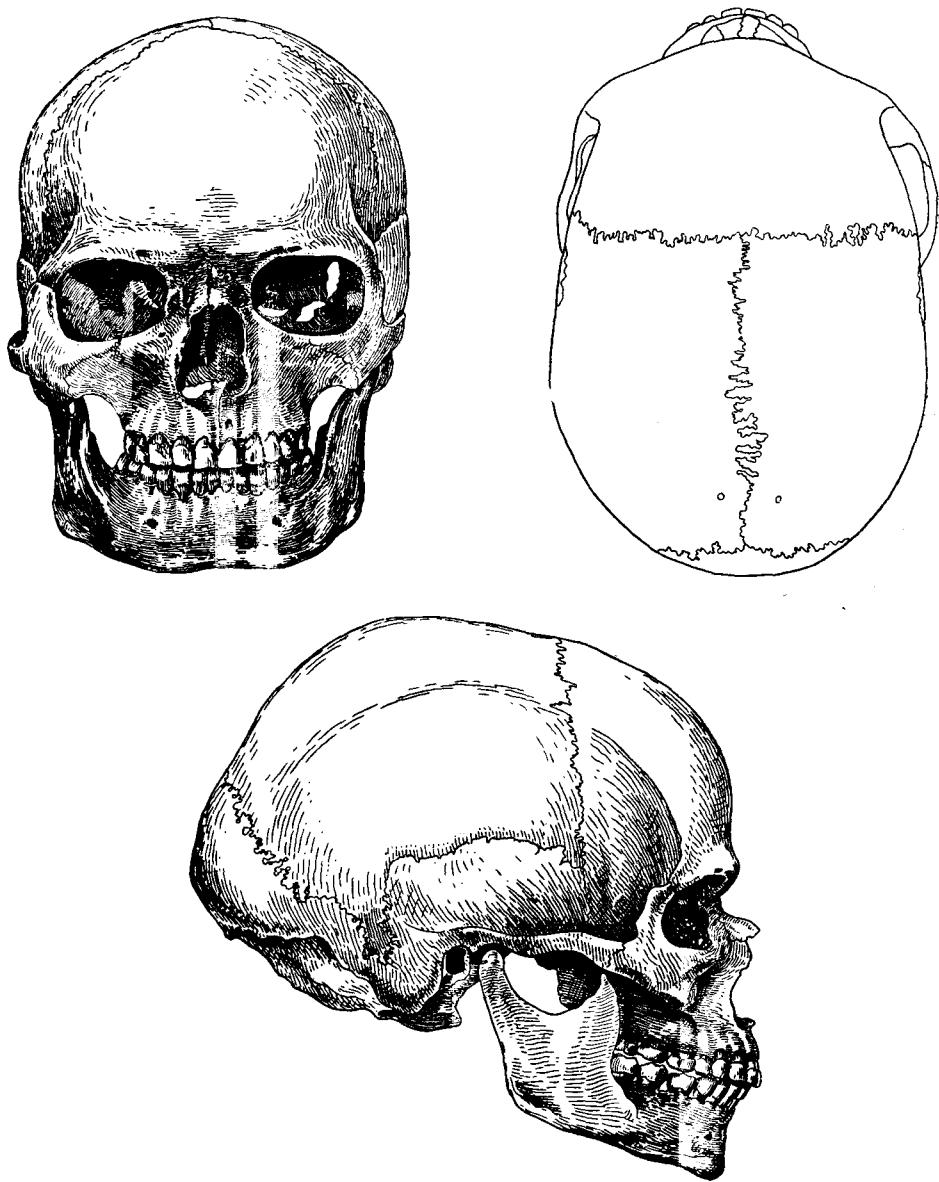

Рис. 1. Череп из погребения на стоянке Маркина Гора (Костенки XIV).

Рис. М. М. Герасимова

ляется с гораздо меньшей точностью. Хотя базальная часть затылочной кости и сохранилась, но она нигде не соприкасается с другими костями и укрепена М. М. Герасимовым «в воздухе». Однако она, повидимому, все же поставлена верно, так как высота базион — брегма на реставрированном черепе равна 135 мм, что вполне соответствует высоте от пориона (114 мм). Длина основания черепа получается равной 105 мм, что вполне вероятно при длине глабелла — инион 185 мм и наибольшем продольном диаметре 195 мм. Обе последние величины определены.

впрочем, приблизительно, так как вся глабеллярная область полностью отсутствует. Индекс Флоуэра при таком положении базиона около 84, угол А при альвеолярной точке треугольника базион — альвеолярная точка — назион 87° , угол при назионе $55^\circ,7$. Все это вполне гармонирует

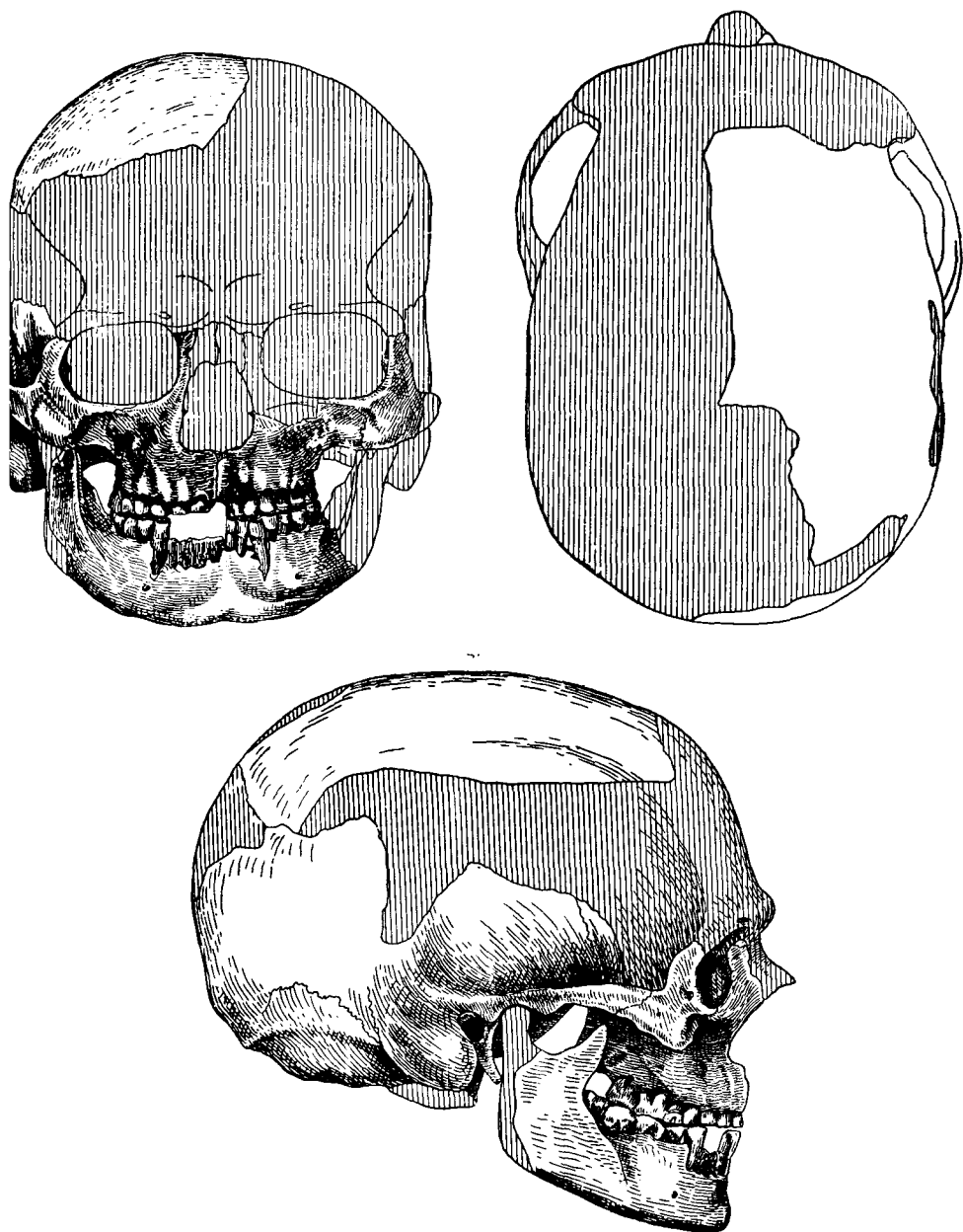

Рис. 2. Череп из погребения на стоянке Костенки II.

Рис. М. М. Герасимова

: величиной лицевого угла, определенного по отношению к франкфуртской плоскости. Горизонтальную профилировку лица можно точно измерить только в плоскости, проходящей через передние зигомаксиллярные и субспинальную точки. Угол при субспинальной точке составляет 133° , т. е. примерно, как у хантов или городских узбеков,— больше, чем

у типичных европеоидов, которым свойственны величины около 12° 128° , но меньше, чем у типичных монголоидов (139° — 141°). Как индивидуальное уклонение такая величина может быть встречена у люрасы. Носовые кости не сохранились, поэтому выступание носа может быть определено только при посредстве индекса Якимова⁵, представляющего собой отношение проекционной высоты передней точки носового отростка верхней челюсти к вертикальной линии, проведенной от точки соприкосновения верхнечелюстной, носовой и лобной костей через наружный край грушевидного отверстия до уровня назоспинальной точки. На нашем черепе этот индекс ($100 \times 10,5 : 41$) равен 25,6. У кавказцев В. П. Якимов получил 24,3; у русских 22,1; у монголоидов 17, у негроидов 15,8. В общем нос на нашем черепе сильно выступающий. Ширина носа нашего черепа небольшая — 24 мм, как у европеоидов, вследствие малой высоты, в указателе проявляется склонность к хамени (51,1). Все же величина указателя на 12 единиц меньше, чем у черепа с Маркиной горы. Орбиты, повидимому, низкие, но сколько-нибудь точное измерение их невозможно за исключением ширины правой орбиты, которая равна (от максиллофронтальной точки) всего 39,0 мм. Нос короткое и широкое, зубы небольшие, хотя измерить их по причине значительной стертости очень трудно. Мозговая коробка сохранилась, и сказано, очень плохо, значительно хуже, чем лицевая часть. На реставрированном черепе продольный диаметр составляет 195 мм, поперечный 140 мм, но точность измерения невелика (около ± 3 мм), поэтому черепной указатель, равный 72, может отличаться от действительного $\pm 3\%$. Все же, поскольку иннион находится в естественном положении относительно к лицевой части, можно утверждать, что мозговая коробка характеризуется большой величиной и долихоидной формой.

Среди современных рас нет близких аналогий черепу с II Костенкинской стоянки. Но характерный для позднего палеолита Западной Европ. кроманьонский тип выявляет те же основные признаки. «Дисгармоническое» сочетание черепного и лицевого указателей (длинный череп, широкое лицо), на что всегда указывают французские антропологи, в характеристике кроманьонского типа, выражено очень явственно. Расправда, невелик, наибольшая длина левой бедренной кости 438 мм, правой большеберцовой (без межмышцелкового возвышения) — 375 мм. По таблицам Манувриэ, это соответствует длине тела 165 см. В этом отношении наш скелет обнаруживает наибольшее сходство с поздними кроманьонцами мадленского времени, что соответствует археологической датировке.

3. Значение новых находок в Костенках и задачи их дальнейшего исследования

После находки на Маркиной горе вряд ли могут оставаться сомнения в том, что в позднем палеолите Европы существовал особый прогнатический широконосый тип — «раса Гримальди». После первых находок в Детском гроте близ Ментоны такие сомнения, как известно, высказывались неоднократно. Допускалась возможность толкования особенностей строения «расы Гримальди» как индивидуальных или семейных свойств. Что касается черепа «Пржедмост IV», то его негроидные черты вообще обычно оставались без внимания. Морант,⁶ например, даже вообще сомневался в прогнатизме «негроидов из Детского грота», полагая, что положение лицевых костей на черепе юноши правильное и что о

⁵ В. П. Якимов, Дополнительные расодиагностические признаки на черепе. Краткие сообщения Ин-та этнографии, XVIII, 1953.

⁶ G. M. Morant, Studies of palaeolithic Man. IV. A Biometric Study of the upper palaeolithic skulls of Europe and of their relationships to earlier and later types. Ann. of Eugenics, vol. IV, 1930.

не подверглись той деформации, о которой говорит Верно (прогнатизм этого черепа выявился, как известно, только после реставрации). Что касается женского черепа, то он, по мнению Моранта, приобрел прогнатизм именно вследствие деформации. Морант не принял также поправок. Верно в отношении ширины носа юношеского черепа и, в его интерпретации, он просто узконосый (22 мм). Хорошая сохранность черепа с Маркиной горы не оставляет возможности для подобных сомнений.

Заслуживает внимания также то обстоятельство, что на Костенковских стоянках повторяется та же последовательность, что и в Ментонских гротах. Там и тут негроиды предшествуют кроманьонцам. Число подобных совпадений пока недостаточно для установления какой-либо общей закономерности, но они все же должны быть отмечены.

Основным вопросом, возникающим в связи с новыми находками в Костенках, является вопрос о генетических взаимоотношениях между обоими типами — «гримальдийским» и кроманьонским. В настоящее время большие различия в профиле лица и в ширине носа свидетельствуют о принадлежности к различным большим расам. Являлись ли различия по этим признакам столь же существенными в позднем палеолите? Не говорит ли о родстве сходство гримальдийцев и кроманьонцев в пропорциях лицевого скелета и в форме орбит? Каковы генетические взаимоотношения обеих позднепалеолитических форм с неандертальцами Западной Европы, с палестинскими «неандертальцами», с южными неандерталоидными формами Южной Африки и Индонезии? Каково, наконец, положение позднепалеолитических форм, которым не свойственна «дисгармония» в строении мозговой коробки и лицевого скелета (Комб-капелль, Пржедмост III, Шанселяд)?

В настоящее время представляется несомненным только одно утверждение. При изучении вопроса о заселении человеком Восточной Европы в начале позднего палеолита необходимо учитывать, что в этом заселении принимали участие элементы южного происхождения, родина которых была не ближе, чем в Передней Азии. Этот вывод согласуется, как кажется, с разными представлениями о путях формирования человека современного вида: как с гипотезой «широкого моноцентризма» Я. Я. Рогинского, так и с гипотезой панэйкуменного происхождения *Homo sapiens*, защищаемой автором этих строк.

Все остальные вопросы требуют, как мне кажется, широкого обсуждения в дискуссионном порядке. С целью привлечения возможно большего числа антропологов к этой дискуссии представляется целесообразным, не дожидаясь окончания работы по очистке и реставрации скелетов, опубликовать те данные о них, которые основаны на уже произведенных измерениях.

Эти данные приводятся в приложении. Дальнейшие будут опубликованы дополнительно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СКЕЛЕТА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ НА СТОЯНКЕ МАРКИНА ГОРА (КОСТЕНКИ XIV)

Мозговая коробка

23. Горизонтальная окружность через глабеллу	496 мм
23а. " " " офрион	485 »
24. Поперечная дуга между порионами через брегму	288 »
25. Сагиттальная дуга наззион — опистион	352 »
1. Продольный диаметр глабелла — опистокранион	179 »
1б. " " " офрион — опистокранион	176 »
2. " " " глабелла — инион	169 »
8. Наибольший поперечный диаметр	128 »
11. Ушная ширина между аурикулярными точками	120 »

74. Альвеолярный лицевой угол	70°
— Угол офрион — простион с альвеоло-кондиллярной плоскостью	78°
72(2). Угол назион — простион с той же плоскостью	73°
74(1). Угол назоспинале — простион с той же плоскостью	67°

Нос

35. Высота носа	43,1 мм
34. Ширина грушевидного отверстия	27,1 »
DS Высота дакриальной хорды	12(?) »
DC Дакриальная хорда	25 »
50. Максиллофронтальная хорда	20,5 »
SS Высота симотической хорды	5,0 »
SC Симотическая хорда	8,9 »
DA Дакриальная дуга	35 »
75. Угол наклона носовых костей к франкфуртской плоскости	34°
75(1). Угол выступания носовых костей по отношению к линии лицевого профиля назион — простион	42°

Орбиты (правая/левая)

51. Ширина от максиллофронтальной точки	46(?) / 43,3 мм
51a. Ширина от дакрiona	43(?) / 39,5 »
52. Высота	27,0 / 27,2 »

Верхняя челюсть

60. Длина альвеолярной дуги	54 мм
61. Ширина альвеолярной дуги	63 »
62. Длина нёба до стафилиона	44(?) »
63. Ширина нёба	38 »

Нижняя челюсть

68(1). Длина от мышелков	101 мм
68. Длина от углов	74 »
65. Ширина между мышелками	115(?) »
66. Ширина между гонионами	105 »
67. Передняя ширина	44 »
— Угол подбородка инфрадентале — погоний с базальной плоскостью	80°
79. Угол ветви с базальной плоскостью	125°
70. Высота левой ветви	52 мм
71a. Ширина левой ветви	36,5 »
69. Высота симфиза	30,5 »
69(1). Высота тела на уровне подбородочного отверстия	25 »
69(3). «Толщина» тела на том же уровне	12 »

Зубы $\left(\frac{\text{прав.} + \text{лев.}}{2} \right)$

81. Мезио-дистальный диаметр (верхний/нижний)	
Первый резец	8,2/ 5,0 мм
Второй резец	7,4/ 6,0 »
Клык	7,7/ 6,5 »
Первый премоляр	6,3/ 6,5 »
Второй премоляр	5,9/ 6,3 »
Первый моляр	9,7/ 10,5 »
Второй моляр	9,2/ 10,0 »
Третий моляр	7,6/ 10,3 »
81(1). Букко-лингвальный диаметр (верхний/нижний)	
Первый резец	6,9/ 5,7 мм
Второй резец	6,2/ 5,9 »
Клык	7,8/ 7,2 »
Первый премоляр	9,1/ 7,5 »
Второй премоляр	9,2/ 8,2 »
Первый моляр	12,2/ 11,0 »
Второй моляр	12,2/ 11,0 »
Третий моляр	11,0/ 10,6 »
80. Длина зубной дуги верхней челюсти	51 »
80a. Ширина зубной дуги верхней челюсти	63 »
80(1). Длина зубной дуги нижней челюсти	50 »

-- Ширина зубной дуги нижней челюсти	66 мм
80(2). Длина зубного ряда за клыками верхней челюсти	39
-- То же на нижней челюсти	45

Плечевая кость (правая/левая)

1. Наибольшая длина	301/302 мм
7. Наименьшая окружность	61/56
4а. Ширина нижнего эпифиза	58/56
5. Наибольший диаметр сечения	20,9/20,0
6. Наименьший диаметр сечения	17,1/15,1
10. Высота головки	45,9/45,0
9. Ширина головки	44,8/43,1
18. Угол кручения	160°/158°
16. Угол расхождения осей	85°/83°
17. Угол оси головки	34°/31°

Ключица (правая/левая)

1. Длина	144/147 мм
6. Окружность	38/37

Лучевая кость (правая/левая)

1. Наибольшая длина	243/242 мм
2. Физиологическая длина	229/227
3. Наименьшая окружность	37/35
6. Индекс изгиба диафиза	3,0/3,4
8. Угол кручения (плоскость шероховатости с волярной плоскостью)	53°/57°
5. Сагиттальный диаметр	15,1/15,0 мм
4. Поперечный диаметр	11,9/11,1

Локтевая кость (правая/левая)

1. Наибольшая длина	264/263 мм
2. Физиологическая длина	231/228
3. Наименьшая окружность	33/32
4. Индекс изгиба диафиза	3,5/2,6
14. Верхний передне-задний диаметр	23,0/— мм
13. Верхний поперечный диаметр	21,0/—

Таз

1. Высотный диаметр	196 мм
2. Поперечный диаметр	255
3а. Передне-задний диаметр	148
5. Ширина между подвздошно-остистыми точками	125
23. Передне-задний диаметр входа	107
24. Поперечный диаметр входа	117

Крестец

2. Длина	104 мм
5. Ширина	111

Бедренная кость (правая/левая)

1. Наибольшая длина	427/429 мм
2. Длина в естественном положении	423/424
6. Средний передне-задний диаметр	28,7/26,9
7. Средний поперечный диаметр	25,5/24,0
8. Окружность диафиза	82/78
10. Верхний передне-задний диаметр	25,0/23,5
9. Верхний поперечный диаметр	29,8/28,8
11. Нижний передне-задний диаметр	26,9/27,8
12. Нижний поперечный диаметр	41,2/41,1
14. Длина шейки	68/70
18. Высота головки	47/47
19. Ширина головки	47/47
21. Ширина нижнего эпифиза	79/77

27. Индекс изгиба диафиза	2,3/2,4
28. Угол кручения	24°/20°
29. Угол наклона шейки	131°/130°
30. Угол расхождения осей	9°/10°

Большеберцовая кость (правая/левая)

1. Длина	345/347	мм
3. Ширина верхнего эпифиза	76/75	»
6. Ширина нижнего эпифиза	50/50	»
8а. Передне-задний диаметр	36/35	»
9а. Поперечный диаметр	22/22	»
10б. Наименьшая окружность	74/73	»
12. Угол ретроверсии	23°/22°	
13. Угол наклона	16°/16°	
14. Угол кручения	16°/32°	

Малоберцовая кость (правая/левая)

1. Длина	341/—	мм
--------------------	-------	----

Л. Н. ЧИЖИКОВА, М. Н. ШМЕЛЕВА

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ

(Село Вирятино Тамбовской обл.) *

Село Вирятино, расположенное в пойме р. Челновой (приток р. Цны)¹ относится к числу старейших поселений Тамбовщины.

По своей форме село представляет типичное южновеликорусское поселение уличного плана, но продолжает сохранять следы прибрежно-рядовой планировки, характерной для него в прошлом. Старейшими в селе считаются улицы: Поляна, Орешник, Верхний и Нижний проулки.

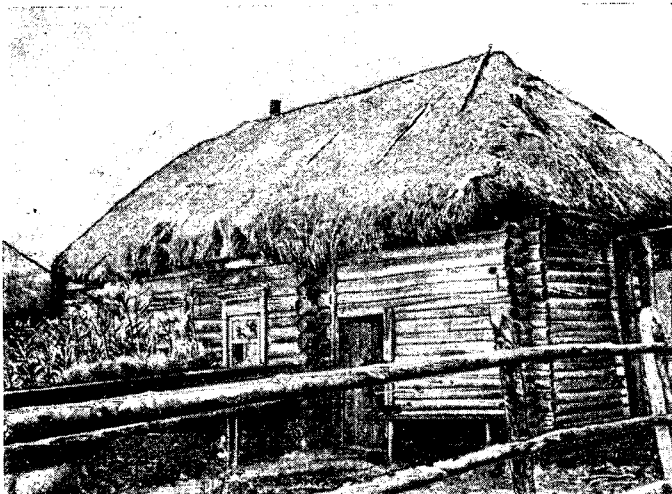
Современный жилой фонд села Вирятино состоит из построек разных типов, которые складывались в разные годы на протяжении последних 80 лет. Для того чтобы было возможно получить полную картину изменения и развития жилища, историю заселения отдельных улиц и переулков села, нами было проведено сплошное подворное обследование. Детальный анализ всех жилых построек (в селе 406 домов) позволил проследить, как изменялись жилые постройки на протяжении последней сотни лет и чем были вызваны эти изменения.

Жилище села Вирятино исследовалось нами с учетом общих исторических условий, хозяйственной деятельности и семейного быта крестьян. Особое внимание было уделено исследованию тех изменений, которые происходили в жилище в связи с социалистическим переустройством деревни.

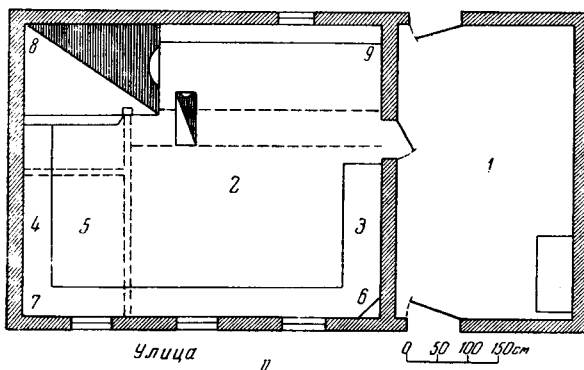
В XIX в. для села Вирятино, как и для всей Тамбовской губернии, было характерно срубное жилище. В селе старинные постройки не сохранились; восстанавливать облик старого типа деревянного дома пришлось по рассказам стариков и старинному жилищу, сохранившемуся в окрестных селах.

Старые крестьянские постройки села по всем своим основным признакам были типично южновеликорусскими. Жилая постройка стояла вдоль улицы и покрывалась соломенной четырехскатной крышей. Избы рубились в круглый угол, под углы сруба были поставлены дубовые столбы — «подвалки». Сруб избы состоял из 15 венцов, переводы пола врубались в первый венец, между полом и землей оставалось пространство в 0,5 м. Потолочные балки врубались в четырнадцатый, так называемый «подбалочный венец». Потолочины были сделаны из «половиц» — тонких бревен, расколотых пополам. Жилая постройка состояла преимущественно из одного жилого помещения, сени часто устраивались из плетня. Печь стояла в противоположном от входа углу, устье ее было направлено к двери (так называемая южновеликорусская планировка избы восточного подтипа) (рис. 1).

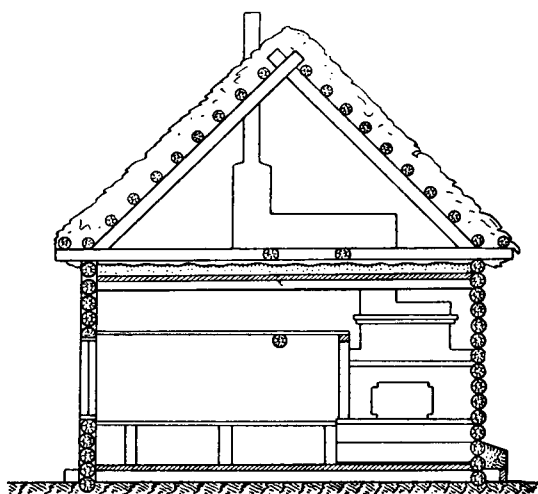
* Настоящей статьей редакция журнала открывает серию публикаций о культуре и быте современной русской колхозной деревни по материалам Русской этнографической экспедиции Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, работавшей в течение 1952—1954 гг. в селе Вирятино Тамбовской области.

I

II

III

Рис. 1. Тип постройки, характерный для XIX в. I — общий вид дома; II — план дома: 1 — сени, 2 — изба, 3 — коник, 4 — лавки, 5 — полати, 6 — передний угол, 7 — задний угол, 8 — печной угол, 9 — судний угол; III — поперечный разрез

Средние размеры старых жилых построек были очень малы — 6 × 7 × 7 м, хотя обитавшие в них семьи были многочисленны (по сообщению местных старожилов, состояли в среднем от 25 до 30 человек).

Такие жилищные условия при большой численности семьи создавали необычайную скученность. Каждый угол в избе имел свое название и назначение: в «переднем углу» (см. рис. I, II) обедали, принимали гостей; в «заднем» спали, в «печном углу» стояла русская печь, в «судном» — стряпали. Старики спали на печи, кто помоложе — на полу, полатах лавках. Спали на соломе, которую покрывали «постилкой»²; постилкой же укрывались. Женщины пряли на передней лавке. В избе было грязно. Пол никогда не мылся, только по большим праздникам его скребли скребками.

Дома, состоящие из двух жилых изб, в Вирятине были редки и принадлежали наиболее зажиточным крестьянам. В некоторых зажиточных большесемейных хозяйствах на усадьбе стояло несколько изб. В семье гуртовщика овец Макарова, состоявшей из 27 человек (1870-е годы), было 3 избы; в одной из них стряпали и обедали, в двух других — спали.

Дворы в селе Вирятино были открытыми. Старая форма и конструкция двора сохранились в своей основе до настоящего времени. Крытые помещения для скота, дров, сельскохозяйственного инвентаря устраивались из плетня и назывались «поветями». Повети стояли за домом на расстоянии 20—40 м, загибались к дому под прямым углом и иногда доходили с одной стороны до дома, с другой стороны — до ворот. В больших семьях, имевших значительное количество скота, нередко параллельно первому ряду поветей на некотором расстоянии от него устраивался второй ряд. Часто повети были разгорожены на отдельные лачужки, в которых летом спали отдельные супружеские пары большой семьи. Под поветью устраивали погреба, срубную баню с южновеликорусским планом расположения печи. На крестьянских усадьбах стояли сеницы для мякны и риги для необмолоченной ржи и сена. Хлеб сушили на печи, молотили на току, иногда молотба происходила в риге.

Описанный тип крестьянских построек села Вирятино был характерен в XIX в. для многих районов южновеликорусских губерний — Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской и прилегающих к ним районов Тульской и Рязанской. Имеющиеся исторические, археологические и этнографические материалы не позволяют установить время сложения данного типа жилища на юге России. Став этнической традицией для данной территории, южновеликорусский тип жилища при натуральном крестьянском хозяйстве, при косности и темноте крестьянских масс крепостной России, мало изменялся в течение столетий.

С 1880-х годов в общественно-экономической жизни села происходили крупнейшие изменения. Развитие отхожих промыслов, принявших в этот период массовые размеры, содействовало интенсивному вовлечению крестьянства в товарно-денежные отношения, что не могло не вызывать изменений и во внутреннем строе крестьянской семьи. Для Вирятина становятся характерными участвовавшие в разделах больших семей, семья, как правило, состоит из 3 поколений³ и значительно уменьшается в своей численности. Это находит свое выражение в быстром росте села. До 1870-х годов в селе было только 200 домов. С 80-х годов село быстро разрастается. Возникает новая улица Сычевка, застраиваются старые улицы, увеличивается плотность застройки.

Сплошное подворное обследование позволило нам проследить историю отдельных семей по поколениям, их разделы и расселение по селу. В селе

² «Постилка» — дмотканная полосатая материя, основа ее ткалась из конопли, а уток из «строчьев» (тряпок). Постилка до сих пор широко применяется в быту для покрытия сундука, а в некоторых домах заменяет простыни.

³ См. экспедиционный отчет В. Ю. Крупянской по разделу «Семья и семейный быт в селе Вирятино», стр. 3. Рукопись. Архив Ин-та этнографии АН СССР.

много однофамильцев. Кроме того, внутри каждой фамилии существуют так называемые «подворные клички», которые давались по имени главы семьи и пережили несколько поколений. Выяснение подворных кличек помогло установить ближайшие родственные связи отдельных семей (внутри фамилий) и проследить историю их разделов. Так, например, в селе много однофамильцев Дьяковых. У Дьяковых несколько подворных кличек: Кирюшкины, Самохины, Логоновы, Викторины. Все Кирюшкины, Самохины и т. д. находились между собой в близком или отдаленном родстве; были ли между собой родственны все Дьяковы, этого установить уже нельзя. Родоначальники Кирюшкиных жили в Нижнем проулке. Первый раздел в их семье произошел в 1870-х годах, разделившиеся семьи выселились на свободные участки поблизости, в Нижнем проулке. В одной из этих семей следующий раздел произошел в 1897 г.; отделившиеся семьи, ввиду того, что рядом свободной земли не было, выселились в Сычевку, левая сторона которой еще только начинала застраиваться. В дальнейшем Дьяковы — Кирюшкины расселялись по Сычевке и Нижнему проулку, одна семья выселилась на Песок, купив там усадьбу. Родоначальники Дьяковых — Логоновых жили также в Нижнем проулке, но уже в 1880-х годах они при семейных разделах заселили значительную часть Песка, конец которого застраивался как раз в эти годы. Дьяковы — Самохины расселились по Верхнему проулку и Зайчевке.

Обычно при семейных разделах братья делили между собой родительские дома и усадьбы или выселялись на конец села, где общество выделяло им определенный приусадебный участок. В центре села была возможность селиться только в том случае, если кто-нибудь из односельчан уезжал на новые места и продавал свою землю.

В 1880-х годах традиционное срубное жилище начинает уступать место кирпичному⁴. Строительство кирпичных домов в с. Вирятино принимает широкий характер, и это объясняется прежде всего покупкой вирятинскими крестьянами бывшей помещичьей земли с богатыми залежами глины, давшей возможность без больших затрат получать строительный кирпич. Крестьяне объединялись двумя-тремя хозяйствами, заводили собственный горн, строили сарай для сушки кирпича и сами его обжигали. Но все же значительная часть населения вынуждена была покупать кирпич для строительства, а стоимость кирпичных домов доходила в то время до 120—150 руб. (в зависимости от размера).

Деньги на постройку кирпичных домов (которые предпочитались срубным, потому что предохраняли от пожаров, бывших весьма частыми в селе) крестьяне получали от отходничества. Самым массовым видом отходничества в Вирятине был уход на заработки в Донбасс, на шахты. Отходники работали там по 6—7 месяцев в году. Путем больших лишений и экономии на самом необходимом отходники могли отсылать в деревню часть своего заработка: в 80-е годы это выходило по 40—60 руб., в 900-е — по 70—100 руб. за сезон. Деньги шли на поддержание хозяйства, на одежду членов семьи, но основная часть откладывалась для строительства дома. Таким путем, после ряда лет изнурительной работы на шахтах, накапливали необходимые средства для постройки дома.

В результате всего этого за короткий срок (1890-е годы и первое десятилетие 1900-х годов) значительная часть села была перестроена. Несмотря на недостатки кирпичных домов, построенных в те годы — сырость жилого помещения, необходимость заготовки гораздо большего количества топлива, — кирпичное строительство протекало быстрыми темпа-

⁴ Несколько кирпичных домов было построено еще до реформы 1861 г. Дом Ф. С. Гусева был построен в 1859 г. из кирпича, оставшегося от постройки церкви; дом бывшего дворового Крикова и несколько других были построены из кирпича, принадлежавшего помещику.

ми. В настоящее время в селе 230 кирпичных домов, которые были построены именно в эти годы.

Первые кирпичные дома строились по традиционному плану и отличались от старых построек только материалом и техникой строительства. Но постепенно, в связи с усилившимися влияниями города и промышленных центров, повышаются требования населения к своему жилищу. Это

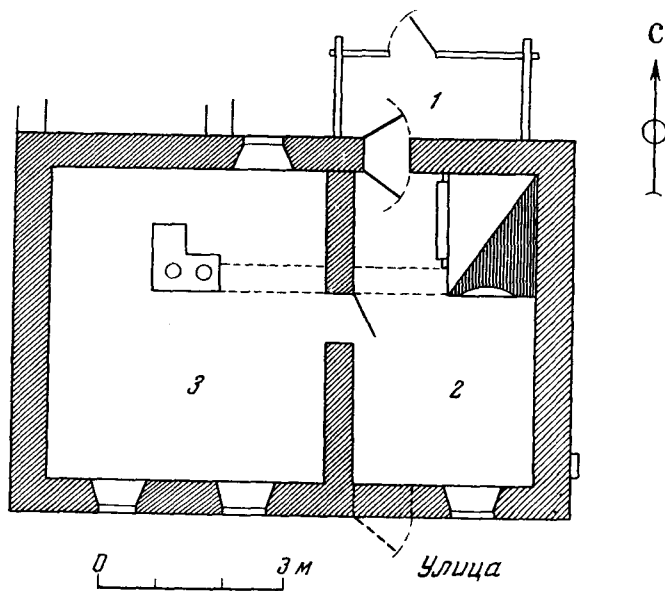

Рис. 2. План дома, построенного в 1900 г.: 1—сени, 2—кухня, 3—горница

в первую очередь проявилось в тенденции к выделению «чистой» половины. При постройке кирпичного дома все помещение часто разгораживалось капитальной стеной на две части: кухню и горницу. В кухне (если дом стоял вдоль улицы) устраивали два входа: с улицы и со двора; печь стояла в заднем от улицы углу, устьем к входу, идущему с улицы (рис. 2). В направлении устья печи к входу сохранялась старая традиция, хотя вход теперь устраивался не в боковой, как прежде, стене, а шел с улицы. Жилое помещение кирпичного дома, кроме русской печи, отапливалось голландкой, которая с 1900-х годов ставилась в горнице посередине глухой стены, определяя собой места для сна. Подобная планировка получила дальнейшее развитие в советское время.

Как показали собранные экспедицией материалы по истории семьи, семейные устои в Вирягине были крепки. Раздел производился, как правило, лишь тогда, когда семья слишком разрасталась.

В предшествующий период, если семья делилась, то для выделявшихся обычно заранее всей семьей ставили отдельный дом. Ввиду того, что получить землю для отделявшихся семей было нелегко, новую избу часто ставили рядом с родительской, на той же самой усадьбе, деля ее между двумя семьями.

В период кирпичного строительства также предпочитали ставить отдельный дом, но дешевле было сразу ставить дом больших размеров с тем, чтобы при разделах семьи его можно было разделить на две или три части. Часто, когда в семье не было достаточных средств, сначала строили жилое помещение, рассчитанное на одну семью, а в дальнейшем, при разделе семьи, к нему пристраивали дополнительные комнаты. Есте-

ственно, что при этом нарушался старый план, печь меняла свое традиционное положение. Теперь печь могла быть поставлена в самых различных углах в зависимости от направления улицы, входа и окружающих дом других жилых и хозяйственных построек. Однако печь всегда старались поставить более рационально, так, чтобы кухонный угол занимал как можно меньше жилой площади.

Приведем примеры. Кирпичный дом, принадлежащий в настоящее время двоюродным братьям И. М. и А. С. Матрохиным (рис. 3), был построен в 1884 г. Все жилое помещение при постройке дома было разделено капитальной стеной на кухню и горницу. Там, где сейчас находится чистая половина И. М. Матрохина, была кухня; печь стояла в левом углу, смежном с горницей, устьем к двери. В кухне и даже в горнице по стенам располагались неподвижные лавки, в кухне был коник, стол стоял по диагонали от печи. Словом, первоначально внутренняя планировка дома мало чем отличалась от плана старых деревянных изб. В этом доме жили дед И. М. и А. С. Матрохиных, их отцы и дядя. В 1888 г., после смерти деда, братья разделились. Еще до раздела всей семьей построили кирпичный дом на Орешнике. В этот дом выселился младший брат, старшие братья разделили между собой кухню и горницу. Старшему Митрофану досталась кухня, среднему — Семену — горница.

Взрослые мужчины из этих семей ходили на заработки в Донбасс. На заработанные деньги старший брат Митрофан пристроил в 1903 г. к боковой стене доставшегося ему помещения кирпичную кухню, а сзади кухни — тесовые сени. Печь была перенесена в кухню и поставлена посередине наружной стены кухни, устьем к двери, перед печью было проделано окно во двор. В 1904 г. и у среднего брата Семена была пристроена к боковой стене горницы кирпичная кухня, а сбоку ее — кирпичные сени и ворота. Вход в сени был устроен с улицы, вход в кухню проделан не в задней, а в боковой стене из сеней. Поэтому здесь пришлось поставить русскую печь совсем по-другому. Удобнее всего было поместить ее в углу у двери с направлением к задней стене кухни, выходящей во двор. Одновременно с разделом дома и пристройкой к нему новых помещений появились подвижные скамейки, стулья, табуреты, столы, деревянные кровати.

Почти каждый современный кирпичный дом в селе Вирятино имеет сложную историю, восстановить которую иногда бывает очень трудно, так как в связи с семейными разделениями дома перестраивались и меняли свою планировку по нескольку раз. Длинный кирпичный дом Булуевых состоит сейчас из 4 квартир. Вначале здесь жила одна семья, и жилая площадь дома была вчетверо меньше современной. Первый раздел семьи произошел в 1900 г., в результате рядом был построен еще один кирпичный дом и к обоим домам было прилажено по кухне. У каждого брата жилое помещение стало состоять из кухни и горницы. Когда семьи вырослись, они поделили между собой свои помещения (1905 и 1922 гг.). Таким образом, в результате нескольких разделов дома между родственниками возник многоквартирный дом.

В самом конце XIX и особенно в начале XX в. происходят значительные изменения и во внутренней обстановке кирпичных домов. В быт входит подвижная мебель. В домашнем быту сказывается влияние города и промышленных центров. И все же культурные запросы населения оставались еще на очень низком уровне, в село просачивалось влияние городского мещанства, что сказалось на украшении комнат лубочными картинками, пестро раскрашенными открытками и прочими низкопробными в художественном отношении предметами.

Сейчас трудно детально проследить, как отражалось классовое расслоение села на типах жилых построек, так как многие дома наиболее бедной части населения заменены при советской власти добротными но-

I

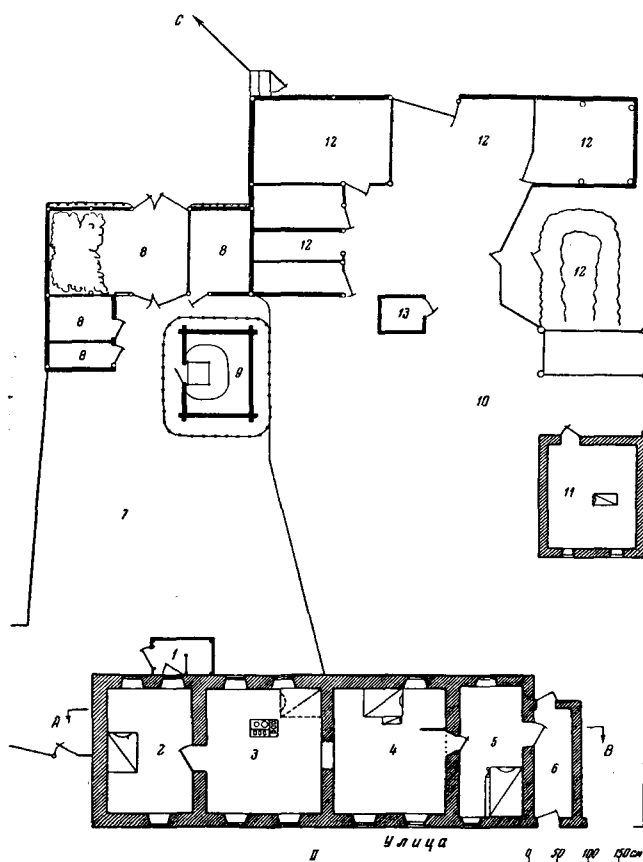

Рис. 3. Дом А. С. и И. М. Матрохиных, построенный в 1884 г.: I — общий вид, II — план дома: 1 — сени, 2 — кухня, 3 — горница И. М. Матрохина; 4 — горница, 5 — кухня, 6 — сени А. С. Матрохина; 7 — двор И. М. Матрохина, 8 — повети, 9 — погреб, 10 — двор А. С. Матрохина, 11 — кладовая, 12 — повети, 13 — курятник;

выми домами, а некоторые дома кулаков разрушились или были вывезены в 1930-х годах в районный центр. Дома местных богатееров выделялись своими размерами, планировкой жилых помещений, убранством комнат. Так, например, у крупного лесопромышленника Саяпина был большой двухэтажный деревянный дом; у Слепцова, владевшего большими земельными массивами около Тамбова, дом состоял из нескольких комнат и кухни, отделенной сенями; в кухне жили батраки. Помещения для скота и сельскохозяйственного инвентаря, находившиеся во дворе, были построены из кирпича. Артельщику Жданову принадлежал большой кирпичный дом, в верхнем этаже которого помещались жилые комнаты, в нижнем — кладовые и т. п. Многие из этих богатых домов были обставлены хорошей городской мебелью.

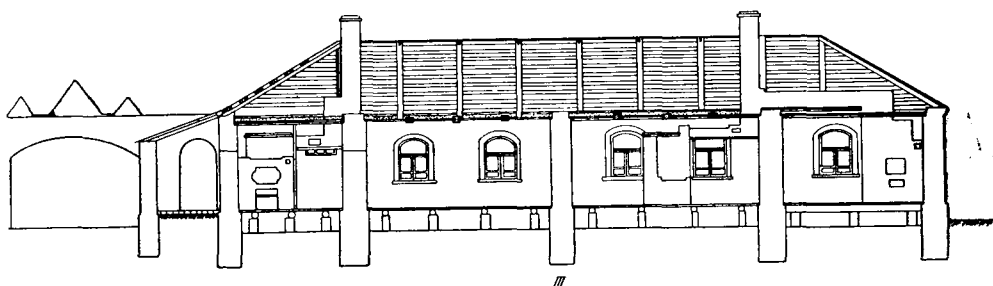

Рис. 3. III — продольный разрез дома А. С. и И. М. Матрохиных

Таким образом, в годы интенсивного развития капитализма в жилище села Вирятино происходят большие изменения. С развитием денежного хозяйства меняется самый тип построек, их планировка и обстановка комнат. Изменения затрагивают главным образом кулацкие хозяйства, значительную часть середняцких и совсем не отражаются на бедняцких хозяйствах. Избы последних были срубными, небольших размеров, с традиционным внутренним убранством. Оставшиеся дореволюционные постройки, в которых живут сейчас колхозники, принадлежали в основной своей массе середнякам. Большая часть их состояла из одного жилого помещения, дома из двух комнат были характерны для более зажиточных хозяйств. В тенденции к выделению чистой половины, к появлению в доме покупных вещей отражалось влияние городских, промышленных и торговых центров. Самое непосредственное влияние на быт Вирятина оказывало ближайшее торговое село Сосновка с его разнообразным по своему социальному составу населением.

Многие кирпичные дома были построены специалистами-каменщиками, приходившими из соседних сел — Атьяс и Сосновки. Стены первых кирпичных домов были сложены в три кирпича (таких изб осталось в селе сейчас очень мало). В конце XIX — начале XX в. дома строили в 2½ и в 2 кирпича. Кладка кирпича была стандартной и сохранилась вплоть до настоящего времени в строительстве общественных колхозных построек. Между кирпичами везде оставляются пустоты, которые забиваются щебнем и заливаются известкой. Кирпичные дома имеют глубокие фундаменты (рис. 3). Фундамент кирпичных домов шире стены на полкирпича и выступает над поверхностью земли на 0,4—0,5 м, образуя цоколь. В фундаменте устроены гнезда, в которые вставлены концы перерубов таким образом, чтобы доски пола лежали с одной стороны на перерубе, с другой — на обрезе фундамента. Крыши кирпичных построек покрыты железом или соломой. Конструкция крыши построек того времени была примитивной: при покрытии под железо стропила ставились непосредственно на стены, что создавало большой упор на стены, быстро

разрушавшиеся. При покрытии соломой поперек крыши клались связ в них врубались стропила. Для кирпичных построек того времени характерны окна с овальным сводом; некоторые дома украшены узором кирпича, выложенного из белого кирпича (рис. 4); фасады домов часто орнаментированы фигурным кирпичом (колонки, треугольники, ромб свешивающиеся полотенца — см. рис. 5). Несмотря на это, длинные приземистые кирпичные дома с маленькими окнами, построенные в конце XIX — начале XX в., малохудожественны по своей архитектуре.

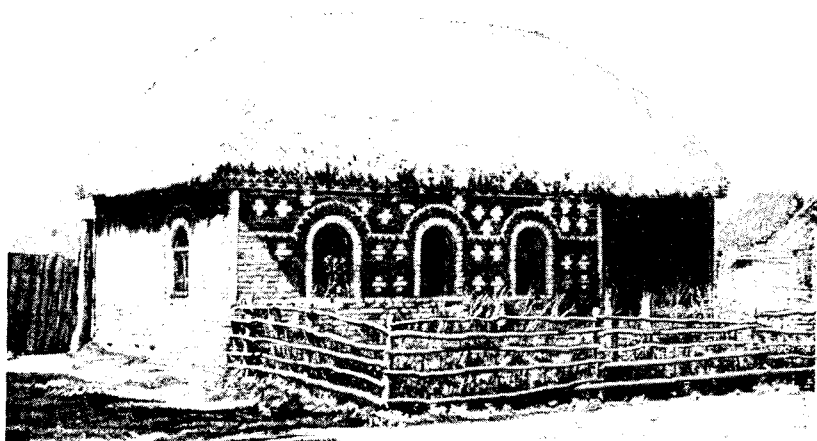

Рис. 4. Орнаментация кирпичного дома, построенного в 1896 г.

В строительстве дворовых построек больших изменений в рассматриваемый период не произошло. Вместе с распространением кирпичных домов стали строить кирпичные кладовые с железными дверями, а в бедных хозяйствах — глинобитные кладовые.

Кирпичное строительство продолжалось в Вирятине вплоть до 1914 г. В годы империалистической войны в связи со всеобщей разрухой жилищное строительство почти прекратилось.

После Великой Октябрьской социалистической революции, с перераспределением земли на новых началах (по числу всех членов семьи), была устранена основная причина, сдерживавшая разделы семейств. В связи с этим создались новые крестьянские дворы, село стало быстро расширяться и застраиваться. В эти годы возникла новая улица Выселки, интенсивно застраивается конец улицы Песка.

В 1920 гг. в селе построено 80 домов, из них 60 деревянных и 20 кирпичных. Возвращение к деревянным постройкам объясняется рядом причин. Во-первых, в первые годы советской власти по сниженным ценам продавали лес демобилизованным — участникам гражданской войны. Во-вторых, в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, трудные в хозяйственном отношении, подвоз извести в село был прекращен, заниматься производством кирпича было невозможно. Возвращение к деревянным жилым постройкам объяснялось еще и тем обстоятельством, что они имеют ряд преимуществ: в них более здоровый сухой воздух, они требуют меньше топлива, постройка их дешевле и быстрее.

В годы гражданской войны и хозяйничания на территории Тамбовщины банды Антонова жилищное строительство протекало медленными темпами. В эти годы дома строились наспех, конструкции их ничем не отличались от вышеописанных деревянных изб XIX в. Все они вместо

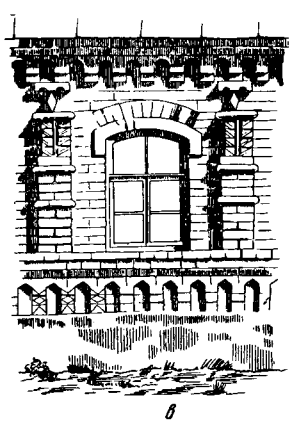
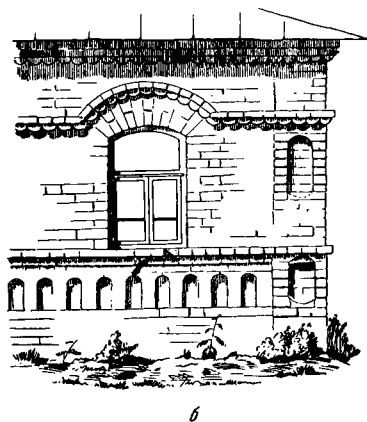
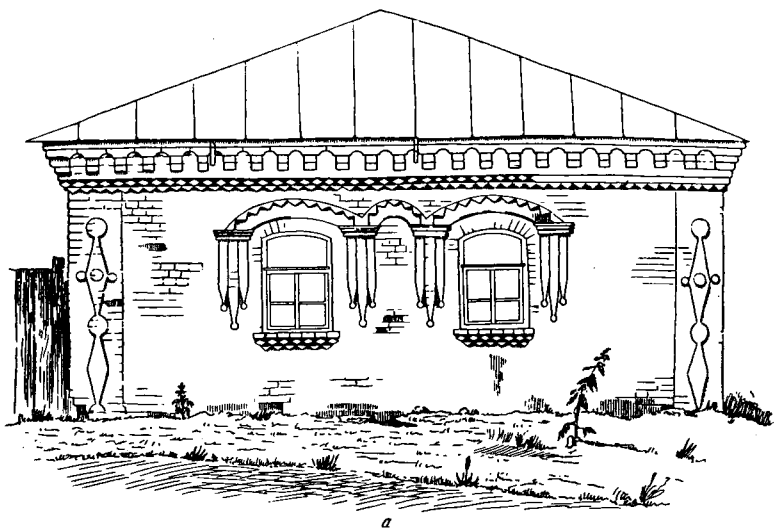

Рис. 5. Орнаментация кирпичных домов, построенных в конце XIX — начале XX в. (а, б, в)

фундамента имели деревянные подвалки, покрывались соломенными крышами.

Дома обычно состояли из одного жилого помещения с тесовыми или плетневыми сенями, печь стояла на старом традиционном месте, хотя полатей, коника, неподвижных лавок в домах уже не было.

Рост жилищного строительства начинается в начале 1920-х годов, когда партия благодаря переходу к новой экономической политике добилась перелома на хозяйственном фронте. Крестьянское хозяйство села стало быстро восстанавливаться.

Переход от продразверстки к продналогу позволил вирятинским крестьянам продавать хлебные излишки; деньги шли на приобретение скота, вкладывались в жилищное строительство. С этого времени многие дома стали крыть железом, большое распространение в селе получают также глино-соломенные крыши.

Новые срубные постройки были рассчитаны на одну малую семью. Общие размеры дома изменились мало, но жилая площадь, приходящая на одного человека, значительно возросла. Большое число домов того времени строится пятистенками, жилое помещение разделено на кухню горницу. Распространяются различные планы домов с более рациональным положением печи.

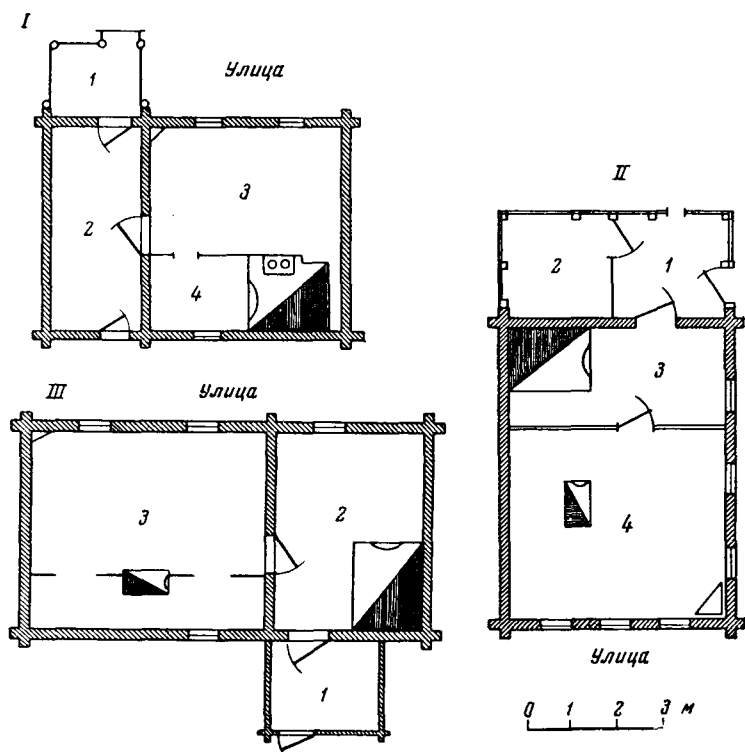

Рис. 6. Планировка домов, построенных в 1920 гг. I тип: 1—крыльцо, 2—сени, 3—передняя, 4—кухня; II тип: 1—сени, 2—чулан, 3—кухня, 4—горница; III тип: 1—сени, 2—кухня, 3—горница

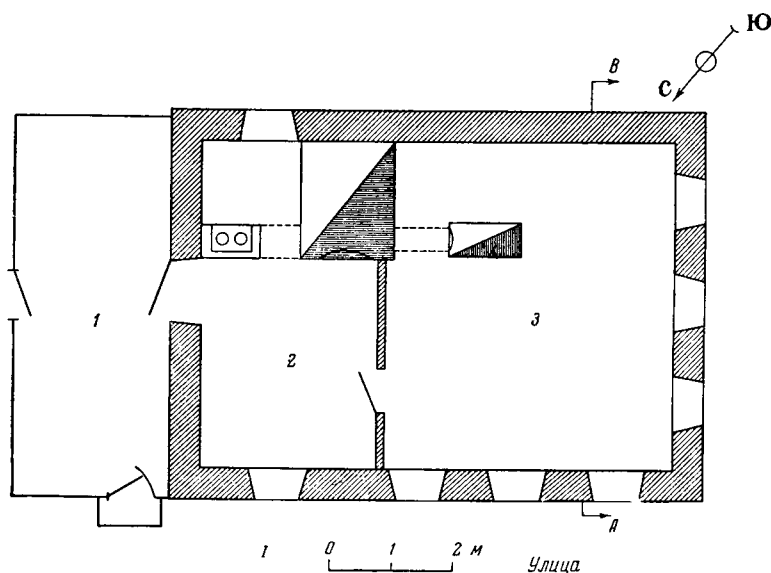
Во многих деревянных домах этого времени сохраняется традиционное положение печи, однако наметившаяся уже в 1900-х годах тенденция к выделению чистой половины вызвала перестановку печи, отнесение ее ближе к двери (рис. 6, тип I), что позволило в некоторых домах отделить чистую половину от кухни. Для 1920-х годов более характерным было распространение другого типа внутренней планировки, при котором печь ставилась в углу у двери, что позволяло при небольших размерах дома более рационально использовать жилую площадь, отделив больше места под горницу (рис. 6, тип II). Этот тип внутренней планировки является преобладающим и в настоящее время.

Характерным для деревянных пятистенных домов является перенесение на них плана кирпичных изб постройки 1900-х годов (рис. 6, тип III): вход устроен в стене, противоположной улице, печь стоит в углу, у дверей, устье ее направлено к передней стене.

По мере того, как крепла хозяйственная жизнь села, во второй половине 1920-х годов вновь возрождается кирпичное производство, а вместе с ним и строительство кирпичных домов. Кирпичные дома постройки 1926—1930 гг. рассчитаны на одну малую семью; они обычно состоят из одного жилого помещения, разделенного кирпичной или тесовой перего-

родкой на кухню и горницу. Русская печь ставится различно, но чаще в домах этого времени встречается второй тип планировки.

Кирпичные дома, построенные после Великой Октябрьской социалистической революции, отличаются от старых более усовершенствованной техникой постройки. Стены новых кирпичных домов имеют более кра-

Разрез по линии АВ

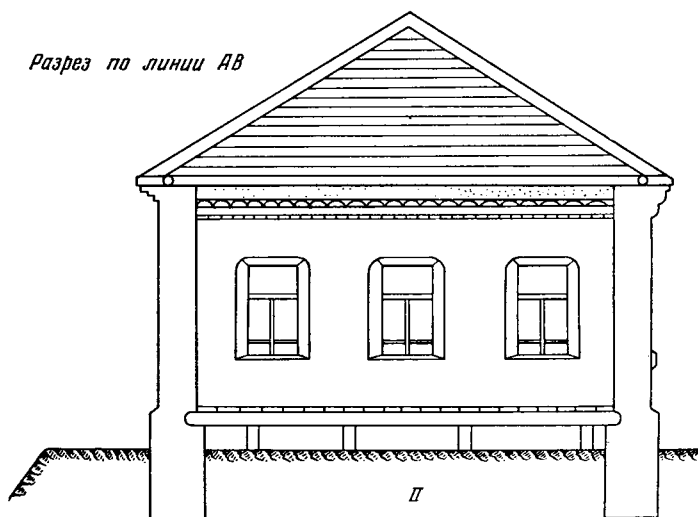

Рис. 7. Кирпичный дом, построенный в 1928. I — план: 1 — сени, 2 — кухня, 3 — горница; II — поперечный разрез

сивую кладку, при которой все кирпичи положены узкой стороной наружу. Окна в новых постройках прямоугольной формы и больше по своим размерам, потолки выше. Усовершенствована конструкция крыши (рис. 7): стропила не ставятся, как прежде, прямо на стены, они врубаются в связи, которые в свою очередь кладутся на мауэрлаты; концы связей несколько выступают и образуют карниз. Вся крыша устраивается выше и круче. Постройки красивее, пропорции их более совершенны. Новые кирпичные дома крыты железом. Таким образом, со второй поло-

вины 1920-х годов в жилищном строительстве отражается общий подъем материального и культурного уровня сельского населения.

Следующий этап жилищного строительства связан с коллективизацией сельского хозяйства. Начиная с 1930-х годов, в селе построено 85 срубных домов: сокращение в этот период кирпичного жилого строительства объясняется необходимостью производства большого количества кирпича для общественных построек вновь организованных колхозов.

Особенно большие изменения в строительстве происходят после победы колхозного строя и особенно после Великой Отечественной войны. Окрепший, выдержавший все испытания Великой Отечественной войны колхозный строй обусловил неуклонный рост материального благосостояния колхозников. Хорошо налаженное общественное хозяйство колхоза «Путь Ленина», объединяющего жителей села Вирятино, обеспечивает колхозникам полноценный трудодень (по 4—6 кг зерна, не считая денежных доходов). Для этого колхоза характерно, что запасы хлеба у колхозников переходят из года в год и во многих семьях создается значительный хлебный фонд, реализация которого позволяет строиться, делать крупные приобретения и покупки во всех областях домашнего быта.

Могучая сила колхозного строя рождает новые запросы сельского населения, новые материальные и духовные потребности. Среди населения села значителен процент получивших среднее и высшее образование. Еще сильнее окрепли связи села с городом. Все это находит свое отражение в изменении облика села, в строительстве жилых домов, во внутренней обстановке жилища, в новом домашнем быту.

В селе созданы новые хозяйственные, культурные и административные центры. На месте церкви выстроено красивое двухэтажное здание клуба, у входа в которое возвышаются памятники В. И. Ленину и И. В. Сталину. На территории животноводческих ферм выросли добротные кирпичные хозяйственные постройки, выстроенные по типовым проектам и по проектам колхозных строителей. Большое внимание уделяется благоустройству и украшению села, расширяются и озеленяются улицы, улучшаются дороги, появляется электрическое освещение. В ближайшее время будет сооружен водопровод.

Большие изменения, происшедшие в конструкции новых жилых домов, тесно связаны с повышением квалификации строителей. В селе Вирятино новые жилые дома строят плотники — члены колхозной строительной бригады. Большинство из них было на фронте, работало на постройке различных городских сооружений, сейчас все они работают на строительстве общественных колхозных зданий, требующем применения высококвалифицированного труда.

Большинство новых домов рублено в лапу, что облегчает обшивку домов тесом и считается колхозниками более красивым. Изменения произошли в устройстве фундамента деревянных домов. Многие дома, построенные за последние 20 лет поставлены, как и прежде, на деревянные подвалки, но пространство между подвалками проложено кирпичом. Благодаря завозу достаточного количества цемента, вместо подвалок устраиваются кирпичные цементированные тумбы высотой в 0,3—0,5 м или делается сплошной цементированный фундамент. Пол делается из пятисантиметровых досок, которые подфуговывают вплотную друг к другу и сплавивают «в шканти». Перерубы, как и прежде, врубают в первый венец, но в некоторых домах они вставляются в гнезда цементированного фундамента, что предохраняет пол от преждевременного гниения и разрушения. Потолочные балки врубаются попрежнему в предпоследний венец, но устройство потолка и крыши намного усовершенствовано. Верхний потолок делают из горбылей или неотесанных досок, но снизу устраивают второй, так называемый «подшивной» потолок из двухсантиметрового теса. Потолочники, соединяясь друг с другом «в закрой» или «в шпунт», прибиваются

гвоздями к потолочным балкам, у стены же ложатся на плитусы. Большинство новых домов покрыто шифером и железом. Поперек верхнего венца сруба кладутся связи, в них врубаются стропильные ноги; концы слег, выступающие наружу на уровень стен, обшиваются тесом, таким образом, устраивается карниз. Стены деревянных домов изнутри штукатурят, а снаружи обшивают тесом и красят.

Совсем по-городскому выглядит дом П. Е. Пучкова, построенный им в 1950 г. Снаружи дом обшит и выкрашен в коричневую краску, наличники дома зеленые, крыша железная, со светелкой. Изнутри стены обшиты и оштукатурены. Дом поставлен на сплошной цементированный фундамент высотой в 0,6 м. Под полом устроен глубокий (1,3 м) цементированный погреб. Вход в погреб — с застекленной террасы, устроенной вдоль задней стены, выходящей во двор (рис. 8).

Кроме постройки новых зданий, колхозниками производится большая работа по ремонту своих старых кирпичных домов. В некоторых постройках подводятся новые процемментированные кирпичные фундаменты, в разрушающихся стенах старые кирпичи заменяются новыми; изнутри стены теперь штукатурят смесью алебастра, песка и извести, снаружи — смесью цемента, извести и песка. В старых домах перестилиаются полы и потолки. Во многих кирпичных домах переделывают крыши, кладут на стены мауэрлаты, стропила врубают в связи, устраивают деревянные карнизы. «Старики все без ума делали, — рассказывает старый плотник А. С. Матрохин, — стропила прямо на стены ставили, а стропила-то стены и распирают. Нужно делать по-новому: связи, легеря, карнизы, крыша чтобы круче была, вот такая и простоит долго». Во многих домах для того, чтобы в комнатах было суше, кирпичные стены изнутри обшивают тесом: прослойка в 10 см между кирпичными стенами и тесом создает воздушную подушку, предохраняющую жилое помещение от сырости и холода.

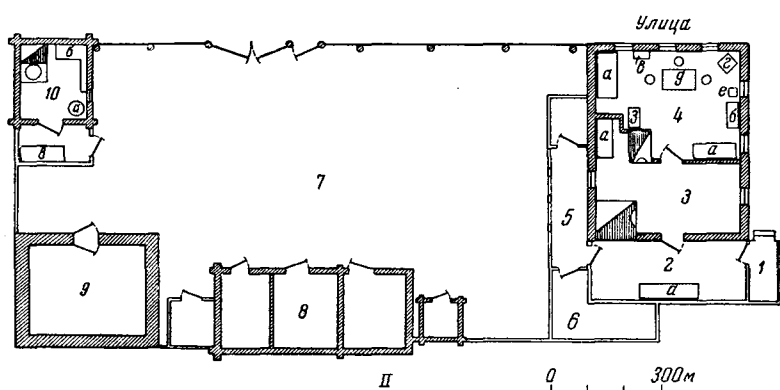
Значительные изменения произошли в планировке жилых помещений. Из 40 обследованных домов, построенных в 1930-х годах, в 25 домах зафиксирован упомянутый выше второй тип планировки. В 8 домах печь стоит на старом традиционном месте. В домах послевоенного времени такое расположение печи исчезает совсем за счет распространения второго типа планировки.

Повышение культурного уровня колхозников и рост зажиточности порождают новые запросы населения. Колхозников не удовлетворяют больше традиционные формы планировки, старые размеры жилой площади. Сейчас в селе наблюдается большое стремление к многокомнатности. Во многих домах в горнице занавеси по обеим сторонам голландки заменяются тесовыми перегородками, таким образом возникают отдельные спальни. Получают распространение четырехкомнатные дома, состоящие из кухни, столовой, горницы и спальни. В доме В. И. Лосева (рис. 9) русская печь стоит в кухне, в углу, у смежной с горницей стены, устьем к двери. Тесовая перегородка отделяет кухню от столовой; в передней половине дома тесовая перегородка отделяет спальню от горницы. В. И. Лосев собирается поставить печь в рубленом чулане и использовать его для стирки белья, приготовления корма скотине и временного содержания молодняка (теленка, поросенка, ягнят), который некоторое время приходится держать в кухне.

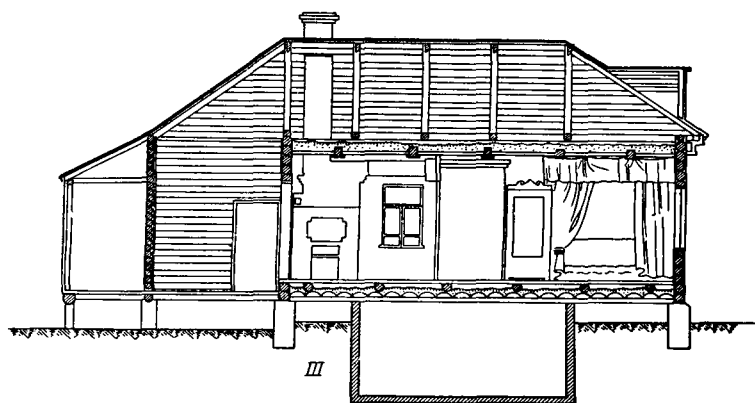
Планировка с подобной постановкой печи и выделением четырех комнат характерна в настоящее время для многих новых домов в различных областях и районах СССР (например в Московской, Ульяновской, Куйбышевской, Горьковской и других областях). В прошлом для перечисленных областей был характерен средневеликорусский план жилища, для Тамбовской области — южновеликорусский. Многокомнатность типична для нового жилищного строительства всех сел и деревень нашей страны и не связана со старыми этническими традициями.

I

II

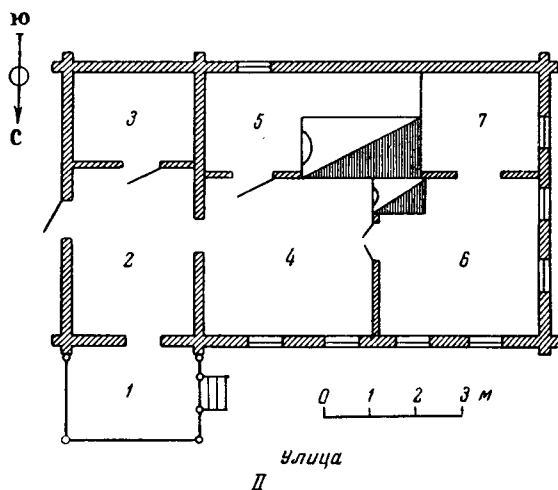
III

Рис. 8. Дом П. Е. Пучкова, построенный в 1950 г.: I — общий вид дома; II — план: 1 — крыльцо, 2 — сени (а — плотничный верстак), 3 — кухня (а — кровать), 4 — горница (а — кровать, б — комод, в — тумбочка, г — столик, д — стол и стулья, е — этажерка с книгами, з — гардероб), 5 — терраса, 6 — летняя комната, 7 — двор, 8 — хлев, 9 — кладовая, 10 — баня (а — бочка с водой, б — полук, в — скамейка); III — продольный разрез

Новые культурные запросы колхозников требуют выделения отдельных помещений под кухню, столовую, спальню, залу (где семья проводит досуг). Колхозники села Вирятино имеют для этого все материальные возможности⁵, но их ограничивает недостаток строительных материалов,

I

II

Рис. 9. Дом В. И. Лосева, построенный в 1951 г. I — общий вид дома; II — план: 1 — крыльцо, 2 — сени, 3 — чулан, 4 — столовая, 5 — кухня, 6 — зал, 7 — спальня

отпускаемых на индивидуальное строительство; плохо обстоит дело и с доставкой в село кровельных материалов. В селе хорошо налажено кирпичное производство для колхозного общественного строительства, но необходимо расширить производство кирпича до таких размеров, чтобы можно было продавать его колхозникам для индивидуального строительства, так как потребность в кирпиче у населения очень велика.

⁵ Так, например, В. И. Лосев, продав зерно, полученное по трудодням в 1947—1949 гг., построил себе дом, который обошелся ему в 27 тыс. рублей; продав зерно, заработанное в последние годы, построил дом М. Р. Мишин.

Колхозники понимают, что при современных методах кирпичного строительства нетрудно добиться того, чтобы кирпичные дома были светлыми, сухими, не требовали много топлива.

Претворение в жизнь решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС по может в самый кратчайший срок улучшить снабжение колхозов строительными материалами.

После Великой Октябрьской социалистической революции и особенно после коллективизации сельского хозяйства произошли изменения и в планировке старых кирпичных изб.

В эти годы ко многим кирпичным домам, разделенным на две половины, были пристроены деревянные кухни. В современных кирпичных домах, разделенных и перегороденных по нескольку раз, печь ставится самым различным образом, но и здесь можно выделить описанные выше 3 основных типа планировки. В разделенных домах жилое помещение большей частью состоит из тесовых сеней, кухни и горницы. Печь в кухне ставится различно в зависимости от расположения дверей и положения дома по отношению к улице.

Таким образом, изменения в планировке жилища села Вирятино, поиски более удобных и рациональных форм использования и распределения жилой площади, начавшиеся в 1900 г., получили особенно большое развитие в советскую эпоху и главным образом за годы колхозного строя. Сейчас наблюдаются три основных типа планировки как деревянных, так и кирпичных домов — в зависимости от положения печи. Самой распространенной в селе является такая планировка, когда русская печь стоит в углу у двери, с устьем, повернутым к боковой стене (II тип). Колхозники считают ее наиболее удобной при двухкомнатном плане дома. Удобство ее подтверждается тем, что она сейчас широко распространена в новых домах на большой территории расселения русского народа даже за пределами этой территории, вне зависимости от традиционного плана старых изб. Такой тип планировки встречается во всех центральных и южных областях РСФСР, в Поволжье, не говоря уже о западных областях, где он является традиционным. Это подтверждает еще раз, что в наши дни постепенно стираются различия между старыми типами русского жилища, обусловленными этническими традициями.

Большие изменения произошли за годы колхозного строя во внутренней обстановке жилых помещений и во всем домашнем быту населения.

Электрификация и радиофикация села изменили вид жилых помещений. В домах стало чище, уютнее, светлее. Полы в передних комнатах часто покрашены масляной краской, стены оштукатурены. Меняется меблировка жилых помещений. В семьях, наиболее тесно связанных с городом, появляется городская мебель фабричного производства. Большое распространение имеет также мебель, изготовленная местными плотниками, прекрасными мастерами своего дела.

У колхозников заметно большое стремление украсить свое жилище. В некоторых домах можно видеть репродукции с картин известных художников: так, например, у А. К. Матрохина все стены увешаны репродукциями картин Левитана, Пуленова, Серова. Следует все же отметить, что в украшении жилища до сих пор чувствуется влияние городских мещанских вкусов, пустивших глубокие корни в начале XX в. Много есть комнат, безвкусно украшенных открытками, многочисленными фотографиями, плакатами, вырезками из журналов, бумажными цветами, отвратительно размалеванными ковриками, которые в изобилии продаются на базаре в Сосновке. Виноваты в этом прежде всего местные общественные организации, которые мало заботятся о художественном ассортименте сельских магазинов. За неимением хороших вещей, развивающих у колхозников художественный вкус, им нередко поневоле приходится довольствоваться мещанскими ковриками, открытками и т. п.

Чисто и уютно не только в передних комнатах, но и в кухне. Почти

во всех домах теперь есть кухонные плиты, но пока еще нигде русская печь не вытеснена плитой или другим типом печи. «Некоторые пытались у нас обойтись без русской печи, — говорили нам колхозники, — но ничего не получилось. Со скотиной без русской печи невозможно, одной воды зимой нужно нагреть 3 ведра, на плите это долго и неудобно и пары все от коровьего поила в избу идут, а в русской печи удобно и в избе чисто». За последнее время в селе распространился новый, более усовершенствованный комбинированный тип русской печи с плитой. Такая печь удобна и хорошо обогревает не только кухню, но и переднюю комнату.

Местные общественные организации не уделяют достаточно внимания развешиванию антирелигиозной пропаганды. До сих пор во многих домах висят иконы, покрытые ткаными полотенцами. Большинство колхозников наличие икон объясняет традицией или желанием угодить старикам; часто иконы висят только в кухне, где хозяйничают старики.

Значительные изменения произошли и в хозяйственных постройках, принадлежащих колхозникам. С коллективизацией сельского хозяйства, с исчезновением экономической обособленности отдельных крестьянских хозяйств сокращается число дворовых построек, находящихся в личном пользовании колхозников. Часть этих строений (риги, конюшни) исчезает совсем, функции их переходят к общественным постройкам. Улучшаются конструкции хозяйственных помещений: плетень и глина заменяются деревом.

В развитии современного жилища отражается процесс исчезновения существенных различий в культуре и быте населения города и деревни. Как показывает анализ жилища села Вирятина, для него, как и для всей нашей страны, типична тенденция стирания резких граней между сельским и городским жилищем. Это проявляется в усовершенствовании конструкций дома, в городских навыках строительства, в стремлении к многокомнатности, в новой городского типа обстановке. Новый облик советского крестьянина, его неизмеримо возросший культурный уровень не может не сказываться на совершенствовании жилища.

Наряду с ломкой старых, изживших себя форм культуры, продолжают сохраняться все ценные прогрессивные достижения предшествующих периодов развития общества. В современном жилище колхозников сказываются многие традиционные формы русской народной архитектуры, приобретающие, однако, некоторые новые черты применительно к социалистическому быту. Наличие большого жилищного фонда, создавшегося в течение нескольких десятков лет и еще вполне пригодного, сдерживает размах нового бытового строительства в селе. И тем не менее, несмотря на наличие хороших старых построек, изменения, происшедшие в крестьянском жилище изучаемого села, очень велики. Основные усовершенствования в конструкции жилых домов, их планировке и мебелировке, в использовании жилых помещений, произошли после победы колхозного строя, отражая общий подъем жизненного и культурного уровня трудящихся нашей страны. В жилищном строительстве села Вирятино, как и во всем домашнем быту колхозников, находят свое проявление важнейшие черты основного экономического закона социализма — «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества...»⁶.

⁶ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат 1952, стр. 40.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. В. ЧУРАКОВ

БЕРБЕРЫ И АРАБЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АЛЖИРА

Вследствие игнорирования буржуазной наукой проблемы этногенеза, в работах, посвященных населению Алжира, царит невыразимый хаос. Примером может служить переведенный недавно на русский язык мону-ментальный труд известного французского исследователя Северной Африки Бернара¹. В одном месте автор признает факт смешения берберов с арабами², в другом — сводит всю средневековую историю Северной Африки к расовой борьбе³, в третьем — категорически утверждает: «имеются все данные считать, что современные жители Северной Африки ничем не отличаются от тех, которые населяли страну три тысячи лет тому назад, и что исторические нашествия, даже арабские нашествия, внесли лишь незначительные изменения»⁴. Автор бессилен ясно ответить на интересующий читателя вопрос: что представляет собой в этническом отношении население Северной Африки. Зато читатель подводится к нужным империалистам выводам: берберы якобы остались обособленной «расой», застойной и неполноценной, с чуждой этой «расе» арабской культурой и языком. Такое «освещение» проблемы этногенеза вуалирует закабаление страны империалистами, подавление ими национальной культуры населения Северной Африки. Объективное, марксистско-ленинское изучение этногенеза населения приобретает, таким образом, помимо научного интереса, большую политическую актуальность: оно помогает разоблачить миф о «помощи» и «цивилизаторской миссии» империалистов, выбивает из их рук отравленное оружие закабаления народов — расовую теорию.

Хронологические рамки настоящей статьи определяет социально-экономическая сущность вопроса, непосредственная связь его с развитием феодальных отношений в стране; этот процесс начался с арабских завоеваний и был прерван вторжением европейского капитала в XIX в.

Территориальные рамки в интересах конкретности исследования ограничены Алжиром. Однако на ранних этапах истории придется держать

¹ О. Бернар, Северная и Западная Африка, М., 1949.

² Там же, стр. 84.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 75.

в поле зрения всю Северную Африку, как единую историко-этническую область⁵.

В Алжире четко выделяются три различные географические зоны: на севере, вдоль побережья, — холмистый Телль, плодородный земледельческий район; на юге, в соседстве с Сахарой, — степная зона, с редкими оазисами и вклинившимися горами юго-западного Алжира, представлявшая широкое раздолье для верблюдоводства; между ними — зона гор и плато, начинающаяся массивом Тлемсена и кончающаяся горной цепью Аурас; здесь открытые с юга склоны и долины сливались со степью, а в районах, защищенных от зноя и песков пустыни, паслись табуны коней и стада овец, зеленели поля и сады полуоседлого населения⁶.

В последней зоне общественное разделение труда и внутренний обмен достигли наибольшего развития; на этой экономической базе заметнее укреплялись связи господства-подчинения как между племенами, так и внутри них. Племена этой зоны обладали стратегическим преимуществом сочетания укрепленных селений с подвижностью скотоводов, особенно их конницы. Используя также свои географические преимущества⁷, они господствовали над путями, связывавшими специализировавшиеся зоны Телля и степи, играли ведущую роль на раннем этапе формирования народностей в Алжире.

Все наиболее известные ранние центры Алжира складывались именно в этой зоне или же опирались на нее: Нумидийское княжество со столицей в Сирте, Зиридское со столицей в Ашйре, Хаммадидское со столицей в Кал'а, Ростемидское со столицей в Тахерте и, наконец, Тлемсен, прозванный «столицей центрального Магриба, матерью области зената»⁸. Эту зону по ее местоположению и роли ее в формировании народности можно назвать Центральной.

1. Берберы ко времени подчинения их халифату

Соседство пустынь сделало Северную Африку доступной нашествиям кочевников, а море — вторжениям морских держав. Но только там, где заморские завоеватели воздвигли города-крепости, они смогли превратить местные племена в рабов, а земли их — в свои латифундии. Остальные племена упорно отстаивали свою свободу. Именно эта вековая борьба отражена в названии «бербер», которым римляне окрестили туземцев, не покорных их власти, и в названии «руми», которое у берберов стало синонимом враждебного им мира: римлянин, европеец, чужеземец, враг⁹.

Влияние рабовладельческих государств на берберов не могло быть ни глубоким, ни продолжительным. Пунический язык, родственный бербер-

⁵ В VII в. не имелось общепринятого названия ни для Северной Африки, ни для отдельных ее частей, границы которых постоянно менялись, стирались, определялись административным устройством, навязываемым завоевателями, или неупрочившимися зародышевыми государственными организмами племенных групп. Арабы, пришедшие с востока, именovali всю Северную Африку «страной Запада» (Магриб). Алжир выделяется особо только со времени завоевания страны турками в начале XVI в.; ни они, ни последующие завоеватели — французы нисколько не считались с историческими связями народа этой части Магриба со всеми магрибийцами.

⁶ Ср. ибн Халдун, Та'рих ад-дувалъ аль-ислами биль-Магриб, I, Алжир, 1847, стр. 121 и сл.; франц. пер. De Slane, Histoire des Berbères, I, Alger, 1852, стр. 190 и сл. Автор лишь намечает эти три зоны в числе других, примыкающих к ним, второстепенных географических зон; ср. также ибн Хаукаль, Сүра аль-ард, I, Лейден, 1938; F. Jacquot, Expédition du général Cavaignac dans le Sahara algérien, Paris, 1849, стр. 210.

⁷ См. Л. А. Ольдерогге, Северная Африка, «Советская этнография», 1947, VI—VII, стр. 234, 245 и др.

⁸ Ибн Халдун, II, стр. 105; в пер. т. III, стр. 332.

⁹ Ср. высказывание христианского богослова Августина, уроженца Алжира, приведенное переводчиком ибн Халдуна, (Указ. соч. в т. IV, стр. 493).

ским, распространился лишь в основных центрах Нумидии, верхушка которой стремилась стать преемницей разрушенного Карфагена¹⁰. О незначительности влияния Рима свидетельствует ограниченное распространение христианства, хотя последнее проникло сюда еще до превращения в официальную религию Рима¹¹. Основными памятниками влияния Рима остались только названия месяцев солнечного календаря да термины военного характера¹².

К приходу арабов берберы делились на две группы. Одна состояла главным образом из верблюдоводов-кочевников и называлась ботр (имени легендарного общего предка. Вторая группа (называвшаяся беранес) состояла в основном из оседлых земледельцев; она возводила родословную к предку Бернесу, родственному основателю первой группы. Старые названия — гетулы, ливийцы, нумидийцы, мавры — были забыты. Насчитывали семь основных племен группы беранес: 'аздādжа, аўраба, 'аджйса, 'аўрига, кетāма, маємүда, сенхādжа и три племена, условно причисляемые к ним, — гезүла, ламта, ҳескүра. К ботр относили четыре основных племена: 'аддāса, нефүса, дарйса, лүāта¹³.

Племена обеих групп говорили на родственных берберских языках. Несмотря на предполагаемое некоторое распространение в свое время пунического языка, на усвоение, хоть и незначительной частью берберской верхушки, латинского письма, что ослабило развитие собственной письменности, берберские языки сохранялись как самобытная группа в семито-хамитской семье языков. Общность языков многих племен, наряду с попытками основания местных государств, — свидетельство начавшегося формирования народности.

Наиболее активно процесс этногенеза шел в Центральной зоне. Здесь была главная арена контакта племен обеих групп и их языков. В горной области Аўрās, расположенной недалеко от моря, близ коммуникаций, связывавших восток с западом, в центре древней Нумидии, был основной очаг борьбы с Римом, поле, на котором терпели поражения византийцы и арабы. Ко времени арабских завоеваний здесь соперничали, претендуя на ведущую роль, два племена различных групп: полуоседлые 'аўраба (беранес) и джерāва (дарйса, ботр).

Знаменем соперничества знати этих племен и средством усыпления масс служили различные религии. Племенной вождь 'аўраба, Косейла, которого называли главой всех племен группы беранес¹⁴, принял христианство, а затем искал союза с арабами под знаменем ислама. Племя джерāва считалось тогда ведущим среди ботр. Вождем его, по преданию, была жрица (каҳина), пытавшаяся возглавить племена под знаменем не то иудейской, не то самобытной монотеистической религии¹⁵.

¹⁰ О распространенности пунического языка свидетельствовал упомянутый Августин. Hitti считает, что пунический язык сохранялся в Северной Африке до прихода арабов («History of the Arabs...», London, 1946, стр. 213).

¹¹ См. Mesnage, Le christianisme en Afrique, «Revue Africaine» (в дальнейших ссылках: R. A.), 1913, стр. 686 и сл., а также H. Fournel, Les Berbères..., I, стр. 105—107, Paris, 1875, и Haedo, R. A., 1870, стр. 493.

¹² См. Ben Cheneb, Proverbes arabes de l'Algérie, Paris, 1905, стр. 904, 920; Destaing, Vocabulaire français-berbère, Paris, 1920 (слова «война», «знамя», «полковник» и др.).

¹³ Ибн Халдун, I, стр. 107—108, в пер. стр. 169—170. В другом месте автор перечисляет среди наиболее выдающихся племен по их значению ко времени завоевания страны халифатом: 'аўраба, сенхādжа, кетāма, и ҳаввāра из первой группы; нефүса, зенāта, матгара и нафзāва — из второй (I, стр. 185, в пер. стр. 286). Это противоречие еще раз свидетельствует об известной условности классификации племен и их групп.

¹⁴ Ибн Халдун, I, стр. 134—135, в пер. стр. 211—213. Некоторых местных вождей автор именует князьями (мулук); см. также E. Gautier, Le passé de l'Afrique du Nord., Paris, 1937, стр. 266—267.

¹⁵ Передают, что полководец арабской армии получил о ней следующую информацию: «Все румы в Африке боятся ее, все берберы ей подчиняются. Убей ее, и

Были и другие претенденты на гегемонию. Поэтому реальным кажется предание о том, как вожди племени магрāва, возглавлявшего тогда племена ботр, расположенные на обширной территории Центральной зоны к западу от Аўрāса, явились к халифу 'Осмāну (644—656), приняли ислам и получили от него инвеституру¹⁶.

Наряду с использованием религии для усиления господства верхушки над племенной массой вожди племен находили в ней форму борьбы против захватчиков. Когда византийский экзарх угрожал восставшим «божьими карами», вождь восставших возражал: «их должны бояться не те, которые борются за возврат своего добра, а те, которые вызывают войны, похищая чужое имущество»¹⁷.

Такова была обстановка, в которой началось завоевание страны арабами.

2. Распространение ислама среди берберов и начало их арабизации

Арабов сближало с берберами сходство географической среды, благоприятной для относительной устойчивости кочевого скотоводства, замедлявшей переход к высшей формации¹⁸. Но, в отличие от Алжира, в глубь Аравии рабовладельческие государства не проникали; влияние последних ограничивалось меновыми связями, давлением извне, вторжениями на окраины. Такое давление не прерывало самостоятельного развития арабов внутренних частей полуострова. Это было существенным преимуществом их перед берберами.

В то же время арабы оказались в последние столетия до ислама скотованными барьерами могущественных соседей. Это лишило арабские племена свободного выхода из тесных рамок их суровой страны — простейшего средства ослабить «давление избытка населения на производительные силы»¹⁹. А отсутствие такого выхода лишало племена центральной Аравии важнейшего условия сопротивления общинного строя развитию классовых отношений.

Замкнутость Аравии также способствовала сближению племенных арабских языков в общенародный язык. Ко времени завоевания арабами Северной Африки сформировался единый арабский язык, ставший могущественным орудием общения арабов, давший им значительный перевес над берберами, лишенными единого общего языка.

Вместе с изменениями в производстве, развитием классовых отношений и арабского языка еще до ислама наметились другие сдвиги базисного и надстроечного порядка, охватившие центральную Аравию. Как указал Ф. Энгельс, «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру...»²⁰. Эти процессы нашли выражение в объединении племен Хид-

тебе весь Магриб покорится» (ибн'Аззāрй, Аль-байан аль-Магриб..., I, Лейден, 1848—1849, стр. 20, франц. пер. E. Faḡān, I, Alger, 1901, стр. 25).

¹⁶ Ибн-Хāлдūн, I, стр. 133; в пер. стр. 210. Брат этого автора, Яхья ибн-Хāлдūн, приводит много подробностей этих преданий в своей книге «Баḡйя ар-рувād» (изд. с франц. перев. A. Bel, Histoire des Beni 'Abd el-Wād..., Alger, 1904, стр. 84).

¹⁷ H. Fournel, Les Berbères, I, стр. 93—94, 98—107.

¹⁸ Энгельс связывает это, в частности, с «огромными пустынями, которые тянутся, начиная с Сахары, через Аравию...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 493).

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278; ср. т. XIV, стр. 463, а также К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 27.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139.

жаза и Неджда, отстоявших в середине VI в. свой культурный и торговый центр — Мекку от натиска эфиопов, в изгнании последних из всей Аравии. Расценивая эту дату как эпохальную, народ назвал ее «год слона»²¹. Это объединение дало арабам второе значительное преимущество над берберами.

Идеологическим знаменем этого объединения с VII в. стал ислам. «Библия» этой религии, Коран не был только сборником легенд и мифов. Он включал имущественные и другие законы, выражая необходимость замены обычного права писаным законом. А тем самым языку Корана, — арабскому, открывалась перспектива стать не только религиозным, но и государственным языком всех мусульман.

Ко времени завоевания Алжира арабы основали обширное государство — халифат. Но масса бедуинов, оставшихся в Аравии, не отличалась по уровню развития от кочевников Сахары. Даже в племенах, служивших военной опорой халифата, отчасти еще проявлялась межплеменная рознь²². Арабы лишь завершали переход к классовому обществу, и это сближало их с берберами.

Можно наметить три этапа завоевания Северной Африки халифатом. На первом из них (643—670) арабы ограничивались набегами из Египта, главным образом на богатые византийские города Северной Африки; получив дань, они уходили. Объективно эти набеги помогали борьбе берберов против руми. Несомненно, что к этому времени относится первый союз арабов с берберами, заключенный между халифом 'Осмāном и вождями магравы.

Второй этап начинается постройкой Кайруāна, служившего халифату плацдармом для прочного завоевания страны. Соответственно этой цели город был заложен в Центральной зоне, в пункте, образующем ворота через Тунис в Алжир и Марокко. Другая важнейшая черта второго этапа заключалась в том, что на стороне войск халифата в Северной Африке действовали крупнейшие берберские племена. Ведущей тенденцией этого этапа был направленный против руми арабо-берберский союз. Формой его явилось приобщение берберов к исламу, а с ним признание высшего авторитета «пророка», его заместителей (халифов), сподвижников — мекканцев (мухāджиров) и мединцев (ансāров), многочисленных учеников их (таби'), всех действительных или мнимых сородичей «пророка» (шерифов, корейшитов) и т. д.²³

Известны и восстания тех времен против арабов в Алжире. Однако свидетельства показывают, что это были бои, в которых определялись или отстаивались условия союза. Крупнейшим восстанием против арабов руководил Косейла. В бою с ним погиб глава армии халифата в Северной Африке 'Оқба. Последнего, не без оснований, предвляли об опасности игнорирования им, в отношениях с Косейлой, условий союза: «пророк добивался соглашения с вождями арабов, а ты третируешь мужа могущественного в своем племени»²⁴. Некоторые арабские историки видят и во втором крупном восстании против арабов, развернувшимся под руководством Кāхины, возмущение конфликтом наместника с Косейлой²⁵.

²¹ Арабская традиция связывает это название со слонами, находившимися на вооружении армии эфиопов. Некоторые европейские авторы (Carlo Conti Rossini и др.) считают, что слово слон (арабское — аль-филь) должно быть заменено именем эфиопского царя (Афилас). Энгельс назвал победу арабов над эфиопами «первым актом пробудившегося арабского национального самосознания» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 495).

²² См. В. В. Бартольд, Мусульманский мир, Петроград, 1922, стр. 31.

²³ См. Коран, VIII, ст. 1, 42, 73—76; IX, ст. 20, 101 118; LVII, ст. 10.

²⁴ Ибн Халдун, I, стр. 186 в пер. стр. 287.

²⁵ Ibn el-Athir, Annales du Maghreb..., в переводе E. Fagnan, Alger, 1898, стр. 32.

Факт и характер союза арабов с вождями берберов подтверждается разделом власти. Сыновья Кахины, приняв ислам, возглавили отряд своего племени в 12 тыс. воинов; в Танжере (Марокко) помощником наместника был назначен Тари́к аз-Зенати²⁶, и он же возглавил арабо-берберское войско, отправленное в 710 г. на завоевание Андалусии. Этот поход был венцом союза; имея в виду прежние многократные «отречения берберов от веры», ибн Халдун говорит: с этим походом кончился их «обычай вероотступничества»²⁷.

На последнем этапе завоеваний и господства в Северной Африке халифат под влиянием отношений, найденных им в готовом виде на востоке в завоеванных областях, решительно стал на путь феодализма. Тяжким земельным налогом хара́дж стали облагаться не только «неверные», но и массы мусульман²⁸. В этот период берберы круто изменили свое отношение к халифату. В 721 г. в Танжере был убит наместник²⁹. К 739—740 гг. вспышки, разгораясь, переросли в мощное восстание против халифата. Под влиянием массовых «еретических» движений шиитов и хариджитов на востоке халифата и при участии деятелей этих движений, укrywшихся в Северной Африке, борьба развернулась здесь под этими же знаменами³⁰. На протяжении двух веков восставшие хариджигы наносили поражения армиям трех халифатов востока, вытеснявших друг друга: омейядов, аббасидов и фатимидов. Последняя династия сама родилась в 909 г. в огне восстания кетама — могущественного племени восточного Алжира. Перенеся в 972 г. свою резиденцию в Египет, фатимиды оставили наместниками в Северной Африке зйридов (из племен фенхаджа), объявивших себя в начале XI в. независимыми. Так кончилось господство халифов над Северной Африкой.

Хариджиты не только не отреклись от ислама, но пронесли его в глубь степной зоны, куда не проникало влияние ни Карфагена, ни Рима. Массы нашли в хариджизме знамя борьбы против феодального гнета халифата. Знать берберов добивалась укрепления религии путем приспособления ислама к местным условиям, к своим особым интересам. Она многократно изменяла свою приверженность религиозным толкам — суннизму, хариджизму, шиизму и т. д., но проявляла постоянство в отношении ислама вообще.

Типичным центром влияния хариджизма было княжество Тахерт в Центральной зоне. Вначале его возглавлял избранный народом 'имам. Он жил просто, сам вместе с единственным своим рабом строил свой дом; все имущество его состояло из цыновки со шкурой и подушкой, сабли, копы и лошади³¹. С «правоверных» взимался только сбор

²⁶ Так зовет его Идриси (Géographie d'Edrisi, т. II, Paris, 1840, стр. 17.). Бербером считали его также ибн Халдун и ибн аль-'Асир.

²⁷ Ибн Халдун, I, стр. 136, в пер. стр. 215.

²⁸ Ибн Халдун приводит факты предоставления бенефиций ('икта') в Северной Африке с 710 г. (т. I, стр. 282, в пер. II, стр. 137—138). С другой стороны, и налог харадж отражал по существу переход земель в феодальную собственность верхов халифата.

²⁹ Подобно другим авторам, ибн аль-'Асир считает причиной этого акта налоговый гнет (R. A., 1897, № 41, стр. 26—27). Ибн 'Абд аль-Хаким указывает, что наместник вызвал мятеж берберских воинов также тем, что пытался их татуировать подобно тому, как это делал прежде Рим с целью прикрепления к войску. Наместник был учеником знаменитого Хаджаджа, «железной рукой» проводившего ту же политику на востоке халифата (ибн 'Абд аль-Хаким, Футу́х Мыср..., Лейден, 1920, стр. 213—214).

³⁰ Ибн Халдун, I, стр. 136—137, 150—151, в пер. стр. 216, 237—238; Fournel, I, стр. 271—272, 286; Ibn el-Athir, Annales du Maghreb..., стр. 80.

³¹ Ас-Сегйр, Зикр ба'д аль-ахбар филь-'айма ар-рустам, стр. 11, франц. пер. A. Motylinski, стр. 66 (Actes du XIV Congrès international des orientalis-

садақа в размере десятины с урожая и приплода стада; остальные платили подушную (джизью) и земельную (харадж) подать. Доходы от садақа тратились, особенно в первые годы, в значительной части на хлеб и одежду для бедняков³².

Тахерт стал резиденцией окрестных племен. Вокруг него объединялись приверженцы хариджизма—хаввара и нефуса, частично переселившиеся в район Тахерта, а также оставшиеся в своих прежних владениях племена Джебель Нефуса в Триполитании, луата и другие, кочевавшие до границ Марокко и Сахары. Вместе с тем город стал торговым центром и складочной базой этих племен. В нем осели их богатые купцы и «клиенты», имевшие здесь свои кварталы, мечети, рынки с концентрировавшимися вокруг них ремесленниками³³.

Одновременно Тахерт стал также центром исламизации племен ботр³⁴. Господствующим толком оставался хариджизм. Но в городе жили и пользовались свободой приверженцы ортодоксального мусульманства, которые имели здесь влиятельных шейхов³⁵. Тахерт просуществовал до 909 г., претерпев глубокие изменения. В конце VIII в. произошло два раскола. Расправа с раскольниками «ускорила превращение имамата в королевство»³⁶. Вместе с тем начался процесс смешения горожан арабов с берберами. В начале истории Тахерта упоминаются горожане арабы Куфы, Басры, Кайруана со своими рынками³⁷, затем они более не встречаются. Зато появляется на сцене влиятельная группа ремесленников³⁸. Осевшая в городе знать окрестных племен опирается на своих соплеменников, но вместе со всеми горожанами противопоставляет себя «арабам»; так они называли кочевников берберов³⁹. «Знать зената» охраняет караваны города от «племен зената»⁴⁰.

Этот процесс шел и в других городах. Топонимика Алжира (Джазира бени мезгана), Бужи (Баджя), Медеа (аль-Медия) и Милиана свидетельствует о возникновении этих городов в качестве центров племен; так, она точно совпадает с именами последних. Но затем зидриды стали чеканить свою монету, ввели в армии денежное жалование⁴¹; ускорило развитие рыночных связей, началось обособление ремесел в городах. Посетивший Алжир в конце X в. ибн Хаукаль отмечает в городах металлургию, судостроение, водяные мельницы, ткачество и т. п. Над домами возвышались замки феодально-патриархальных вождей, наместников-откупщиков. Регулярно функционировали базары с караван-сараями, таможни. К этим городам уже применима яркая характеристика Ф. Энгельса: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»⁴².

Общественно-экономическое развитие сопровождалось взаимовлиянием языка и культуры арабов и берберов, облегченным близким

tes, ч. III, Paris, 1908; в последующих ссылках — Actes...). Автор — житель Тахерта, современник последнего правителя его, не хариджит.

³² Ас-Сегйр, стр. 15, в пер. стр. 71—72.

³³ Там же, стр. 16, 26—27, 37—39, 47, в пер. стр. 73—74, 85—86, 99—102, 111.

³⁴ В племенах беранес влияние ислама было слабее, здесь чаще встречались доисламские собственные имена (ср. ибн-Халдун, I, стр. 200, в пер. II, стр. 9).

³⁵ Ас-Сегйр, стр. 44, 50, в пер. стр. 108, 116.

³⁶ Там же, стр. 20, в пер. стр. 77, а также стр. 17—20, в пер. стр. 74—77.

³⁷ Там же, стр. 13, в пер. стр. 68.

³⁸ Там же, стр. 49, в пер. стр. 114.

³⁹ Там же, стр. 20, 39 и др., в пер. стр. 77, 79; ср. также L. Mercier, L'Arabe usuelle dans le Sud Oranais..., Actes... стр. 286.

⁴⁰ Ас-Сегйр, стр. 50, в пер. стр. 115.

⁴¹ Новеири, приложение к переводу ибн-Халдуна, II, стр. 491—492.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 140.

родством. Лишь в отношении одного города, Тобна, отмечается факт розни между арабами и берберами⁴³. В Тахерте верхи горожан широко воспринимают язык религии и законодательства, отражающих их интересы. Здесь были свои ученые богословы, фақыхы, грамматики. Сын основателя династии написал мусульманский трактат на арабском языке. Диспуты между представителями разных толков, связанные с вопросами арабского языка, привлекали и берберскую знать. Родовое имя некоторых богословов свидетельствует о принадлежности их к берберам. Главным қәди Тахерта был фақых аль-Хаввәри из Джебель Ау́раса. Знание арабского языка проникало из города к полукочевым племенам⁴⁴.

В Тахерте скорее, чем в некоторых других районах, арабский язык стал государственным. Его династия ростемиды (персы по происхождению), двор и разноязычное население могли общаться, очевидно, только на арабском языке⁴⁵. Что касается широких масс, особенно в племенах, то заимствованная ими в те годы арабская лексика еще подчинялась, как правило, нормам берберской грамматики⁴⁶, подготавливая, однако, почву для последующей арабизации. Перечисленные процессы и события — разгром и переселения берберов 'аураба, джерәва, хариджитских племен (в том числе хаввара), кетәма, угасших вместе с вышедшими из этого племени фатымидами, — все это привело к исчезновению одних племен, значительному смешению и перегруппировке других. Вместо прежнего названия «ботр» фигурирует уже лишь частично соответствующее ему родовое имя зенәта, обозначавшее прежде одно из племен, отпочковавшихся от дар'иса; название беранес заменяется именем одного из крупнейших его племен, сен-хәджа. Новая классификация явно выражала тенденцию перехода к группировке вокруг ведущих племен данного района, зоны, независимо от кровнородственных связей⁴⁷.

3. Массовое проникновение арабов в Алжир и смешение с ними берберов

Отложившиеся от фатымидов их наместники раскололись на две династии (1014—1015): зйридов, правивших на востоке Алжира, и хаммадидов — в южной и юго-западной его части. Фатымиды, используя распри, разгоревшиеся между этими династиями, а также борьбу их с магрәва за Тлемсен, в середине XI в. двинули из степей Египта на Северную Африку арабских кочевников⁴⁸. С одним из трех главных вождей этих бедуинов зйрид аль-Мо'изз пытался сговориться, чтобы направить его бедуинов против хаммадидов. Но тот признал себя бессильным ввести в рамки движение кочевников⁴⁹. Безуспешным оказалось и сопротивление аль-Мо'изза — армия его в тридцать тысяч человек была разгромлена силами бедуинов. Зйриды, оттесненные к побережью,

⁴³ Ибн Хаукаль, стр. 85.

⁴⁴ Ас-Сегйр, стр. 13, 25, 44—46, 57 и сл., в пер. стр. 68, 82, 107—110, 123.

⁴⁵ Там же, стр. 27, 36—39, в пер. стр. 86, 99—102 и др. Автор пишет здесь и о персах горожан, помимо дворцовых. Тот факт, что последние называются 'аджам (ар.—чужезычные, персы; переводчик не раскрывает значения слова), свидетельствует, что они говорят между собой на своем языке.

⁴⁶ Таковы, например, слова мечеть (тамсгит), молитва (тазаллит), названия особых ежедневных молитв, слово город (тамдинт) и др. (см. R. Basset, Les mots arabes passés en berbère, Orientalische Studien, Gieszen, I, 1906, стр. 439—440).

⁴⁷ По этой именно причине некоторые племена, например, 'аураба, хаввара относились разными авторами к различным группам.

⁴⁸ По ибн Халдуну — в 1051 г. (т. I, стр. 18, в пер. стр. 34); по другим данным — в 1053 г. или позднее.

⁴⁹ Ибн 'Аззәри, I, стр. 300—301 в пер. стр. 433—434.

правили еще некоторое время, выплачивая дань бедуинам. В середине XII в. норманны лишили их последнего прибежища⁵⁰.

В эти же годы Алжир был наводнен вторгшимися из Марокко кочевниками берберами, названными, по религиозной форме их движения, мурабитами. Хаммадида оказались под перекрестным огнем и в 1062 г. перенесли свою столицу в Бужи, недоступный для кочевников. Здесь посредством брачных союзов с верхами знати они временно укрепились, собирали при дворе ученых, поэтов, искусных мастеров, бежавших из разоренных бедуинами городов (Кайруан и др.).

Мурабиты все более усиливали налоговое бремя для поддержания роскоши своих новых резиденций. Эта роскошь и «незаконные» (некоранические) налоги, в условиях разоренной страны и голода масс, вызвали возмущение оседлых племен, усилили вожделения кочевников к богатствам городов. В начале XII в. в Бужи начал свои проповеди ибн-Тумерт, последователи которого назывались муваххидами. Идеология последних, направленная против языческих пережитков, отражала тенденцию к объединению племен. Но религиозная форма ее и основные движущие силы муваххидов — отсталые горцы Атласа, кочевники — ограничили роль движения. В Алжире муваххиды разорили города Тлемсен и Оран. К середине XII в. они покорили всю Северную Африку и Испанию. В 1212 г. полумиллионная армия муваххидов была разгромлена в Испании, и вскоре их власть была свергнута: в Марокко племенем бану мерин, в Алжире и Тунисе — наместниками муваххидов — хаффидами (1228—1229); от последних вскоре отложился Алжир, возглавленный местной династией зйанидов.

Вторжение арабских бедуинов было важнейшим фактором этногенеза в Северной Африке. С одной стороны, впервые значительные массы арабских племен вклинились в расположение берберов, с другой стороны, вторжение замедлило этногенез, ибо оно было «нашествием саранчи, которое расстроило управление страны, разорило ее селения, прервало пути»⁵¹.

Из двух основных племен вторгшихся бедуинов, хилаль и бану сулейм, первые разместились в Алжире. К хилаль примыкали многочисленные группы, сохранившие еще память о своем иноплеменном происхождении⁵². Это характеризует степень ослабления кровнородственных связей в их среде. Переселение обострило стремление основных ветвей хилаль — 'асбедж, рйах, зогба — к самостоятельности. Фатымиды усилили распад племени, назначив вождям ветвей различные эмираты в Алжире⁵³. Эта тенденция ослабила верховное управление племенем хилаль, осуществлявшееся подразделением дорейд ветви 'асбедж⁵⁴. Она же обострила борьбу знати внутри различных подразделений. Дорейд и некоторые другие из восьми крупнейших подразделений 'асбедж управлялись своеобразными дуумвиратами, вождями соперничавших родов⁵⁵.

⁵⁰ Там же, I, стр. 302—304, в пер. стр. 436—438; ибн Халдун, I, стр. 18—26, 205—209; в пер. т. I, стр. 33—46, т. II, стр. 21—29.

⁵¹ Ибн Халдун, I, стр. 21, в пер. стр. 37, а также т. I, стр. 18, в пер. стр. 33. Арабские авторы определяли численность бедуинов в один миллион человек. Другие считают не без основания, что бедуинов не могло быть более двухсот тысяч.

⁵² Ибн Халдун перечисляет около 15 имен таких групп (т. I, стр. 22, в пер. стр. 38—39).

⁵³ О влиянии завоеваний на распад племен см. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 9; см. там же, стр. 24 о связи «форм субординации» с образом жизни племен.

⁵⁴ Ибн Халдун, I, стр. 21—22, в пер. стр. 37—38. К ней примыкали все иноплеменники.

⁵⁵ Там же, I, стр. 32—33, в пер. стр. 54—56.

Берберские династии широко использовали распри бедуинов. В столкновении с группой дорейд был убит вождь другой 'асбеджитской группы; муваххиды выселили часть 'асбеджитов в Марокко, ослабив всю ветвь⁵⁶. Подобная же участь постигла ветвь *riāh*. Управление ею делили две семьи многочисленного рода *дўаида*, претендовавшие также на верховное управление племенем; хафсиды подняли одну их часть против другой, ослабив обе⁵⁷.

В этой борьбе племя *хилāl* распалось; три главные ветви его сформировали отдельные племена, поглощая при этом части соседних племен, теряя связь с некоторыми своими родами, в соответствии с новым размещением и складывавшимися отношениями господства-подчинения. Так, из упомянутых 'асбеджитов два основных подразделения — *даххāk* и *латиф*, «ослабленные», потерявшие свои земли, покорились чужим племенам, осели в *Зāбе*, построили здесь селения и «города»⁵⁸.

Племя *зогба*, действуя в союзе с основателями династии *зйāнидов*, было награждено землями в Центральной зоне. Но, оставаясь кочевниками, они вступили в конфликт со своими союзниками, закладывавшими основы государства и боровшимися против бедуинских набегов. Вскоре они вернулись в зону степей. Однако часть *зогбитов* уже осела в западной части Алжира⁵⁹. Например, о подразделении *зогбитов*, подчинившем ряд селений *зенāта*, *ибн Халдўн* сообщает: «Часто некоторые из *надр*, ослабев для кочевой жизни, оседают среди берберов»⁶⁰.

Маркс указывал: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами и т. д.»⁶¹. В исследуемой нами обстановке низшие роды бедуинов, оседая, смешивались с покоренными *зйāнидами* земледельцами — берберами. Напротив, могущественные роды бедуинов, подобно кочевникам берберам, сохраняли состояние «укрывающихся под сенью копий, живущих приплодом верблюдов и промысляющих на больших дорогах...»⁶².

Таким образом, наиболее сильные роды бедуинов, привязанные своими стадами к степи и сделавшие ее главной ареной своей деятельности, остались на низкой ступени развития. В то время как первые арабы, возглавленные *курейшитами*, начали завоевание Северной Африки с построения *Қайруана*, превращавшегося после *хариджитских* восстаний в центр торговли и ремесла⁶³, бедуины начали с разорения этого и других городов. Тем самым роль *хилālитов* в истории Алжира была ограничена. Они не выдвинули ни независимых правителей страны, ни наместников пославших их *фāтимидов*. Даже

⁵⁶ Ибн Халдўн, I, стр. 30, в пер. стр. 51—52.

⁵⁷ Там же, I, стр. 50—51, в пер. стр. 81—84.

⁵⁸ Там же, I, стр. 33—34, 44, в пер. стр. 56—57, 72. Оседание как процесс, охватывающий племя по частям и постепенно, подтверждают данные языка. Так, исследователи изучаемого района перечисляют три разных термина, обозначающих оседание: *қсўрия* — постоянное проживание в глинобитных жилищах; *қайтāна* — временное оседание в палатках части племени, рода, лишившейся верблюдов вследствие эпизоотии и т. п.; *мухāлиф* — оставленные с частью стада в одном стане на время угона скота в другой стан (L. Mercier, *L'Arabe usuelle...*, Actes стр. 305, 306).

⁵⁹ Ибн Халдўн, I, стр. 60, в пер. стр. 96. Среди осевших были роды *флйта*, *шебаба*, *бў камель* и другие из подразделения *сувейд* (*свид*), с которыми мы еще встретимся.

⁶⁰ Там же, I, стр. 71—72, в пер. стр. 114, а также т. I, стр. 56, 60—63, в пер. стр. 91, 96—101.

⁶¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 8.

⁶² Ибн Халдўн, I, стр. 106, в пер. стр. 167.

⁶³ Ибн 'Аззари, I, стр. 65, в пер. стр. 92.

бедуины племени зогба, ставшие наиболее могущественными среди арабов Алжира и проникшие в Центральную зону, оказались вынужденными признать здесь первенство полукочевников зената, провладевших важнейшими позициями.

Бедуины, разгромив сенхаджа и их династию, действуя порою в союзе с зената, развязали активность последних. Имело значение и то, оттеснив затем зената от лучших пастбищ, от оазисов, бедуины усилили борьбу зената за Центральную зону⁶⁴. В числе этих зенат был вытесненный бедуинами из района Заб и кочевавший в степной зоне к югу и юго-западу от Тлемсена союз бану бадйн из родственных подразделений распавшегося племени уасйн. Самым сильным подразделением считалось 'Абд аль-Вад, развившееся при муваххидах в сильное племя. За поддержку муваххидов племя получило в качестве 'икта' долины Центральной зоны и Телля вблизи Тлемсена. Доходы с них укрепили феодальные элементы племенных верхушек. Ибн-Халдун сообщает о них: «Отправляясь на свои пастбища в степи, они оставляли на возвышенностях своих вассалов для засева полей и уборки урожая и собирания хараджа с их подданных»⁶⁵.

Вступив в союз с бедуинами зогба, племя 'Абд аль-Вад распространило свое влияние до побережья⁶⁷. В столкновениях знати по вождю племени Зйан, но потомки его одолели соперников, став наместниками хафсидов в Тлемсене, а с 1236 г. отложились от них⁶⁸.

Четвертый преемник Зйана, сын его, Ягмурасен ибн Зйан, овладев Тлемсеном (1248), основал здесь столицу государства зйанидов, организовал централизованное войско, правительственный аппарат, чеканил свои деньги, облачался в «регалии султана»⁶⁹. Последующие зйаниды подчинили себе восточные области — Медею (1290 г.), Алжир и Миссиссину (1313). О султанине абу Хамму I (1307—1318) из этой династии очевидно заявил: «Прежде у них были лишь вожди кочевников. Он научил племена зената понимать политику королевской власти».

Складывание раннефеодального государства зйанидов интенсифицировало этногенез путем смешения берберов с арабами. Уже зйан Мо'изз, пытаясь опереться на бедуинов, выдал трех своих дочерей за бедуинских эмиров. Союз племен зогба и 'абд аль-вад расширил эту практику. Феодальное расслоение объединяло берберскую и арабскую знать общими интересами увековечения эксплуатации племенных масс. Это вылилось в форму присвоения берберской знатью арабской генеалогии. Приписывая себе происхождение от рода пророка (шерифы «благородных»), знать освящала таким образом свое привилегированное положение. Вместе с тем усиливалось и фактическое смешение с арабской знатью.

⁶⁴ См. ибн Халдун, I, стр. 21, 25, 53, в пер. стр. 37, 45, 87.

⁶⁵ Там же, II, стр. 85—88; в пер. т. III, стр. 305—309; см. также Яхья ибн Халдун, I, стр. 124.

⁶⁶ Ибн Халдун, II, стр. 107—108, в пер. т. III, стр. 338.

⁶⁷ Ибн Халдун, I, стр. 28, в пер. стр. 49.

⁶⁸ Называются и другие даты основания независимой династии зйанидов.

⁶⁹ Яхья ибн Халдун, I, стр. 111, в пер. стр. 148. Автор исчисляет налоговые доходы Ягмурасена, еще недавно жившего в шатре, в сто тысяч динаров (стр. 111 в пер. стр. 151); см. также ибн Халдун, II, стр. 110, в пер. т. III, стр. 341.

⁷⁰ Ибн Халдун, II, стр. 142; в пер. т. III, стр. 384. Египтянин, путешественник конца XV в. 'Абд аль-Басит (R. Brunschwig, Deux récits de voyage en Afrique du Nord au XV siècle, Paris, 1936) приводит описание богатого двора и правительства зйанидов того времени (текст стр. 47—49, 61, в пер. стр. 111—113, 129). Султан абу Хамму II придворный историк зйанидов сообщает, что он составил для своего наследника пособие «Ожерелье жемчуга, или книга, трактующая о правлении властелинов» (Mohammed ibn Abd el-Djelyl et-Tenessy, Histoire des Beni Zeiyan..., пер. J. J. L. Barges, Paris, 1852, стр. 72).

Ягмурасен сохранил берберское имя (ягмур — по-берберски «родоначальник»), говорил по-берберски. Через полтора века служивший у зйāнидов ибн Халдун отдает еще предпочтение берберской родословной зйāнидов⁷¹, но брат его Яхья, подтверждая, что Ягмурасен говорил по-берберски, считает уже зйāнидов потомками 'Али⁷². А в период упадка зйāнидов придворный историк уже приводит подробное древо, доказывающее прямое происхождение их от 'Али, зятя пророка⁷³. Соперничая с зйāнидами, род, главенствовавший в родственном им подразделении туджйн, также возводил свое происхождение к арабам⁷⁴. Идеолог муваххидов, ибн-Тумерт, причислялся к потомкам пророка, вопреки берберскому происхождению и форме имени⁷⁵. С другой стороны, арабская генеалогия стала панaceей от притеснений. С этой целью к арабам относили себя разгромленные шииты (кетāма), хариджиты (хаввāра, ульхафа, йфрен) и др.⁷⁶

Выше уже было отмечено смешение народных масс, связанное преимущественно с оседанием «ослабевших» родов господствующих племен в покоренных селениях, с развитием меновых отношений, с совместной борьбой и вызываемыми ею переселениями. Кроме того, погоня знати за «благородной» арабской родословной касалась, очевидно, иногда и части племенных масс.

Продолжалось в эти века и смешение в форме берберизации. Так, в Забе, где 'асбеджиты осели и стали зависимыми от берберов, род бану Мозни, выдвинувшийся из среды арабов и правивший ими, уподобился берберам⁷⁷. Примыкавшие ранее к 'асбеджу арабы джошемиты считались поглощенными берберами лўата⁷⁸. Обычно в оазисах жители их, берберы, эксплуатировались бедуинами, ревниво консервировавшими этнические различия. Но разорявшиеся бедуины оседали в оазисах и неизбежно берберизовались⁷⁹.

4. Иммиграция андалусцев, феодализация городов и роль их в этногенезе

Наряду с берберскими армиями, посылавшимися с 710 г. в Испанию (Андалусию), туда не прекращался приток арабов. Несмотря на распри при разделе добычи, общая борьба против «неверных» сплачивала здесь тех и других. Часть их затем пополняла ряды купцов, мореходов, садоводов, ремесленников. С течением времени все слабее становилась родоплеменная связь, вытесняемая цеховыми, сословными отношениями⁸⁰.

⁷¹ Ибн Халдун, II, стр. 100—101, в пер. т. III, стр. 328—329.

⁷² Яхья ибн Халдун, I, стр. 78, 115; в пер. стр. 100, 156.

⁷³ Et-Tenissy, стр. 146.

⁷⁴ Ибн Халдун, II, стр. 237, в пер. т. IV, стр. 19.

⁷⁵ Там же, т. I, стр. 298, в пер. т. II, стр. 161—162. Тумерт — берберск. уменьшительное от имени 'Умар (соответствующее арабской форме 'Умайр). В молодости ибн Тумерта звали еще Амгар, что означает по-берберски «вождь», «старший».

⁷⁶ Ибн Халдун, I, стр. 41, 125, 145, 179—180, 389, в пер. т. I, стр. 67, 197, 230, 279, т. II, стр. 303 и др. Яхья ибн Халдун прямо причисляет хаввāра к арабам (т. I, стр. 112, в пер. стр. 150). Некоторые генеалогисты вообще относили всех сенхаджа к южно-арабским племенам, зенāта — к берберизованным арабам (см. и бн 'Аззāри, I, стр. 208—209, в пер. стр. 289; ибн Халдун, II, стр. 2—3, в пер. т. III, стр. 181—182; Р. А. № 43, 1899, стр. 248; Яхья ибн Халдун, I, стр. 118, 121, 123).

⁷⁷ Ибн Халдун, I, 626, в пер. т. III, стр. 126—127.

⁷⁸ Там же, I, 149, в пер. стр. 236, и I, стр. 177, в пер. стр. 279 (о подобном же поглощении арабского подразделения хавваритами).

⁷⁹ В оазисах, кроме того, было особенно заметно смешение берберов и арабов с суданцами. Ибн Хаўқаль считает ряд племен Алжира, выдвинувших многих знаменитых вождей, ученых и т. д., выходцами из Судана (т. I, стр. 105). Об огромной роли суданцев в формировании аборигенов Северной Африки говорят и западноевропейские исследователи (О. Бернар, Указ. соч., 73 и F. Stuhlmann, Ein kulturgeschichtlicher Ausflug in dem Aures, Hamburg, 1912, стр. 150).

⁸⁰ Hitti, History of the Arabs..., стр. 527—529.

Общий опыт берберов, арабов и аборигенов, принявших ислам, совместное творчество их создали мавританскую культуру с арабским языком как формой ее, сформировали самих носителей ее, андалусцев⁸¹.

Многие андалусцы издавна иммигрировали в Алжир. Еще в X в. известны были города, построенные в Алжире под их руководством⁸². Они основали здесь город Оран (Вахрāн), ставший со времен муваххидов основной верфью и гаванью, связывавшей Алжир с Испанией. С помощью андалусцев зйāниды организовали свой государственный аппарат, в котором работали, в частности, цитируемые здесь историки рода Халдун — иммигранты из Испании. После потери мусульманами Севильи (1248) и завершения реконкисты (1492) эмигранты из Испании стали исчисляться сотнями тысяч; по некоторым данным после восстаний тайных мусульман (морисков) и свирепого подавления их в 1568—1570 и 1609 гг. из Испании бежало около полутора миллиона человек. Из них многие осели в Алжире⁸³.

Объектом расправ инквизиции с XVI в. стали и портовые города Алжира. Европейские корсары издавна производили сюда набеги. В 1505 и 1509 гг. «великий инквизитор» Хименес возглавил походы, завершившиеся захватом Орана, Бужи, подступов к городу Алжиру. Он преследовал двойную цель: «обратить мусульман в Африке или перерезать их... Иметь возможность через свою инквизицию беспрепятственно хватать, сжигать и изгонять евреев, мусульман и новообращенных христиан в Испании»⁸⁴. Общая опасность и борьба против инквизиции сблизили арабов, берберов и андалусцев.

В этот период значительную роль в процессах этногенеза сыграли города. Кайрūн с его укреплениями, мечетью, рынком и администрацией знаменовал первый шаг завоевания арабами Северной Африки. Феодальная экспроприация и эксплуатация земледельца осуществлялись, как мы видели, в форме налогообложения харадж, превращавшего земли в собственность государства, а непосредственного производителя — в закабаленного арендатора. Часть хараджа халиф предоставлял арабской знати в форме 'икта' на завоеванные ею земли⁸⁵. И неизменно во всех известных нам случаях феодал для реализации своих привилегий строил город с укреплениями, мечетью, рынком, «диванами»⁸⁶.

Дифференциация в племенах также превращала вождей во владельцев городов⁸⁷, взимавших налоги со скотоводов, с земледельцев. Платили харадж и города, но только более могущественным владельцам городов, правителям, откупщикам, резиденцией которых всегда оставался город, укрепленный железными воротами, высокой каменной стеной⁸⁸.

Здесь, очевидно, неизвестны были владельцы крупных запашек, нет следов подчинения им городов. В нескольких милях от Бужи, Тлемсена, Тахерта и других городов Алжира находились многочисленные орошаемые сады на берегах рек. Но они принадлежали горожанам, служили главным образом дачей, укрепленным укрытием во время городских междоусобиц; наибольшее экономическое значение имели коневодческие

⁸¹ В специальных работах упоминаются факты, свидетельствующие о влиянии берберского стиля на мавританский (А. Berque, *L'Algérie, terre d'art...*, Alger, 1937, стр. 146, 159).

⁸² Ибн Хаўкаль, I, стр. 85.

⁸³ Haedo, R. A., 1870, стр. 495.

⁸⁴ К. Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VII, 1940, стр. 129.

⁸⁵ Ибн Халдун, I, стр. 282 и сл., в пер. т. II, стр. 137 и сл.

⁸⁶ Там же (диваны, ар. — департаменты).

⁸⁷ Ибн Хаўкаль, I, стр. 101.

⁸⁸ Ибн Хаўкаль, I, стр. 81, 101; ас-Сегйр, стр. 26, в пер. стр. 85; Ibn Fadl Allah al-Omari, *Masālik el Absār fi Mamalik el Amašār*, I; перевод De-mombrines, Paris, 1927, стр. 170.

фермы городской знати, обслуживаемые, очевидно, одними рабами⁸⁹. Во всяком случае все известные в Тāхѣрте, например, конфликты решали правители города. А племена, зная их привлекались только по инициативе городских сородичей⁹⁰. Это относится и к другим городам и распространяется на весь период до XV в. включительно.

Иммиграция андалусцев еще больше укрепила роль и значение городов. Вторгнувшиеся в XI в. бедуины разоряли города, но некоторые центры были для них недоступны. В числе их была Константина, построенная римлянами на скале, на месте разрушенной ими Сирты, столицы Нумидии. Зная бедуинов расположившегося у подножья Константины рйāхитского рода дўāвида делила с именитыми горожанами власть и выгоды от совместной эксплуатации окрестных земель, от караванной торговли, охраняемой бедуинами. В свою очередь город стал вовлекать бедуинов в торговлю, товарное производство, стал складочным пунктом для накоплений бедуинской знати. Город застроился богатыми, красивыми зданиями⁹¹. Сохранились и другие города, в числе их Милиана, которую в начале XVI в. Лев Африканский описывал как город, «все жители которого ремесленники»⁹².

Избегли разорения бедуинов прибрежные города. Город Алжир со второй половины XV в. стал «вольным», управляемым именитыми купцами и ремесленниками, среди которых андалусцы составляли основное ядро. Деятельность алжирского порта была ограничена испанцами. С 1510 г. они заняли и укрепили остров на подступах к городу. Но благодаря союзу с бедуинами племени са'āлеба, зная которого возглавила управление Алжиром, ремесленники и купцы города не лишились экономических связей с соседями⁹³. В Бужии андалусцы играли такую же важную роль. Изоляция от Центральной зоны и удобная гавань вызвали большое развитие судостроения и судоходства. Жители окрестных гор поставляли верфям лес и смолу, а в известной мере, образовали также резерв рабочих и команд, вербовавшихся на суда. Для постройки последних купцы формировали товарищества. Они использовали суда для торговли и корсарства⁹⁴. Бужия славился также разработкой медных и других руд. Своими столичными и храмовыми постройками Бужия заслужил название «маленькой Мекки». Кроме этих городов, по архитектурным памятникам можно судить об известном процветании Орана, Ма'аскара, Бона (Бўна)⁹⁵.

Но основной центр политической жизни с XII—XIII в. переносится на запад. Зйāниды сделали своей столицей Тлемсен. Топонимика его — история важного центра и грозных боев за обладание им. Еще пунийцы построили здесь укрепление Агадир (берберск. — укрепленное место). Для римлян, сделавших Алжир своей житницей, Агадир стал Помарией: местность славилась садами, плантациями, полями, орошаемыми реками и каналами; окрестные племена славилась табунами коней. После римлян зенāта построили здесь город, назвав его Тлемсен. Осаждая его, мурабиты укрепились рядом, построив город Тагарт (берберск. — уменьшительное, соответствующее слову агадир), а мериниды — Манеўру (арабск. — победный лагерь), ставшие затем частями разросшегося Тлем-

⁸⁹ Ас-Сегйр, стр. 10, 25, 26, 51—52, в пер. стр. 65, 83, 85, 113, 116, 117; Ibn Fadl Allah, стр. 112—113; автор сообщает о предоставлении высшим командирам войска крупных обрабатываемых участков.

⁹⁰ Ас-Сегйр, стр. 27 и сл., 35 и сл., 49 и сл., в пер. стр. 87, 98, 115

⁹¹ 'Абд аль-Басйт, стр. 40, в пер. стр. 101.

⁹² Цит. по А. Berque, стр. 279.

⁹³ См. там же, стр. 143 и сл.

⁹⁴ Ибн Халадўн, I, стр. 619, в пер. т. III, стр. 117.

⁹⁵ См. M. Berbrugger, *Algérie historique...*, чч. II и III, Paris, 1843; Ibn Fadl Allah, стр. 112—113.

сена. Вплоть до XVI в. неприятели неоднократно овладевали Тлемсеном⁹⁸. Все же свыше четырех веков Тлемсен неизменно оставался единственной столицей зйанидов, вновь и вновь возрождаясь из пепла. Население его пополняли соседние арабские и берберские племена и иммигранты — андалусцы.

Острота борьбы за Тлемсен подчеркивает выдающуюся роль города как области контакта разных племен и групп. Эта черта отражена в топонимике города: тлем — единение, сан — два, т. е. единение Телля с Сахарой⁹⁷.

Экономическое и культурное значение города возросло с иммиграцией андалусцев, игравших здесь выдающуюся роль. Все они являлись искусными мастерами — архитекторами, декораторами, каменщиками, позолотчиками или садоводами, купцами. При их участии созданы были лучшие постройки города. Особо славились тлемсенские шерстяные и шелковые ткани, одежда с богатым шитьем и т. п. Считают, что в XIV в. в Тлемсене проживало две тысячи европейских купцов, Тлемсен вел большую торговлю с Суданом⁹⁸.

При дворе собирались поэты, артисты, покровительствуемые зйанидами. Славились тлемсенские врачи. Духовенство также сделало Тлемсен своим центром. Богословы не ограничивались уже проповедью, обучением Корану. Ими был монополизирован суд, ранее и в городах совершавшийся большей частью по обычному праву. Духовенство стало влиятельным феодальным сословием. Мраморная табличка, укрепленная в стене Тлемсенской мечети, перечисляет ряд земельных владений, купленных султаном в 1498—1501 гг. и обращенных во владение «хабус», доходы с которого, а затем и фактическое распоряжение им были переданы духовенству⁹⁹. Наряду с богословами, представлявшими официальную религию, здесь же подвизались с XII—XIV вв. многочисленные «чудотворцы», мистики, от которых отсталые угнетенные массы ждали заступничества перед аллахом. Могилы этих «святых» в Тлемсене стали местом поклонения и базой объединения их почитателей в братства. Руководили ими обычно наследники основателей братств, которых так же, как и их предков, называли марабутами¹⁰⁰.

Таким образом, развитие городов, несмотря на разорения, вызванные бедуинами, несмотря на ставившиеся европейцами препятствия развитию морских связей, превратило эти города в феодальные центры. Государственные и религиозные учреждения подавляли и усыпляли массы, укрепляли и освящали феодальную эксплуатацию. В ходе развития городов здесь интенсивно смешивались берберы с арабами и андалусцами. Феодальные города Алжира стали центрами формирования народности.

Этот процесс не замыкался пределами города. Известны случаи возвращения берберов в свои племена из Испании после десятков лет пребывания там¹⁰¹. Они становились проводниками влияния андалусцев на племена. Разложению первобытно-общинных отношений способствовали также братства, основывавшие на территории племен свои «филиалы», *скиты* (завйи). С укреплением сословных перегородок растворялись

⁹⁸ 'Абд аль-Басйт, стр. 36, 42, 46, в пер. стр. 97, 104, 110 и J. J. L. Bargès, *Complément de l'Histoire des Beni-Zeiyan*..., Paris, 1887, стр. 417 и сл.

⁹⁷ Такое объяснение приводится у Яхья ибн Халдūна (I, стр. 9, в пер. стр. 14). Важен факт распространенности такого объяснения, независимо от его истинности. Второй ибн Халдūн (II, стр. 106, в пер. т. III, стр. 334) считает, что имеется в виду единение суши с морем; однако удаленность от моря и реальная роль города делают это объяснение менее убедительным.

⁹⁸ Haedo, K. A., 1870, стр. 494—495; Ibn Fadl Allah, стр. 125, 191—193.

⁹⁹ J. J. L. Bargès, *Complément*..., стр. 410—411.

¹⁰⁰ Яхья ибн-Халдūн перечисляет около ста имен богословов и марабутов, похороненных в Тлемсене. В списке встречаются как арабские, так и берберские родовые имена (I, стр. 59, в пер. стр. 80).

¹⁰¹ См., например, ибн-'Аззари, I, стр. 281, пер. стр. 401.

этнические, культурные различия; формирование народности интенсивно распространялось из городов на соседние селения, на племена.

Неизменным элементом этого процесса был углублявшийся конфликт между массой и знатью. На этой почве здесь еще до арабов развернулись «еретические» движения монтанистов, так называемых циркумцелионов и донатистов, направленные против порабощения масс как чужеземцами, так и местной знатью. Это относится и к восстанию хариджитов. Недаром феодальные историки щедро наградили первого вождя их Майсару такими эпитетами, как аль-хақір (низкий), ас-саккā (водонос), и особо отметили, что призыв к восстанию нашел живой отклик именно у «подонков берберов»¹⁰².

В созданных восстаниями хариджитских и других княжествах, у зйāнидов, в городе Алжире, массы продолжали борьбу и часто свержали правителей. Элемент социального протеста выступал и в отвращении масс от богатого, чванливого ортодоксального духовенства в сторону «святых», прославившихся действительным или мнимым аскетизмом, раздачей имущества, почтительным отношением к бедноте и презрением к богатству. Независимо от формы, борьба масс интенсифицировала классовое размежевание, сближала разоренных арабов и берберов на одном полюсе и феодальную аристократию — на другом.

Описанные перемещения и массовые движения, нарушая локальную разобщенность племен, обособленность их, расширяли языковой контакт между ними, содействуя нивелировке берберских языков. Выражая эту тенденцию формирования общенародного языка, некоторые круги «еретиков» пытались заменить арабский Коран берберским¹⁰³. Но развитию общенародного берберского языка препятствовала исторически обусловленная отсталость берберской письменности. И верхи берберов, вслед за отстаиванием арабского ритуального языка, привлекли его как единственный письменный язык, задержав еще больше развитие берберского.

После XI в., с внедрением бедуинов, вклинившихся в берберский массив, с иммиграцией андалусцев, занявших ведущее положение в городах, арабская речь стала общенародным языком значительного контингента населения. Затем последовали изменения, характерные, как отметил И. В. Сталин, для истории языков: «дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке..., развитие литературы...»¹⁰⁴. Следствием этого развития в Алжире было превращение арабского в единственный письменный и государственный язык, основной язык феодализирующихся городских центров. Расширение контакта арабского языка с берберским выдвинуло проблему средства общения между берберами и арабами. Им стал арабский язык. Он стал и общенародным языком смешанных племен, и вторым языком верхов бербероязычных племен.

Арабский язык стал основной языковой формой культуры Алжира, результатом и орудием этногенеза. Еще ибн Халдун сообщал, например, о двух берберских племенах, что они «забыли даже свой непонятный говор, усвоили арабский язык, всегда одеваются подобно арабам»¹⁰⁵. Хотя автор, видимо, судил тогда по племенной верхушке, но несомненно, что в XVI в. этот процесс стал типичным не только для верхов или для отдельных племен.

¹⁰² Ibn el Athir, *Annales...*, стр. 63; ибн 'Аззāри, I, стр. 40, в пер. стр. 53; ибн Халдун, I, стр. 137, 151, в пер. стр. 216, 237; ибн Хаўқаль, I, стр. 96; «Archives Marocaines», IX, ч. II, стр. 181—183, 186.

¹⁰³ Ибн Халдун, I, стр. 286, в пер. т. II, стр. 144.

¹⁰⁴ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, М., 1950, стр. 26—27.

¹⁰⁵ Ибн Халдун, I, стр. 125, в пер. стр. 197; см. также I, стр. 145, 389, в пер. стр. 230, т. II, стр. 303; ибн 'Аззāри, I, стр. 208, в пер. стр. 289.

5. Вторжение турок и итоги этногенеза к XIX в.

В 1516 г. глава сложившегося в городе Алжире местного правительства, шейх Селим ат-Теүми заключил союз против общего неприятеля испанцев, с турецкими пиратами Средиземноморья. В том же году «союзники» убили Селима, а затем и султана Тлемсена. Вспыхнувшие против них восстания пираты подавили с помощью янычар, присланных из Константинополя. Утвердившись таким путем, турки в 1529 г. овладели испанским фортом у входа в порт Алжир и сделали этот город своей столицей, давшей название всей стране¹⁰⁶.

Фактически власть в Алжире захватили турецкие янычары. Эта военно-феодалная каста обложила завоеванные области тяжелыми налогами и повинностями, экспроприировала лучшие пригородные земли, превратив их в свою феодальную собственность («бейлик»), устраивала систематические набеги (газва) на непокорные племена для захвата их стад. Со второй половины XVII в. янычары стали выдвигать из своей среды главу правительства (дей) вместо пашей, присылавшихся ранее на три года из Константинополя. Не прекращавшаяся борьба феодальных кланов за власть и награбленные доходы сопровождалась обычно убийствами деев. Страна расплачивалась за все это новыми поборами, новыми газва, разорением.

Овладев портами, ставшими их пиратскими гнездами, турки подчинили себе большую часть Телля. Затем они построили укрепления (борджи) в городах, на возвышенностях, господствовавших над житницами, пастбищами, коммуникациями, рынками. Снабдив борджи гарнизонами¹⁰⁷, артиллерией, турки отсюда распространяли свое господство в глубь Алжира. Опираясь на борджи, турки разжигали столкновения между племенами и, оказывая «помощь» одной из сторон, покоряли обе стороны.

Таким путем турки овладели примерно четвертой частью территории Алжира. В отличие от остальных зон, населенных племенами враждебными туркам (сиба) или полувассальными (мана'а), покоренная зона называлась махзен. Независимо от происхождения, племена области махзен делились на две группы: 1) подданные (ра'йя), платившие налоги деньгами и натурой, и 2) служебные (змала, дуаир, борджи), поставлявшие туркам отряды для сбора налогов, несения гарнизонной службы, охраны границ. Последняя группа иногда именовалась также махзен. Многие племена к XIX в. оказались частью служебными, частью — ра'йя, а то и в разных зонах.

Алжир административно делился на три бейлика: Оранский, Константинопольский и Титерийский и так называемую султанскую область (дар ас-султāн), находящуюся в непосредственном управлении деев. Бей в своих бейликах назначали фәйдов служебных племен и при помощи их управляли соседними ра'йя¹⁰⁸.

Турецкие набеги разоряли земледельцев, скотоводов, а особенно коневодов, лишавшихся лучших коней¹⁰⁹. Торговые города теряли свое значение. Больше всего страдала промышленность: монополия турок на недра тормозила добычу и обработку полезных ископаемых¹¹⁰. Старая

¹⁰⁶ De Grammont, *Histoire d'Alger sous la domination turque*, Paris 1886, стр. 19 и сл.; Haedo, R. A., 1870, стр. 374 и сл., 415 и сл.

¹⁰⁷ Всех янычар и их солдатских детей (неполноправные кулоглу), организованных в отряды, насчитывали не более двадцати тысяч (см. R. A., 1897, стр. 118). В конце XVIII в. насчитывали около двух тысяч янычар, размещенных примерно в 25 укрепленных гарнизонах по 25—300 чел. (см. R. A., 1865, стр. 281—282).

¹⁰⁸ *Exploration scientifique de l'Algérie...*, t. IV, стр. 116—119; R. A., 1897, стр. 123—126; De Grammont, стр. 409—418; R. Basset, *Mélanges*, стр. 104.

¹⁰⁹ Cp. Shaw, *Voyage dans plusieurs provinces de la Barbarie*, I, La Haye, 1743, стр. 308.

¹¹⁰ Там же, стр. 307; *Exploration...*, VI, стр. 224; R. Basset, *Mélanges...*, стр. 106.

столица Тлемсен была разорена¹¹¹. Уродно развивались портовые города: процветание, например, города Алжира (в сер. XVII в. в нем насчитывали около ста тысяч жителей, пятнадцать тысяч зданий, сто фонтанов и, в окрестностях, восемнадцать тысяч садов) было в основном результатом пиратства; с падением к концу XVIII в. роли пиратства жизнь Алжирского и других пиратских портов заглохла¹¹².

Алжирцы не прекращали борьбы против турецкого гнета, объединяясь независимо от этнической принадлежности. Порой восстания докатывались до стен столицы. Напротив, иногда, подавив восстания, турки простирали свою власть до южных окраин Центральной зоны, покоряли оазисы Уарггла, Туггурт¹¹³. Эта борьба и происходившие в ходе ее перемещения племен явились важным фактором этногенеза.

Наряду с возглавлявшими восстания вождями племен и с прославленными в народных песнях выходцами из среды народных масс¹¹⁴, задачу объединения племен для сопротивления туркам выполняли и марабуты. В противовес ортодоксальному духовенству, покорному султанам Турции (халифам) и их местным наместникам, марабуты, прославившие заступниками народных масс перед аллахом, не могли уклониться от защиты их против турок. Обычно заступничество ограничивалось посредничеством и сделкой с турками, приносившей существенные привилегии марабутам и призрачное облегчение массам. Некоторые завьи признавались неприкосновенными убежищами, некоторые племена освобождались от чрезмерных поборов (главным образом в пользу тех же марабутов)¹¹⁵. Такова была, например, основная линия братства Тиджания, отпочковавшегося в 1781 г. от самого распространенного в Алжире ордена Кадерия. Основатели Тиджания учили, что «если аллах терпит какую-нибудь власть, то потому, что эта власть необходима»¹¹⁶. Втайне от масс марабуты Тиджания приняли даже в свой орден тунисского бея¹¹⁷.

Однако некоторые братства поддерживали борьбу против турок. Эту линию отражает изречение известного марабута из Мустаганема: «турок и руми — одной шайки, покончим с ними разом»¹¹⁸. Даже марабуты Тиджания возглавили в 1827 г. восстание в Оране. Самые крупные восстания алжирцев в начале XIX в. возглавили представители тогда еще молодого и наиболее «радикального» братства Деркавия¹¹⁹.

Братства марабутов играли в этногенезе противоречивую, двойственную роль. С одной стороны, соперничество между ними расчленило страну. С другой стороны, в ходе восстаний и в пределах сфер влияния данных братств арабы и берберы сближались, смешивались.

Двойственной была и роль турок.

Переселяя племена, расчленив их на ра'йя, махзен и т. д., разобщая страну на зоны, а махзен на обособленные друг от друга кайдаты, турки тем самым разрывали племенные связи, способствуя их вытеснению территориальной общностью. Экспроприруя земли племен, углубляя дифференциацию между народной массой и верхами, турки способствовали росту числа обезземеленных арендаторов.

¹¹¹ Sh a w, I, стр. 63. Автор, посетивший Алжир спустя полвека после овладения и разорения турками Тлемсена, считает, что город сохранился лишь на одну шестую часть.

¹¹² Там же; De Grammont, стр. 43—44.

¹¹³ Cp. Sh a w, I, стр. 112, 127; De Grammont, стр. 132, 159, 187—189, 310—313, 363—365, 383.

¹¹⁴ R. A., № 52, стр. 291 и сл., № 57, стр. 187 и сл., № 59, стр. 341.

¹¹⁵ См. De Grammont, стр. 413.

¹¹⁶ Цит. по De Constant, Les congrégations religieuses chez les Arabes..., Paris, 1887, стр. 36.

¹¹⁷ Там же, стр. 39.

¹¹⁸ Цит. по H. Duveyrier, La confrérie musulmane du sidi Mohamed ben'Ali es-Senousi, Roma, 1918, стр. 10; см. также Depont et Coppolani, Les confréries religieuses musulmanes..., Alger, 1897, стр. 505.

¹¹⁹ De Grammont, стр. 364—365. Слово «деркави» стало синонимом слова мятежник (D a u m a s, Moeurs et coutumes de l'Algérie, Paris, 1853, стр. 215).

В известной степени это относится и к непокоренным турками горные районы, населенным кабилами. Термином «кабила» (арабск. «племя») горожане часто называли все племена, противопоставляя их городу с его устройством¹²⁰. Особенно это название утвердилось за берберами и в результате, надо полагать, устойчивого племенного демократического строя их замкнутых, обособленных общин. Оттесненные в горы, кабила обрели здесь безопасность и независимость, развили террасовое земледелие, садоводство, ремесла, а также отходничество, в том числе для найма в солдаты (зуавы). Сюда через соседние города проник и за тысячелетия упрочился ислам, лишь поверхностно, однако, затронув местные обычаи. Кабила ревниво оберегали традиционное, хотя уже по существу и выходящее за пределы, равенство: общинное землевладение при наследственном землепользовании; решение дел миром (джема'а); соблюдение древних обычаев (урф) под угрозой: «кто изменит эти законы, будет проклят...»¹²¹; запрет строить дома, более высокие, чем у всех общинников и т. п. Огражденные от проникновения бедуинов, кабила не избежали смещений с арабами. Среди кабилы во время войн, неурожаев, разбойничьих набегов янычар находили убежище отдельные роды и одиночки из разных берберских и арабских племен. Особенно это относится к кабилам, жившим в соседстве долин. Известны случаи образования в племенах кабилы родов из пришлых марабутов.

Расслоению кабилы способствовала блокада турками их горных селений. Некоторые кабила владели мельницами, значительными денежными капиталами, садами, усадьбами в нескольких селениях одновременно большими запасами продовольствия¹²². Другие нищали; кабийская беднота арендовала исполу землю соседей в долинах, часто через посредство родственников, на правах субарендаторов, снабжаемых семенами и инвентарем.

Изолировав центральные города от внутренних областей, турки стремились стимулировать развитие ремесел в отдаленных районах. В горах на базе местного сырья, а отчасти и привозных руд, развились металлургия и выделка деревянных изделий, изготовление патронов, ружей, сабел (Большая Кабилия). Племена специализировались в разных отраслях: некоторые селения становились к XIX в., по преувеличенному определению одного очевидца, «индустриальными центрами»¹²³. Однако рынок этих центров ремесла был ограничен контролем турок над важнейшими коммуникациями. Поэтому задерживалось обособление ремесла от земледелия, превращение ремесленных селений в феодальные города.

Турки разоряли города как культурные центры страны, но строительство дворцов и вилл для турецкой верхушки, а также части местных горожан, разбогатевших на торговле и корсарстве, привлекало отходников — арабов и берберов.

Турецкие захватчики стремились ограничить роль арабского языка. Однако турецкий гнет, усилив контакт племен, поднявшихся против турок, сделал орудием их борьбы арабский язык¹²⁴.

Карта размещения племен Алжира к XIX в. поражает преобладанием арабских родовых имен, вопреки сравнительной малочисленности арабов, сюда внедрившихся. С карты исчезли имена ботр, беранес, зената, сенджда и почти все названия составлявших их племен. В Оранском бейлике, где некогда господствовало племя маграва, это имя числилось на небольшой территории побережья, населенной ча-

¹²⁰ Ас—Сеги р, стр. 49—50, 54 и др., в пер. стр. 115, 120.

¹²¹ См. текст и перевод в R. A., № 37—38, стр. 285 и др.; см. также E. Carrey, *Récits de Kabylie*, Paris, 1858, стр. 162—163.

¹²² См. R. A., 1865, стр. 282—283, 287, 291.

¹²³ Carrey, стр. 169, а также и 133 и сл., 170 и сл.; *Exploration*, IV, стр. 223—235—536.

¹²⁴ У Шоу в XVIII в. сложилось впечатление, что, кроме кабилы, все алжирцы говорят на арабском языке (т. I, стр. 372—373).

стью ра'йя и частью сибā. Вместе с другими небольшими владениями племен берберской генеалогии (бану зеру'аль, бану рашид и др.) они оказались в окружении племен с генеалогией бедуинов зогбитов подразделения бану мәлик¹²⁵.

Взаимодействие соседних племен арабской и берберской генеалогии настолько сблизило их, что среди магрāва числились роды, сохранившие еще память о происхождении из арабского племени собейх, а среди зогбитов бану мұса — магрāва. Арабское родовое имя 'акерма встречалось отдельно и в составе других племен в семи разных кандатах¹²⁶. Об этом же процессе свидетельствует состояние племени, сохранившего старое берберское имя матмāта (восточная часть Уансериса). С одной стороны, оно включало арабские элементы, с другой стороны, некоторые роды, возводившие свое происхождение к матмāта, входили в соседнее племя йндель¹²⁷. Даже от племен бану бадйн, процветавших при зйāнидах, осталась лишь часть туджйнитов, хашим, занявшая обширную территорию у Ма'аскары, да отколовшаяся от хашима часть рода бану тйгрйн у южного склона Уансериса и род бану рашид — у северного¹²⁸. Из генеонимики берберских племен почти совсем исчезли берберские приставки «айт», «ида», вытесненные соответствующими арабскими «бану», «влād» (сыны, дети).

Если в Телле генеонимика еще сохраняла память о берберских племенах, то на юге, занятом бедуинами в XI в., к XIX в. она почти полностью была вытеснена. При этом и генеонимика бедуинов претерпела изменения, свидетельствовавшие о глубоких сдвигах в составе их племен. На карте совсем не встречались имена хилаль, 'асбедж, рйāх, зогба, но имена зогбитских родов превалировали на юге еще больше, чем на севере. Проникнув в район Тлемсена в качестве опоры зйāнидов с XI в., зогбиты укрепились здесь, поглотили других бедуинов и берберов земель, ставших их 'иктā¹²⁹. Некоторые из них (бану 'амер) объединились даже против турок с испанцами Орана, продолжая и после падения зйāнидов поглощать другие племена. Зогбиты распространились в Оранский и соседний к востоку Титерийский бейлики. В Константиновском бейлике почти все племена считали себя арабскими, хотя другие видели в них частью потомков упомянутых кетāма¹³⁰ или хаввāра (союзы характа и немемша), а фактически это были смешавшиеся арабо-берберские племена.

Часть племен, в процессе дробления и смешения, осложненном установлением феодального господства турок, превратилась в безымянных дуарн, змала, абид, борджи. Некоторые из них, особенно абиды (барщинники-арендаторы), формировались из семей различного происхождения, поселенных на экспроприированных беями землях племен¹³¹. Карта Телля, а особенно окрестностей резиденций турок, пестрит такими «именами».

¹²⁵ С запада на восток: бу камель, муджāхер, 'акерма, мехаль, флйта, собейх и др. (Rin n, Le royaume d'Alger sous le dernier dey en 1830, с приложением карты; R. A., 1897; Shaw, стр. 69 и сл.; Ибн Халдун, I, стр. 63, 195, II, стр. 142; в пер. т. I, стр. 101, т. II, стр. 3, т. III, стр. 390).

¹²⁶ M. Outrey, Dictionnaire de toutes les localités de l'Algérie, Alger, 1860; см. также карту Ринна и Шоу, стр. 96.

¹²⁷ Берберский диалект исследовал у них R. Basset (Étude sur la Zenata . . ., Paris, 1895, стр. 121). Судя по местоположению и составу родов ('акерма, са'алеба и др.), их можно считать за зогбитское племя джэндель (ср. карты Ринна и Шоу и ибн Халдун, I, стр. 56—57, в пер. стр. 92—93), смешавшееся с берберами.

¹²⁸ Ср. ибн Халдун, II, стр. 227 и сл.; в пер. т. IV, стр. 7.

¹²⁹ См. ибн Халдун, I, стр. 55—56, 62—65, в пер. стр. 90—91, 100—105 и карту Ринна; надо отметить особо бану 'амер (ра'йя) и хумайян (ра'йя и сибā).

¹³⁰ De Slape, прим. к т. IV перевода ибн-Халджуна, стр. 497—498.

¹³¹ R. A., 1863, стр. 294.

Еще в большей мере смешение племен обнаруживает генеони́ми́к марабутских племен. В XIX в. насчитывалось около ста племен, называвшихся именами марабутов (с предпосланными обычно арабскими словами «влад сайид...» — дети сейида...). Часть их сформировалась из одиночек, семей, родов, нашедших убежище у почитаемой могилы марабута, под покровительством потомков его или шейха-последователя. При неуспехе они поглощались другими племенами, а при удаче — сами подчиняли соседние племена или роды¹³². Роль этих племен в этногенезе показывает марабутский союз Влэд сайид шейх, на юге Орана. Привилегии марабутов их верхушка обосновывала шерифским происхождением. К середине XIX в. союз включал семнадцать племен различного происхождения. Часть их управлялась совершенно самостоятельно, но все приносили дары (зйāра — посещения завйи), обязательно прибегали к посредничеству марабутов в спорах с турками, в охране своих караванов (‘анайя). В этом смысле все они были подчиненными, назывались хеддам (слуги)¹³³. Тенденция к локализации племен отразилась в объединении племен вокруг одноименных с ними оазисов, городов, завйи. Отделившиеся части одного племени именовались соответственно и местоположению, иногда без упоминания родового имени. Так, части племени хашим были известны под именами шерага, эгрис, ахль вади Хамам и др.¹³⁴.

Таким образом, не только в городах, но и в племенах старые связи были вытеснены новыми. Не стало берберских или арабских племен, они смешались воедино. Но этот процесс не проник еще глубоко в роды: некоторые из них, целиком или отдельные семьи их, сохраняли еще арабское или берберское самосознание. Большинство племен, благодаря распространению арабского языка, стремлению верхушки к присвоению шерифской родословной, преобладающему арабскому происхождению правившей знати (джуа́дов или марабутов), принимало родовое имя последней как имя племени.

В высокогорных районах и в глубине Сахары берберы к XIX в. сохранили свои языки¹³⁵. Их языки должны были усвоить и иммигранты, влиявшие в эти племена. Но и в эти цитадели берберской культуры проникал разговорный арабский язык, в дополнение к ритуальному, письменному и частично судебному и торговому¹³⁶. С XVIII в. арабы и кабилы Константи́нского бейлика входили в общее братство (Рахмания). На нижних склонах гор часть кабиллов даже считала себя арабами¹³⁷. О сближении их культуры с арабской свидетельствует эпос берберов, повествующий о героике племени хилāl; нет в то же время преданий, песен о борьбе берберов против арабов¹³⁸. Все же при наличии тенден-

¹³² Так, например, происходившее из магрāва племя бану Халима стало называться так по имени поселившегося у них марабута, а к XIX в. арабский язык уже вытеснял у них берберский (R. Basset, *Mélanges...* стр. 112 и сл., и *Étude sur la Zenata*, стр. 17). Насколько к XIX в. формирование подобных смешанных племен было распространено в Алжире, свидетельствует различное трактование термина «кв́тна» (гетна): палатка марабута, шейха (с медным украшением сверху); селение, стан марабутского племени; «палатки выходцев из разных племен, сгруппировавшихся вокруг марабута» (цит. по Berbrugger, ч. II, прим. стр. 19).

¹³³ Daumas, *Moeurs et coutumes...*, Paris, 1853, стр. 219, 319—325, и Deron et Corrolani, стр. 146 и сл.

¹³⁴ Шерага — местное фонетическое изменение от арабского шарк (восток), последние два имени образованы от названий речных долин (см. Shaw, I, стр. 678, и R. A., № 228, стр. 9).

¹³⁵ В Кабилии — звава, в Аўра́се — шавйя, в Уансерисе и западнее — зенāта в Сахаре — тарй (R. Basset, *Mélanges...*, стр. 33; Daumas, стр. 153).

¹³⁶ На языке звава даже числительные первого десятка были арабскими (цит. De Slane, стр. 508). Торговым центрам их присваивались арабские имена (Сук аль-‘арба’а у племени бану ратен); см. Carrey, стр. 22, 53, а также Daumas, стр. 25.

¹³⁷ Exploration..., IV, стр. 120; R. A., No. 41, стр. 330—331; Carteaux et Cornoy, *L'Algérie traditionnelle*, I, Alger, 1884, стр. 148.

¹³⁸ R. Basset, *Mélanges...*, стр. 35, 53.

ции обособления кабиллов, при оседлости их и компактности здесь могла сформироваться особая бербероязычная народность.

Объединение Алжира объективно назрело. Основной преградой на пути его осуществления было турецкое иго, политика разобщения районов, стравливания и расчленения племен. Назревшая необходимость объединения выразилась в необычайном подъеме борьбы алжирцев против турецкого гнета, не прекращавшейся в течение первых десятилетий XIX в. и охватившей всю Кабилию, Константинополь и Оранский бейлики. Именно в этой борьбе зародилось мощное движение, возглавленное Абд аль-Гадероми, ставшее важной ступенью на пути национального развития Северной Африки.

Ю. В. КНОРОЗОВ

ПИСЬМЕННОСТЬ ДРЕВНИХ МАЙЯ

(Опыт расшифровки)

Письменность майя возникла, повидимому, в первые века до нашей эры в древнейших городах-государствах Центральной Америки, к северо-востоку от озера Петен-Ица (департамент Петен в Гватемале). Она сохранилась без существенных изменений в течение полутора тысяч лет. После испанского завоевания (1541—1546) франсисканские монахи стремились уничтожить древнюю индейскую цивилизацию, сожгли иероглифические рукописи. Таких рукописей уцелело только три: Дрезденская, Мадридская и Парижская, но, кроме них, сохранилось громадное количество надписей на камне в развалинах древних городов.

Ученые различных стран Европы и Америки более ста лет безуспешно пытались расшифровать письма майя. Следует отметить, что значения ряда знаков нам известно по источникам XVI в. Последние по времени работы американских расшифровщиков (сторонников «идеографического» толкования знаков) безнадежно запутали вопрос о системе письма у майя. Более или менее приемлемы в этих работах только несколько толкований отдельных идеограмм. Однако эти толкования, сделанные наугад, буквально тонут среди массы абсурдных толкований и ничего не дают для уразумения системы письма в целом. Статья с изложением принципов расшифровки была опубликована нами два года назад¹. Настоящая статья — краткое изложение выводов большой, еще незавершенной работы автора — имеет целью опубликовать значение наиболее употребительных знаков письма майя, чтобы дать возможность исследователям приступить к чтению ценнейших памятников письменности древней индейской цивилизации в Центральной Америке.

Письменность майя является иероглифической, т. е. принадлежит к тому же типу, что и письменность древнейших в мире центров цивилизации (Китай, Шумер, Египет). По сообщениям источников, она считалась священной и была распространена почти исключительно среди жрецов. Изобретение письменности жрецы приписывали богу К'инич Аху («Солнечноглазый Владыка»). Книги были разнообразного содержания. Преобладали тексты календарные, ритуальные, мифологические, исторические, пророческие. Вероятно, записывались также эпические песни, драматические произведения и т. д. Бумага для книг изготовлялась из луба фикуса (*копо*). Писцы пользовались кисточкой из волос. В рукописях (*хуун*) обычно идут параллельно письма (*воох*) и разноцветные рисунки (*ц'иб*); часто каждая фраза иллюстрируется рисунком. В связи с этим среди писмен попадаются рисунки, а среди рисунков — письменные надписи.

Надписи на камне сделаны особым шрифтом (лапидарным), значения которого иногда довольно сильно отличаются от знаков иератического шрифта, употребляющегося в рукописях. В настоящей статье приводятся исключительно иератический шрифт. Большое количество знаков вписано в овал. Этот овал встречается трех типов — большой (табл. I,

¹ Ю. В. Кнорозов, Древняя письменность Центральной Америки, «Советская этнография», 1952, № 3.

5, 7), удлинённый (табл. I, 38, 137) и маленький (табл. I, 6, 69). Далее, имеется ряд знаков фигурно-овальных (табл. I, 11, 14, 36) и, наконец, знаки фигурные, большие (табл. I, 1, 39, 56) и маленькие (табл. I, 8, 9, 64). Общее количество знаков около 270, но часть из них встречается очень редко, в единичных случаях. Употребительных знаков около 170.

Установить, какой именно предмет изображается знаком, во многих случаях удается без особого труда, хотя смысл ряда знаков остается неясным. Предметы обычно изображаются сбоку. Фигуры людей и животных, как правило, не встречаются, а изображается только их голова в профиль («лицевые» знаки). В некоторых случаях дается вид объекта сверху. Многие знаки связаны с подсечно-огневым земледелием (поле, дождь, огонь, растения) и охотой (оружие, звери). Изображения рыб весьма редки, а среди оружия отсутствует лук. Много знаков, изображающих утварь и части человеческого тела, особенно руку в различных положениях.

Знаки в большинстве случаев сложные, так как к изображению предмета добавляются различные дополнительные элементы. Эти дополнительные элементы обычно могут употребляться и как самостоятельные знаки. Они либо поясняют смысл изображения (табл. I, 37, 46, 88, 100), либо указывают, как читается данный знак (табл. I, 1, 2, 21, 29, 118). Есть дополнительные элементы, которые не являются самостоятельными знаками (табл. I, 5, 11, 12).

Некоторые знаки употребляются главным образом в качестве идеограмм (в частности, к идеограммам относятся многие редкие знаки). Идеограммы передают целые слова, т. е. указывают одновременно и на значение и на смысл слова, например, *к'ин* — солнце, *болай* — ягуар, *йаш* — зеленый (табл. I, 60, 30, 55).

Большинство употребительных знаков относится к числу фонетических. Фонетические знаки подразделяются на следующие группы.

1. Алфавитные знаки типа А, обозначающие гласные звуки (*а, о, е, и, у*, табл. I, 67, 66, 53, 111, 84). Эти знаки употребляются для передачи начального или конечного гласного звука слова (*моо, ле, те*, табл. II, 76, 46, 122). Гласный звук в середине слова передается при их помощи в единичных случаях (*тин'*, табл. II, 125).

2. Слоговые знаки типа АБ, обозначающие гласный с последующим согласным (*ах, ак', ет*, табл. I, 96, 119, 128). Возможно, некоторые алфавитные знаки типа А представляют собой редуцированные слоговые знаки типа АБ.

3. Алфавитно-слоговые знаки типа Б(А), обозначающие либо согласный звук, либо согласный с последующим гласным. Эти знаки обычно употребляются в качестве алфавитных в конце слова (*нак', куц, к'ук'*, табл. II, 105, 146, 164) и в качестве слоговых в начале слова (*к'ам, цул, к'уч*, табл. II, 149, 168, 167). В большинстве случаев знаки типа Б(А), когда они употребляются в качестве слоговых, передают определенный гласный звук, например *к'(а), к'(у), с(уу)* (табл. I, 11, 145, 77). Однако некоторые знаки типа Б(А), повидимому, имеют тенденцию к превращению в алфавитные и в ряде случаев передают только согласный звук, даже если стоят в начале слова.

4. Слоговые знаки типа БАБ, обозначающие закрытые слоги (согласный — гласный — согласный). Они употребляются при написании и корней слов и суффиксов (*бал, нал, т'ол*, табл. I, 79, 62, 107).

При чтении слов создается впечатление, что некоторые знаки типа Б(А) и БАБ могут передавать различные гласные звуки. Так, например, знак, изображающий сжатую кисть руки (табл. I, 14), употребляется при написании слов *че* — олень и *чик'ин* — запад. Однако следует иметь в виду, что слова майя, известные нам по источникам не ранее XVI в., могли в древнем языке иметь другую огласовку и слово «запад», возможно, произносилось *чек'ин*.

Кроме идеограмм и фонетических знаков, имеются также ключевые (иначе «детерминативы»). Они встречаются довольно редко. Ключевые знаки не читаются, а поясняют значение слова, записанного при помощи фонетических или идеографических знаков. Например, знак, изображающий наконечник копья (табл. I, 88), употребляется в качестве ключевого при написании слов *балте* — дикий зверь, *мааш* — сражаться (табл. I, 59, 72). Другой знак (табл. I, 117), означающий «сезон», «время», употребляется в качестве ключевого при написании слов *к'интун* — засуха, *покте* — выжигание лесов и т. д. (табл. II, 161, 113).

Одни и те же знаки могут попеременно употребляться и как идеограммы, и как фонетические, и как ключевые знаки. Например, знак, изображающий стебель (табл. I, 55), в одних случаях читается как идеограмма *йаш* — зеленый, в других случаях — как фонетический знак *хал*. Ключевым знаком, означающим «сезон» (табл. I, 117), в ряде случаев читается фонетически *ку* (табл. II, 8, 140, 143). Идеограмма солнца (табл. I, 60) может употребляться в качестве фонетического знака *к'ин* (табл. II, 74, 109).

Во многих случаях писцы майя указывали при помощи особого знака («смысловый указатель», I, 150), в каком смысле употреблен тот или иной знак. Например, знак, изображающий сжатую кисть рук (табл. I, 14), обычно читается фонетически *ч(е)*; если же он употреблялся как идеограмма *че* — олень, то его обычно снабжали «смысловым указателем» (табл. II, 188). Этим же «смысловым указателем» сопровождается (хотя и не всегда) знак, изображающий стебель (табл. I, 55) в тех случаях, когда его следует читать фонетически *хал*, а не как идеограмму *йаш* — зеленый. Чтобы пояснить смысл знака, употреблялись также рогатый и пунктирный овалы. Например, знак, изображающий языки пламени (табл. I, 114), идеограмма *пок* — огонь, в пунктирном овале читается *ник* — 8 тысяч. Знак, который обычно читается как идеограмма *тун* — «год в 360 дней» (табл. I, 142), в рогатом овале читается *тун* — звук, шум (табл. I, 143). Знак, изображающий цветок с четырьмя лепестками (табл. I, 60), в простом овале — идеограмма *к'ин* — солнце, в пунктирном овале — идеограмма *ник* — цветок.

Знаки, составляющие слово, обыкновенно пишутся слева направо: сверху вниз, причем могут поворачиваться на 90° и даже на 180°. Впрочем, многие знаки всегда встречаются в одном положении. Место ключевого знака неопределенно. Он может стоять и в начале, и в конце, и в середине слова (*балте*, *к'интун*, *покте*, табл. II, 59, 161, 113). Иногда встречаются лигатуры (*к'ук'* табл. II, 164) и вписывание одного знака в другой (не путать со сложными знаками!), причем последним читается тот знак, который вписан (*чик'ин*, *К'ук'чан*, табл. II, 192, 165).

Бывают нарушения обычного порядка написания знаков (инверсия), когда сверху пишется тот знак, который должен быть снизу (*чак'* табл. II, 182). Наконец, встречается неполное написание, когда один из знаков вообще не пишется (например, *чи* вместо *чик'ин* на 6-а странице Мадридской рукописи).

Слово может быть записано при помощи разных знаков. Иногда встречается чисто фонетическое написание (*куц*, *к'уч*, табл. II, 146, 167), иногда чисто идеографическое (*муан*, *чак болай*, табл. II, 77, 180). К фонетическому написанию может быть добавлен ключевой знак, особенно если нужно различить омонимы (*балте*, *ток*, *Чак*, табл. II, 59, 128, 186). В сложных словах встречаются сочетания нескольких идеограмм или идеограмм и фонетических знаков.

К идеограмме или фонетическому знаку (обычно типа БАБ) может быть приписан дополнительный фонетический знак, который подтверждает чтение предыдущего знака. Например, слова *пиц'к'ин*, *чакте*, *чаб*, *ба*, *ч'амак* (табл. II, 109, 182, 173, 58, 197) пишутся, если точно транслитерировать фонетические знаки, *пиц'-к'ин-н*, *чак-те-е*, *каб-б*, *б-бал*, *ч'ам-м-м*

Такой прием называется звуковым подтверждением (иначе «фонетический комплемент»).

В языке майя насчитывается 35 фонем, а именно: *a, aa, a', e, ee, e', u, ui, u', o, oo, o', y, uy, y', b, b', l, ll, m, n, c, sh, x, x', n, n', t, t', k, k', c, c', q, q'*. Каждый из пяти основных гласных звуков имеет три варианта: простой, долгий и простой с сальтильо («гортанный взрыв»). Все глухие смычные и аффрикаты встречаются в двух вариантах: простым и с сальтильо. Изучение фонетики древнего языка майя весьма затрудняется рядом обстоятельств. Слова майя известны нам в записи так называемым традиционным алфавитом (в основу которого положен испанский алфавит XVI в.). В этой записи долгота гласных обозначается не всегда, гласные с сальтильо не имеют особых обозначений, не различаются слабый и усиленный вариант звука *x*, иногда путаются фонемы *m* и *n* и, наконец, фонемы *y, b, b'* могут передаваться одной и той же буквой. В иероглифической письменности отдельных знаков для долгих гласных и для гласных с сальтильо не было. Иногда долгий гласный передавался путем удвоения алфавитного знака (*моо*, табл. II, 76) или слоговым знаком (*аак, суу*, табл. I, 45, 77). Два варианта глухих смычных и аффрикатов — простые и сальтильо — передавались разными фонетическими знаками (*ка-к'а, ку-к'у, че-ч'е*, табл. I, 71, 11, 117, 145, 14, 56).

Иероглифическое написание во многих случаях расходится с записью тех же слов традиционным алфавитом, причем не всегда ясно, чем это вызвано — историческими переходами звуков в словах майя, неточным употреблением знаков древними писцами или неточностью записи традиционным алфавитом. Кроме того, ряд слов, насколько можно судить по словарю из Мотуля и книгам Чилам Балам, имел альтернативное произношение. Все же иногда можно более или менее уверенно говорить о переходах гласных (например, слово *нохол* — юг в иероглифическом написании *махал*, табл. II, 68). Несколько яснее исторические чередования согласных звуков. Так *t* чередуется с *c* (*атан-ачан, йашче-йаште*, табл. II, 3, 54), *c* с *k* (*кех-че, каан-чаан*, табл. II, 188 172). Чередуются два варианта глухих смычных и аффрикатов (*к'ик'-кик, кукче-к'ок'че*, табл. II, 138, 145), хотя в некоторых случаях можно предполагать неточное употребление знаков писцами. Встречается чередование *m* и *n* (*нохол-махал, мал-нал*, табл. II, 68 93, 152); в некоторых случаях это, повидимому, не исторические переходы звуков, а альтернативное произношение (*хичам-хичан*, табл. II, 101; табл. III, 18). Слабый звук *x* может исчезать (*кех-че, ичам-хичам*, табл. II, 188, 101).

В иероглифических текстах аффикс или служебное слово обыкновенно передается одним и тем же знаком. Например, имеются особые знаки для следующих аффиксов и служебных слов:

-*л* с предшествующим гласным, совпадающим с гласным корня (т. е. подчиняющимся закону сингармонизма), словообразующий суффикс имен и глаголов среднего залога. Возможно, что в древнем языке этот суффикс имел определенный гласный (табл. I, 146; см. табл. II, 7, 91, 148, 171).

-*ил*, словообразующий префикс имен существительных абстрактных и собирательных, употребляемый также для выражения родительного приименного падежа (табл. I, 113; см. табл. II, 16, 78, 92, 159).

ах-, префикс имен существительных и причастий настоящего и будущего времени. В новом языке майя этот префикс употребляется в качестве словообразующего префикса личных имен существительных, обозначающих лиц мужского пола. В древнем языке он не давал указания на пол; примеры древнего употребления префикса *ах-* имеются в словаре из Мотуля (*ах ал* — рожаящая; *ах ичам* — замужняя; *ах алансах* — повитуха). Префикс *иш-*, который в новом языке употребляется в качестве словообразующего префикса личных имен существительных, обозначающих лиц женского пола, в древнем языке не имел этого значения и упо-

треблялся для образования уменьшительных имен существительных. Женские имена собственные, например *Иш Ч'ел*, *Иш Таб*, в иероглифических текстах пишутся без этого префикса (*Ч'ел*, *Таб*, табл. II, 198, 118 табл. I, 96; см. табл. II, 3—10).

-*нал* (-*мал*), суффикс имен существительных, обозначающих владельца чего-либо (табл. I, 62; см. табл. II, 21, 152).

-*у*, притяжательный местоименный префикс 3-го лица единственного числа, употребляемый с глаголами для выражения лица и с именами существительными для выражения родительного приименного падежа (табл. I, 84; см. табл. III, 14, 15, 29).

-*хал*, суффикс основы настоящего времени начинательных глаголов среднего залога (табл. I, 55; см. табл. II, 12, 19, 22, 55, 73).

-*хи*, суффикс 3-го лица единственного числа прошедшего времени и начинательных глаголов среднего залога (табл. I, 129; см. табл. II, 2, 13).

-*ах*, суффикс основы прошедшего времени глаголов действительного залога (также суффикс основы настоящего времени некоторых глаголов действительного залога) (табл. I, 127; см. табл. II, 29, 34, 106, 195).

-*кунах* (в новом языке -*кунтах*), сложный суффикс основы прошедшего времени начинательных глаголов действительного залога, корень которых имеет гласный звук *а*, *е* или *и*. В иероглифике словообразующий суффикс -*кун*- передается фонетическим знаком *к'ан* (табл. I, 4 см. табл. II, 57, 142).

-*кинах* (в новом языке -*кинтах*), сложный суффикс основы прошедшего времени начинательных глаголов действительного залога, корень которых имеет гласный звук *о* или *у*. В иероглифике словообразующий суффикс -*кин*- передается фонетическим знаком *к'ин* (табл. I, 6 см. табл. II, 74).

-*чабах* (в новом языке -*кабтах*), сложный суффикс основы прошедшего времени глаголов, выражающих быстрое действие, действительного залога (табл. I, 122, 127; см. табл. II, 141).

-*сах*, суффикс основы прошедшего времени каузативных глаголов действительного залога (табл. I, 77, 127; см. табл. II, 33).

-*тах*, суффикс основы прошедшего времени аппликативных глаголов действительного залога (табл. I, 70; см. табл. II, 139).

-*бал*, суффикс основы настоящего времени глаголов страдательного залога (табл. I, 79; см. табл. II, 95).

-*аан*, суффикс причастий прошедшего времени среднего залога (табл. I, 68; см. табл. II, 1, 98, 150).

-*ках*, частица настоящего продолжительного времени, употребляемая с глаголами изъявительного наклонения (табл. I, 71, 127; см. табл. II, 61, 196).

ти-, предлог, означающий «в», «на», «из», «для» (табл. I, 64; см. табл. III, 6, 9).

иц-, предлог, означающий «внутри», «в» (табл. I, 6; см. табл. III, 10).

ка-, союз «и» (табл. I, 136).

ет- (в новом языке — *йетел*). союз «и» (табл. I, 128).

Следует отметить особое употребление в языке майя прилагательного *сак* — белый и числительных *ош* — три и *болон* — девять. Прилагательное *сак*, передаваемое в иероглифике идеограммой (табл. I, 63), выражает несовершенство или искусственность определяемого им понятия (*кимил* — смерть, *сак кимил* — обморок; *мул* — холм, *сак мул* — пирамида).

Числительные *ош* и *болон*, передаваемые в иероглифике цифрами, означают также «много» (*ош мултун цек'* — эпидемия, буквально «много холмов черепов»; *болон ц'акаб* — вечный).

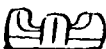
В табл. I приводится толкование знаков. В эту таблицу не включены многие сложные идеограммы и редко встречающиеся знаки. Прежде всего, указано, что именно изображает знак (там, где это возможно).

ТАБЛИЦА I. ЗНАЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЗНАКОВ

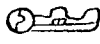
- 1 сидящий человек с дополнительным знаком. 131. Фон. *нак'*. Ср. *нак'*, живот. Мот.
- 2 голова с дополнительным знаком 58. Фон. *п(оо)*. Ср. *поол*, *пол*, голова. Мот.
- 3 скелет (позвоночный столб, таз и ребра). Фон. *ц(у)*. Ср. *цуулбак*, позвоночник. Мот. *цикцак*, скелет. Бр.
- 4 череп. Идеогр. *цек'*, череп. Мот.
- 5 челюсть с дополнительным элементом (мертвый глаз). Фон. *ким (кам?)*. Ср. *кам*, челюсть. Бр.
- 6 глаз. Фон. *ич*. Ср. *ич*, глаз. Мот.
- 7 открытый рот (верхние резцы, клыки, язык и глотка). Фон. *к(—?)*. Ср. *чиц*, рот, *ко* зубы. Мот.
- 8 разведенные руки (жест отрицания). Фон. *м(а)*. Ср. *ма*, нет. Мот.
- 9 поднятая вверх рука (молитвенный жест?). Идеогр. *к'уул (ку?)*, божественный. Ср. *ку*, локоть. Мот. *к'уул*, почитать. Бр.
- 10 поднятая рука с открытой ладонью. Фон. *ч'(а)*. Ср. *ч'а*, брать. Мот.
- 11 кулак с дополнительными элементами. Фон. *чук (чак)*. Ср. *чук*, Мот. *к'оп*, ударить кулаком. Бр.
- 12 кулак с дополнительными элементами. Фон. *к'(а)*. Ср. *к'аб*, рука. кулак. Бр.
- 13 кулак, опущенный вниз. Фон. *мак (мач?)*. Ср. *моч'*, пальцы, *мач*, схватывать. Мот.
- 14 сжатая кисть руки. Фон. *ч(е)*. Ср. *ке*, сжатый, *кеп*, сжимать. брать между пальцами. Бр.
- 15 Ладонь с отставленным большим пальцем. Фон. *ц'а*, Ср. *ц'а*, давать. Мот.

- 16 ладонь повернутая вправо. Фон. *наб?* Ср. *наб. нааб*, ладонь. Мот.
- 17 мужской орган с дополнительным элементом. Фон. *а* (также *хач?*). Ср. *ач*, мужской орган. Мот.
- 18 след человеческой ноги. Идеогр. *бе*, дорога?
- 19 лицо с дополнительным знаком 124. Идеогр. *ч'уп*, женщина. Ср. *ч'уплал*, женщина. Мот.
- 20 лицо с неясным дополнительным элементом. Фон. *шиб*. Идеогр. *шиб*, мужчина. Мот.
- 21 лицо с дополнительным знаком 141. Идеогр. *чан* (*кан*), змея (только в имени бога *К'ук'улкан*).
- 22 лицо с двумя дополнительными знаками (ср. 122). Идеогр. *ч'абтан* (только в имени бога *Бурук Ч'абтан*).
- 23 лицо с дополнительным знаком. Идеогр. *йеэб*, мелкий дождь. Бр.
- 24 лицо с дополнительным знаком 108. Фон. *п'(-?)*, *п'ак?* (в имени бога войны, ср. *Пак'-ок*).
- 25 лицо с дополнительным знаком (113, 124?); овал имеет контур знака 62. Идеогр. *к'авил* (*чабил*).
- 26 лицо с «глазом дракона». Ключ. бог.
- 27 лицо с дополнительным знаком 60. Фон. *к'ин*.
- 28 морда животного с дополнительным знаком 101. Идеогр. *ваай*, тем. Мот.
- 29 морда с двумя дополнительными знаками 101, 96. Идеогр. *вайах*, муравей. См. табл. II, 43.
- 30 морда хищного зверя с оскаленными зубами. Идеогр. *болай*, ягуар.
- 31 морда хищного зверя с неясным дополнительным элементом, в рогатом овале. Идеогр. *бол*, доля пищи. Мот. Ср. *боол*, жертва. Бр.

- 32 морда животного (рот с вибриссами, «круглый глаз», уши, шерсть). Фон. *ок*. Ср. *оч*, опоссум. Мот.
- 33 морда животного с дополнительным знаком. 120. Фон. *цок* (*шок?*).
- 34 морда животного с дополнительными знаками 120, 105. Фон. *цокол* (*шokol?*).
- 35 морда животного с знаками 7, 114 вместо глаза. Фон. *сии*.
- 36 морда животного с знаками 7, 114 вместо глаза, в рогатом овале Фон. *сии*.
- 37 морда животного (рот с вибриссами, «звериный глаз») с дополнительным знаком 88. Фон. *пак?* Ср. *пек'*, собака. Бр.
- 38 водяное животное (ламантин?). Фон. *мен*.
- 39 голова совы-сипухи. Идеогр. *муан*, сова. Бр.
- 40 голова птицы с дополнительным знаком 64. Идеогр. *коот*, орел. Бр.
- 41 голова попугая. Идеогр. *моо*, попугай. Мот.
- 42 голова летучей мыши (?) с дополнительным знаком 120. Идеогр. *цоц*, *соц'*, летучая мышь. Бр.
- 43 голова летучей мыши (?) с дополнительными знаками 120, 90. Идеогр. *цом*, *ч'ом*, гриф. Бр.
- 44 птица на знаке 55. Идеогр. *йашум*, кецаль.
- 45 голова черепахи. Фон. *аак* (*аак'*). Ср. *аак*, *ак*, черепаха. Мот.
- 46 голова черепахи с дополнительным знаком. 106. Фон. *аак* (*аак'*).
- 47 змея с дополнительным знаком 51. Идеогр. *кук-чан* (синоним *цаб-кан*), гремучая змея.

- 48 червь. Фон. *нук*. Ср. *нок'*, червь. Мот.
- 49 раковина. Фон. *к'ан*. Ключ. «пища». Ср. *к'ан*, раковина.
- 50 уши животного. Фон. *ок*. Ср. *шикин* (из *иш-ок-ин?*), уши. Бр.
- 51 погремушка гремучей змеи. Фон. *кук*. Ср. *к'ук'ил-кан*, гремучая змея.
- 52 хвост? Фон *м(у)*.
- 53 яйца птицы? Фон. *е*. Ср. *е*, яйца птиц, мелкие камни. Бр.
- 54 перо кецаля? Идеогр. *к'ук'(ул)*, перо (только в имени бога *К'ук'улкан*).
- 55 стебель. Фон. *хал*. Ср. *хал*. стебель. Бр. Идеогр. *йаш*, зеленый.
- 56 агава. Фон. *ч'(е)*, может быть, также *ч'ел*. Ср. *челен*, агава. Бр.
- 57 росток? Фон. *к'ак'*. Ср. *к'ук'*, росток. Мот.
- 58 почка? Фон. *п'(-?)*. Ср. *п'ум*, почка, *п'ол*, расти. Бр.
- 59 плод перца (гроздь?). Фон. *ик'*. Ср. *ик*, перец, *ич*, плод. Мот.
- 60 цветок с четырьмя лепестками. Идеогр. *к'ин*, солнце. Фон. *к'ин*.
- 61 цветок с четырьмя лепестками в пунктирном овале. Идеогр. *ник*, цветок.
- 62 початок кукурузы в обертке. Фон. *нал*. (*мал*, *мол*). Ср. *нал*. початок кукурузы. Мот.
- 63 сухой стебель кукурузы? Идеогр. *сак*, белый. Ср. *сак'аб*, сухой стебель кукурузы. Мот.

- 64 цветок? Фон. т(и).
- 65 хлопок. Фон. *пиц'* (*пец'*). Ср. *пиц'*, хлопок. Бр.
- 66 початок кукурузы (?) с дополнительным элементом. Фон. о. Ср. *ош*, обмолоченная кукуруза. Бр.
- 67 лист? с дополнительным элементом. Фон. а. Ср. *ак*, трава. Мот.
- 68 лист? фон. *ан* (*аан*).
- 69 росток? (ср. знак 57). Идеогр. *кек'* (*ек'*), черный.
- 70 связка ветвей. Фон. *тах*. Ср. *тах*, связка ветвей, факел. Мот.
- 71 стебли сбитой травы. Фон. *к(а)*. Ср. *ка*, резать, укорачивать, *каак*, обрывать листья. Мот.
- 72 пирамида. Идеогр. *мул*, пирамида.
- 73 дом (крыша из листьев и опорки). Идеогр. *оточ* (*от?*), дом.
- 74 дом (столбы, балка и крепления крыши). Фон. *б(е)?*
- 75 перекрещивающиеся балки кровли? Фон. *и(—?)*. Ср. *и'етал*, скрещиваться.
- 76 крыша из листьев (ср. знак 73). Фон. *х(а)*. Ср. *хоол*, крыша. Бр.
- 77 сосуд с жидкостью. Фон. *с(уу)*. Ср. *сул*, еда. Мот., *сулеб*, сосуд. Бр.
- 78 узкогорлый сосуд с кипящей жидкостью. Фон. *кум* (*ком*). Ср. *кум*, сосуд для кипячения воды. Мот.
- 79 сосуд с жидкостью. Фон. *бал*. Ср. *булуб*, сосуд. Бр. *балан*, полный. Мот.

- 80 закрытый сосуд с жидкостью. Фон. *мак*. Ср. *мак*, закрывать. Мот.
- 81 сосуд с жидкостью и дополнительные знаки. Идеогр. *Кек' Чуах*. Ср. *чу*, сосуд. Мот.
- 82 заплечная сумка. Фон. *тен?* Ср. *тем*, *чим*, *чоон* — плетеная сумка. Мот.
- 83 приспособление для переноски тяжестей. Фон. *ч(—?)*.
- 84 черпак? Фон. *у*. Ср. *у*, сосуд. Бр.
- 85 крышка? Фон. *н(а)*.
- 86 сосуды с жидкостью? Идеогр. *ооч*, пища.
- 87 топор. Фон. *бат* (*баат*). Ср. *бат*, *баат*, топор. Мот.
- 88 наконечник копья с дополнительными элементами (ср. знак 116). Фон. *ток'* Ср. *ток'*, кремень. Мот.
- 89 пластинка из обсидиана. Фон. *т(а)*. Ср. *та*, пластинка из обсидиана. Мот.
- 90 кремневый нож? Фон. *ом* (*ун*, *хун?*). Ср. *мо*, кремень. Бр.
- 91 чыдувная трубка (сарбакан) и два глиняных шарика. Фон. (*п—?*). Ср. *п'уб*, сарбакан. Бр.
- 92 копье-металка? (ветка?). Фон. *те*. Идеогр. *те*, дерево.
- 93 щит. Фон. *мааш*. Ср. *маашкинахба*, защищаться. Мот.
- 94 ткань. Фон. *син*. Ср. *син*, ткань. Мот.
- 95 одежда? Фон. *бук*. Ср. *бук*, одежда. Мот.

- 96 пояс? Фон. *ах*.
- 97 браслет с дополнительным знаком. Идеогр. *китам*, пекари.
- 98 ушная вставка? Фон. *н(—?)*.
- 99 пучок веревок. Фон. *бел?* (*бал?*).
- 100 плетение с дополнительным знаком 106. Идеогр. *ч'ак*, рубить. Ср. *ч'ак*, цыновка. Мот.
- 101 сеть. Фон. *вай* (*ваай*). Ср. *бай*, сеть. Бр.
- 102 полоска ткани, завязанная узлом. Фон. *сут?*
- 103 браслет? Фон. *ак*.
- 104 гадательные камешки? Фон. *ум*. Ср. *ам*, гадательные камешки. Бр.
- 105 засеянное поле (кружки обозначают ямки, в которые бросают зерна кукурузы). Фон. *кол*. Ср. *кол*, мильпа, поле. Мот.
- 106 поле с отметками по углам. Идеогр. *к'ан*, желтый. Ср. *каан*, мекате. Мот. (участок определенных размеров, отмечаемый по углам кучками камней).
- 107 поле с канавами. Фон. *т'ул*. Ср. *т'ол*, канава. Бр.
- 108 орошенное поле? Фон. *пок* (*пак*). Ср. *пок*, мыть. Мот.
- 109 пруд. Фон. *п(а)*. Ср. *паа*, пруд. Мот.
- 110 отверстие колодца (сенюта). Фон. *к'ал*. Ср. *кал*, отверстие колодца. Мот. Идеогр. *к'ал*, двадцать.
- 111 водоем. Фон. *и* (*ич?*). Ср. *ичин*, мыться, *ч'еен*, колодец. Мот.

- 112 пещера, овраг? Фон. *ч'ам*. Ср. *ч'ам*, углубление, *к'ом*, овраг.
- 113 огонь. Фон. *(и)л*. Ср. *ел*, гореть.
- 114 языки пламени. Идеогр. *пок* (*к'ак'*?), огонь. Ср. *покоб*, очаг.
- 115 костер? Фон. *т(а)*. Ср. *ток*, жечь. Мот. Идеогр. *чак* (*так?*), красный.
- 116 огонь. Ключ. «огонь».
- 117 облака? с дополнительными знаками. Фон. *к(у)*. Ключ. «сезон», «период».
- 118 смысл изображения неясен. Идеогр. *чаан* (*каан*), небо.
- 119 дождь (потоки воды и волнистая поверхность земли). Идеогр. *ак'*, дождь.
- 120 потоки воды в пунктирном овале. Фон. *иц*. Ср. *иц*, роса. Мот.
- 111 смысл изображения неясен (туча?). Фон. *ин*. Ср. *хинах*, семена, семя. Мот.
- 122 льющаяся вода (см. знаки 124, 126). Фон. *чаб* (*каб*). Ср. *каб*, медленно течь, мед. Бр.
- 123 льющаяся жидкость. Фон. *вац'* (*вах?*).
- 124 льющаяся жидкость. Фон. *чуп* (*чуб?*). Ср. *чуп*, наполнять.
- 125 жидкость, льющаяся из сосуда. Фон. *ш(е)*. Ср. *ше*, лить вниз.
- 126 капли воды. Фон. *тос* (*тас*). Ср. *тос*, пыль, *тосхаа*, дождь.
- 127 капля и неясные элементы. Фон. *х(—?)*, *-ах*. Ср. *хаа*, дождь.

- 128 капля и неясный элемент. Фон. *ет*.
- 129 капля и неясный элемент. Фон. *хи*.
- 130 смысл изображения неясен. Фон. *п'ах (пах)*.
- 131 Фон. *м(о)*. Ср. *мол*, множество.
- 132 фон. *хел*. Ср. *хел*, поворачивать.
- 133 фон. *ол*. Ср. *волол*, клубок.
- 134 фон. *тан?* Ср. *тан*, середина.
- 135 идеогр. *ош*, три
- 136 идеогр. *ка*, два. Фон. *ка*.
- 137 фон. *л(—?)*.
- 138 фон. *л(—?)*.
- 139 фон. *м(у)*.
- 140 фон. *бил?*
- 141 фон. *чан*.
- 142 фон. *тун* (иногда *т-*). Идеогр. *тун*, год в 360 дней.
- 143 идеогр. *тун*, звук, шум.

144 фон. б(—?).

145 фон. к'(у).

146 фон. (—?)л.

147 фон. н(—?). Ключ. «жертва», «плодородный».

148 фон. валак.

149 фон. лем.

150 определитель смысла.

в настоящее время). Далее указано фонетическое, идеографическое ключевое значение знаков (в таблице сокращенно: фон., идеогр., ключ. Кроме того, приведены соответствующие слова языка майя по словарю из Мотуля² и словарю Брассёр де Бурбура³ (в дальнейшем указаны сокращенно: Мот. и Бр.).

Знаки 1—18 изображают части человеческого тела, 19—29 — лицо человека или морду зверя (сложные лицевые знаки), 30—54 — животные и части их тела, 55—71 — растения, 72—76 — постройки, 77—86 — утварь, 87—93 — оружие, 94—104 — одежду и украшения, 105—112 — местности, 113—116 — огонь, 117—130 — дождь и льющуюся воду. Знаки 131—136 представляют собой, повидимому, условные символы. Смысл знаков 137—149 пока остается неясным.

Во избежание недоразумений следует указать, что значение ряда знаков, особенно идеограмм, установлено предположительно (например, 10, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 29, 34, 37, 38, 40, 43, 54, 83, 90, 94, 95, 97, 98, 99, 102, 134, 148, 149). В некоторых случаях спорным представляется только фонетическое значение знака (например, 5, 9, 13, 114).

Отдельные знаки нуждаются в дополнительных замечаниях. 1. Фон. *нак'*, ср. классификационный суффикс числительных *нак*, употребляемый при перечислении сидящих людей⁴. 30. *Болай* означает также «хищное животное» (Мот.). 44. Знак употребляется только в Парижской рукописи. 47. *Кук-чан*, ср. *ку'к'ил-кан*⁵; это, повидимому, название созвездия Плеяды. 49. Раковины (*кан*) употреблялись в качестве единицы обмена в торговле. 54. Перья кецаля высоко ценились у майя. 70. Связки ветвей употреблялись в качестве факелов при выжигании лесов. 81. Сложная идео-

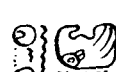
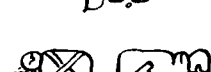
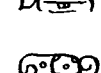
² J. Martínez Hernández, Diccionario de Motul, maya — español, atribuido a Fray Antonio de Ciudad Real y Arte de lengua maya por Fray Juan Coronel Mérida, 1929.

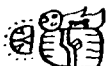
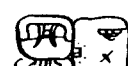
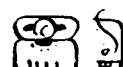
³ Ch. E. Brasseur de Bourbourg, Dictionnaire, grammaire et chrestomathie de la langue Maya précédé d'une étude sur le système graphique des indigènes du Yucatan (Mélique), Paris, 1872.

⁴ A. M. Tozzer, A. Maya Grammar. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, vol. IX, 1921, стр. 291.

⁵ A. M. Tozzer, Указ. раб., стр. 290.

ТАБЛИЦА II. ПРИМЕРЫ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО НАПИСАНИЯ СЛОВ

1		<i>амакаан</i> , вар. <i>анакаан</i> , находящийся (причастие от глагола <i>анакхал</i>). См. табл. III, 9.
2		<i>амакхи</i> , вар. <i>анакхи</i> , находился (прош. время от глагола <i>анакхал</i>). См. табл. III, 7.
3		<i>ах ачан</i> , нов. <i>ах атан</i> , имеющий жену, муж. Мот. Д68б.
4		<i>ах бол</i> , тот, кто распоряжается кушаньями (обычно в смысле «получающий жертву»). М106—1076.
5		<i>ах па</i> , тот, кто открывает (ср. <i>па</i> , открывать, Бр.). Д61.
6		<i>ах кан</i> , тот, кто дает (ср. <i>кан</i> , дар. Мот.). Д61, 69.
7		<i>ах кимил</i> , тот, кто, умирает. Мот. См. табл. III, 24.
8		<i>ах куч</i> , тот, кто несет. Мот. См. табл. III, 25.
9		<i>ах че</i> , нов. <i>ах кех</i> , охотник, стрелок. Мот. М40а, Г. XXX и т. д.
10		<i>ах чук</i> , тот, кто берет; тот, кто владеет (ср. <i>чук</i> , хватать. Мот.). М89а.
11		<i>ак'инал</i> , дождь, приносящий плодородие. Д65а.
12		<i>ак'алхал</i> , темнеть? Мот. Д49.
13		<i>ак'алхи</i> , потемнел? (прош. время от глагола <i>ак'алхал</i>). Г. XLVIII, L.
14		<i>ачаан Чак</i> , нов. <i>акан Чак</i> , гром (букв. «шум Чака»). Д39а.
15		<i>аак'аан</i> , свежий, сырой. Бр. («месяц свежих зерен»).

- 16 *аак'ил*, обновление. Бр. М116.
- 17 *аак'нак*, новый. Бр. Д49.
- 18 *ет*, нов, йетел, и. Мот.
- 19 *етпиц'аанхал*, вар. *етп'исаанхал*, делаться подобным. Мот. Д47.
- 20 *Ицамна* (имя бога).
- 21 *ицмалт'ул*, владеющий росой облаков. Д726.
- 22 *ицхал*, делаться росой (ср. *ицгал*, стекать каплями. Бр.). М716.
- 23 *иц чаан*, нов. *иц каан*, небесная роса. См. табл. III, 2.
- 24 *иц чу'п*, зрелая девушка. Д216.
- 25 *ич*, внутри, в. Мот.
- 26 *ичин*, нов. *икин*, сова. Мот. М95в.
- 27 *ичин* (*ич им*), в воде, в глубине (ср. *им*, глубина. Бр.). Д40в.
- 28 *ичин*, источник (ср. *ичинах*, мыться. Мот.).
- 29 *ичинах*, приносить плоды. Мот. Д73б.
- 30 *олом*, кровь. Мот. М95а.
- 31 *ош окаан*, много имеется, часто случается (ср. *окаан*, имеется. Мот.).

- 32 *ош покмал к'ин*, палящее солнце. См. табл. III, 5.
- 33 *ош чуксах*, много ловить (ср. *чуксах*, ловить. Мот.). М41а.
- 34 *оточах*, помещаться (ср. *оточтах*, поселиться. Мот.). Д61.
- 35 *ооч ин*, «питающая благодать» (ритуальное название кукурузы).
- 36 *у*, его (притяжательный местоименный префикс).
- 37 *ул*, нов. *хул*, приходить. Мот. Д34а.
- 38 *улум*, индюк. Мот. Д46.
- 39 *учак (учук)*, быть возможным. Мот. М96б.
- 40 *уук китам*, пекари. Мот. См. табл. III, 18. .
- 41 *валак к'инил*, в это время (ср. *валакил хун хааб*, в это время. Мот.). Д24.
- 42 *вай*, вар. *ваай*, тотем. Мот. М92г.
- 43 *вайях*, муравей (мифологический персонаж) Д56а.
- 44 *вайак'*, знак, предзнаменование. Мот. Д41б.
- 45 *Лакун Чаан* (имя бога). Д47.
- 46 *ле*, синок. Мот. М91а.
- 47 *йаш*, новый (название месяца).

48

йаш ооч, новая пища. Д27а.

49

йашум, кецаль (букв. «зеленая птица»).

50

йаш к'ин, «новое солнце» (название месяца).

51

йаш кол, поле, засеянное без выжигания. Мот. П.

52

йаш Чак, Зеленый Чак (имя бога). Д34а.

53

йаш чун, начало. Бр. Д61.

54

йаште, нов. *йашче*, сейба. Бр. Д67б.

55

йашхал, обновляться, зеленеть. Бр. М65б.

56

йашкинах, вар. *йашкунах*, начинать. М. 100б.

57

йашкунах, начинать. М11б.

58

бал, разрывать, кусать. М82б.

59

балте, нов. *балче*, дикое животное. Мот. М40а.

60

батах, работать топором. Бр. М96г.

61

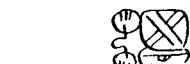
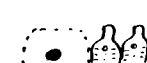
бат (у) ках, зажигать факелом (ср. *бат*, факел. Бр. М40а). См. табл. III, 14.

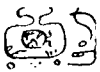
62

бехла, теперь.

63

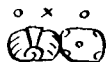
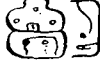
бол, вар. *боол*, доля пищи, жертва. Мот.

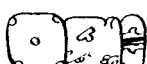
- 64 Болон Окте, вар. Болон Йокте (имя бога).
- 65 болон суукаб, большая жертва (ср. суукабтах, приносить жертву. Мот.). М105б.
- 66 болон канан, необходимый, драгоценный (ср. к'анан, необходимый. Мот.). Д65б.
- 67 хунабах, завершать (ср. хунаб, целый Бр.), Д4б.
- 68 махал, нов. нохол, юг. Мот.
- 69 мап'ахам, вар. напахан, обычно. Мот.
- 70 мац, хватать, поймать. Мот. М40в.
- 71 мачан, вар. мачаан, пойманный. Мот. М40а.
- 72 мааш, вар. маш, сражаться. Д60а.
- 73 молхал, собираться. Мот. Д60б.
- 74 молкинах, собирать. Мот. Д72б.
- 75 мок, барабанить? (ср. мок, бубенчик. Бр.) Д34в.
- 76 моо, попугай. Мот. Д16в.
- 77 муан, сова.
- 78 муанил, облачный (название месяца). Д4б.
- 79 мул (муил?), пирамида. См. табл. III, 28.

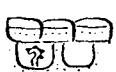
- 80 *мут, тотем.* См. табл. III, 20.
- 81 *мук, раз.* Мот. См. табл. III, 19.
- 82 *мук, раз (вариант написания).*
- 83 *муч, лягушка.* Мот. М26б.
- 84 *нак' чаан, нов. нак' каан, небесный покров, небо.* Мот. См. табл. III, 3.
- 85 *никте, цветок.* Мот. См. табл. III, 16.
- 86 *нук, вар. нуук, знак, объявление, порядок.* Мот.
- 87 *нукииб, нов. ну'ииб, старик.* Бр. Д68б.
- 88 *сак, белый (название месяца).*
- 89 *Сак Шиб Чак (имя бога).*
- 90 *сак ч'уп, девственница, бесплодная женщина.*
- 91 *силах, жертвовать.* Мот. (ср. *цил*, разделять. Бр.).
- 92 *шил, дар.* Мот. См. табл. III, 29.
- 93 *сшмал, засыхать, вянуть от солнца (о траве и деревьях).* Мот. См. табл. III, 4.
- 94 *сихил, рождение, рождаться.* Мот. Д46.
- 95 *суубал, быть пожертвованным.* Мот. М42в.

- 96 *суум*, веревка. Мот. М826.
- 97 *хахал*, идти дождю сильно и долго. Мот. См. табл. III, 1.
- 98 *хелаан*, вар. *хелан* сменивший. Мот.
- 99 *хелил* (*хелел?*), смена, перемена (ср. *хелел*, переменяться. Мот.).
- 100 *хиш ч'ом*, гриф (ср. *хиш*, ястреб. Бр.; *ч'ом*, аура. Мот.). См. табл. III, 22.
- 101 *хичам*, нов. *ичам*, муж. Мот. См. табл. III, 22.
- 102 *хичам*, нов. *ичам*, муж. Мот. См. табл. III, 23.
- 103 *Хо Вай*, «пять суток» (пять добавочных дней 365-дневного года, также имя божества; ср. *вай*, сутки. Мот.).
- 104 *паа чаб*, нов. *паа каб*, опустошать улья. Мот. М110в.
- 105 *пак'*, 1. роиться пчелам, носить мед. Мот. См. табл. III, 30.
2. красить. Мот. См. табл. III, 28.
- 106 *пак'ах*, приносить пользу. Мот. См. табл. III, 29.
- 107 *пач*, завладевать, присваивать. Мот. М103а.
- 108 *пиц'билах*, плести, ткать (ср. *пиц'*, прясть хлопок. Мот.; *билах*, крутить, вить. Бр.). См. табл. III, 27.
- 109 *пиц'к'ин*, вар. *пец'к'ин*, ящерица. Бр. Д46.
- 110 *поп*, вар. *пооп*, цыновка. Мот. См. табл. III, 27.
- 111 *пок*, огонь (ср. *пок*, греть на огне. Мот.).

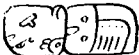
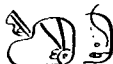
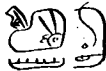
- 112 *пок ик', горячий ветер. Д73в.*
- 113 *покте, нов. покче, выжигание лесов. Мот.*
- 114 *покте, выжигание лесов (вариант написания).*
- 115 *покте, нов. покче, пустошь, чаша. Мот. Д33в.*
- 116 *п'атхи, нов. патхи, появился (прош. время от глагола патхал, появляться. Мот.). См. табл. III, 2.*
- 117 *п'ен, пленный раб. Бр. М55в.*
- 118 *Таб, нов. Иш Таб (имя богини). Д53б.*
- 119 *тах кол, возделывать поле (ср. тах коил, возделывать поле. Мот.). М97 в.*
- 120 *так'ах, брать (ср. так'пом, жертвовать курение. Мот.) Д8в.*
- 121 *так'ан, спелый (плод). Мот. См. табл. III, 11.*
- 122 *те, нов. че, дерево. Мот. М42в.*
- 123 *тенил, определенное время, раз (ср. тен, раз. Мот.) М100б.*
- 124 *ти, в от, для. Мот.*
- 125 *тип', показываться, быть над чем-либо. Мот. Д53б.*
- 126 *тип'ан, показавшийся. Мот. (ср. тип'ан к'ин, взошло солнце. Мот.). См. табл. III, 3.*
- 127 *тосха, вар. тоосхаа, мелкий дождь. Мот.*

- 128 ток, вар. тоок, огонь, жечь. Мот. М38в.
- 129 ток, огонь (вариант написания). См. табл. III, 14.
- 130 т'ул кук, итти следом, по следу (ср. т'ул чук, искать по следу. Мот.). Д35а.
- 131 ка, тогда. Мот. Д8в.
- 132 кан болай, ягуар (ср. болай, хищный зверь. Мот.).
- 133 кахол к'ан, новая пища (ср. кахол, новый. Бр.). Д18в.
- 134 кахол к'ин, новое время. М91а.
- 135 кек'те, нов. ек'че, «черное дерево» (в мифологии). Д31в.
- 136 Кек' Шиб Чак, нов. Ек' Шиб Чак (имя бога).
- 137 Кек' Чуах, нов. Ек' Чуах (имя бога).
- 138 кик, нов. к'ик', шарик из смолы (курение). Бр.
- 139 колтах, обрабатывать поле (ср. колах, обрабатывать поле. Мот.). См. табл. III, 10.
- 140 куил, пирамида (ср. ку, пирамида). М64б.
- 141 кумчабах, нов. кумкабах, садить. Мот. См. табл. III, 13.
- 142 кумкинах, садить. Мот. Д42б.
- 143 кут, начало (ср. кутал, начало. Бр.). М26б.

- 144 *кук к'атун*, оборот двадцатилетия (ср. *кукул*, вертеться. Мот.). Д70.
- 145 *кукче*, нов. *к'ок'че*, трещотка. Бр. М21г.
- 146 *куц*, индюк. Бр. М91а.
- 147 *куч*, ноша. Мот. См. табл. III, 24.
- 148 *к'алел*, госпожа (ср. *шук'ал*, *ишк'ал*, госпожа. Мот. *колел*, госпожа. Бр.). Д536.
- 149 *к'ам*, получать. Мот. Д2г.
- 150 *к'амаан*, вар. *к'аман*, полученный. Бр.
- 151 *к'анте*, «желтое дерево» (в мифологии). См. табл. III, 9.
- 152 *К'антенал* (мифологический персонаж). Д48.
- 153 *К'ан Шиб Чак* (имя бога).
- 154 *К'ан Чак* (имя бога).
- 155 *к'ин ак'*, сезон дождей (ср. *ак' йаабил*, сезон дождей. Мот.).
- 156 *к'инаан*, властвующий (ср. *к'ин*, властвовать. Мот.).
- 157 *К'инаан покте*, «владыка выжигания лесов» (имя бога).
- 158 *к'инанхал*, властвовать. Бр. См. табл. III, 12.
- 159 *к'инил*, время. Бр. Д576.

- 160 *к'инил*, время (вариант написания). См. табл. III, 5.
- 161 *к'интун*, засуха (ср. *к'интун йаабил*, засуха. Мот. См. табл. III, 15).
- 162 *к'уул оточ*, храм (ср. *к'уул на*, храм. Мот.; *йоточ к'у*, храм. Мот.). См. табл. III, 12.
- 163 *к'уул к'инил*, праздник (ср. *к'ин к'у*, праздник. Мот.). Д67б.
- 164 *к'ук'*, кецаль. Д16б.
- 165 *К'ук'чан*, нов. *К'ук'улкан* (имя бога). М10б.
- 166 *К'ук'улчан* (вариант написания).
- 167 *к'уч*, гриф. Бр. См. табл. III, 17.
- 168 *ц'ул*, собака. См. табл. III, 17.
- 169 *ц'ул чаан*, небесная собака. Д40б.
- 170 *цук*, местность. Мот. (ср. *цукуб*, провинция. Мот.).
- 171 *ц'анукул*, знак, правило. Бр.
- 172 *чаан*, нов. *каан*, небо. Мот. См. табл. III, 1.
- 173 *чаб*, нов. *каб*, 1. пчела. Мот. См. табл. III, 30.
2. земля. Бр. См. табл. III, 4.
- 174 *чабтан*, вар. *ч'абтан*, благополучный, счастливый. Мот. См. табл. III, 13.
- 175 *чаб (чeб?)*, повалить дерево (ср. *ч'ебкунах*, повалить дерево. Мот.). М89в.

- 176 *чабил*, затмение (ср. *чибил к'ин*, затмение соли Мот.). Д54.
- 177 *чан к'ак'наб*, озеро (ср. *к'ак'наб*, море. Мот.). Д38
- 178 *чан к'уул оточ*, маленький храм. См. табл. III.
- 179 *чак*, красный (название месяца, ср. *тоок*, выжигав лесов).
- 180 *чак болай*, ягуар. Мот. Д8а.
- 181 *Чак Шиб Чак* (имя бога). Д30в.
- 182 *чакте*, «красное дерево» (в мифологии). Д30в.
- 183 *чакте*, «красное дерево» (вариант написания). М96
- 184 *Чак Чак*, Красный Чак (имя бога). Д39б.
- 185 *Чак Ч'ел*, нов. *Чак Иш Ч'ел* (имя богини). Д70 М10б.
- 186 *Чак* (имя бога).
- 187 *чаках* (название дерева). Мот. Д33в.
- 188 *че*, нов. *кех*, олень. Мот. М41а, 91а, 92а и т. д.
- 189 *чен*, вар. *ч'еен*, источник. Мот. М93в.
- 190 *чеч*, нов. *кеч*, жертва. Бр. Д4в.
- 191 *чик'инил*, запад.

- 192 *чик'инил*, запад (вариант написания).
- 193 *чукул*, рубить дерево. Бр. М90в.
- 194 *ч'акаан*, срубленный (ср. *ч'ак*, рубить топором. Мот. «Месяц рубки деревьев»).
- 195 *ч'аах*, брать, нести. Мот. См. табл. III, 26.
- 196 *ч'а (у) ках*, брать, нести. М416.
- 197 *ч'амак*, лисица. Мот. Д14в.
- 198 *Ч'ел*, нов. Иш Ч'ел (имя богини). Д67а.
- 199 *ч'елте*, вар. *ч'улте*, озеро. М92а.
- 200 *ч'уп*, женщина (ср. *ч'уплал*, женщина. Мот.). См. табл. III, 18.

грамма бога *Ек' Чуах*. Прилагательное *ек'* — «черный» — передано черными полосками по краям знака. 88. Кремневый наконечник копья; линии в середине изображают раковистый излом. Дополнительные элементы вписаны, повидимому, потому, что при помощи кремня добывался огонь. 89. Obsидиановая пластинка; линии в середине изображают грани (пластинка в поперечном разрезе имеет форму трапеции). 91. Из сарбакана стреляя глиняными шариками. 93. *Мааш*, повидимому, значит «щит»⁶ 99. Фон. *бел?*, ср. классификационный суффикс числительных *бал*, употребляемый при перечислении веревок⁷.

Знаки 4, 21, 22, 24, 25 употребляются почти исключительно при написании имен богов. В текстах книг Чилам Балам и других источниках эти боги известны под именами *Мултунцек'*, *К'ук'улкан*, *Булук Ч'абтан*, *Пак'-ок*, *К'авил*. В иероглифическом написании древних имен этих богов употребляются лигатуры и сокращения, поэтому чтение их сомнительно. Например, имя юного бога кукурузы, может быть, читается *Мунал К'авил*. Впрочем, чтение идеограмм богов не играет существенной роли при изучении языка иероглифических текстов⁸.

В табл. II приводится несколько примеров иероглифического написания слов. Некоторые чтения являются предположительными (например, 1, 14, 17, 27, 32, 40, 53, 58, 62, 67, 83, 91, 94, 100, 118 133, 163, 166, 199).

⁶ R. L. Roys, The Book of Chilam Balam of Chumayel, Washington, 1933, стр. 154.

⁷ A. M. Tozzer, Указ. раб., стр. 290.

⁸ Попытки толкования идеограмм богов и других знаков см. в монографии: J. E. S. Thompson, Maya Hieroglyphic Writing. Introduction, Carnegie Institution of Washington, Publ. 589, Washington, 1950.

200). Кроме ссылок на словари, в таблице указано, где в иероглифических текстах встречается данное написание (М — Мадридская рукопись, Д — Дрезденская рукопись, П — Парижская рукопись⁹, Г — надписи на керамике в издании Гордона¹⁰). Отдельные чтения требуют дополнительных замечаний. 1. Глагола *анакхал* в словарях нет. *Анак* значит «присутствующий». Ср. глагол *анкал* (прош. время *анкахи*. Бр.). 3. Слово *атан*, повидимому, образовано от древнего корня *ач* — «мужской орган». 4. *Ах бол* означает также «виночерпий», «распорядитель пира» (Мот.). 11. См. замечания к слову 35. 12. Употребление этого глагола в надписях на керамике и на камне заставляет предполагать другие значения. 14. Необычно употребление идеограммы неба в качестве фонетического знака. Однако на рисунке, иллюстрирующем фразу в рукописи, Чак держит в левой руке трещотку, напоминающую по виду погремушку гремучей змеи, что хорошо согласуется с значением слова *акан* — «жужжание и шум стрел или камней, или змеи, когда она ползет, или ветра, когда он шумит» (Мот.). 21. Слово *ицмал'ул* истолковано у Лисана, который приводит его в форме *Ицматул* (как имя бога)¹¹. 23. Сочетание *иц каан* встречается в «Заклинании»¹² и у Лисана¹³. 24. Сочетания *иц ч'уп* в словарях нет. Ср. выражение *йан йиц йа ти* — «уже имеет молоко любви, уже достиг (достигла) юности, уже начал (начала) покрываться волосами, или уже знает, что такое женщина, или женщина знает, что такое мужчина» (Мот.). 28. Это написание встречается только у Ланда (иероглиф. месяца Чен). Глагол *ичинах* — «мыться» образован от слов *ич* — «в» и *ин* (*им*) — «глубина». 29. Глагол *ичинах* — «приносить плоды» образован от слов *ич* — «плод» и *хинах* — «семена». 30. Это написание (с нарушением порядка знаков) употреблено для передачи слова *улум* — «индюк» на стр. М93а. 31. См. примеры употребления причастия *окаан* в словаре из Мотуля. 32. *Покмал* значит «сажа» (Мот.). Ср. выражение *покмал ти елел* — «сгореть полностью» (Мот.). Возможно, следует читать *к'ак'мал* — «засыхать траве на солнце» (Мот.). 35. Ср. *очинах* — «иметь в качестве пропитания», *оч ишим* — «пропитание из кукурузы, которое каждый имеет для себя и для своей семьи или путешествия» *хинах* — «семена», «семя». (Мот.). В книге Чилам Балам из Чумайеля кукуруза называется *sustinal gracia*¹⁴ — «питающая благодать». Повидимому, это перевод на испанский язык сочетания *ооч ин*, часто употребляемого в иероглифических текстах в качестве эпитета юного бога кукурузы. 42. *Ваай* означает «покровитель, которого имеют заклинатели мертвых, колдуны и волшебники; это какое-либо животное, с которым, по договору с дьяволом, они советуются в воображении; и зло, которое случается с таким животным, случается также с колдуном, покровителем которого оно является» (Мот.). 43. Ср. *чак вайах каб*, красный муравей, живущий под землёй, упоминаемый в книге Чилам Балам из Чумайеля вместе с *чак шулаб*, муравьём, который вызывает затмение луны¹⁵. 45. *Лакун Чаан* упоминается в книге Чилам Балам из Чумайеля. Чтение иероглифического написания является общепринятым¹⁶. 56. Употребление в данном случае фонетического знака *к'ин*, — повидимому, неточность писца. 58. *Бал* означает «кусать». Верхнюю строчку второй фразы этого параграфа можно прочесть *баленбал*. 61. Форма *бат ках*, так же как *ч'а ках* (196), повидимому, настоящее продолжительное время (с пропуском притяжательного местоименного

⁹ Издание рукописей майя см. J. A. Villacorta y C. A. Villacorta, *Codices mayas*, Guatemala, 1930.

¹⁰ G. B. Gordon, *Examples of Maya Pottery in the Museum and Other Collections*, Philadelphia, 1925.

¹¹ D. de Landa, *Relation des choses de Yucatan*, Paris, 1864, стр. 356.

¹² R. L. Roys, *Указ. раб.*, стр. 46.

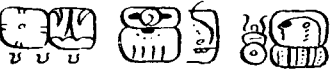
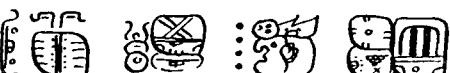
¹³ D. de Landa, *Указ. раб.*, стр. 356.

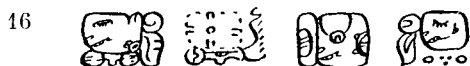
¹⁴ R. L. Roys, *Указ. раб.*, стр. 38, 114.

¹⁵ Там же, стр. 152.

¹⁶ Там же, стр. 101.

ТАБЛИЦА III. ПРИМЕРЫ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО НАПИСАНИЯ ФРАЗ

1		хахал чаан, дождливое небо (букв. «дойдит небо»). Д56б.
2		иц чаан патхи, появилась небесная роса. Д51б.
3		нак'чаан тип'ан, показалось чистое небо (букв. «небесный покров»). Д54а.
4		сиимал чаб к'ин, солнце высушивает землю. Д73в.
5		ош покмал к'ин тум к'инил, солнце все сжигает в это время. Д72в.
6		к'ин ак' ичинах ти чаб, дождь оплодотворяет землю. Д73в.
7		амакхи чик'инил Кек' Шиб Чак, Черный Чак находился на западе. Д29в.
8		амакхи махал К'ан Шиб Чак, Желтый Чак находился на юге. Д29в.
9		амааан Чак ти к'анте махал, Чак находился на Желтом дереве на юге. Д31в.
10		амааан ич коллах Чак куц, находившемуся в поле Чаку (принести в жертву) индюка. Д41в.
11		амааан к'уул оточ Чак так'ан, находившемуся в храме Чаку (принести в жертву) спелые плоды. Д41в.
12		у мааан Чак к'инанхал чан к'уул оточ, Чак удалился парствовать в маленький храм. Д38в.
13		кумкабах Сак Чак ооч ин ти ч'абтан, Белый Чак сеет кукурузу (букв. «питающую благодать») в счастливое время. Д38б.
14		у ток ти чаан Чак бат (у) ках, Чак зажигает огонь в небе. Д36а.
15		у пок ти чаан Кан Моо к'интун, огонь Попугая в небе; засуха. Д40б.

к'амаан никтеил (Мултунцек' в кимил), вступает в брак (букв «получает цветок»). Владыка черепов, несущий смерть. Д15в.

к'уч хичам цул валак мен, пес — муж (самки) грифа в это время. Д13в.

хичан ч'уп 7 китам валак мен, пекари — муж женщины в это время. Д19б.

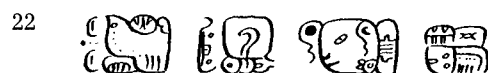
иц ч'уп хичам цул у мук, пес — муж девушки на этот раз.

13 муан у мут ч'уп у мук, сова — знамение женщины на этот раз. Д16в.

цул у мут ч'уп ош окаан, пес — знамение женщины обычно (букв. «часто случается»). Д17б.

хиц ч'ом у мут ч'уп бехла, гриф — знамение женщины теперь. Д17б.

хичам ч'уп сак ч'уп ош окаан, замужняя женщина часто оказывается бесплодной (букв. «белой женщиной»). Д19б.

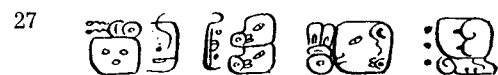
у (Мултунцек') у куч ч'уп ах кимил, Владыка черепов — ноша женщины, которая умрет. Д17в.

пок сак ч'уп ах куч покте, девственница (букв. «белая женщина»), несущая огонь (для) выжигания лесов. Д19в.

мачан 1 китам ч'аах ах че, охотник понес пойманного пекари. М41б.

ниц'билах у поп сак ч'уп ош окаан, плетение цыновки девственницы (букв. «белой женщины») обычно бывает. М102в.

пак' муил Ицамна хелаан, Ицамна сменивший (предыдущего бога) окрашивает пирамиду. М64б.

у пак'ах сиил Чак бехла, Чак послал дары теперь. Д15б.

у пак' у чаб Ицамна (ооч) ин, роение пчел Ицамны благодатного. М107а.

префикса), 64. Ср. *Ах Болон Йокте*¹⁷. Аналогичное чтение дает Томпсон¹⁸. 72. *Мааш* означает «ударить камнем или палкой» (Мот.), «умерщвлять» (Бр). 79. *Мул* означает «холм», но употребляется также в значении «пирамида». 90. Сочетания *сак ч'уп* в словарях нет. Ср. сочетание *сак йаом* — «женщина, кобыла или собака, которая кажется беременной, так как имеет большой живот, но не беременна» (Мот.). *Сак ч'уп* в некоторых случаях, повидимому, имя богини. 101. Слово *ичам* образовано, повидимому, от древнего корня *ч'ам* — «женский орган». *Хи* — прошедшее время от глагола *хал* — «иметь» (Бр.). 132. Ср. *болай кан*¹⁹. 140. Слово *ку* — «пирамида», «святилище» встречается в испанских источниках²⁰. В данном параграфе (как и во многих других) писец намеренно употребляет созвучные слова (*муил* — *куил*). 143. Необычно употребление идеограммы *тун* в качестве фонетического знака. Ср. ДЗ1в., 152. Ср. *Ах К'антенал*²¹. 164. Слово *к'ук'* (и его синоним *йашум*) встречается в книге Чилам Балам из Чумайеля²². 170. Слово *цук* встречается в надписи из Яшчилана²³. 177. Ср. *чи-чан-к'анааб*²⁴. 185. *Чак Иш Ч'ел*, Красная Иш Чель упоминается в «Ритуале Бакабов»²⁵. 199. Слово *ч'улте* встречается в хрониках майя²⁶.

В табл. III приводятся примеры иероглифического написания фраз. Некоторые фразы нуждаются в комментариях. 4. Фразу можно перевести также: «высыхает земля в это время», «время высыхания земли». 9. Ср. аналогичное употребление причастия в фразе *ваан ти петен Булук Ч'абтан*²⁷ — «стоит в стране Булук Ч'абтан». 12. *Мак*, повидимому, могло значить «далекий» (нов. нач). Ср. *намак* — удаленный (Мот.) вместо ожидаемого *нанач*. 13. *Ооч ин* можно понять так же, как эпитет Белого Чака. Возможно, что глагол *кумбабах* имел другие значения («лить воду»?). 16. Имя и эпитет бога смерти прочтены условно. 17. Смысл этой фразы, повидимому, сводится к тому, что в это время благоприятны браки мужчин, имеющих знамением (тотемом) собаку, с женщинами, имеющими знамением грифа. 19. Ср. аналогичное употребление слова *мут* в фразах *ах шок у мут* — «акула его знамение», *ах к'ук'ум у мут*²⁸ — «кецаль его знамение». 28. На рисунке, иллюстрирующем фразу, изображен бог перед сооружением с тремя ступенями, из которых две верхние голубые, а нижняя черная. Ср. Ланда: «они натирали первую ступень каменного кургана тиной колодцев, а остальные ступени голубой мазью...» (праздник «Тушения огня») ²⁹.

¹⁷ R. L. Roys, The Prophecies for the Maya Tuns or Years in the Books of Chilam Balam of Tizimin and Mani, Contributions to American Anthropology and History, vol. X, No. 51, Carnegie Institution of Washington, Publ. 585, Washington, 1949, стр. 166.

¹⁸ J. E. S. Thompson. Указ. раб., стр. 47.

¹⁹ R. L. Roys, The Prophecies for the Maya Tuns..., стр. 172.

²⁰ Collécción de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y organización de los antiguos posesiones Españoles de Ultramar, XIII, Madrid, 1900, стр. 24.

²¹ R. L. Roys, The Book of Chilam Balam of Chumayel, стр. 161.

²² Там же, стр. 40, 63, 121.

²³ S. G. Morley, The Inscriptions of Peten, Carnegie Institution of Washington, Publ. 437, Washington, 1938, vol. V, pl. 178b (lintel 41).

²⁴ A. M. Tozzer, Указ. раб., стр. 297.

²⁵ W. Gates, An Outline Dictionary of Maya Glyphs, Maya Society, Publ. 1, Baltimore, 1931, стр. 105.

²⁶ A. Barrera Vasques and S. G. Morley, The Maya Chronicles, Contributions to American Anthropology and History, vol. X, No. 48, Carnegie Institution of Washington, Publ. 585, Washington, 1949, стр. 30.

²⁷ R. L. Roys, The Prophecies for the Maya Tuns..., стр. 179.

²⁸ A. Barrera Vásquez, El pronóstico de los 20 signos de los días del calendario Maya, Vigemoseptimo Congreso Internacional de Americanistas, t. I. Méxio, 1942, стр. 476, 478.

²⁹ D. de Landa, Указ. раб., стр. 256.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ XVII ВЕКА

I

Выдающиеся подвиги, совершенные русскими людьми в XVI—XVII вв. в просторах Сибири и Дальнего Востока, составляют русскую главу эпохи великих открытий. Эта глава насыщена замечательными событиями и ознаменована героическими делами длиннейшего ряда казавшихся ведаемых истории, так и оставшихся безвестными «служилых людей» и «промышленников» — землепроходцев. Однако глава эта остается еще далеко не достаточно исследованной. Если все же по части исторической и географической сделано в последнее время советскими учеными довольно много¹, то этнографическая история этой эпохи специальному изучению не подвергалась и остается, можно сказать, почти совершенно не освещенной.

С другой стороны, если вообще для данной эпохи далеко не достаточно соответствующие письменные и литературные источники, то и тем меньше по части этнографии. Конечно, еще и сейчас может быть открыто немало хранящихся в архивах новых материалов и документов относящихся к этнографической истории этой эпохи. Мы, однако, не можем взять на себя задачи поднять новые архивные источники и в своем обзоре ограничиваемся только напечатанными материалами. При обзоре истории этнографических достижений рассматриваемого времени приходится останавливаться лишь на тех событиях, которые получили и этнографическое отражение в существующих письменных памятниках, и лишь на тех лицах, которые оставили документы, содержащие тот или иной этнографический материал. Заметим, наконец, что мы не беремся

¹ См. А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, XVII век, Л., 1940; С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1927; Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1725—1742, 4 изд., М.—Л., 1946; Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий, 2 изд., испр. и доп., М.—Л., 1949; М. С. Боднарский, Очерки по истории русского землеведения, т. I, М., 1947; А. В. Ефимов, Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII—первая половина XVIII в., М., 1950; Д. М. Лебедев, География в России XVII в. (Допетровской эпохи), М.—Л., 1949; В. Н. Скалон, Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века, Под ред. М. А. Сергеева, М., 1951; см. также ценные комментарии М. П. Алексеева в его сборнике: Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, Введение, тексты и комментарий, XIII—XVII вв., 2 изд., Иркутск, 1941. Во всех этих работах этнографические сюжеты затрагиваются преимущественно лишь походя. Мы должны, однако, с признательностью отметить, что выше названные труды советских ученых оказали нам существенную помощь при изучении истории этнографии эпохи.

исчерпать все напечатанные материалы, относящиеся к нашему предмету, представляя здесь лишь наиболее значительное.

Мощное движение русских на Восток, начатое в XI в. Новгородом, перешедшее во второй половине XV в. к Москве, завершилось в 30-х гг. XVII в. выходом на Тихий океан, в 40-х гг. — открытием Берингова пролива, в тех же годах — проникновением на Амур, а к концу этого столетия — открытием последней восточноазиатской окраины — Камчатки. За указанное время, в сущности же за сто лет XVII в., русскими было пройдено и освоено колоссальное пространство, населенное длинным рядом самых различных народов. Открытие Сибири и Дальнего Востока было одновременно открытием обширнейшего, дотоле совершенно неведомого этнографического мира.

Наряду с тем, с начала XVII в. началось также непосредственное знакомство русских с чужеземной далекой страной, являвшейся предметом вожделенного внимания еще с античной эпохи, остававшейся и к тому времени весьма мало известной как в России, так и в зарубежных странах, — Китае, началась замечательная глава русской науки — русское китаеведение.

В основе движения России на Восток лежали разнообразные мотивы и цели. Однако в качестве важной задачи уже весьма рано было поставлено и собирание этнографических сведений. Об этом выразительно свидетельствуют некоторые документы.

Так, например, «наказная память» 1641 г. ленских воевод Петра Голвина и Матвея Глебова, данная служилому человеку Максиму Телыцкому с товарищами, отправленными на р. Юганду для ясачного сбора и открытия новых земель, предписывала разведывать: «и какие люди по тем рекам и по вершинам живут и чем кормятся, и скотные ли люди, и пашни у них есть ли, и хлеб родится ли, и какой хлеб родится, и зверь у них, соболи есть ли...»². Наказная память 1642 г. ленских воевод тобольским, березовским и енисейским служилым людям Ивашку Реброву, Данилке Иванову и др., отправленным на р. Оленек, предлагала: «у аманатов и тунгусов спрашивать накрепко, много ли в Оленке реке тунгусов и сколько родов, и поскольку в котором роду человек, и ясаку куда не дают ли»³. Заслуживает особого внимания в данном документе стремление к учету родов с их численным составом. Отметим, что в той же «памяти» выше также говорится о родах, например: «и с тех родов на государя ясак взять».

Замечательную черту этих наказов составляет обычно содержащееся в них предписание обращаться с местным населением ласково, не брать чрезмерно большого ясака, не допускать жестокостей.

Так, наказ 1622 г. некому Евдокиму Иванову Баскакову, посланному в г. Кузнецк для приведения в подданство местных жителей, находившихся в зависимости от калмыков, предписывал приводить этих людей «под государеву царскую высокую руку к шерти ласкою, а приведа их к шерти, ...ясак на государя собрати, с кого колко мочно взяти, чтоб их не ожесточить, ...и их от колмацких людей оберегати, чтоб им от колмацких людей обиды некоторые не было»⁴. Наказ 1639 г. енисейского воеводы Никифорова Веревкина казачьему пятидесятнику Семену Григорьеву Родюкову, отправленному на р. Олекму для ясачного сбора, предписывал с новых людей, ясака еще не плативших, «взяти с них ясак как мочно чтоб им было не в тягость и тем бы их наперво не ожесточить и от государевы царские высокие руки не отогнать...»⁵. Наказная память 1644 г. ленских воевод Василия Пушкина и Кирилла Су-

² Дополнения к Актам историческим, т. II, 1846, № 95, стр. 256 (в дальнейшем цитируется: ДАИ).

³ ДАИ, II, 1846, № 99, стр. 264.

⁴ Сборник князя Хилкова, II, 1879, № 68, стр. 192.

⁵ ДАИ, II, 1846, № 68, стр. 161—162.

понева служилому человеку Осипу Семенову Б о я р ш и не с товарищами о сборе ясака с тунгусов предписывала: «новых землиц неясачных людей призывать... и ясак с них на государя имать ласково, а не жесточью...»⁶. Так и царский наказ 1647 г. Семену Федоровичу Об ъ е д о в у, назначенному пустозерским воеводой, приказывал: «А к самоеди, которая живет около Пустозерского острогу, держать ласка и береженье, а жесточить их ничем не велети, и государеву дань велети же с них имати данщиком прямую, а неправд бы некоторых им чинити не велети, чтоб им в том утеснения отнюдь некоторого не было»⁷.

Такого рода цитаты можно было бы весьма значительным образом умножить.

Еще одну примечательную черту обнаруживает история русской колонизации Сибири и вместе с тем история русской этнографии изучаемого времени.

Широко известно, что история зарубежной этнографии феодальной и капиталистической эпох неуклонно сопровождалась двумя тесно между собой связанными явлениями: насильственной христианизацией и закабалением, а то и прямым обращением в рабство колониальных народов. Разительным образом этих позорных спутников почти не знала история русской колонизации Сибири, одновременно — история русской этнографии данной эпохи. Никак не приходится отрицать того, что в процессе колонизации совершалось немало жестокостей, что в конечном счете народы Сибири оказались в тягчайшем ярме колониальной эксплуатации, наложенном на них царской Россией. Однако здесь не было прямой и явной насильственной христианизации, не было по общему правилу и прямого грубого закабаления, а тем более и подлинного обращения в рабство. В частности, — во всяком случае в рассматриваемую нами эпоху, — в Сибирь ни правительством, ни какими-либо духовными инстанциями не посылались священники с миссионерскими целями, причем русское духовенство вообще не играло в те времена какой-либо роли в деле колонизации.

Обо всем сказанном хорошо свидетельствует, например, следующее предписание, содержащееся в наказе 1644 г. ленским или якутским воеводам Василию Пушкину и Кириллу Супоневу и дьяку Петру Стеншину об управлении краем⁸: «А к себе им, Василию и Кирилу и дьяку Петру и подъячим и служилым людям никаких иноземцов и жон и детей их во двор к себе не имати, и засылкою самим ни у кого не покупать и не крестити, и к Москве с собою не вывозити и ни с кем не высылати, и служилым и всяким людям крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская земля пространялась, а не пустела. А будет кто из ясачных людей похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскав о них допряма, что своею ли волею они хотят креститься, а крестя устраивать их в государеву службу, и верстать их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людям, кто в какую статью пригодится, в выбылые русских служилых людей места; а будет кто из их женского полу, жонки или девки, похотят креститься, и тех женок и девок велеть крестить и выдать замуж за новокрещенного ж и за русских служивых людей. А к себе им, Василию и Кирилу и дьяку Петру, отнюдь во дворы никаких иноземцов не имати и служилым и никаким людям таких людей держати у себя не велеть и издольев никаких у себя на дворах русских людей и иноземцов крещеных и некрещеных делати не заставляти, чтоб в том руским людям и иноземцем утеснения и изгони не былс».

Совершенно аналогичные предписания содержатся и в ряде других

⁶ ДАИ, II, 1846, № 73, стр. 175.

⁷ ДАИ, III, 1848, № 19, стр. 83.

⁸ ДАИ, II, 1846, № 100, стр. 273.

современных наказов сибирским воеводам⁹. Не приходится говорить, что эти правительственные указания, в особенности в отношении закабаления, на местах нарушались. С другой стороны, все эти предписания касательно как христианизации, так и закабаления диктовались чисто фискальными интересами¹⁰. И все же остается фактом то, что русская колониальная практика и вместе с тем история русской этнографии рассматриваемой эпохи в данном отношении резко отличались от того, что в то же самое время, как и раньше, происходило в Африке и Америке.

Основные источники, служащие для характеристики этнографических достижений XVI—XVII вв. в Сибири и на Дальнем Востоке, таковы: 1) «скаска», т. е. собственные показания служилых людей — землепроходцев, либо «распросные речи», или записи их показаний; «наказы» или «наказные памяти» — своего рода инструкции, которые давались отправляемым в поход с определенными заданиями служилым людям, причем эти указы иногда включали сведения, уже имевшиеся о данных местностях и их населении; «отписки» — донесения сибирских воевод в Москву, содержащие соответствующие сведения; 2) «чертежи», т. е. географические карты, включающие этнографические данные, вместе с «росписями», своего рода объяснительными записками к этим картам; 3) сибирские летописи; 4) описания путешествий; 5) уже тогда написанные специальные сочинения, посвященные вновь открытым или посещенным странам.

Обращаясь к этнографическим данным о народах Сибири, которые содержались в первой группе вышеуказанных видов источников, т. е. в скасках, распросных речах, наказах и отписках, отметим, что документы XVI и начала XVII в., которые бы имели этнографическое содержание, до нас не дошли, либо остаются неопубликованными. Состояние этнографических сведений о Сибири в первой трети XVII в. не отражено ни в каком из известных памятников. Нет, однако, никакого сомнения, что как вообще, так в частности по некоторым народам эти сведения были уже довольно содержательны. Об этом можно судить, например, по документу, на который мы уже ссылались, — наказу 1622 г. Евдокиму Баскакову. В этот наказ включено показание, данное в Казанском дворце томским казаком Ивашкой Володимирцом, содержащее, хотя и краткое, но четкое и обстоятельное сообщение о «кузнецких ясашных людях». Здесь рассказывается, как эти люди добывают железную руду и изготавливают из нее различное оружие, которое затем «продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы». «А кузнецких людей, — говорится далее, — в Кузнецкой земле тысячи с три, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело. А живут они в горах, а на горах растет всякий лес, и тот лес расчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю»... «А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми кузнецкими людьми всеми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным»¹¹.

30-е гг. XVII в. являются примечательной датой в истории колонизации Сибири и вместе с тем в истории ее этнографии. В 1632 г. в Москву приехал мангазейский воевода Андрей Федорович П а л и ц ы н и поднял в Приказе Казанского дворца вопрос о более активном про-

⁹ См., например, наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле 1655 г., «Русская историческая библиотека», XV, 1894, стр. 29; см. по этим вопросам: В. Кулешов, Наказы сибирским воеводам в XVIII в., Ташкент, 1888, стр. 40—41 и прим. 86; В. Огородников, Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв., «Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета», I, 1920, стр. 27.

¹⁰ См. об этом: Н. Фирсов, Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань, 1866, стр. 192—204.

¹¹ Сборник князя Хилкова, стр. 191.

движении на р. Лену, причем «подал той великой реке Лене и розны земли людям, которые по той Лене и по иным рекам живут, чертеж и роспись». Проект Палицына был принят, и в 1638 г. на Лену были посланы люди для сооружения острога и освоения края. При этом в наказ данный отправленным на Лену стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, было включено сохранившееся таким образом извлечение из росписи Палицына¹². Мы находим здесь, между прочим следующие этнографические сообщения. «А по тем рекам по Чоне по Вилюю живут люди многие: синягиры, нанагиры... А по обе стороны великие реки Лены и до устья полунощного окияна якуты, тунгусы, маяды, нанагиры, кояты, кариgili и иные многие кочевые и сидячие люди. Да в то же великую реку Лену ниже Вилюйского устья впади с обе стороны многие великие реки, а по тем рекам живут осетунгусы, шамагиры, баяхты и иные многие люди... Да в то же великую реку Лену выше Вилюйского устья и до самые великие Балкаские протоки впади многие великие реки: Ичора, Чая, Чичюй, Пледуй, Олекна, Витим, Киренга, Такра, Камта, Бранта; а по тем и всем рекам живут яколские и якутские и братские тайши, конные и пешие сидячие многие люди: тунгусы, налякигири, камчугири, сучигири и когири, кимжегири, нанагири, шамагири, синегиры, долганы, холоп орда и иные многие люди, а не владеет ими никто; ... а те де люди соболях и во всякой дорогой мягкой рухледи цены не знают».

С конца 30-х гг. XVII в. начинается активное движение русских землепроходцев для разведывания новых, еще не открытых земель, идущих в трех направлениях: 1) на север, в район Индигирки и Колымы, оттуда к востоку на Анадырь, 2) на восток, к океану, на побережье Охотского моря, и 3) на юго-восток, в Приамурье. Предпринятые в этих направлениях походы увенчиваются и географическими, и этнографическими открытиями, о которых рассказывают умножающиеся в это время скаски и расспросные речи. Остановимся на некоторых из них.

В 1642 г. енисейский казак Дмитрий Михайлов Ерило (он же Зырян) и красноярский казак, впоследствии якутский сын боярский, Иван Родионов Ерастов (он же Вельков) проведывали р. Алазею; здесь им встретились «многие алазейские люди (т. е. юагиры) — князцы Невгоча и Мундита, а с ними были с тундры чюхчи — мужики с своими роды и с улусными людьми»¹³. Это — первая встреча русских с чукчами и первое о них упоминание в русских письменных документах.

В 1646 г. енисейский казак, впоследствии якутский казачий атаман, Михаил Васильев Стадухин открыл «незнаемую реку» Колыму. Вернувшись в 1647 г. в Якутск, он рассказал воеводам Пушкину и Супоневу о своем походе. В его весьма кратких «распросных речах» содержатся следующие заслуживающие нашего внимания показания¹⁴. «А по той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род оленные и пешие сидячие многие люди, и язык у них свой... А по той де реке Чюхче живут иноземцы свой ж род, словут чюхчи, так же что самадь оленная, сидячие ж». Сообщая слух о находящемся в Ледовитом океане громадном острове, Стадухин рассказывает: «И те де чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою чюхчи переезжают на оленях на тот

¹² «Русская историческая библиотека», II, 1875, № 213, стр. 961—972; о Палицыне см. С. В. Бахрушин, Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.), в книге: «Века», Исторический сборник, I, П., 1924.

¹³ Приведено в статье: Н. Н. Оглобин, Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в., «Журнал Министерства народного просвещения», 1903, 5.

¹⁴ ДАИ, III, 1848, № 24, стр. 99—100; более исправная публикация в книге: Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии, Сборник документов, составлен Н. С. Орловой, под ред. А. В. Ефимова, М., 1951, № 76, стр. 221—222; то же стр. 233—234.

остров одним днем. И на том де острове они побивают морской зверь морж, и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, и по своему они тем моржовым головам молятца, а он де того у них моржового рыба зубу не видал. А промышленные де люди ему сказывали, что они у тех чюхчи тот моржовой зуб видали, кольца де у них оленных санок все того одного моржового зуба».

В 1648 г. совершил замечательное плавание и великое географическое открытие уроженец г. Устюга енисейский казак, впоследствии якутский казачий атаман, Семен Иванович Дежнев (род. ок. 1605 г., ум. в 1673 г.). Выйдя из устья р. Колымы в Северном Ледовитом океане и обогнув северо-восточную оконечность Азии, Дежнев прошел до устья р. Анадырь в Беринговом проливе. Таким образом, Дежнев за 80 лет до Беринга открыл пролив, названный впоследствии именем последнего. Свидетельствами похода и открытий Дежнева являются его отписки и челобитные¹⁵.

В своих писаниях Дежнев называет: якутов, юкагиров, «ламутских тунгусов» (т. е. ламутов), чукчей, коряков, анаулей (вероятно, племя, родственное корякам), чуванцев и ходынцев (юкагирские племена). В отписках Дежнева находится двукратное указание на живущих на островах (острова Диомида или Гвоздева) против «большого каменного носа» (открытый Дежневым мыс, ныне носящий его имя) особых «чукчей», называемых «зубатыми» потому, что «пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных», — первое в литературе известие об азиатских эскимосах. Отметим в документах Дежнева ряд упоминаний о роде. Лишь единичным является у него следующее этнографическое показание, относящееся к корякам: «юрты у них большие, в одной юрте живет семей по десяти». И, наконец, любопытна в отписке Дежнева следующая жалоба: «а государевых всяких дел писать не на чем, бумаги писчей нет». Не будь, следовательно, этого обстоятельства, отписка Дежнева была бы куда подробнее.

Замечательные результаты принесло и движение в другом направлении — на восток.

1639 г. составляет знаменательную дату выхода русских на Тихий океан. Отправившись в 1636 г. из Томска, экспедиция, возглавленная гомским казачьим атаманом Дмитрием Копыловым и томским казаком Иваном Москвитиным, вышла в 1639 г. на Охотское побережье. Документальным результатом этого похода явилась «Роспись рекам и имяна людям, на которой реке которые люди живут, тунгусские роды, по роспросу Томского города служилых людей Ивашки Москвитина да Семейки Петрова, толмача тунгускова, с товарищи»¹⁶.

Основное содержание этого географо-этнографического документа составляет детальнейшее перечисление людей, живущих по рекам, впадающим в Охотское море, причем называются не только народности, но и роды. Таковы, например, следующие показания: «река Юнома пала в Маю с левою руку, через ее кочюют оленные люди тунгусы, ламские мужики озенканы; река Аим пала в Маю с правую сторону, а по ней ко-

¹⁵ Отписки Дежнева были найдены в 1736 г. в якутском архиве Г. Ф. Миллером; запечатаны: ДАИ, IV, 1851, № 7, стр. 16—27; более исправная публикация одной из этих отписок: Г. А. Князев и Б. А. Малькевич, Отписка Семена Дежнева якутскому воеводе Ивану Павловичу Акинфиеву о морском походе его с устья р. Колымы до устья р. Анадырь, «Известия Всесоюзного Географического общества», 1948, 6; челобитные Дежнева найдены в 80-х гг. XIX в. Н. Н. Оглоблиным, опубликованы в статье: Н. Оглоблин, Семен Дежнев (1638—1671), Новые данные и пересмотр старых, «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, 12; см. также В. А. Самойлов, Семен Дежнев и его время, С приложением отписок и челобитных Семена Дежнева о его походах и открытиях, М., 1945; М. И. Белов, Семен Дежнев, 1648—1948, К трехсотлетию открытия пролива между Азией и Америкой, М., 1948.

¹⁶ Опубликовано Н. Н. Степановым, Первая экспедиция русских на Тихий океан, «Известия Всесоюзного Географического общества», 1943, 2.

чают оленные люди, тунгусы долганы и лалкагиры;... река Уй пала в Маю с правую сторону, а на ней живут тунгусы многие, оленные люди макачинуи, и долгируи, и гулюгирцы, и чолюгирцы, и кутугирцы;... а вверх по той реке Охоте живут люди оленные: род Киланской, род Горбиканской, род Толюнской, род Унгатабирской, род Тумучерской...». Сообщаются и данные о численности отдельных родов: «и в тех родах и в их улусах человек по 100 и по 150»; «и в тех родах и в улусах человек по 100 и по 200»; «Бидарытьевого рода, сказывают, до 300». Иногда отмечаются характерные черты данной группы: «и на той реке люди воистинно боем своим жестоки»; «а на усть тое реки сидящие люди озьянканы, а ездят они на собаках». Подробно описывается производящийся обмен между тунгусами и «натканями», хотя «язык у тех людей свой, а не тунгусской». Наконец, «Роспись» сообщает и полученные сведения об Амуре: «Река есть Амур от конных людей, те люди хлеб сеют и вино сидят по русским кубами медными и трубами; да в тех же людях водятся петухи и свиньи, и кросна ткут по рускому, и от тех людей возят к натканям муку по Амуре, в стругах плавают». Это — первые в русских источниках сведения об Амуре и его обитателях, в частности первое упоминание о «натканях» — гольдах.

Последующие походы принесли новые известия о Приамурье.

«Наказная память» 1642 г. енисейскому казачьему десятнику Елисею Юрьеву Бузуе, отправленному на р. Индигирку для открытия р. Нероги¹⁷, отмечает, что, по показаниям аманатов-юкагиров, на р. Нероге «живут люди на яру род Наттыла, юрты де деланы у них в земле, у тех де людей серебра много, а люди те пешие, оленей у них и лошадей нет, а река де рыба добре, и те люди кормятся рыбою». Исследовав этот памятник, Н. Н. Степанов установил, что мы имеем здесь в свою очередь ранние слухи о населении Амуре, а «род Наттыл», о котором здесь говорится, — в подлиннике «род Натты», — есть тунгусское название гольдов¹⁸.

Сходные известия содержатся в расспросных речах 1644 г. ленского служилого человека Лавра Григорьева¹⁹. Григорьев показал, что колымский шаман Пороча ему «в распросе сказывал: есть де река Нелог за Ковымою рекою, ...на той де реке Нелог... в горе в утесе руда серебряная; а люди де живут у той горы пешие де на одном месте в земляных юртах, а род де у них и язык свой не юкагири, а называются де они натканями... а люди де по той реке с устья живут юкагири, а в вершине де живут на той реке люди род свой, рожи у них писанные. И с Нелог де реки приходят натты от серебряные руды на ту Чюндону на вершину к писаным рожам торговать, а временем де с ними и дерутца. А продают де те нелогские люди писаным рожам серебро да одекуй (бисер), а те де писанные рожи им продают олени да бабы». Интересен и у Григорьева ряд показаний о численности родов: «а роду де ево, Шелкодеева, 400 человек»; «на Индигирской же де реке есть князец Полева, а роду де ево з 200-ти человек»; «Морлева роду со 100 человек»; «да другой де князец Беренга, а род де ево со 100 человек и больше», и т. д.

В 1646 г. енисейский казак Нехорошко Иванов Колотов, рассказывая на Ленском волоку воеводам Пушкину и Супоневу о своем участии в походе 1645 г. под начальством вышепоминавшегося нами Ивана Москвитина с Алдана на побережье океана, сообщал²⁰: «А по той де реке по Ульи и живут те тунгусы 4-е роды: килары, долганы, горбыканы, бояшенцы, а тех де родов людей у них много, у одного де Ковыри, которого

¹⁷ ДАИ, II, 1846, № 98, стр. 262.

¹⁸ Н. Н. Степанов, Первые русские сведения об Амуре и гольдах, «Советская этнография», 1950, 1.

¹⁹ «Открытие русских землепроходцев», № 31, стр. 125—126.

²⁰ Там же, № 33, стр. 139—140; то же: М. И. Белов (сост.), Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в., М.—Л., 1952, № 7, стр. 51—52.

сын у них был в аманатах, боканов его человек с 500 и больше, а у иных де родов по тому же и больше их улусных людей... А бой у них лучной, у стрел копейца и рогатины все костяные, а железных мало, и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топorkи»... Далее тот же Колобов показывал следующее. «И тот де князец, которого взяли тут с бою, учел им рассказывать, что от них направо в летнюю сторону на море по островам живут тунгусы ж, гиляки сидячие, а у них медведи кормленые. И тех де гиляков до их приходу побили человек с 500 на усть Уды реки, пришед в стругах, бородатые люди доуры, а платье де на них азямы, а побили де их оманом. Были у них в стругах в одnodеревых и в гребцах бабы, а они сами человек по сту и по осмьюдесят лежали меж тех баб, и как пригребли х тем гиляком и, вышод ис судов, и тех гиляков так и побили. А бой де у них топorkи, а сами были все в кукях збруйных (щитковидные или наборные латы из кованых пластинок по сукну.— М. К.). А русских де людей те бородатые люди называют себе братьями. А живут де те бородатые люди х той же к правой стороне в лето по Амуру реки дворами, хлеб у них, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут, и прядут со всего обычая с русского. А промеж их и тех тунгусов живут тунгусы ж свой род анатарки сидячие, не дошод до усть Муры. А те де онатырки люди богатые, соболей и иного зверя и оленей у них много, и торгуют с теми бородатыми доурыми на хлеб, на крупу. И про серебро де сказывал, что у тех де бородатых людей, у даур, есть, и те де будто доуры русских людей желают видеть, для того что называютца им братьями».

Мы имеем в данном документе ранние показания о гиляках и даурах.

Немаловажные этнографические результаты имел поход письменно-го головы, одного из основателей г. Якутска, Василия Данилова Полякова, совершенный в 1643—1646 гг. из Якутска в Приамурье. Вернувшись в 1646 г. в Якутск, он дал довольно подробное показание о своем походе воеводам Пушкину и Супоневу²¹.

Описывая пройденный им путь, Поляков указывает, где какие народы живут, отмечая и их хозяйственный уклад. Таким порядком в его рассказе фигурируют: «тунгусы олennые», «тунгусы скотные», «тунгусы пашенные», «дауры пашенные», «мугалы кочевные скотные», «пашенные сидячие люди дочери», «натки» и «гиляки сидячие». Это — новое, после вышеприведенного колобовского, уже непосредственное известие о гиляках и даурах. Как и другие, но более систематически, отмечает Поляков роды и их численность: «даурский князец Доптыул с родом своим, а роду его 15 человек»; «в том же острожке живет князец Илдега с родом своим, а роду его 100 человек»; «роду нас,— говорится в приводимом Поляковым показании тунгусов,— много 100 человек, да Шелгонского роду 300 человек»; «живут тунгусы Биралы многие олennыми родами»; «по Шилке пойдут пашенные многие сидячие люди дочери родами». Во многих случаях Поляков употребляет термин «улус». Таковы, например, его выражения: «у одного князца улусных людей с 300, а у двух князцов по 100 человек»; «а улусу у них в том острожке 200 человек»; «а улусу его человек с 300»; «в том же острожке иные многие улусы»; «а от Томи плыл до даурского князя Балдачи сутки, а от Гогул до него Балдачи по Зию живут, по обе стороны, дауры пашенные его Балдачины улусные люди, а у него Балдачи поставлен острожек, и в том острожке с ним Балдачею живет его улусу 100 человек пашенные»; «а гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие ж гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою». В ряде иных мест Поляков называет улусы численностью в 30, 40, 60, 100, 150, 200 человек; в одном случае: «4 улусов, а людей в них 300 человек».

²¹ ДАИ, III, 1848, № 12, стр. 51—56.

Походы 1650—1653 гг. другого, вслед за Поярковым, исследователя Приамурья, торгового человека, сына боярского, Ерофея (Юрия) Павлова Хабарова, имели крупное историческое значение, однако сохранившиеся сюда относящиеся документы сколько-нибудь значительно этнографического материала не содержат. Впрочем, Хабаров не принижал к людям, склонным к этнографическим наблюдениям²².

Новые, обстоятельные и толковые, сведения о гиляках, датируемые теми же 1650—1653 гг., сообщил неизвестный участник похода спутник Хабарова, Степана Полякова, который, отделившись от Хабарова, проплыл со своей партией вниз по Амуру²³. «А в тех де гиляках,— говорится здесь,— служилых и торговых людей никаких нет и не бывало, только жили пашенные люди; и наряду большого и малого огненными бою в тех гиляках нет и не бывало, а ходят и ездят с саадами, да с салями, да с копий. А лошади де и животина всякая в тех городах и усадях есть, и пашню пашут, сеют ячмень, да овес, да гречиху, да прося, да горох, и земля де к пашне пространна и хлебородна, а только пашут иноземцы по маленьку на быках, не как Русские люди; и сенокосов много, а сена не косят, и рыбными ловлями угожи, и виноградится; и яблоки, и орехи, и конопля родится, а соболи де сверх Шилы по Албазин городок против Ленских, а ниже Албазина городка и до Иры соболи обычные, а в гиляках де соболи и лисицы черные, и черные, и красные есть, и рыба всякая есть».

Крупнейшим географическим и вместе с тем этнографическим открытием конца XVII в. было открытие Камчатки, честь первого исследования и описания которой принадлежит Атласову, названному Пушкиным «Камчатским Ермаком»

Якутский казак-пятидесятник Владимир Тимофеевич Атласов (ум. в 1711 г.) служил, начиная с 1672 г., в Якутске, участвуя в многих численных походах в Восточной Сибири. Прослышав о существовании еще непокоренной земли — Камчатки, Атласов с небольшим отрядом, на свой риск и «на своих проторях», совершил в 1697—1699 гг. свой знаменитый поход. Результаты этого похода были описаны в двух скасках, представляющих собой записи, сделанные со слов Атласова в Якутске в 1700 г. и в Москве в Сибирском приказе в 1701 г.²⁴ Первая скаска является рассказом о самом походе, содержа и кой-какие этнографические сведения. Вторая скаска, сообщая различные данные о Камчатке, имеет в значительной своей части чисто этнографическое содержание.

В обеих скасках упоминаются следующие народности: юкагиры, коряки, в частности коряки-олюторцы (т. е. живущие на р. Олюторе), камчадалы, курилы (жившая на самом юге Камчатки немногочисленная группа айнов) и чукчи (последние — лишь мимоходом). Об этих народах Атласов сообщает самые разнообразные, довольно основательные сведения, притом иногда по каждому народу отдельно, иногда обо всем

²² См. ДАИ, III, 1848, № 72, стр. 258—261; Н. П. Чулков, Ерофей Павлов Хабаров, добытчик и прибыльщик XVII века, «Русский архив», 1898, 2; С. В. Бахрушин, Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке, «Исторические записки», 10, 1941.

²³ Цитируется в вышеназванной статье Н. П. Чулкова.

²⁴ Первые появившиеся в печати сведения о походе Атласова содержатся в статье: «Продолжение известия о земле Камчатке», помещенной в «Календаре или Месяцеслове» на 1731 год. Помимо довольно подробного описания самого похода, здесь сообщаются и краткие известия о местных народах, упоминается также о встрече Атласова с индейцем Денбаем и пр. Повидимому, названная статья была составлена на основании бывших уже тогда известными донесений Атласова. Самые донесения были найдены и опубликованы Н. Н. Оглоблиным, Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1891, 3; перепечатано в книге: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., Сборник архивных документов, Л., 1935. Об Атласове: Н. Оглоблин, К биографии Владимира Атласова, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1894, 1.

населении Камчатки в общем. Мы имеем здесь сведения о внешнем виде народов Камчатки, их промыслах, использовании ими оленей и собак, данные об их жилище, об их поселениях, описания одежды, особенно тщательное описание оружия, указания о способах ведения боя, сведения о пище, посуде и ее изготовлении (любопытное: «а у многих де соболей хвостов нет, для того, что они камчадалы с соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтобы глину с шерстью вязало»), описание лодок и байдар и иные сведения по материальной культуре. Замечательное при данных условиях проникновение в быт населения Камчатки обнаруживают следующие сообщения Атласова об общественных отношениях камчадалов: «И начального человека они над собой не знают, а слушают которой у них есть богатой мужик» (1 скаска); «А вышеписанные иноземцы державства великого над собой не имеют, только кто у них в котором роду богаче, того больше и почитают» (2 скаска). Таковы же отзывы о междуродовых отношениях: «А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту» (1 скаска); «И род на род войною ходят и дерутся» (2 скаска). Наконец, любопытны следующие показания из области религии: «А веры никакой нет, а есть у них же братья шеманы — вышеманят о чем им надобно, бьют в бубен и кричат» (о коряках); «а веры никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги» (о камчадалах).

Скаска Атласова, в особенности вторая, представляют собой по своему характеру, по богатству и разнообразию своего содержания исключительные для своего времени этнографические документы. Во всяком случае, они неизмеримо выше стоят в этом отношении всех имеющих этнографическое содержание аналогичных документов XVII в. В своих рассказах Атласов обнаруживает подлинную этнографическую наблюдательность и притом чисто этнографические интересы. Можно с полным основанием назвать Атласова первым этнографом Камчатки.

С рейдом Атласова связан еще один весьма значительный факт. На Камчатке Атласов встретил какого-то, как он выражается, «индейца», попавшего туда вследствие кораблекрушения и жившего там на положении «полоненика». Внешность его Атласов описывает следующим образом: «подобием как бы гречанин, сухощав, ус невелик, волосом черн». Этот «индеец» был стараниями Атласова вывезен с Камчатки и затем доставлен в Москву, оказавшись японцем Денбеем — первым японцем, попавшим в Россию. От него в Сибирском приказе были записаны разнообразные сведения о Японии²⁵.

Закончим наш обзор намеченной нами первой группы источников документом, составляющим курьезную страницу из истории этнографии Сибири XVII в. Это — отписка 1685 г. в Сибирский приказ енисейского воеводы князя Константина Осиповича Щербатого, сообщающего об обнаруженных вблизи Енисейска «диких людях» — «чюлюгдеях»²⁶.

Вследствие распространившихся «меж всяких чинов» слухов, «будто в Енисейском уезде вверх по Тунгуске реке явились дикие люди ободной руке и ободной ноге», воевода произвел расследование, допросив об этом находившихся в Енисейске ясачных тунгусов. Двое из них рассказали, что, действительно, в одном месте на р. Тунгуске они обнаружили яму, из которой «исходит дух смрадный, человеку невозможно терпети». Рассказчики слыхали от своих же тунгусов, что в той яме живут люди по имени «чюлюгдеи», «ростом среднему человеку вгрудь, ободном глазе и ободной руке и ободной ноге, ...а зверя де всякого и птицу они челюгдеи стреляют излуков» и пр. Далее описывается немой торг, который

²⁵ См. Н. Н. Оглоблин, Первый японец в России, 1701—1705, «Русская старина», 1891, 10.

²⁶ Опубликована А. А. Гоздаво-Голомбиевским, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1888, 1.

ведут с этими чюлюгдями тунгусы, и затем рассказывается, как оди такой «дикий человек» попал в поставленный тунгусами самострел, причем описывается внешность, одежда и пр. этого чюлюгдея. Обо всем этническом воевода счел необходимым довольно подробно сообщить свой Приказ. Мы имеем здесь не что иное, как отражение циркулирующего среди тунгусов фантастического рассказа о диких людях одного из вариантов широко распространенного фольклорного сюжета.

Обращаемся к другим видам источников по истории этнографии Сибири и Дальнего Востока в XVII в., а именно, общим описаниям вновь осваиваемого края и описаниям путешествий по нему.

Самым ранним, какое известно, общим описанием Сибири надо считать своего рода введение, предпосланное сибирской летописи 1636 года автором которой является дьяк сибирского митрополита Савва Есипов. Введение это содержит и некие этнографические сведения о Сибири, надо сказать, однако, далеко не отражающие состояния соответствующих данных того времени и вообще стоящие на весьма низком уровне.

Есипов называет следующие народы: вогуличей, татар, калмыков, мангалов (или мунгалов), «пегую орду», остяков, самоедь и «прочая языцы». Отдельным народам Есипов порой дает краткие характеристики: «вогуличи глаголют своим языком, поклоняются же идолам»; «татаров закон Маометов держат»; «пегая орда и остяки и самоедь закона не имеют, но идолам поклоняются и жертвы приносят, яко богу, ... сии же языцы... сыроядцы, зверина же и гадская мяса снedaюще, скверна и кропяху, яко воду, от животных, и траву и корение ядаху; остяки и одежду имеют от рыб, самоедь же от еленей; ездят остяки на псах, самоедь же на еленях». Лишь относительно калмыков Есипов счел нужным оговориться: «калмыки же которой закон или отец своих предание держат не ведем (или: «того не ведем»), понеже бо писмени о сем не обретох и не испытати (о сем) возмогах».

Более широкий этнографический кругозор обнаруживает неизвестный автор, — принадлежащий, видимо, тоже к духовному званию, — сочинения «О Сибирском царстве и о царях того великого царства», датируемого 1645 г.²⁷ Мы находим здесь следующий этнографический обзор. «В том же Сибирском царстве живут люди разноязычны. Первые татаровя, таже вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы, киргизы, колмыки, якуты, мундуки, гвляги, гарагили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы, точинцы, сиянцы, чаландасцы, камасирцы, и иных много разноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве. Сии же люди аще и подобни образом человеком, но нравом и житием подобни зверем, не имеют же закона, овии же кланяются камению, инии же медведю, инии же древию, инии птицам, сотворше бо от древа птицы, звери и змеи и сим поклоняются, тем же разных языков и нравов люди». Ниже еще говорится: «Всех же языков в Сибирском царстве числом 17, ... по своим языком писмен не имеют, точию татары имеют по своему языку писание, а держат закон Маомедов, а калмыцкий язык приемлют учение от лаб Китайского царства, ходят в суете ума их».

Примечательно еще в данном сочинении следующее сообщение: «На краи реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем писано звери, скоти и птицы и всякия подобия, а егда по некому прилучаю отторжеся камень, а внутри того писано якоже и на краи». Это — самое раннее в литературе известие о сибирских, в частности томских, петроглифах — «писаницах».

Новое общее сочинение, посвященное Сибири, датируется 1686 г. Это — «Описание новых земель, сиречь Сибирского государства, в кото-

²⁷ Сибирские летописи, СПб., 1907; публикация нескольких списков.

²⁸ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции (Приложение к обзору Хронографов русской редакции), М., 1869, стр. 398—404.

рое оно время и каким случаем досталось за Московское государство, и какое той земле положение»²⁹. Сочинение это считалось анонимным. Согласно предположению А. И. Андреева³⁰, автором его является подъячий Посольского приказа Никифор Данилович Венюков. Венюков познакомился с Сибирью лично в связи с тем, что дважды ездил в Китай, входя в состав посольств: 1675 г., возглавленного Н. Г. Спафарием, и 1686 г. — Ф. А. Головиным.

Довольно обстоятельное и детальное описание Венюкова содержит упоминания ряда народов: татар, остяков, самоедов, «лопьян», «белых калмыков», «черных калмыков», «тубинцев», «мразцев», «кондомцев», «верхних киргизцев», якутов, «братов»; в Даурской земле — дючерцев и богдойцев; упоминаются и приезжие в Сибирь купцы — бухарцы. Наряду с тем сочинение Венюкова содержит и некоторые этнографические данные. Так, о населении Оби и Иртыша сообщается, что оно живет «в лесах темных над водами; зимние юрты деревянные в землях, аки в погребях, от великих мразов, а летние юрты имеют в иных местех над водами великими, ... а ношью спят в полах (иначе: «в полатах») холщевых на высоких краватах, под кровати же кладут огонь и куриво, дабы комары и мошки дали ношью уснуть». «А одеяние и обувь имеют с рибих кож, с осетров, стерлядей, с налимов, со мней и со всяких птиц; проделявают те же кожи рыбьим жиром, аки рогдугу мягкостию, которые отнюдь дожда не боятся. А питаются все зверным мясом и птичьим да рыбою, хлеба же не сеют и отнюдь не знают те, которые от городов в дальнем разстоянии живут. А ездят зимним путем от юрт до юрт и до города, где кто ясак платит, нартами на собаках и на оленях доморощенных...» Примечательно следующее показание о браке: «А те ясачные люди имеют у себя, которые богатые, в одном юрту по три и по четыре жены, маломощные же люди по одной жене имеют», — одна из самых ранних в науке характеристик многоженства как привилегии богатых. Конец сочинения Венюкова посвящен Китаю и Тибету, сообщая преимущественно сведения о религии этих стран.

Крупный вклад в этнографию XVII в. сделал Н. Г. Спафарий.

Николай Гаврилович Спафарий-Милеску (1636—1708), по национальности грек, уроженец Молдавии, с 1672 г. служил в Москве переводчиком в Посольском приказе; известен также как писатель. Широко образованный человек, он был близок к начальнику Посольского приказа А. С. Матвееву. Влиянию Матвеева надо приписать то, что, занимая скромную должность переводчика, Спафарий получил довольно высокое назначение: в 1675 г. он возглавил первое официальное русское посольство в Китай. Одной из целей этого посольства было собирание возможных сведений об этой, остававшейся тогда еще весьма малоизвестной стране. Одновременно Спафарий получил поручение описать все места, через которые ему придется проехать. Маршрут посольства прошел через Тобольск, по Енисею, на Байкал, через Даурию и Маньчжурию. Вернулся Спафарий в 1678 г. и затем до смерти продолжал служить в Посольском приказе³¹.

Спафарий составил описание своего путешествия через Сибирь, которое озаглавил: «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тоболска и до самого рубежа государства Китайского, лета 7183»³². Описание путешествия Спафария, нося в основном характер

²⁹ Впервые напечатано А. Титовым, Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 57—101; новая публикация по двум спискам: Сибирские летописи, СПб., 1907.

³⁰ А. И. Андреев, Указ. соч., стр. 29.

³¹ О нем: «Русский биографический словарь» (1909); Р. Р. Panaitescu, Nicolas Spathar Milescu (1636—1708), «Mélanges de l'Ecole Roumaine en France», 1925, 1 partie, pp. 38—180.

³² Найдено и издано в 1882 г. Ю. В. Арсеньевым: Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году; с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева, «Записки Русского Гео-

итинерария, содержит большой этнографический материал. Это, кстати сказать, первое в литературе описание путешествия по Сибири, вместе с тем первое такого рода сочинение, имеющее и этнографическое содержание.

Описание Спафария охватывает довольно широкий круг народов. Здесь так или иначе упоминаются: «братья» или «брацкие», бухарцы пашенные, каиманцы, калмыки, караганцы, киргизы, мугалцы, или мунгальцы, мундужцы, остяки самоедцы, саянцы, татары, таутелеуты и яумундужцы, тунгусы, учюги. Некоторые народы получают у Спафария более или менее развернутые общие характеристики. Так, остяки описываются следующим образом: «Народ остяцкий древний, как и иные разные народы царства Сибирского. Жители все те от скифов произведены суть, которые скифы после потопа от Иафета, Ноева сына, поколение свое имели. И идолослужение их, как из начала от исполина Неврода приняли, так и держут. Сами себя именуют своим языком, которые по Обе живут и по Иртышу, кандаях, а нарымские и кецкие именуют же себя чугулы. А жилище их начинается от Иртыша и до устья реки Иртыша, где впадает в Обь, и потом по Обе на низ до Березова и до Окиянского моря и вверх по Обе реке до Томского города, также и по Кете реке до вершины ее. И то место есть немалое. Только и у них хотя и один народ и вера одна, однакожде языки у них живут разные, на силу друг друга выразумеют. Сей народ есть, который от греческих и латинских историков именуется ихфиофаги (хотя об них они толко слухом слышали), се есть рыбаодцы, потому что все остяки ловят рыбу всякую множество много. И иные и сырую едят, а иные сушат и варят; однакожде соли и хлеба они не знают, опричь рыбы, да корень белой, сусак, который они летом собирают в запас, сушат и зимою едят. А хлебом не могут жить. А которые насытятся хлебом, и те помрут. А жилище их — юрты. И не токмо для ради прокормления своего рыбу ловят, а и платье себе из рыбной кожи делают и сапоги и шапки. А шьют их рыбьими жилами. А ходят они в лодках в самых легких, деланы деревянные, сидят по 5 и по 6 человек и болши. А всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою. А жен у них множество, сколько хотят, столко и держат» (стр. 83—84). Отметим, между прочим, что приведенное описание остяков Спафария — первое в истории русской этнографии более или менее развернутое описание одного народа.

Приведем еще следующую характеристику монголов. «Мунгалы суть, о которых пишет в Библии — Гог и Магог, потому что они называют себя маголь. И тот род мунгальский зело великой, потому что начинается близ реки Амуры от степи и простирается меж Китайским государством и Сибирским царством; и до Бухар, и до самой Индии по степи все мунгалы кочуют под разными тайшами, и которые близ Китай — они живут в подданстве у китайцев, а которые подале — имеют над всеми тайшами начальника Очироя Саинхана, который ныне владеет, а у духовных имеют большого жреца Кутухту Ламу, и те неподалеку кочуют от Селенгинского острогу, потому что у них городов и сел нет; и для того кочуют по степям в юртах войлочных для прокормления многого скота их» (стр. 128).

Преимущественно же Спафарий ограничивается, говоря об отдельных народах, частными этнографическими указаниями. Нередко указывается, какого зверя данный народ промысляет. Отмечается характер жилища: «а избы у пашенных бухарцев глиняные»; «а юрты у братьев войлочные»; «а жилища их есть, копают в земле погребы», — сообщает Спафарий о татарах Барабинской волости. При этом он различает летнее и зимнее жилище: «юрты остяцкие летние» и «юрты остяцкие зимние», «юрты брацкие зимние». Русские и иногда татарские поселения Спафарий обоз-

начает термином «деревня», для туземных же поселений он обычно употребляет выражение «юрты»: «юрты остяцкие», «юрты тунгусские» и пр. В одном случае фигурирует для обозначения поселения термин «волость» со следующим интересным указанием: «Около Сургута по рекам волости остяцкие, ...а в волости остяков бывает по 40 и по 50 и по 60 и по 70 и по 80 человек, а больше не живет» (стр. 56, прим. 2).

Весьма примечательны некоторые сообщения Спафария из области религии народов Сибири. Так, об остяках он говорит: «А вера-де у них сказывают — есть-де мечети, и в мечетях вырезаны болваны серебряные, и медные, и деревянные, и всякие. И молятся стоя мызжут да пляшут; а как медведя в лесу убьют, и они приволочнут на двор и в избу с луками и стрелами, и стрелы потычут, и поют, и пляшут. А сказывают они, что де мы молимся Шейтану, и ходит он по деревням» (стр. 35). Это, между прочим, первое в литературе известие о так называемом «медвежьем празднике». В другом месте Спафарий пишет: «А около Березова есть капища идолские остяцкие, и про тех пишут земнопоселители, что тут есть идол Золотые Бабы, однакоже золотых не сказывают, а что серебряных, деревянных крашенных множество и медных льют же. И первое что ловят из всех зверей, им приносят» (стр. 70) — отклик на литературные известия о пресловутой «Золотой бабе» или «Золотой старухе».

Отметим еще, наконец, следующее сообщение Спафария. Описывая Енисей, он сообщает: «А до большого порогу не доезжая есть место, утес каменной по Енисею. На том утесе есть вырезано на камени неведомо какое письмо и межъ писмом есть и кресты вырезаны, так же и люди вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого» (стр. 85). Это — второе по времени после сочинения «О сибирском царстве» литературное известие о сибирских, на сей раз енисейских, «писаницах», относительно которых Спафарий, повидимому, пытался добыть более подробные сведения.

Спафарий является также автором небольшого экскурса, известного под названием «Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с китайцы»³³. Сочинение это было написано Спафарием около 1675 г. по материалам Посольского приказа и расспросным сведениям, собранным им во время его путешествия в Китай. Здесь упоминаются «мунгальские народы», «дауры», «тонгусы», «джючера, пашенные китайские люди», «куяры» и, наконец, «гиляцкие народы», с некоторыми этнографическими об этих народах сведениями.

О сочинениях Спафария, относящихся к Китаю, — ниже.

Крупное значение в истории этнографии Сибири принадлежит относящимся к самому концу XVII в. трудам С. У. Ремезова.

Семен Ульянович Ремезов (ок. 1664 — ок. 1715), тобольский сын боярский, служивший в Тобольске, является автором замечательного картографического труда — «Чертежной книги Сибири», составленной в 1698—1700 гг. и состоящей из 25 листов-карт³⁴. Помимо этнографических указаний, которые содержатся в ряде карт этой книги, лист 25-й имеет в значительной мере этнографический характер. Ремезов является также автором чисто этнографического труда — «Описания о сибирских

³³ Впервые напечатано Г. И. Спасским в «Вестнике Русского Географического общества», VII, 1853; перепечатано: А. Титов, Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 105—113. Сочинение это считалось анонимным, каковым и фигурирует у Спасского и Титова. Однако Ю. В. Арсеньев еще в 1882 г. установил, что автором его является Спафарий, причем оно составляет часть спафариева описания путешествия по Сибири: Ю. В. Арсеньев, О происхождении Сказания о великой реке Амуре, «Известия Русского Географического общества», XVIII, 1882 (1887). Арсеньев показал здесь, между прочим, что публикация Спасского является несправной, содержа ряд пропусков и ошибок; все это, однако, осталось неизвестным или не было принято во внимание Титовым, перепечатавшим текст Спасского.

³⁴ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г., СПб., 1882.

народах и граней их земель», написанного в 1696—1697 гг. Труд этот сохранился только в фрагментах — тех извлечениях, которые были сделаны из него в XVIII в. тобольским историком-самоучкой Иваном Леонтьевичем Черепановым (1724—1795) в его сибирской летописи. В этих извлечениях говорится об остяках, остяко-самоедах, вогулах, татарах, аринцах, калмыках и др.; сообщаются сведения о внешнем виде, одежде, пище, оружии, средствах сообщения, религии и пр. Если судить по этим выдержкам, данное сочинение Ремезова представляло собой довольно обстоятельное специальное описание народов Сибири, и в таком случае Ремезов может быть назван первым этнографом Сибири³⁵.

II

Вместе с начавшимися с первого десятилетия XVII в. попытками московского правительства завязать прочные связи с Китаем открывается тот раздел истории русской этнографии, который имеет своим предметом непосредственное изучение народов Китая и смежных с ним стран, раздел, давший немало блестящих глав и страниц.

Наиболее ранние сведения о пребывании русских в Китае датируются первой половиной XIV в.³⁶ Существуют указания на посещение русскими Китая и для последующего времени, однако каких-либо достаточных записей об этом не сохранилось. В России добывались сведения об этой издавна возбуждавшей интерес стране и косвенным путем, от нерусских, бывавших в Китае или в свою очередь иным путем получивших соответствующие сведения. Одно из наиболее ранних таким порядком добытых показаний было получено от киргизских князей в самом начале XVII в. Показания эти сообщил в своей отписке царю в 1609 г. томский воевода Василий Волынский³⁷. Здесь сообщается сначала о монгольском царе Алтыне, что он «царь кочевой, кочует на лошадях и на верблюдах; людей же у него тысяч за двести; а бой у них лушной». О Китае говорится следующее: «А живет де китайский государь и у него де город каменной, а дворы де в городе с Руского обычья, полаты на дворах каменные, а людьми де силнея Алтына царя и богатством полные. А на дворе де у китайского государя полаты каменные. А в городе де стоят храмы и звон де великой у тех храмов; а крестов на храмах нет; того де у них не ведают какая вера, а живут с Руского обычья. И бой де у него огняной; и приходят де из многих земель с торгом к нему. А платье де оне носят все золотное, а привозят де к нему всякие узорочья из многих земель».

Первое посещение русскими Китая, оставившее письменный след, относится к 1618 г. Это — посольство томского казака Ивана Петлина направленное в Китай тобольским воеводой кн. И. С. Куракиным. По возвращении из Китая Петлин был послан в Москву и дал здесь свои показания, которые были записаны под названием «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам»³⁸.

³⁵ Черепановская летопись остается неизданной; мы пользовались рукописью в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, шифр: М. 2214. Ср. А. И. Андреев, Указ. соч., стр. 114; также: А. И. Андреев, Черепановская летопись, «Исторические записки», 13, 1942.

³⁶ См. Палладий, Русские поселения в Китае в первой половине XIV века, «Духовная беседа», 1863, XVIII, 27; перепечатано: «Живая старина», 1894, 1.

³⁷ «Русская историческая библиотека», II, 1875, № 84, стр. 188—191.

³⁸ Впервые опубликована Г. И. Спасским в «Сибирском вестнике», 1818, ч. 2; печаталось повторно в 1843 и 1869 гг. с неправильной атрибуцией авторства Петрову и Ялычеву; впервые исправным образом напечатана, вместе со специальным исследованием, Ф. И. Покровским, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялы-

Сравнительно небольшая по объему, «Роспись» Петлина содержит прежде всего ряд сведений о «Мугалской земле», через которую посольство проехало. Следующим образом описываются здесь, например, города и дома. «А города в Мугалской земле деланы на четыре углы, по углам башни; а с ысподе у города кладен камень серой, а к верху кладено кирпичем. А у ворот городских своды так же, что у русских городов; а на воротех на башне колокол медяной вестовой, пудов в двадцать, а башня крыта образцами кирпичными. А дворы в Мугалской земле кирпичны, деланы на четыре углы, ограда кругом двора высоко; а на дворах полаты кирпичные, а не высоки; а подволоки у полат выписано травами, красками розными; а украшены полаты различными краски: не хочется из палаты вон ити».

Весьма примечательно нижеследующее описание монгольских храмов. «Да в той же Мугалской земле стоят два храма Лобинские кирпичные, как делают храмы клинчатые; а стоят храмы дверми промежу востоку и полдни; а на храмах крестов нет; стоят на храмах ни весть какие звирь каменные. А во храмах неизреченное диво: как лизеть во храм, противу дверей сядят три болвана великие женской, по сажени по полутретье; болваны вызолочены сусальным золотом з головы и до ног, а где высоко в сажень, на зверях на каменных, а звирь всякими образы, выкрашены красками. А в руках держат болваны по горшечку с кашею, а перед ними горят свечи неугасимыя с салом з говяжьим. А на правой стороне во храму стоять восемь болванов муской пол, а на левой стороне стоят восемь же болванов все девки, вызолочены з головы и до ног, а руки протянули, что поклонитца хотят, как кланяются Мугалские люди лобам. А по сторонь трех болванов стоят два болвана нагих, как быть человек в теле: не розпознаешь издале, что тело или глина,— как быть жив. А свечи тонки, что солома, а горят углем без огню. А поют в тех храмах две трубы великие, сажени по полуторе труба. Как затрубят в трубу, да станут бить в бубенцы, да припадут на коленцы, да руками сплеснут, да розхватят руки, да ударятца о среду, да на середе лежат с полчася; а в те поры во храм лести, как поют,— страх велик человека возмет: неизреченно диво во храмах. А крыты те храмы образцами кирпичными». «Роспись» содержит также характеристику местных духовных лиц и возглавляющего их «кутуфты». Кой-какие сведения сообщаются также о пище, одежде, производствах, земледельческих орудиях и пр. местного населения. Перейдя к рассказу о своем пребывании в Китае, Петлин дает впервые описание Китайской стены, довольно подробно описывает ряд китайских городов, отмечает некоторые черты быта, упоминает об употреблении «солнешников» (зонтиков) и пр.

Не менее интересные этнографические сведения принесло посольство в Китай от Приказа Большой Казны, преимущественно с торговыми целями, тобольского боярского сына Федора Исаковича Байкова. Выехав из Москвы в 1653 г., а из Тобольска в 1654 г., Байков вернулся в Тобольск в 1658 г. Байков был сам неграмотен и в посольстве его не было писцов. Рассказ о его путешествии был записан с его слов в Москве в Приказе Большого Дворца³⁹.

Описывая свое путешествие в Китай, Байков сообщает некоторые све-

чева в 1567 г.), «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XVIII, кн. 4, 1913 (1914).

³⁹ Напечатано впервые Н. И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2, ч. IV, 1788; перепечатано Г. И. Спасским в «Сибирском вестнике», 1820, ч. 2; вновь перепечатано в книге: И. Сахаров, Сказания русского народа, т. II, кн. 8, СПб., 1849, стр. 123—134; популярное изложение: А. Г. Банников, Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай, Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков, М., 1949.

дения о калмыках, бухарцах и монголах, в частности об их жилище, хозяйстве. В Китае он описывает города, рынки с их товарами, мосты, мостовую, канализацию и пр. Особо отмечает он, что «перед воеводами носят солнишники бумажные желтые». Весьма подробно описывает Байков внешний вид китайцев, сравнивая их с монголами. «А люди в Китайском царстве,— говорит он,— мужеск пол и женск дороден и чист; а у китайских женского полу ноги маленькие, что робячьи; а платье носят коротко, своим переводом, а волосы на главах по немецки. А мунгальского роду женск пол, ноги полные; платье носят долго до земли, и но не видеть; а волосы плетут в косы и обвивают около головы, а иные повязывают платами черными, а платья цветного мужеск пол и женск не носят, носят платье все черное... А мужеск пол волос не держит, только на верьх головы устанавливают косы; а платье носят своим переводом; а на головах носят зимою шапки низенькия черныя, что старския а на верьху у тех шапок кисти шелковыя красныя велики; а лето шляпки маленькия же, плетены из камыша; а кисти такиеж, что на шапках».

Исключительно разносторонний и содержательный документ представлял собой «Ведомость о Китайской земле и о Глубокой Индей» составленная в Тобольске в 1668—1669 гг. «изысканьем» стольника воеводы Петра Ивановича Годунова⁴⁰.

Ведомость сообщает сведения об одежде, посуде, утвари, жилищах китайцев, их оружии и военном деле. «Ядят,— говорится здесь,— всякое крошеное мясо не лошками, двумя розными спичками круглыми, толщиною с лебежье перо, а длиною вершков в шесть». Следующим образом описывается отопление: «А печи в полатах деланы в подпольях, подобны чювалом татарским, а называют кан; а топят те печи каменьем, мешают с грязью, которой у них камень горит; а как камень горит, и от него дух тяжел, а цветом то камень черно, а емлют его в горе»... (первое в русской литературе сообщение о каменном угле!). Религия и культ китайцев описываются так: «А поклоняются китайские люди болванам, а называют их буйными, храбрыми людьми и за святых почитают, и имяна им у них есть; а свечи ставят перед болванами воцаные и масляные, а в домех держат по ночам свечи сальные». Общий отзыв о китайцах таков: «А люди ласковы и советны, а в домех у них нескрытно, и входы в дома их свободно».

«Ведомость» сообщает также некоторые сведения о Монголии и Тибете. Индии посвящено всего несколько строк, в которых, между прочим, сообщается: «а вера их: молятца болваном и веруют в корову». Наконец, к «Ведомости» присоединены в виде особого сообщения некоторые сведения о Китае, записанные от «природного китайца через калмыцкий язык», где, в частности, передается генеалогическая легенда о происхождении китайцев.

Наконец, наиболее крупные для XVII в. результаты в области этнографии Китая дало путешествие туда уже упоминавшегося Н. Г. Спафария. Составленный Спафарием «статейный список» его посольства этнографического содержания не имеет⁴¹. Весь собранный Спафарием материал по описанию Китая был им сосредоточен в специальном сочинении, написанном по его возвращении из посольства в 1678 г. Оно озаглавлено: «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провин-

⁴⁰ Впервые издана Г. Ф. Миллером не вполне исправно в «Продолжении Древней Российской Вивлиофики», ч. VII, 1791, стр. 198—224; новое издание: С. О. Долгов, «Ведомость о Китайской земле и о Глубокой Индей», «Памятники древней письменности и искусства», 133, 1899.

⁴¹ Ю. В. Арсеньев, Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678), «Вестник археологии и истории», XVII, 1906; отдельно: СПб., 1906.

ции»⁴². Описание Китая Спафария написано частью на основе личных наблюдений и сборов, в значительной части, видимо, по различным литературным источникам. Это — обширное, исключительно разностороннее, написанное оригинальным живым языком собрание сведений исторических, географических, политико-административных и культурно-бытовых. На русском языке — это первая книга о Китае.

Книга Спафария состоит из следующих частей: сравнительно небольшого, но разностороннего общего описания Китая (стр. 1—65), ряда описаний наиболее крупных городов и всех провинций Китая (стр. 65—197) и кратких описаний Кореи (стр. 197—198) и Японии (стр. 199—202). Как в общей части, так и в описаниях провинций содержится большой и разнообразный этнографический материал. Некоторые главы общей части имеют чисто этнографический характер. Таковы глава XI — «Какая природа китайцев, и лицом какие суть, и каковы природные их обычаи, и к чему наипаче склонны», или глава XIII — «Какие у них природою жены, и как они на них сватаются, и какое у них платье, какие же у них яствы и пития».

Давая общую характеристику китайцев и отмечая некоторые отрицательные черты их быта, Спафарий о многих сторонах нравов и быта Китая отзывается весьма положительным образом. Так, он пишет: «И во всех поступках, в хождении, и в слове весьма смиренны, что лучше не возможно тому быти, наипачеже начальные их люди, философи, постоянство, учтивость, смирение и крайнюю доброту показывают. Что же на улицах крычати, или пьяну ходити, или шуметь, или глазами играть, то у них признак есть злого человека, а что же божитися или скверных слов отнюд не услышишь» (стр. 40—41). Особое внимание Спафария привлекают своеобразные стороны китайской культуры и быта. Довольно подробно описывает он, например, уродование ног китайок, приводя различные существующие в Китае объяснения этого обычая. Несколько раз, и порой пространно, говорит он о чае, его приготовлении и употреблении, о его целебных свойствах. Вообще, различным лекарственным средствам, употребляемым в Китае, Спафарий уделяет специальное внимание, в частности многократно говорит о жень-шене. И Спафарий упоминает о каменном угле: «И есть у них камень черный, который горит как дерево, и тем топят избы» (стр. 73, также стр. 75). Отмечает Спафарий широкое употребление вееров — «каждый человек летом в руках носит махалце от жару» (стр. 41) — и прочие мелочи быта.

Книга Спафария заканчивается кратким описанием Кореи и Японии. Главу, посвященную Корее, Спафарий заканчивает следующим образом: «И тако сия страна во всем прехвальная есть, точию же еще ни от кого не проведена, ни от наших русских людей, ниже от иных государств, чего ради здесь мало описание сего государства себе показало, но кратко нечто ведома ради хотящему изъясняется» (стр. 198). Действительно, данная глава о Корее является, повидимому, одним из самых ранних в мировой литературе описаний этой тогда почти совершенно неизвестной страны. Глава о Японии занята главным образом вопросом о происхождении японцев, с некоторыми небезинтересными для своего времени об этом предмете замечаниями. Она заключается в свою очередь следующим заявлением: «Писахом же мало нечто и о сем острове Японском, которого описания имеется здесь в России особливая пространнее книжица» (стр. 202).

Начиная с половины XV в., завязались сношения Московской Руси

⁴² Издано впервые Н. Ф. Катановым: Н. Г. Спафарий, Описание первая части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями, Церковно-славянский текст, по рукописи, принадлежащей Ф. Т. Васильеву, с биографией Н. Г. Спафария, написанной А. И. Якимирским, с описанием рукописи, сделанным А. И., и с предисловием и указателем Н. Ф. Катанова, Казань, 1910.

с Средней Азией, причем с середины XVI в. они стали уже довольно регулярными. Несмотря на такую давность и оживленность этих связей, сочинений, которые содержали бы описание страны, в частности, этнографический материал, сохранилось, насколько известно, весьма мало⁴³. Мы можем, таким образом, сослаться в нашем обзоре только на два документа XVII в.

В 1620 г. был направлен в Бухару с торговыми, отчасти дипломатическими поручениями дворянин Иван Данилович Хохлов. Вернувшись в 1622 г., он представил довольно пространный статейный список, в этнографическом отношении, однако, весьма скудный⁴⁴. Отметим лишь следующее показание Хохлова: «А во обеих де землях, в Юргенской и в Бухарской земле, города глиненные, деланы также, что и кирпичом, только не жзоным, так: измяв глину с соломою лошадми, да режут кирпичем, да не жегши так и кладут; а крепко де потому, что дождей летом мало».

К 1669—1673 гг. относится посольство в Бухару, Балч, Хиву и Юргенч, возглавленное Борисом и Семеном Пазухиными. Существующий статейный список этого посольства называет узбеков, калмыков, башкир, туркмен и каракалпаков, однако дает весьма незначительный этнографический материал: описание придворных порядков и застольных обычаев у ханов, сведения о военном деле и ирригации⁴⁵.

Говоря о накоплении в России XVII в. этнографических сведений по зарубежным странам, нам остается еще остановиться на путешествиях, совершавшихся русскими людьми в разные страны Востока.

В 1623—1624 гг. совершил путешествие на Восток с торговыми целями московский купец Федот Афанасьевич Котов. Описание его путешествия носит название: «О ходу в Персицкое царство и из Персиды в Турецкую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят. Писано московским купчиною Федотом Афанасьевым Котовым в 7132 году»⁴⁶. Проехав через Дагестан и Азербайджан, Котов посетил Персию. Вопреки заголовку его описания, он в Турции и Индии не был, и соответствующих данных здесь не содержится.

Котовым упоминается длинный ряд народов: татары, ногайцы, узбеки, бухарцы, черкесы, кабардинцы, «кумычяня», «лязгинцы», «арменья», турки, «кизилбаши» (персы), «тезичей», «муганы», курды, евреи, «мултаней», «аврамляне». На Кавказе Котов описывает Дербент («Дербень») и Шемаху. Описывая одно селение близ Дербента, Котов отмечает: «а дворы и деревни глиняные, а в садах и сковозе дворы реки копаные текучие, а привожены из гор». В основной своей части описание Котова посвящено Персии. Он описывает здесь в свою очередь города, торговлю, ремесла, одежду жителей, их прическу и пр. и дает пространное и подробное описание праздников. Это — первое в русской литературе описание Персии.

Вскоре после Котова, в 1634—1637 гг., совершил путешествие на Восток с паломническими целями казанский купец Василий Яковлевич Гагара, проехавший через Закавказье и Турцию и побывавший, помимо

⁴³ См. В. А. Ульяницкий, Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв., По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1888, 3; отдельно: М., 1888; С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, П., 1915.

⁴⁴ Сборник князя Хилкова, № 107, стр. 388—424; см. Н. Веселовский, Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.), «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, 1.

⁴⁵ «Русская историческая библиотека», XV, 1894, стр. 33—75.

⁴⁶ Издано впервые М. П. Погодиным в 1852 г. по несправочному списку; прекрасная публикация с введением и примечаниями: М. П-ий, [М. П. Петровский], Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», XII, 1907, кн. 1; оттиск: СПб., 1907.

Палестины, и в Египте⁴⁷. На Кавказе Гагара посетил Тифлис и Эривань, оставив краткое их описание. По дальнейшему своему маршруту он описывает города, уделяя особое внимание их водоснабжению, в Египте его внимание привлекла продажа воды; упоминает он «аравов диких». Не свободен Гагара от легковерия. Так, описав Тифлис, он сообщает: «да близ же тое реки Куры есть гора, а на ней просечены 4 окна большие, а жил в той горе людояд, а ел на всякий день по человеку».

Наконец, оригинальное описание стран Ближнего Востока принадлежит неизвестному русскому, находившемуся в плену в Турции в 60—70-х гг. XVII в.⁴⁸ Согласно изысканиям П. А. Сырку, автором этого описания является Федор Феоктистович Дорохин. Уроженец г. Ельца, сын боярский, Дорохин служил на военной службе в рейтарах; в 1660 г. попал в плен к крымским татарам, которыми в 1662 г. был продан туркам; в Турции пробыл 12 лет, до 1674 г., когда выкупился и вернулся в Россию. За время своего плена Дорохин побывал, помимо Крыма и Турции, в Египте, Сирии и Палестине, а по пути на родину — на Балканах. Описание его злоключений было написано между 1682 и 1686 гг. Как военный, Дорохин большое внимание уделяет вопросам военного дела, и описание его имеет в известной мере военно-топографический характер.

Дорохин описывает города, в которых побывал, везде обозначая этническую принадлежность их населения. Особенно подробно описан, очевидно хорошо ему знакомый, Царьград. Дорохин называет длинный ряд народов, давая о них краткие отзывы, преимущественно с точки зрения их военных способностей. Таким порядком у него встречаются следующие наименования народов: «амалицкие люди», «аравийские люди», «арнаутские люди», «болгарские люди», «босняки», «волохи» (молдаване), «египтяне», «курты» (курды), поляки, татары, «трухменские люди», турки (или «турские люди»). О турках Дорохин отзывается следующим образом: «А все те турецкие люди да брани оне есть худы, токмо лиже из них, от тех турских людей, жалованные воинския люди еничара да брани они тверды, а война брани их не ученая. А меж ими, турскими людьми, да спех, и шлем, и броня мала где увидиш, на притчу, а щытов меж ими у них есть много и кольчуг». Выразителен отзыв Дорохина о курдах: «многож их есть, а лихие оне люди: на пути забойцы великие оне человеком; а война брани их... в поле на коне копьем воевать».

Остановимся особо на ходе накопления в рассматриваемом нами периоде этнографических сведений по Кавказу.

Вспомним, что Начальная летопись называет лишь два кавказских народа: яссов и касогов. Первый, насколько мы знаем, русский путешественник, побывавший на Кавказе и оставивший о том литературный след, упоминая о Дербенте, Баку и кайтаках, — Афанасий Никитин (XV в.). В XVII в. некоторые, незначительные, сведения сообщают, как мы сейчас видели, Ф. А. Котов и В. Я. Гагара.

В XVI в. начинают развиваться связи России с Грузией, что выражается, в частности, в длинном ряде посольств в эту страну. Из числа соответствующих многочисленных документов, имеющих то или иное этнографическое содержание, назовем для XVII в. статейные списки трех посольств.

В 1639 г. был послан в Мингрелию к Левану I Дадияни толмач с

⁴⁷ Описание путешествия Гагары было впервые издано И. П. Сахаровым в «Сказаниях русского народа», т. II, 1849; затем издавалось в 1851 и 1871 гг.; новое издание: Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Гагары, 1634—1637 гг., под ред. С. О. Долгова, «Православный Палестинский сборник», вып. 33 (т. XI, вып. 3), 1891.— О Гагаре: 1) «Русский биографический словарь» (1914); 2) В. Андрианова-Перетц, Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары, «Сборник Российской Публичной библиотеки», т. II, вып. 1, Петроград, 1924.

⁴⁸ Издано впервые под заглавием: Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века, под ред. П. А. Сырку, «Православный Палестинский сборник», вып. 30 (т. X, вып. 3), 1890.

татарского языка Посольского приказа Федот Елчин. В посольстве участвовал и московский священник Павел Захарьев. По возвращении посольства в 1640 г. в Москву оба его участника составили каждый свой статейный список⁴⁹. Список Захарьева посвящен целиком религиозным и церковным темам. К списку Елчина присоединено нечто в роде краткого специального описания «Даданской земли», т. е. Мингрелии, где дается характеристика местных нравов, сведения о торговле, земледелии, пище, застольных порядках, свадебных обычаях. Следующим по времени известным нам и имеющим для нас значение документом такого же рода является статейный список, составленный участниками посольства 1640—1643 гг. к кахетинскому царю Теймуразу I князем Ефимом Мышецким и дьяконом Иваном Ключаревым⁵⁰. В весьма краткой форме этот список сообщает сведения о земледелии и военном деле в Кахетии. Наконец, уже довольно богатое и разнообразное содержание имеют статейные списки стольника Никифора Матвеевича Толочанова и дьяка Алексея Иевлева, бывших с посольством в Имеретии в 1650—1652 гг.⁵¹ Мы находим здесь описание царского и церковного быта, застольных обычаев, военного дела, одежды, земледелия, торговли, пищи и напитков, жилища, боевых башен и пр. Весьма интересна, между прочим, следующая характеристика имеретинских поселений: «А села и деревни, и в селах и в деревнях дворы стоят врозни, по буграм и по долинам и посеред гор и на горах. Где водные источники, туто их и селитьба и пашня. А сидят не слободами, врозни, двора по два и по три и по десяти и по двадцати и болиши, и то сидят врозни, двор от двора в полустрельбища. И около у всякого двора обсажено овощным деревьем и виноградом. И стоят что в лесу: не видно».

Закончим наш обзор этнографических памятников XVII в. указанием на два документа, имеющих общий характер.

Весьма ценный этнографический памятник, относящийся к началу XVII в., представляет собой «Книга Большому чертежу»⁵². Это — объяснительный текст к несохранившейся карте Московского государства, составленный в 1627 г., представляющий собой свод географических и отчасти этнографических данных о Руси, частично и о некоторых сопредельных странах. Список народов, здесь упоминаемых, довольно велик. Таковы: азовцы, башкирцы, вогуличи, «гречаня», «грузи», дауры, «калмыцы» (или «колмыки»), «казацкая кочевая орда», карагайцы, кизылбаши, или персы, «крымская орда», или «крымчания», лопари, в частности Понойские «мугалы» (или «мугальцы»), «мундусцы» (народ в Сибири), «нагаи» — большие и малые (или меньшие), «пегая орда», «самоядь», в частности «самоядь Пяки», саянцы, татары (или «татароя») — многократно упоминаемые, татары крымские, татары белгородские, «турчаны», «учуги» (народ в Сибири), черкасы горские, или пятигорские, черкасы запорожские, «ямундусы» (народ в Сибири). Особо интересно следующее перечисление, относящееся к Кавказу: «А в тех горах по Тереку и по рекам по иным пятигорские черкасы, и кабарда, и скохи, и осоки (иначе: осохи), и кугени, и мичкизы (иначе: минкизы)».

⁴⁹ С. А. Белокуров, Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Даданскую землю (1639—1640), «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1887, 2.

⁵⁰ М. Полиевктов, Международные сношения Грузии с иноземными странами, II, Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640—1643, Тифлис, 1928.

⁵¹ М. Полиевктов, Международные сношения Грузии с иноземными странами, I, Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650—1652, Тифлис, 1926.

⁵² Издана впервые Н. И. Новиковым в 1773 г. под заглавием «Древняя российская гидрография» и т. д.; новейшее прекрасное издание: К. Н. Сербина (ред.), Книга Большому чертежу, М.—Л., 1950.

К приведенному списку надо присоединить еще следующие обозначения: Бухарская земля, Литовская земля, Тангутская земля, Турская земля, Югорская земля, Юргенская земля. Все эти наименования сопровождаются точной локализацией. Наконец, изредка встречаются в «Книге» и этнографические замечания. Например: «А у татар во всех деревнях пашни пашут, а сеют пшеницу, да ячмень, да полбу» (стр. 66); «А с верху реки Монача с левыя сторона озеро, а в том озере емлют соль азовцы и черкасы пятигорские и Казыева улусу татаровя» (стр. 86); упоминание башкирцев сопровождается замечанием: «а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» (стр. 139).

Особое место в истории русской этнографии XVII в. должно занять сочинение Г. К. Котошихина, О России в царствование Алексея Михайловича, написанное в Швеции в 1666—1667 гг.⁵³ Автор этого сочинения — Григорий Карпович Котошихин (ок. 1630—1667) был подъячим Посольского приказа и по неуставленным причинам эмигрировал в Польшу, а затем обосновался в Швеции. Кончил он печально: в драке убил своего хозяина квартиры, за что был казнен.

При всей сомнительности личности автора, сочинение Котошихина представляет собой уже получивший свою общую оценку важный исторический документ. Оно содержит преимущественно описание московской придворной жизни и дипломатической службы, характеристику государственных органов и должностей, описание военного дела, состояния торговли, сословий и пр. Собственно этнографическое содержание имеет последняя глава сочинения Котошихина — «О житии бояр, и думных и ближних, и иных чинов людей», посвященная описанию домашнего быта преимущественно высшего служилого сословия. Здесь же содержится краткое описание богатой свадьбы.

Если не считать «Домостроя», то книга Котошихина представляет собой первое сочинение о русском быте, правда, лишь высшего сословия, содержащее, в частности, первое, опять-таки после «Домостроя», описание русским автором (существуют более ранние описания иностранцев) русской свадьбы.

* * *

Обращаемся к некоторым итогам сделанного нами обзора⁵⁴.

Нельзя не признать, что — в соответствии с данным ранним периодом истории этнографии — собирание этнографических сведений в XVII в., как и в предшествующую эпоху, определялось в значительной мере практическими потребностями. Отсюда и объем, и самый характер сведений, которые фиксировались, отсюда та неписанная, но тем не менее действующая «программа», по которой этнографический материал собирался. Таким образом, например, в Сибири и на Дальнем Востоке сведения обуславливались нуждами колонизации, меновой торговли, ясачного обложения и пр. При всем том уже очень рано — начало этому было положено еще Несторовой летописью — сказывается и подлинная познавательность, настоящий этнографический интерес. Это по сути дела и же научное начало в русском народоописании достигает своего высшего выражения к концу рассмотренного нами периода в превосходных этнографических скасках Атласова и пытливейших описаниях Спафария.

⁵³ Сочинение это оставалось неизвестным, пока не было открыто в 1838 г. в библиотеке Упсальского университета русским историком, тогда профессором Гельсингфорского университета, С. В. Соловьевым; впервые издано в 1840 г.; 4 изд., СПб., 1906; ср. А. И. Маркевич, Г. К. Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII в., Одесса, 1895.

⁵⁴ Настоящий обзор, посвященный русской этнографии XVII в., составляет продолжение нашего обзора, напечатанного под заглавием: «Из истории ранней русской этнографии (XII—XVI вв.)», «Советская этнография», 1952, 4. Подводя сейчас итоги изложения в данной статье, мы отчасти имеем в виду и предшествующий период истории русской этнографии.

Русская этнография XVII в. продолжает, как это ей было свойственно и раньше, отличаться по общему правилу замечательным реализмом: все этнографические документы XVII в. совершенно свободны от фантастики и сугубо реалистичны. Другую выдающуюся черту русской этнографии описанной эпохи, в свою очередь продолжающую начала, присущие предшествующему периоду, и разительным образом отличающую ее от этнографии зарубежной, составляет свобода от какой-либо национальной нетерпимости. И в документах XVII в., как приведенные нами, так и вообще известных, мы не находим ни одной строки, ни одного слова, которые выражали бы презрительное или уничижительное отношение к описываемым народам, отношение к ним как «низшим». А ведь авторами этих документов были большей частью простые и весьма суровые люди — казаки-землепроходцы. Ранняя русская этнография, да и вообще русский язык той эпохи не знают слова «дикари», как и какого-либо иного с таким же смыслом выражения или термина. В качестве термина, употребляемого для обозначения местных народов, встречается только слово «иноземцы».

Этнографические описания и характеристики подаются просто, бесстрастно и объективно. Более того, когда речь идет о народах высокой культуры, отзывы, отмечая и отрицательные черты их быта, с другой стороны, и не впадая в идеализацию, с уважением признают достоинства и качества описываемого народа. Так, особое уважение вызывают китайцы. Вспомним отзывы о них Годунова («А люди ласковые и советны, а в домех у них нескрытно, и входы в дома их свободно») и Спафария («И во всех поступках, в хождении, и в слове весьма смирны, что лучше невозможно тому быти» и т. д.).

Чужда русская этнография описанной эпохи по общему правилу и религиозной нетерпимости. Исключение составляют, — естественным, пожалуй, образом — представители духовенства, отзывы которых в этом отношении, а иногда и вообще в отношении быта и нравов, контрастируют с общим тоном соответствующих документов эпохи. В общем же, все русские наблюдатели, столкнувшись даже с весьма отсталыми формами религии и культа, либо формами, глубоко чуждыми христианству, остаются вполне терпимыми. Эта веротерпимость доходит иногда и до беспристрастного восхищения красотами чужеземных храмов, откровенно высказываемого, например, Петлиным: «неизреченное диво во храмах», — пишет он о монгольских кумирнях.

Свобода от нетерпимости, а следовательно, и от предубеждения, обусловила то, что русская этнография уже с самого начала своего существования обнаруживает элементы подлинно научного подхода. Это выражается в том, что русские наблюдатели никогда не обезличивают те народы, которые они описывают. Даже весьма отсталые народности фигурируют в ранней русской этнографии не в качестве обезличенных «дикарей», как это неизменно присуще этнографии зарубежной. В том обширном многообразии различных во многих отношениях народов, которыми русским людям довелось встречаться, они прекрасно и отчетливо различали каждый отдельный народ, каждое отдельное племя. Это ярко выражено уже в Начальной летописи, это выражено и в новгородском сказании XV в., пытающемся по-своему дифференцировать различные группы «самояди». Уверенное и четкое различие разных народностей и племен выражается и в том, что они получают всегда свое отдельное наименование и всегда отчетливо локализируются. Различение это выражается и в их этнографической характеристике. Эта характеристика или оценка, как бы кратка и недостаточна ни была обычно, все же всегда стремится отметить и выделить культурные особенности, специфику каждого народа. Начало этому направлению русского народоописания было положено Нестором, и вся последующая русская этнография строится в неизменном и твердом признании, что всякий народ

всякое племя имеет «обычаи свои и законы отец своих и преданья, кождо свой нрав».

Русская этнография описанного нами периода сделала массу этнографических открытий, составивших громадный вклад в мировую этнографическую науку. В течение XVI—XVII вв. в особенности русская этнография открыла обширнейший, дотоле совершенно неведомый этнографический мир. В эти века с исключительной быстротой, один за другим вступает в орбиту этнографической науки длинный ряд народов Сибири и Дальнего Востока, в научное обращение входит масса новых этнонимов. Наряду с тем русская этнография вводит в науку обширное количество новых конкретных данных из всех областей этнографического знания в сфере материально-хозяйственной, общественной и духовной культуры. При этом в целом ряде случаев это — наблюдения и фиксации фактов, сделанные, как мы отмечали, в науке впервые, дающие русской науке новые и новые права на приоритет.

При таких замечательных заслугах ранней русской этнографии приискорбное обстоятельство составляет то, что добытые сведения во многих случаях оставались под спудом. Конечно, русские этнографические открытия находили себе различные пути распространения на Руси, однако, как можно было видеть из наших подстрочных указаний, большая часть соответствующих документов в условиях царской России оставалась в течение очень долгого времени неопубликованной, расходясь лишь в рукописных списках. Эти обстоятельства становятся почти трагическими тем, что, как это было и по отношению к документам предшествующего времени, русские открытия и неопубликованные русские сведения XVII в. заимствовались и публиковались иностранцами. Так, широко использовал неопубликованные русские источники голландец Николай Витсен для своего сочинения «Северная и Восточная Татария» (1692)⁵⁵, приобретя тем известность. Им, в частности, было дословно воспроизведено «Сказание об Амуре» Спафария, широко использовано описание Сибири Венюкова и пр. Многие другие русские географо-этнографические документы были переведены и напечатаны в Англии, Франции, Германии и Голландии за много времени до того, как они были опубликованы в России, причем иногда и так, что в России они оказались вовсе утраченными. С особенной жадностью набрасывались иностранцы на русские сведения о Китае. Данные Петлина были вскоре после его посольства опубликованы в Англии, а в начале XVIII в. также в Голландии. Сообщения Байкова были переведены и напечатаны на французском, голландском и немецком языках, и т. д.

Выдающуюся научную заслугу русской этнографии составляет открытие и исследование рода. Род известен уже Начальной летописи и, очевидно, с этого времени является привычным представлением русской науки, когда идет речь о ранних общественных формах. Требуется специальная работа, чтобы проследить употребление термина «род» в русских письменных памятниках последующего, после XII в., времени, но вполне очевидно, что в документах XVII в. «род» является уже совершенно обычным, широко употребляемым понятием и термином. С другой стороны, русские наблюдатели, повидимому, уже очень рано, а что касается XVII в. и, в частности, Сибири и Дальнего Востока, то уже привычным и систематическим образом, принимают род как основную общественную форму местных народов и племен. При этом, с таким же постоянством и систематичностью стремятся они в своих описаниях учесть не только народы и племена, но и отдельные родовые группы. Здесь, конечно, основную роль сыграло то обстоятельство, что род явился единицей ясачного обложения, откуда и интерес к численности от-

⁵⁵ Ср. В. Г. Трисман, Русские источники в монографии Н. Витсена «Северная и Восточная Татария», «Институт этнографии, Краткие сообщения», XIII, 1951.

дельных родовых групп. Во всяком случае, эта ориентировка на род свидетельствует как о наличии определенного о нем представления, так и о признании его общественного значения.

Но так или иначе, это различие и признание рода как общественной формы сыграло крупнейшую научную роль, положив твердое основание для установления племенного состава различных народов, для дифференцированного изучения их культурных особенностей, для познания их общественного строя в частности. Надо сказать, однако что сколько-нибудь углубленное изучение рода, родовых форм и отношений было в то время делом весьма простым. Родовой строй на родах Сибири и Дальнего Востока, как и всех народов, у которых он сохранялся и с которыми приходилось сталкиваться России, находился в эпоху колонизации в состоянии глубочайшего распада. Даже вопрос, что собой представляли существовавшие тогда в качестве отдельных общественных единиц родовые группы, равно как вопрос о форме туземных поселений той эпохи, являются и сейчас вопросами специального исследования. Эти вопросы, как и вопрос о том, какими были представления русских наблюдателей того времени о роде родовых формах и отношениях, в свою очередь требуют особого рассмотрения. Отметим только, что мы имеем, хотя бы в приведенных нами документах, три сюда относящихся термина, а именно: род, улус и волость (не считая употребляемого Спафарием термина «юрты») причем представляется неясным, какие группы этими терминами вообще и в отдельных конкретных случаях обозначаются и каково соотношение этих понятий или форм. Особое внимание должен привлечь термин улус. Этот получивший в XVII в. широкое распространение монгольский по происхождению термин не привлек к себе, насколько мы знаем, достаточного внимания исследователей и не получил достаточного истолкования⁵⁶. Заметим по этому поводу, что весьма существенным показателем при суждении о сущности как «улуса», так и «рода» должна явиться численность этих групп. Учитывая же данные хотя бы приведенных нами документов, как и более широкие общие данные содержащиеся в работе Б. О. Долгих⁵⁷, мы считаем, что здесь могло бы оказать существенную помощь предложенное нами понятие патриимии.

Заканчивая наш обзор и наши итоговые замечания, укажем, быть может, лишний раз, что приведенный нами материал далеко не в полной мере отражает состояние этнографических познаний, существовавших в Руси во взятое нами время. Но и представленные нами данные достаточно выразительно говорят о том, что русская этнография сделала в XVII в. по сравнению со всем предшествующим временем громадный шаг вперед, имела крупнейшие успехи. Это выразилось и в количестве собранного материала, и в неизмеримо повысившемся его качестве, и в расширении этнографического горизонта. И все же описанный сейчас период продолжает в научном отношении оставаться периодом собирания материала, не чуждым, однако, как мы видели, и некоторым вытекающим из этого материала обобщений. Это все же время еще только начального складывания русской этнографической науки, каковой она подлинным образом станет в следующем, блестящем ее периоде — в XVIII веке.

⁵⁶ Нет никакого основания, по нашему мнению, понимать, как это делает В. И. Огородников, под выражением «улусные люди» — чужеродцев. См. В. И. Огородников, Из истории покорения Сибири, Покорение юкагирской земли, «Труды Гос. ин-та народного образования в Чите», I, 1922.

⁵⁷ Б. О. Долгих, Племена Средней Сибири в XVII веке, «Институт этнографии, Краткие сообщения», VIII, 1951.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

А. П. ОКЛАДНИКОВ, В. В. НАРЫШКИН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ НА ЧУКОТСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

(Древнее поселение на р. Канчалан)

Весной 1953 г. Чукотский краеведческий музей получил от работника Окружного комитета КПСС С. С. Обыденникова и председателя колхоза «Заря» Н. Н. Нестерова сведения о наличии остатков старого поселения в устье р. Канчалан. С. С. Обыденников и Н. Н. Нестеров сообщили о том, что они видели в том месте на бугре пять ям, вытянутых в одну линию. Местные чукчи утверждали, что это остатки старых жилищ.

В конце августа 1953 г. директор Чукотского краеведческого музея В. В. Нарышкин предпринял археологическую разведку в устье р. Канчалан.

Река Канчалан берет начало в Анадырском хребте и течет на юг, затем она впадает в мелкий пресноводный Канчаланский лиман, который считается устьем реки. В свою очередь Канчаланский лиман соединяется с аналогичным устьем р. Анадырь, и затем эти две реки вместе впадают в большой Анадырский лиман, соединяющийся с Анадырским заливом Берингова моря. Берега Канчаланского лимана низки, на запад и на восток от лимана тянется ровная, без единой сопки сырая тундра; только вдалеке на западе смутно виднеются снеговые вершины хребта Пекульней. Берега лимана и рек, впадающих в лиман, поросли кустарником (карликовая ива, тальник, ольха).

Как показало обследование места, где находились остатки древнего поселения, оно состояло из 5 полуземлянок, расположенных в одну прямую линию на бугре высотой до 1 м, перпендикулярно берегу лимана, т. е. с юга на север. Крайнее к берегу лимана жилище отстоит на 2 м от обрывистого уступа берега высотой до 1,5 м. Остатки полуземлянок представляют собой ямы круглой чашевидной формы диаметром от 3 до 6,5 м, глубиной от 0,5 до 1 м. Все жилища окружены валом высотой до 20—30 см с внешней стороны и шириной до полуметра. Землянки имеют боковой выход на юг, в сторону от воды, шириной до 0,7 м. Выход представляет в настоящее время углубление в валу, окружающем землянку, до уровня тундры. Полуземлянки, вероятнее всего, имели еще и второй, зимний выход через дымовое отверстие, так как зимой жилища, несомненно, заносились двух-, а иногда и трехметровым слоем снега и боковой выход оказывался закрытым.

Ниже по лиману, примерно в 200 м от первого поселения, было обнаружено второе древнее поселение из 7 аналогичных описанным полуземлянок (рис. 1). Эти полуземлянки также расположены в одну прямую линию на втором холме, высотой до 5 м. Холм тянется вдоль берега на расстоянии 10—15 м от лимана.

Расположение древних поселений в этом месте очень удачно, так как устье р. Канчалан изобилует рыбой, а также нерпой. На окружающих поселения озерах весной, летом и осенью бывает много дичи. Очень важно, что через эти же места проходили пути передвижения оленей. До сих пор канчаланские чукчи гоняют свои олени табуны через устье Канчалана, а между двумя открытыми древними поселениями находится старая забойная площадка.

Древние канчаланские поселения расположены в узкой, около 75—100 м шириной, сухой береговой полосе, поросшей травой и кустарником. Далее на юг протекает небольшая речка без названия. Берега ее низки и болотисты. В 400—500 м от лимана имеется уступ высотой около 10 м, и берег лимана переходит в кочковатую, сырую, покрытую многочисленными озерами тундру. Юго-западнее второго поселения лежит озеро длиной около 100 м. Западнее этого поселения, рядом с холмом, в лиман впадает небольшой ручей.

В. В. Нарышкиным была частично раскопана третья с южного конца ряда полуземлянка первого поселения. Как показали раскопки, полуземлянка была вырыта в песке, а основание ее имело глубину в 70 см от поверхности тундры.

На глубине 12—13 см был обнаружен очаг. По краям очага стояло 7 гладких валунов, до 30—35 см в диаметре. Камни оконтуривали скопление золы. Очертания очага были овальными (большой диаметр 1 м, меньший — 0,7 м). В центральной части очажное пятно, состоявшее из обожженного песка, смешанного с пеплом, достигало в толщину 10 см. В очаге и вокруг него найдены многочисленные кости северного оленя, главным образом ребра и трубчатые кости, а также несколько лопаток. Из костей морских животных был обнаружен всего лишь один позвонок тюленя-нерпы.

Следует отметить, что одна лопатка оленя была в середине пробита. У чукчей есть обычай тренировать пальцы руки на пробивание лопаток оленя. Одной рукой оттяги-

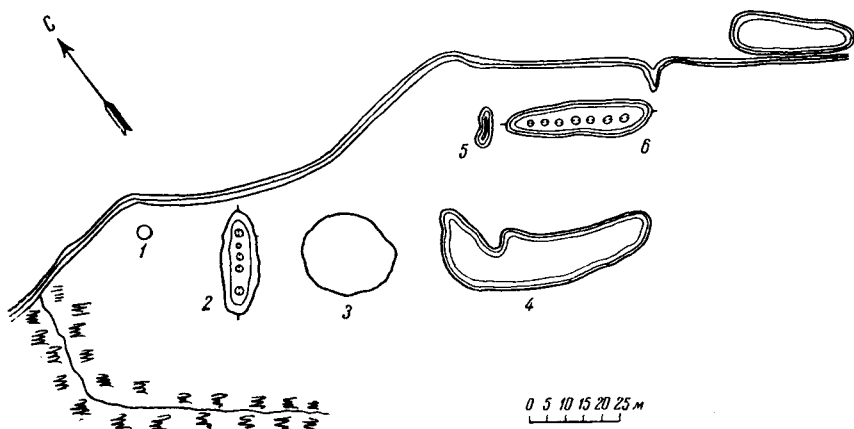

Рис. 1. Схематический план местности в устье р. Канчалан с расположенными на ней древними поселениями: 1 — яранга, 2 — холм, 3 — старая забойная площадка, 4 и 5 — озера, 6 — холм с крутыми склонами

вают палец другой руки, а потом, отпуская палец, бьют им по лопатке, стараясь пробить ее. Возможно, что и у жителей канчаланских древних поселений был распространен этот арктический вид спорта. Остальные кости оленя, за редкими исключениями, были целы, только некоторые трубчатые кости оказались разломанными пополам сильным ударом.

Кроме костей, при раскопках были найдены многочисленные обломки грубо сделанных глиняных горшков, а также 16 скребков из обсидиана и вулканического туфа. Были обнаружены две группы черепков, вероятно, раздавленных горшков; одна группа находилась на расстоянии 1 м от выхода, вне очага, другая — в центре очага. Вместе с каменными орудиями были найдены костяные изделия: кирка-мотыга из моржового клыка, молот из того же материала, предмет с орнаментом, гарпун, кирка-мотыга из оленьего рога.

В этой же полуземлянке были обнаружены 8 маленьких круглых камней (наибольший диаметр 7—8 см). Точно такие же камни в настоящее время канчаланские чукчи употребляют в качестве грузил к рыболовным сетям. Отсюда можно сделать вывод, что древние жители поселения на р. Канчалан имели рыболовные сети и занимались рыболовством, хотя в землянке рыбы кости не были обнаружены.

В южной и западной частях полуземлянки найдены остатки двух столбов из плавленика толщиной до 15—18 см. Эти столбы, вероятно, вместе с другими двумя нераскопанными столбами (северным и восточным) поддерживали кровлю полуземлянки.

Разрез отложений, заполнявших внутреннее пространство полуземлянки, таков: сверху находилась слой дерна до 10 см толщиной, затем 2—3 см гальки, а далее песчаная толща — материк.

Предметы материальной культуры, найденные в Канчалане, состоят из каменных и костяных орудий, а также керамики. Законченных каменных изделий в раскопе обнаружено всего 16 экземпляров. Материалом для изготовления каменных орудий служили в основном две горные породы. Большинство предметов, 10 экземпляров, сделано из черной, плотной и тяжелой изверженной породы, повидимому, из той, которую С. И. Руденко называет вулканическим туфом. В некоторых образцах порода эта темнее и обладает своеобразным жирным блеском; в ней заметны отдельные блестящие кристаллики. В других образцах порода эта светлее и походит скорее на сланец. Колется она и подвергается обработке ретушью удовлетворительно, причем темная разновидность обрабатывалась лучше светлой, сланцевидной.

Остальные шесть орудий изготовлены из превосходного полупрозрачного черного цвета смолы или вара, обсидиана, почти совершенно лишенного патины. Только на

одном изделии, в отличие от всех других, с одной стороны имеется как бы легкий матовый налет, тогда как на противоположной его стороне такого налета не заметно. На четырех орудиях из шести, изготовленных из обсидиана, сохранились участки поздреватой желвачной корки, показывающие, что материалом для них служили желваки обсидиана, рассеченные сильными поперечными ударами, направленными слегка наискось, на массивные пластинчатые куски.

Кроме того, имеется одна крупная заготовка из зеленой яшмовидной разновидности глинисто-кремнистого сланца. Нужно сказать, что из такой породы изготовлена

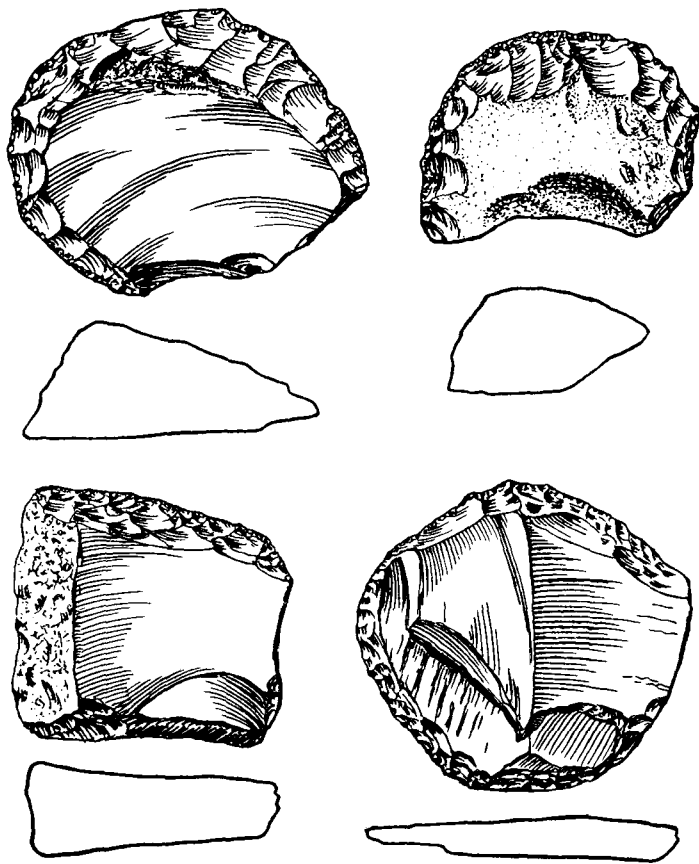

Рис. 2. Каменные скребки

была основная масса каменных орудий, обнаруженных М. Г. Левиным и А. П. Окладниковым при раскопках древних поселений в районе Магадана, по берегам и островам Охотского моря. Здесь же такой материал является исключением.

Все 16 каменных орудий относятся к одной и той же категории — скребкам (рис. 2, 3). Скребки эти, как правило, массивные, с крутыми, почти вертикальными лезвиями, изготовленные из кусков камня толщиной от 1 до 1,5 и даже до 2 см. Таких массивных скребков в коллекции 10 экземпляров, в том числе все образцы обсидиановых скребков. Остальные шесть скребков изготовлены из сравнительно тонких отщепов черной изверженной породы. Но все они тоже довольно крупные. Так, самый маленький скребок имеет в длину 3,6 см; самый крупный 8,2 см. По форме скребки могут быть разделены на следующие две группы: А — с выпуклым и Б — с прямым или вогнутым лезвием.

К первой группе относятся: а) два массивных скребка с широким и крутым дугообразно выпуклым рабочим краем, тщательно отделенным мастерской ретушью; у одного из них нижняя сторона подправлена специальной выравнивающей подтеской; б) один массивный скребок подтреугольно-овальных очертаний, обработанный круговой ретушью и подтесанный на суженном конце с нижней стороны, повидимому, для большего удобства закрепления в рукояти; рабочий конец массивнее и значительно выше противоположного конца; в) массивный скребок с одним прямым и противоположным выпуклым лезвием; к нему близки два других крупных скребка, имеющих удлиненно-овальные очертания и узкий округлый выступ на конце.

К первой же группе следует отнести и пять скребков, изготовленных из плоских широких отщепов. У шести из них широкое лезвие округлых очертаний, у одного даже почти дисковидное. У трех скребков лезвия узкие, сильно выпуклые.

Ко второй группе принадлежат три изделия. У них такое же, как у описанных выше, массивное лезвие, но не выпуклое, а слегка вогнутое. Особо должен быть отмечен скребок с двумя рабочими лезвиями на противоположных концах орудия. Од-

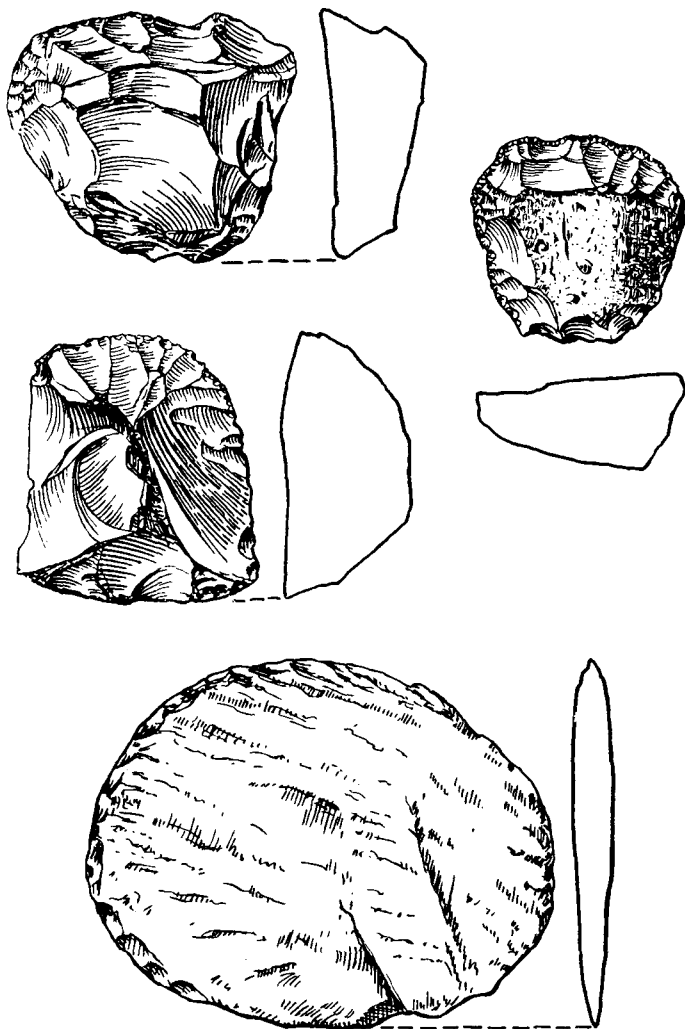

Рис. 3. Каменные скребки

лезвие у него слегка выпуклое, тщательно оформленное ретушью и вторично подправленное по краю; второе лезвие очень высокое и крутое, лишь с мелкой подправкой лезвия. Имеется также один крупный овальный скребок, изготовленный из плоского отщепка, небрежно оформленный вдоль всего края мелкой крутой ретушью с «защепами».

Вариации формы скребков, надо полагать, зависят от различия в их назначении.

Заготовка, как сказано, одна. Судя по ее подтреугольно-овальным очертаниям, из нее собирались сделать крупный скребковидный инструмент, но по какой-то причине не достигли цели.

Поразительно, что на 16 скребков приходится всего лишь четыре отщепка, из которых три из черной изверженной породы, а из обсидиана только один. Отсюда следует, что изготовление орудий производилось не в этой землянке, а где-то в другом месте.

Кроме описанных скребков, в культурном слое полужемлянки оказались также отмеченные выше 8 овальных миниатюрных галек и обломок одной более крупной уплощенно-овальной гальки, служившей, повидимому, отбойником или отжимником. По крайней мере, на уцелевшем ее конце видны еле заметные следы употребления в виде полосы мельчайших выбоин или стертости.

Костяной инвентарь, как уже отмечалось, немногочислен (рис. 4).

Первое изделие представляет собой массивную тяжелую кирку-мотыгу, изготовленную из клыка моржа. Она имеет вид симметрично выпуклого с обеих сторон длинного клыка, овального в сечении, с выпуклым узким лезвием. На обушке ее имеются с одной стороны два глубоких желобка, нижний из которых сохранил четкие следы действия рубящего оружия, которым желобок был выполнен. Длина орудия 25,4 см.

Второе изделие — молот из клыка моржа. Он имеет на верхнем конце с одной стороны две углубленные полосы, узкую и широкую, служившие для прикрепления деревянной рукояти. С противоположной стороны имеется глубокий продольный срез.

Рис. 4. Костяные изделия

захватывающий $\frac{2}{3}$ длины изделия. Здесь прикреплялся соответственно подогнанный деревянный стержень рукояти. Нижний конец изделия тупой, слегка скошенный с одной стороны. На нем имеются следы длительного употребления. Длина орудия 15,5 см, ширина 4,8 см.

Третье изделие: наконечник кирки или палка-копалка из части ствола рога северного оленя. Стержень этот слегка искривлен и имеет острый рабочий конец. Длина изделия 26 см. Четвертое костяное изделие — гарпун, вырезанный из клыка моржа. Он представляет собой уплощенный массивный и широкий стержень с двумя поперечно расположенными зубцами, имеющими вид не обычных кривых жальцев, а поперечных уступов. Основание гарпуна срезано с обеих сторон в виде клина и имеет сквозное отверстие цилиндрического вида. Длина изделия 20 см.

Остатки керамики представлены довольно многочисленными фрагментами сосудов. Судя по этим обломкам, они принадлежали не менее чем трем различным сосудам (рис. 5, 6). Первый сосуд был изготовлен из грубой глиняной массы, содержащей большое количество округленных зерен камня, повидимому, крупного морского песка. Можно сказать даже, что это была дрезва, скрепленная глиной, своего рода конгломерат из дресвы на глиняном цементе. Цвет черепков красновато-бурый. Поверхность их неровная, как бы «изъязвленная». Толщина черепков в среднем около 1 см. На внутренней поверхности их заметны глубокие вмятины, сделанные нажимом подушечек пальцев. В изломе масса обнаруживает обжиг неодинаковой силы: внутри она светлосерая,

снаружи светлого цвета, оранжево-красная. По своей форме сосуд этот столь же необычен, как и материал, который послужил для его изготовления. Он был очень широким и сравнительно низким. Высота его равна 19 см, диаметр сосуда в верхней части равен 25 см. Дно сосуда круглое, слегка уплощенное, круто переходившее в невысокие прямые стенки, заканчивавшиеся прямо срезанным плоским венчиком, без каких-либо признаков орнамента.

Второй сосуд сближается с первым по своей форме (но стенки его более выпуклы в средней части) и, очевидно, по технике изготовления. Стенки его тоже очень толсты,

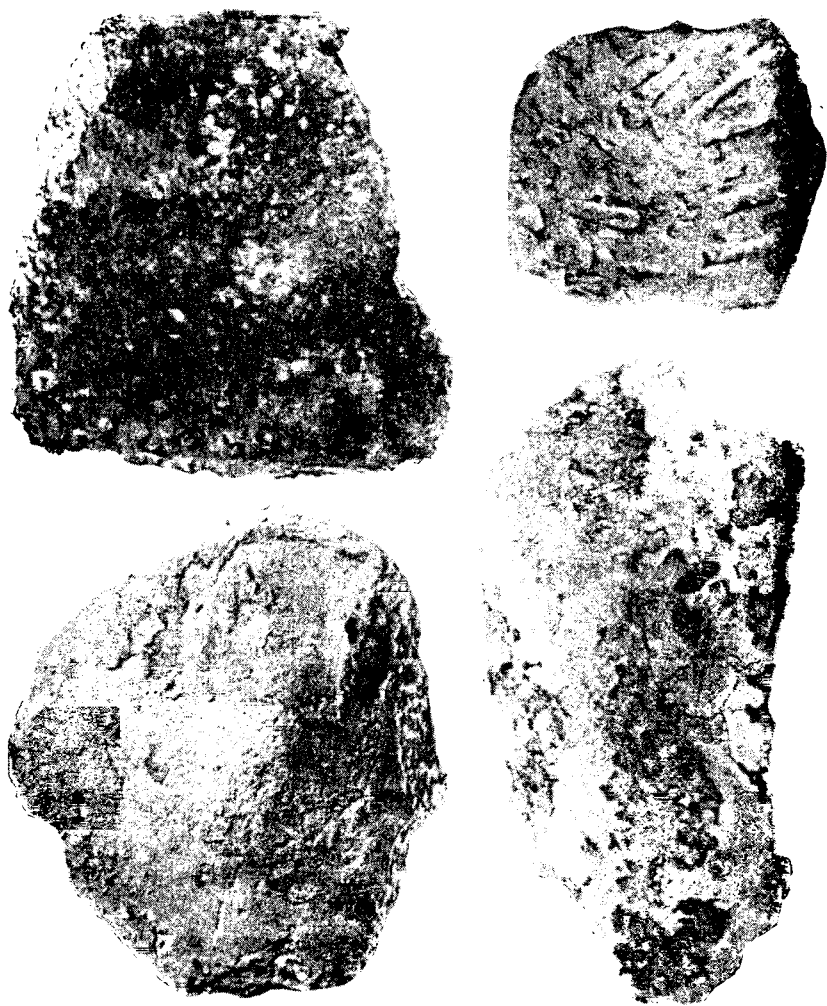

Рис. 5. Фрагменты глиняных сосудов

но масса не столь груба. Для него характерно наличие внешних боковых ушек весьма оригинального характера. Уцелевшее одно ушко имело вид бокового выступа с полеречным отверстием. Верхний широкий край ушка при этом сливался с прямо срезанным венчиком. Общая форма сосуда такая же, как у описанного выше. Высота его была равна 22 см, верхний диаметр около 18 см.

Третий сосуд представлен обломками, обнаруживающими в изломе более плотную и однородную, хорошо промешанную массу темного цвета с значительным количеством минеральной примеси, но не в виде дресвы, а в виде мельчайшего песка. Соответственно этому обе поверхности сосуда гладкие, местами как бы слегка лощенные. На внешней стороне фрагментов отчетливо заметны многочисленные выпуклые полоски, расположенные в ряде случаев под углом друг к другу или шевронами. Нет никакого сомнения в том, что такие полосы нанесены были ударами рубчатой лопаточки по влажной еще глине горшка в процессе изготовления последнего. Сосуды эти тоже имели, судя по круто выпуклым стенкам, круглое дно. Толщина черепков в среднем равна 0,5—0,6 см.

Налицо, следовательно, две непохожие друг на друга группы керамики, характеризующиеся не только составом керамического теста, но, повидимому, и техникой изготовления, а также отделкой поверхности сосудов.

Такое сочетание в материалах одного и того же поселения и даже одного и того же жилища образцов керамики, резко отличных друг от друга, несколько неожиданно. Его можно было бы объяснить разновременностью находок, но такая возможность исключается, как мы видели, условиями залегания культурных остатков. Очень интересна была бы возможность сочетания здесь различных приемов изготовления керамики, свойственных разным этническим группам, встретившимся вместе на Канчалане. Вполне допустимо, однако, и другое, более простое объяснение — то, что сосуды различного облика предназначены были для разных целей. В одних, например, могли варить мясо, в других вытапливать жир. Но все это только предположения; они могут быть проверены лишь дальнейшими исследованиями, которые, несомненно, дадут более обширный материал. Рассматривая весь материал Канчаланского поселения в целом, отметим, прежде всего, то обстоятельство, что это первая прибрежная находка в той

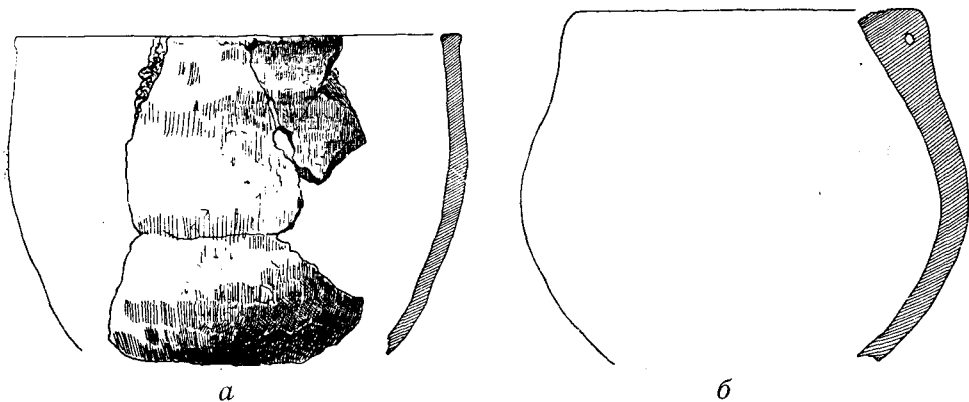

Рис. 6. а, б. Фрагменты глиняных сосудов

части Чукотского полуострова, которая соединяет его с более южными районами, включая Камчатку и побережье Охотского моря.

До сих пор имелись археологические материалы для побережья Чукотки только с территории, расположенной между Уэленом на севере и Энмыленом на юге, где производил в 1945 г. свои разведочные обследования С. И. Руденко и где до него собирали коллекции некоторые другие лица¹.

Как и следовало ожидать, мы видим здесь, с одной стороны, некоторые общие черты с древнеэскимосской культурой прибрежной части Азии вдоль Берингова пролива. Так, например, уже по общему своему облику грубые толстостенные сосуды из Канчалана определенно сближаются с древнеэскимосской керамикой, отличавшейся грубостью формы и примитивностью приемов изготовления. С. И. Руденко писал о ней: «Плохое качество эскимосской глиняной посуды отмечалось нами уже неоднократно... Обжиг настолько плохой, что органические включения — стебли травы — обугливались, но не сгорали. В качестве связывающего материала употреблялись главным образом песок и мелкий гравий крупностью до горошины, вследствие чего огромное большинство сосудов, как правило, толстостенные, в сантиметр и более толщиной». Эскимосские сосуды имели также округлые днища, они нередко были снабжены напленным ушком. В более древних стойбищах, как пишет С. И. Руденко, «иногда находятся черепки со следами неглубоких параллельных линий, покрывающих почти всю поверхность сосуда, исключая донья». Для этой цели, по его словам, применялись рубчатые лопатки². Все эти черты находят, таким образом, аналогии в керамике из Канчалана. Есть общие черты с древнеэскимосской культурой и в костяном инвентаре. Таковы прежде всего кирка-мотыга из клыка моржа, повторяющая кирки из Уэлена (Руденко, табл. 2, фиг. 29, 30), с острова Аркамечена (табл. 12, фиг. 22) и с мыса Чаплина (табл. 15, фиг. 6). Что касается гарпунов, то, хотя гарпун из Канчалана не имеет ничего общего по форме с обычными поворотными гарпунами древних эскимосов, он все же очень близок к эскимосским гарпунам иного типа, составлявшим часть остроги для ловли крупной рыбы.

С другой стороны, каменный инвентарь Канчаланского стойбища по форме скребков не имеет таких близких аналогий в древнеэскимосских изделиях. Он, скорее, напо-

¹ С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, М.—Л., 1947, стр. 92—93.

² Там же, стр. 93.

минает материал из древнекоряцких, повидимому, поселений вдоль побережья Охотского моря³.

Особо следует подчеркнуть тот важный факт, что культура обитателей Канчаланского стойбища существенно отлична от той континентальной культуры центральной части Чукотского полуострова, которая стала известна нам в последнее время по находкам на озере Якитики и озере Чировом в бассейне р. Анадыря⁴.

Несмотря на скудость материала, находящегося в нашем распоряжении, различие здесь рисуется настолько определенно, что естественно следует вывод о наличии двух особых культур. Различия этих двух культур могут быть, прежде всего, хронологическими. Следует полагать, что поселения на оз. Якитики и на оз. Чировом значительно древнее Канчаланского стойбища. Их возраст, судя по нижнеленским аналогиям, не моложе, повидимому, первого тысячелетия до н. э. Канчаланское же поселение во всяком случае лежит в пределах нашей эры.

Но дело не только в этом. Люди, оставившие следы своего пребывания на упомянутых озерах Центрально-Чукотской тундры, были континентальными охотниками и рыбаками. Обитатели Анадырского лимана принадлежали к числу приморских племен, живших не только охотой на северного оленя, но и рыбной ловлей и, конечно, охотой на морского зверя. Будущие раскопки покажут многое в их культуре яснее и по-новому. Но и сейчас уже ясна определенная связь этой культуры с культурой других приморских племен Арктики, выраженная особенно отчетливо в керамике. При этом ясно, что это были не те племена, которым принадлежала богатая берингоморская культура Чукотского побережья Берингова пролива, и вместе с тем не те, которые обитали вдоль берегов Охотского моря, т. е. не предки коряков, а какие-то иные. Во всяком случае перед нами нечто новое, памятник новой древней культуры на северо-востоке Азии.

Значение новых находок в Канчалане заключается, следовательно, в том, что они не только бросают луч света в совершенно темную до сих пор область, но и ставят на очередь новые интересные вопросы, касающиеся древнейших этнических отношений на северо-востоке Азии, а тем самым настойчиво требуют продолжения археологических работ на нашем отдаленном северо-востоке и увязки их с этнографическими, лингвистическими и антропологическими исследованиями.

³ А. П. Окладников, Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае, «Вестник древней истории», 1947, 1.

⁴ А. П. Окладников, О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова, «Известия Всесоюз. географич. об-ва», 4, 1953.

Н. НАЧИНКИН

МАТЕРИАЛЫ «ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО» В. Н. ТЕНИШЕВА В НАУЧНОМ АРХИВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

В Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде имеется архив «Этнографическое бюро» В. Н. Тенишева. Этот архив хранится в музее около 50 лет, но еще никем не использовался как источник этнографических, исторических, филологических, экономических и других материалов по русскому народу, а отчасти и по смежным с русским населением иным народностям. Есть лишь упоминание об этом архиве в статье С. А. Токарева «Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии»: «...Интерес к этому быту (к быту русского народа.— Н. Н.) отразился и в таких характерных явлениях, как организация частного «Этнографического бюро» князя Тенишева (1897), который при помощи удачно налаженной системы анкет сумел собрать с разных концов страны объемистый материал по обычаям, верованиям, народным знаниям и пр.— позже хорошо обработанный и опубликованный»¹.

С последним утверждением С. А. Токарева приходится не согласиться, ибо рукописи Бюро были использованы и опубликованы лишь в незначительной части. Видимо, С. А. Токарев имеет в виду вышедшие в свет работы С. В. Максимова и Г. Попова, о которых будет сказано ниже.

Личный архив В. Н. Тенишева вместе с материалами «Этнографического бюро» после его смерти был передан в 1904 г. его женой М. К. Тенишевой в Этнографический отдел Музея Александра III. Во время наводнения 1924 г. архив был частично попорчен.

В 1939—1941 гг. работником архива Государственного музея этнографии народов СССР А. Г. Данилиным была проведена большая работа по составлению описей на рукописный и машинописный материал «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева. Однако архив был разобран лишь частично; А. Г. Данилиным был составлен аннотированный указатель на 466 рукописей, но и этот указатель не опубликован, поэтому пользоваться им научные работники других учреждений не имеют возможности.

Небезинтересны некоторые биографические данные В. Н. Тенишева, проливающие свет на его научные работы и на причины, побудившие его организовать «Этнографическое бюро». Среди материалов «Этнографического бюро» имеются документы, характеризующие основателя бюро князя В. Н. Тенишева как землевладельца и акционера Путиловского и Брянского заводов, владельца машиностроительного завода в Ростове-на-Дону. Крупный помещик и капиталист, В. Н. Тенишев слыл за либерала и занимался своеобразной научной и просветительной деятельностью. В 1898 г. он открыл в Петербурге семиклассную общеобразовательную школу, по программе приближающуюся к курсу реальных училищ. В свою школу Тенишев пригласил лучшие преподавательские силы, и контингент учеников отбирался по принципу имущественного положения родителей; плата за право учения была очень высока. В 1900 г. Тенишев основал Институт промышленных знаний, который в одном своем письме он характеризовал как «образовательное учреждение, имеющее целью распространение в русском населении знаний, соответствующих подъему отечественной промышленности во всех отраслях».

Вот этот-то князь-меценат и задумал написать монографию, философски объясняющую явления общественной жизни в связи с быстрым ростом революционного движения в России в 90-х годах XIX в. Тенишев как представитель господствующего класса попытался в своей работе выявить причины роста революционного движения и наметить конкретные мероприятия по устранению недовольства среди народных масс. На страницах своей книги «Деятельность человека» он заявляет, что «...каждому администратору необходимо иметь сведения о поступках и поведении управляемых»². Подобрать необходимый ему материал Тенишев хотел через «Этнографическое бюро». Основные идеи, развиваемые В. Н. Тенишевым в его книгах, а также и в его практической педагогической деятельности, воплотились в изданной им обширной про-

¹ «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 175.

² В. Н. Тенишев, Деятельность человека, СПб., 1898, стр. 10.

грамме³, где до мельчайших подробностей разобраны следующие этнографические вопросы: физические природные свойства крестьян, местные условия жизни крестьян, празднества, общинное владение, отличительные особенности наречия крестьян различных районов и т. п.

Как указывается в предисловии к «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России», за исходную точку классификации вопросов программы было «взято распределение вопросов по потребностям индивидуальной и общественной жизни человека, которым, при данных окружающих условиях, соответствуют поступки и поведение изучаемых людей...». Та же мысль проводится и в книге Тенишева «Деятельность человека»⁴. В. Н. Тенишев считал, что «в развитой нации необходимо выделить людей, сообразно той роли, которую они играют в обществе, и изучать отдельно, например: крестьян, солдат, чиновников и т. д.»⁵.

В Материалах «Этнографического бюро» имеются две подробные программы: «Программа этнографических сведений о русских городских жителях образованного класса» и «Программа этнографических сведений о русских чиновниках». Кроме того, сохранилось небольшое обращение к ученым-социологам (на французском языке) с предложением собирать данные по народным волнениям в XVI—XIX вв.

В нашу задачу не входит подробный анализ теоретических установок титулованного «социолога»: они вполне соответствуют мировоззрению представителя господствующего класса и отражают особого рода «этнографические интересы» российских помещиков и капиталистов. Наша цель — познакомить читателя в общих чертах с работой «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева по собиранию этнографических сведений о русском населении Центральной России, а также дать характеристику отдельных корреспондентов Бюро и их рукописей. Материалы собраны в 1897—1899 гг. путем рассылки «Программы» с вопросами этнографического характера о крестьянах Центральной России.

Первоначально В. Н. Тенишев думал осуществить обширную программу этнографических исследований при посредстве Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. Эта попытка не увенчалась успехом, может быть, потому, что реакционные идеи Тенишева не были близки прогрессивно настроенным деятелям этого Общества, а может быть потому, что В. Н. Тенишев хотел сам возглавлять эту работу.

Вначале в Бюро работало лишь четыре человека (А. Буланин, С. Валушинский, К. Лавровский, А. Угаров), которые занимались технической работой по подготовке программы к изданию. В последующие годы весь первоначальный состав Бюро был заменен и число служащих намного увеличилось. В 1898 г. насчитывалось уже 13 сотрудников со строгим распределением обязанностей: редактор — известный этнограф С. В. Максимов, заведующий Бюро Чарушкин, художница Ребиндер и ряд других. Руководили работой, прежде всего, сам Тенишев, первым его помощником был С. Максимов, редактировавший рукописи корреспондентов. Впоследствии функции руководства Бюро постепенно перешли в руки С. Максимова, первым редактором стал П. Кашинский, а в качестве второго редактора с 1898 г. работал Г. Попов.

Бюро сразу же развернуло энергичную деятельность. В 1897 г. Тенишевым была издана в Смоленской губернской типографии печатная «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России», которая была разослана в конце того же 1897 г. во все губернии России. Эта программа была переиздана там же вторично в 1898 г. и разослана не только губернским, но и уездным властям. Кроме того, корреспондентам периодически рассылались письма. Поступление материалов от корреспондентов началось 15 февраля 1898 г. и особенно усилилось к концу этого года. 1 июня 1898 г. Бюро разослало губернским и уездным властям (в частности, земским начальникам, инспекторам училищ и т. д.) печатные циркуляры с предложением выделить наиболее толковых корреспондентов для собирания сведений по «Программе». Корреспондентами Бюро в большинстве оказались народные учителя, земские работники, волостные писари, духовенство и некоторые представители крестьянства. Авторство корреспондентов оформлялось таким образом, что авторы передавали свои права на собранные ими материалы «Этнографическому бюро», которое оплачивало листным гонораром присылаемые оригинальные рукописи.

В имеющемся в начале «Программы» «Обращении к сотрудникам» говорится: «Сотрудник должен постоянно помнить, что от него требуются факты, а не общие отзывы и выводы; поэтому к вопросам программы необходимо приурочить отдельные наблюдения, поставив себя в положение достоверного свидетеля о виденном и слышанном в народном быту.

Общие же выводы будут сделаны Центральным этнографическим бюро в С. Петербурге»⁶.

Однако Бюро старалось регулировать характер материалов, получаемых от своих

³ «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России». Составлена Тенишевым. Смоленск, 1897.

⁴ В. Н. Тенишев, Деятельность человека, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 4.

⁶ «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России», стр. 5.

корреспондентов, указывая на желательность присылки одних материалов или нецелесообразность — других. Например, в одном из циркуляров даются такие указания: «Имея в виду, что главнейший цикл сказок почти весь исчерпан Афанасьевым и Далем, а варианты тех сказок не представляют существенного интереса, Бюро решило из материала этого рода принимать на будущее время лишь одни сказки, рисующие бывшие отношения между помещиками и их крепостными и между духовенством и крестьянами. Что касается песен, то, находя большинство из них уже вошедшими в различные печатные сборники или подобно «частушкам» и фабричным песням не имеющими особенного значения, Бюро сочло нужным из всего цикла необрядных песен остановиться лишь на собрании малоизвестных солдатских песен или тех, которые поются по случаю призыва новобранцев, а также лирических песен старинного (обыкновенного не рифмованного) склада; наконец, относительно «заговоров» и «заклинаний», придя к убеждению, что материал этого рода является повсеместно тождественным между собою и не представляющим ничего нового, Бюро находит своевременным заявить о прекращении дальнейшей высылки означенных заговоров и заклинаний... Вместе с тем Бюро просит сотрудников воздержаться от описания спосов различных производств, устройства орудий, способов изготовления их и т. п., так как подобные описания к предмету этнографии мало относятся и программой не требуются» (Циркуляр № 14).

Рука автора «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России» видна и в редакционной обработке присланных материалов (желание затушевать социальные противоречия, вымарывание всего, что компрометирует действия властей, и т. п.) и в руководящих указаниях редакторам рукописей. Это требует особенно осторожного подхода к тем материалам, которые уже (после редакционной обработки) перепечатаны на машинке.

После редакционной обработки материал раскладывался по губерниям, а внутри губерний — по отделам и параграфам «Программы». Общее число рукописей, поступивших от 348 корреспондентов Бюро (из 24 губерний), — 1444; из них было возвращено авторам 226. В архиве, таким образом, находится 1218 рукописей. За весьма небольшим сроком — три года — «Этнографическому бюро» удалось собрать довольно обширный этнографический материал.

По губерниям рукописи распределяются следующим образом: 1) Владимирская губ. — 60 рукописей, 2) Воронежская — 7, 3) Вологодская — 278, 4) Вятская — 40, 5) Казанская — 25, 6) Калужская — 63, 7) Курская — 6, 8) Московская — 3, 9) Нижегородская — 33, 10) Олонекская — 18, 11) Новгородская — 135, 12) Орловская — 308, 13) Пензенская — 137, 14) Петербургская — 4, 15) Псковская — 9, 16) Рязанская — 43, 17) Самарская — 1, 18) Саратовская — 27, 19) Смоленская — 71, 20) Симбирская — 22, 21) Тамбовская — 24, 22) Тверская — 17, 23) Тульская — 26, 24) Ярославская — 87.

Сразу же по окончании обработки материалов было предположено их напечатать в виде двухтомной монографии «Быт великорусских крестьян-землепашцев», о чем и было оповещено на обложках ранее изданных книг⁷. Фактически было опубликовано лишь незначительное количество материала.

Прежде всего, после обработки ответов на вопрос № 473 «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России» (стр. 218—219 — «Болезни и их лечение»), а также на вопросы, касающиеся верований и знахарства, доктор медицины Г. Попов издал известный труд: «Русская народно-бытовая медицина по материалам «Этнографического Бюро Тенишева»⁸. Затем С. В. Максимов взялся за разработку материалов по верованиям. Его книга «Нечистая, неведомая и крестная сила», написанная на основе материалов Этнографического бюро, вышла в 1903 г. уже посмертным изданием. Последняя глава этой книги была закончена А. А. Яблоновским, работавшим в то время редактором «Этнографического бюро» Тенишева.

За неимением возможности разобрать в отдельности каждого корреспондента, приславшего свои материалы в «Этнографическое бюро», мы коротко остановимся главным образом лишь на тех корреспондентах, материалы которых не были использованы и остались неопубликованными.

Одним из активнейших корреспондентов был Ф. Казанский — священник Иоакимовской вол. Шуйского уезда Владимирской губ. От него «Этнографическое бюро» получило 15 рукописей, в которых он ответил по 283 параграфам «Программы». В рукописи за № 36 подробно описано сватовство и свадебные обряды. В рукописи за № 41 собрано 14 текстов распросранных в этой местности песен и среди них свадебные песни: «Гуляла я, девочка, во садочке», «Шла я мимо сада», «По тем травкам по муравкам», «Много участи терплю», «Теща про зятя обед припасла» и другие

⁷ «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольфа» № 7—8, апрель — май 1899 г. О подготавливавшейся к печати работе «Быт великорусских крестьян-землепашцев» имеются упоминания и в периодической печати. Так, в газете «Новости дня», № 5261 от 24 января 1898 г. появилась информация, что В. Н. Тенишев готовит к предстоящей в 1900 г. всемирной парижской выставке «роскошное издание по этнографии России, расходы по которому он берет на свой счет».

⁸ Г. Попов, Русская народно-бытовая медицина по материалам «Этнографического Бюро» Тенишева, СПб., 1903

Приведен словарь местных слов (ведаю — знаю, вестимо — конечно, оприч — кроме и т. п.), собраны местные пословицы и поговорки («вот-те и фунт с походом», «не дорого пить, а дорого быть», «жених — не гриб, в день не вырастает»). В рукописи за № 42 сообщается о том, что в Иоакимовской волости среди населения преобладают фабричные рабочие (близость г. Шуи). Описываются украшения домов, резьба, рассказывается о деревенских резчиках, мастерах-самоучках. Интереснейший исторический материал можно найти в рукописи Ф. Казанского за № 43, где помещены рассказы — воспоминания участников русско-турецкой войны 1868—1871 гг., сведения о голоде в Вологодской губ. в 1891 г., о холерных эпидемиях в 1871 и 1892 гг., а также сведения о фабричных стачках 1897 г. в городах Иваново-Вознесенке и Шуе. Рукопись за № 48 интересна тем, что в ней подобран материал, специфичный для фабричного района. В остальных рукописях затронуты такие вопросы «Программы» как «общее имущество семьи», «выдел и раздел», «женское имущество при дележе» и т. д. Факты описаны весьма подробно. Наконец, в рукописи за № 50 можно найти подробное описание жилища и сельскохозяйственных построек, с приложенными к ним двумя рисунками сельскохозяйственных орудий и утвари. Разбирается одежда крестьян и влияние городской одежды на крестьянскую.

Для лингвистов, занимающихся отдельными говорами русского народного языка, небезинтересны рукописи П. А. Пешкова — студента IV курса Московской духовной академии. В рукописи приводятся некоторые локальные особенности цокающего диалекта крестьян Вельского уезда Вологодской губ. Приводятся примеры грамматических форм местного говора. В частности, при окончании существительных и глаголов на «сть» буква «т» опускается: гордость — гордосе, честь — цесь и т. п.

Большое внимание уделяет автор этой рукописи чисто этнографическим описаниям жилища и хозяйственных построек крестьян, с приложением подробнейших планов. Вся местная терминология по жилищу и хозяйственным постройкам приводится отдельно с точными объяснениями. Например: «Дом — так называется дом на двоската; изба, избушка — дом, крытый на один скат; избой называется и зимняя пристройка к дому, которая иначе еще называется подызибе; подполье — яма под полом против печи, для хранения запасов, закрывается западней» и т. п. Эта часть рукописи содержит также интересный этнографический материал о сельских сходках и гостеприимстве крестьян, распределении работ между членами семьи.

Значительный материал содержится в рукописях А. А. Аристрахова (№ 73—81). Особые разделы содержат сведения об экономике деревень, об отхожих промыслах, о неземледельческих занятиях крестьян, о сельскохозяйственном цикле. Большое значение имеет рукопись за № 73, где даны общие сведения о физическом складе населения Вологодского уезда Вологодской губ. Кроме описательных признаков, здесь приведена таблица среднего роста как мужчин, так и женщин.

В первой рукописи А. Н. Голубцова от 5 августа 1898 г. за № 128 подробно описаны некоторые моменты свадебного обряда в Грязовецком у. Вологодской губ.: сватовство, запорuki, причитания невесты и песни девушек (полный текст), «маленький стол», обряд разбивания горшка и т. п. В силу указанных циркулярами «Этнографического бюро» установок многие рукописи повторяют друг друга, но даже в этих случаях нередко встречаются интересные варианты. Так, например, к рукописи Голубцова за № 128, как и к рукописи Казанского за № 41, приложены словарь местных слов, но среди повторений в словаре местных слов Голубцова можно найти новые данные: кресты — передний угол в избе, пошовка — лукошко с крышкой, кут — место у дверей под полатями и т. п.

Рукопись Голубцова за № 129 содержит интересные сведения о местности, о владельцах сельского хозяйства, о путях сообщения в весеннюю распутицу. Подробно описан обычай гостеприимства, по которому «в местные праздники... каждый знакомый или незнакомый получает в качестве угощения рюмку водки, кусок пирога и закуску и ковш вина», и т. п.

Весьма примечательны ответы заведующего метеорологической станцией А. А. Каменева. Им прислана 21 корреспонденция. Среди них в рукописи за № 145 приведен список литературы, которую читают крестьяне в доме сельского учителя. Автор рукописи указывает: «Покупая книги, крестьянин преследует при этом особые свои цели: приучить детей, хотя бы через посредство чтения книг, к возможной самостоятельности». В этой же рукописи привлекают внимание отзывы крестьян Грязовецкого уезда Вологодской губ. о великих русских писателях Пушкине, Гоголе, Толстом. Вот например, отзыв читателя-крестьянина о произведении Гоголя «Тарас Бульба»: «Хорошая история, истинно хорошая, по духу русскому мужику».

Следует отметить рукописи А. А. Каменева и П. О. Малкова (№ 149) о крестьянских сходках, о местном начальстве, о «строгостях» при взимании податей, о злоупотреблениях. Эта рукопись изобилует жалобами крестьян на начальство и его злоупотребления. Интересно, что при редактировании рукописи все меткие замечания о грубости и самоуправстве местных властей были вычеркнуты редактором Бюро.

Можно остановиться еще на одной рукописи А. А. Каменева (№ 154), в которой содержатся сведения о питании крестьян. В рукописи приведены подробные данные о пищевом рационе бедняцкой, середняцкой и кулацкой семей, расчеты расходов всех видов продуктов и перечень употребляемых блюд.

Весьма интересны рукописи В. Покровского за № 308—309, в которых имеются

сведения не только по русскому населению, но и по удмуртам, коми-зырянам, пермякам и другим народам. С замечательной тщательностью проследил автор антропологические признаки местного населения Вологодской губ. Он убедительно, на наш взгляд, доказывает, что жители села Кайгородки Устьсысольского уезда — не кто иные, как обрусевшие зыряне. При этом отмечается, что передовая русская культура оказала значительное влияние на материальную культуру зырян, что многие из хозяйственных построек были заимствованы зырянами у русских. Отдельно сообщается о татарах — торговцах из Казанской и других губерний, приезжающих в села Устьсысольского уезда.

Корреспондент Суворов (также из Устьсысольского уезда Вологодской губ.) в рукописи за № 314 подробно описывает свадебные обряды обрусевших коми-зырян, а в следующей рукописи за № 315 помещает тексты по верованиям и космогоническим представлениям на языке коми-зырян с русским переводом.

Большой интерес представляет работа народного учителя А. Н. Шатова — рукописи за № 333—334. Даже при беглом знакомстве с его характеристикой «Зюздинского края» Вятской губ., где дается исторический экскурс с привлечением археологических данных, описание географической среды, — можно получить ценные сведения о быте крестьян, о средствах передвижения (волокуши и сани), о тесных взаимоотношениях русских с пермяками на протяжении двух столетий. Однако отмеченные рукописи — одни из очень немногих, в которых содержится материал по этнографии нерусского населения.

Наиболее видным сотрудником «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева был Д. К. Зеленин, который в бытность свою в г. Сарапуле Вятской губ. принял активное участие в работе этого Бюро. Им было прислано много рукописей, знакомящих с различными сторонами быта населения Сарапульского уезда. Рукописи Д. К. Зеленина хранятся под № 359—368. Ответы на все вопросы «Программы» даны подробные, с многочисленными примерами. Много фольклорного материала: поговорки, пословицы и пр. Рукописи Д. К. Зеленина увязаны между собой и как бы дают монографическое описание двух волостей Сарапульского уезда. Можно заметить, что при выборе этнографического объекта Д. К. Зеленин руководствовался стремлением выявить особенные, специфические, сохранившиеся от прежних времен национальные особенности.

В архиве «Этнографического бюро» имеются еще не обработанные документы, присланные также корреспондентами: образцы крестьянских писем, каталоги сельских библиотек, тексты и нотные записи песен, документы земельных процессов волостных судов, несколько «писем богородицы», копия с книги одного штундиста и т. п.

Какова же научная ценность архива «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева?

Прежде всего здесь имеются неопубликованные материалы. Разделы «Верования» и «Болезни», вошедшие в книги С. Максимова и Г. Попова, составляют лишь пятую часть «Программы», а все остальные рукописи (примерно $\frac{4}{5}$ рукописей архива) можно считать совершенно неопубликованными. Сведения корреспондентов «Этнографического бюро» приурочены к определенному времени, ко второй половине XIX в., и собраны по одной схеме. Несмотря на тенденциозность теоретических установок «Программы» этнографических сведений о крестьянах Центральной России, собранные по ней конкретные этнографические материалы бесспорно представляют большую ценность. Кроме общих монографических сведений о той или иной деревне, селе или районе, почти в каждом сообщении содержатся данные о верованиях, обрядах, фольклоре. Много данных по народной медицине, по семейному быту. Особенно подробны ответы на вопросы по обычному праву, занимающие в «Программе» более 50 страниц. Здесь землепользование и аренда, помочи, общинное владение, крестьянские скоды; имеются сведения об отношении к властям, к помещикам. Попадают материалы по народной технике (с чертежами), по жилищу (с планами). Правда, таких материалов сравнительно мало, так как Бюро не принимало их, квалифицируя подобного рода сведения как «не этнографические».

Научная разработка всех этих материалов, несомненно, даст существенные результаты. Между тем архив «Этнографического бюро» разработан совершенно недостаточно. Начатое работником архива А. Г. Данилиным дело по составлению аннотированного указателя к рукописям корреспондентов не завершено. Следует поднять вопрос о дальнейшей систематизации и изучении архива.

Г. ГРОМОВ

АЛЬБОМ МЕЙЕРБЕРГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА

Крестьянское жилище России XV—XVII вв. изучено пока еще слабо. Археологические материалы по жилищу в основном относятся к более раннему периоду, а немногие данные, которые выявлены археологией по XV—XVI вв., характеризуют преимущественно городское жилище, так как большинство раскопок проводится в городах. В письменных источниках сведений о крестьянском жилище крайне мало. Описания настолько скупы и кратки, что по ним очень трудно представить себе общий вид и характер крестьянских построек, их конструкцию и планировку. Поэтому большого внимания заслуживают рисунки и планы, которые были сделаны русскими авторами и иностранцами в XVI—XVII вв. К сожалению, весь этот графический материал до сего времени не был должным образом изучен и проанализирован.

Среди графических источников XVII в. по русскому крестьянскому жилищу наибольшей полнотой содержания отличается альбом Мейерберга¹. В альбоме более 40 рисунков русских сел, деревень, городов. Все они строго локализованы и охватывают большую территорию от Пскова до Москвы. Несмотря на то, что эти рисунки далеки от совершенства, все же они гораздо реалистичнее и точнее большинства зарисовок того времени. Достаточно посмотреть на общий вид Кремля, имеющийся в альбоме, чтобы убедиться в умении автора верно передавать виденное. Большое достоинство альбома и в том, что рисунки выполнены с натуры и после не обрабатывались, не подрисовывались, не подчищались, как это произошло с рисунками А. Олеария. Все это позволяет отнести к альбому Мейерберга, как к наиболее достоверному и точному материалу среди других графических источников по русскому крестьянскому жилищу XVI—XVII вв.

Автором рисунков был художник из свиты посольства Мейерберга — Кальвуччи, посетившего Россию в 1661—1662 гг.² Посольство было послано австрийским двором для заключения мира между Россией и Польшей, а также для заключения союза между Австрией и Россией в борьбе против Турции. Не выполнив ни той, ни другой задачи, посольство в 1662 г. вернулось в Вену, проделав большой путь по России от Пскова через Новгород, Вышний Волочек, Торжок, Тверь и Клин до Москвы и обратившись по рекам и по суше (рис. 1).

Несмотря на бесспорные достоинства альбома Мейерберга, схематичность и небольшой масштаб рисунков не дают все же всестороннего и полного представления о русской деревне того времени.

Легче всего на этих рисунках выделить крестьянские избы. Судя по многочисленным источникам XVIII—XIX вв., для крестьянских изб было характерно своеобразное расположение окон на фронтоне. Обычно прорубалось три окошка: два крайних на одном уровне, а среднее — несколько выше, так что они образовывали своеобразный треугольник. Подобное расположение окон имеется на многих постройках, изображенных в альбоме Мейерберга. Судя по этому признаку, все такие постройки, несомненно, были избами. Избы, даже и не имеющие такого характерного признака «треугольник» окон, все же легко отличить по положению среди других построек по наличию нескольких окон и т. п. Таких «несомненных» изб на 37 рисунках, изображающих сельские постройки, мы насчитываем около 40³.

Все эти избы — срубные, с двускатной крышей на самцах. Крыты избы, за исключением двух-трех, драницами, т. е. длинной дранью (может быть, и тесом). Обычно близ изб изображены постройки хозяйственного назначения, о чем можно судить по отсутствию окон, малому их размеру и расположению.

¹ А. Мейерберг. Виды и бытовые картины России XVII века, СПб., 1903; с. также пояснения к этому альбому в кн. Ф. Адельунг. Альбом Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII века», СПб., 1903.

² В свите Мейерберга было два художника: Иоганн Рудольф Сторн и Пьетро. Судя по инициалам, помещенным на одном из рисунков, автором альбома, скорее всего, был И. Р. Сторн. Более подробных сведений ни об одном из этих художников нет.

³ См. в альбоме Мейерберга рис. 10, 13, 15, 16, 19, 24, 27, 28, 31, 32, 37, 38, 44, 46—50.

У большинства изб на рисунках не видно дверей. Рисунки же, на которых избы изображены с дверями⁴, позволяют сделать два очень важных и интересных вывода.

Во-первых, большинство изб строилось без подклета. Это ясно из того, что входной проем, изображенный в виде черного удлиненного прямоугольника, доведен до земли. В то же время некоторые, явно господские, хоромы, построенные безусловно на подклетах, имеют крыльцо с высокой лестницей⁵. Соотношение изб, изображенных с входными проемами, с соседними постройками показывает, что большинство построек было примерно одной высоты; только некоторые из них возвышаются над остальными почти вдвое.

Во-вторых, для большинства изб характерно отсутствие сеней, над входом нет даже легкого навеса⁶. Изображение сеней встречается редко. Так, на рис. 31 сбоку

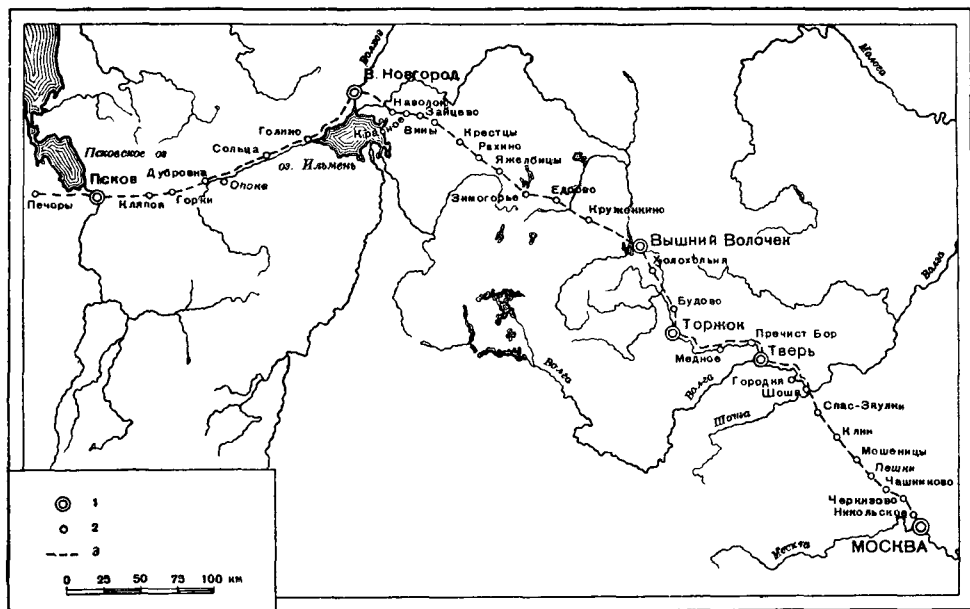

Рис. 1. Маршрут посольства Мейерберга — Кальвуччи в 1661—1662 гг. Карта составлена А. М. Ловягиным (Альбом Мейерберга, Приложение); 1 — города; 2 — села и деревни; 3 — маршрут посольства

избы показана небольшая пристройка, в назначении которой трудно ошибиться. Это — сени. Подобные пристройки изображены и на некоторых других рисунках⁷, однако нельзя определенно утверждать, что это сени изб, так как не виден вход и неясен характер и назначение зданий, к которым примыкают эти небольшие пристройки. На некоторых рисунках вход показан не с улицы и не через сени, а через другую постройку (см. рис. II и III), стоящую сзади избы. Что это за постройки, как они назывались и для чего предназначались, неизвестно. Во всяком случае сенями их считать нельзя. Во-первых, это самостоятельные срубные постройки, стоящие под отдельной крышей. Сени же крестьянских изб, за чрезвычайно редким исключением, являются пристройкой к избе или соединительной постройкой между избой и клетью. Во-вторых, большинство примыкающих к избе построек, изображенных в альбоме Мейерберга, равны по размерам избам. Сени же крестьянских построек XIX в., как правило, значительно меньше избы ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ избы). Кроме того, рассматриваемые избы изображены рядом с обычными, имеющими вход прямо с улицы.

Чаще всего избы изображены в комплексе с хозяйственными помещениями. Только на трех рисунках встречаются избы без хозяйственных построек⁸. Две такие избы (рис. 19 и 41) совершенно удалены от всяких других построек.

Постройки расположены очень тесно, так что на рисунках часто не только нельзя выделить отдельные дворы, но и затруднительно определить связь между отдельными постройками. Поэтому рассмотрим только те случаи, когда связь между избой и другими постройками выявляется достаточно четко.

⁴ См. в альбоме рис. 16, 19, 27, 28, 38, 50.

⁵ См. в альбоме рис. 36, 52, 63.

⁶ Невозможно предположить, что художник не заметил сеней при входе.

⁷ См. в альбоме рис. 9, 20, 31, 32, 34, 36, 38.

⁸ См. в альбоме рис. 19, 37 и 41.

✓ Наиболее распространена была однорядная связь, при которой вторая постройка стояла за избой, так что коньки крыш составляли одну прямую линию. Такой т связи отмечен в 12 случаях из 38⁹.

Рис. II. Дер. Крестцы (Альбом Мейерберга, рис. 27)

✓ В 5 случаях отмечена двурядная связь, постройка примыкает к избе сбоку и коньки крыш располагаются параллельно¹⁰. При связи такого типа к избе чаще всего примыкает по одной постройке хозяйственного назначения. Но на рис. 15 пока-

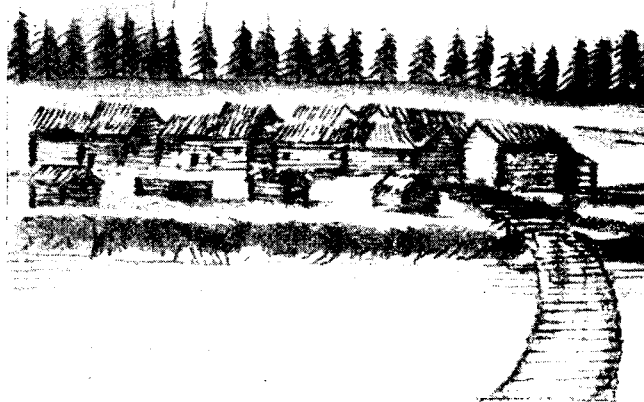

Рис. III. Дер. Рахино (Альбом Мейерберга, рис. 28)

зана изба с параллельными пристройками, имеющими каждая вход и одно окошко (наш рис. IV). Такого рода застройка, когда к избе сбоку примыкало по несколько пристроек, образуя «трехрядную» связь, бытовала в XIX в. в западных районах России¹¹

⁹ См. в альбоме рис. 4, 10, 13, 16, 24, 27, 28, 38, 41, 47. К каждой избе при такой связи примыкает по одной постройке.

¹⁰ См. в альбоме рис. 15, 19, 31, 50.

¹¹ Село Сольца, где художник из посольства Мейерберга — Кальвуччи зарисовал подобную связь, находится к западу от оз. Ильмень (см. карту, рис. I).

и в Сибири¹². По некоторым рисункам можно предположить, что хозяйственные постройки стояли по обеим сторонам избы¹³. Подобная двурядная связь прослеживается и в застройке изб¹⁴. Но мы, к сожалению, не знаем, одному ли хозяину принадлежали эти избы.

Рис. IV. Дер. Сольца (Альбом Мейерберга, рис. 15)

В некоторых случаях хозяйственная постройка (неизвестно, какая) примыкает к избе перпендикулярно: Т- или Г-образно. Наиболее четко такая связь прослеживается всего в трех случаях¹⁵. Но, судя по расположению крыш на других рисунках, такое соединение построек (под углом в 90°) было широко распространено.

Рис. V. Дер. Пешки (Альбом Мейерберга, рис. 49)

Мы не можем пройти мимо еще одного типа связи, когда две избы или изба и хозяйственное помещение расположены параллельно, а между ними, перпендикулярно

¹² Е. А. Ащепков. Русское народное зодчество в Восточной Сибири, М., 1953, стр. 58—66.

¹³ См. в альбоме рис. 15.

¹⁴ См. в альбоме рис. 32 и 38.

¹⁵ См. в альбоме рис. 41, 46 и 48.

им, стоит третья постройка, которая их соединяет (рис. V). Образуется Н-образная связь (иногда близкая к П-образной)¹⁶. В одном случае в средней постройке хорошо виден вход. Возникает предположение, не является ли такого рода застройка теми хорами, о которых в документах XVI—XVII вв. говорится: «горница, да повалуша, да меж ними сени».

Приведенные выше подсчеты тех или иных типов связи ни в коем случае нельзя принимать за статистические. Они не характеризуют даже и соотношения, так как нами были взяты только те постройки, которые можно определенно связать с избой, имеющей на рисунке окна, а далеко не все избы на рисунках показаны с лицевой стороны. Многие постройки изображены художником так, что невозможно разобраться не только в том, какая постройка к какой относится или примыкает, но и в том, какие постройки стоят отдельно, а какие — в связи. Но этого нельзя поставить в вину художнику, так как он не стремился к «этнографическому изображению».

Рис. VI. Село Голино (Альбом Мейерберга, рис. 16)

✓ Все же по рисункам можно заключить, что преобладала однорядная связь. Впрочем, это преобладание незначительное и распространялось, вероятно, только на избы и какую-то другую постройку.

Документы XV—XVII вв. (различные акты, писцовые книги и т. п.) свидетельствуют о том, что крестьянский двор того времени в средней и северной России состоял, как правило, из двух основных построек — избы и клети. Но в одном из интереснейших источников по крестьянскому жилищу XVI в. — в писцовых книгах Московского государства по Тверскому уезду — при перечислении строений, бывших на пустых, покинутых крестьянами дворах, упоминается еще одна постройка — сеники. Судя по писцовым книгам и другим документам того времени, сеники по назначению были близки к клети, но отличались от нее положением по отношению к избе. Клеть ставили большей частью отдельно от избы, вне связи с ней, тогда как сеники были связаны с избой, примыкал к ней сзади. Поэтому те постройки, которые на рисунках примыкают непосредственно к избе сзади, мы условно будем называть сениками. Другие постройки, которые явно относятся к данной избе, обыкновенно стоят отдельно от нее, и соотношение коньковой линии их крыш с ориентацией избы бывает самым различным.

Немного менее распространенными, судя по рисункам, были и два других типа — двурядный и Т- или Г-образный.

При анализе рисунков альбома Мейерберга создается впечатление, что в изображенных деревнях еще не было какого-либо господствующего типа связи избы с непосредственно примыкающей к ней постройкой — сеником, но в то же время заметно преобладала однорядная последовательная связь.

К сожалению, назначение большинства построек, изображенных на рисунках альбома Мейерберга, остается для нас неясным. Помимо изб, вполне точно можно указать только сени (в тех редких случаях, когда они изображены), напобгребцы

¹⁶ См. в альбоме рис. 44 и 49. Вероятно, такая же связь была изображена на рис. 4 (4, 5 и 6 постройки слева) и на рис. 25 (5, 6 и 7 постройки справа).

(низкие постройки с крышами, идущими почти от земли)¹⁷ и бани, по их расположению вдали от жилых построек на берегу озера или реки¹⁸.

Кроме крестьянских построек, в деревнях, несомненно, были и помещичьи дворы. На некоторых рисунках такие дворы сразу заметны (рис. 36), на других рисунках их нельзя выделить. Например, известно, что в с. Городне в 1668 г. (следовательно, и во время путешествия Мейерберга) такой двор был¹⁹, но на рис. 44, где изображено это село, мы не можем отличить его от других застроек. Поэтому не исключена опасность при анализе рисунков за крестьянский двор принять двор феодала. Приступая к характеристике крестьянского двора, рассмотрим на рисунках только 6 дворов, которые вероятнее всего принадлежали крестьянам. На рис. 16 (с. Голино, на берегу оз. Ильмень) хорошо видны две отдельные группы построек, в которых нетрудно узнать крестьянские дворы (наш рис. VI). На рисунке (слева направо) показаны две отдельные постройки неизвестного назначения, затем идет группа из четырех построек, которую можно считать отдельным крестьянским двором. Назовем ее двор I. Все эти постройки, несомненно, связаны между собой и относятся к одному хозяйству. Две ближние к озеру постройки огорожены одним забором из горизонтально положенных бревен. Расположенные параллельно постройки с двух сторон ограничивают открытое пространство. С третьей стороны это пространство огорожено забором. Четвертая

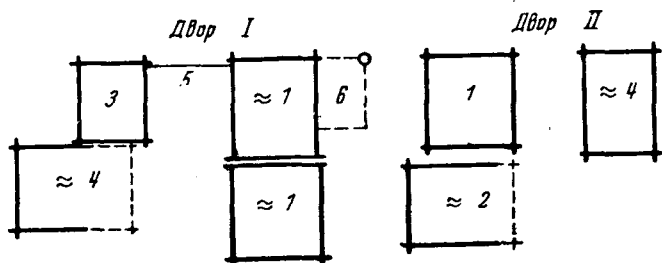

Рис. VII. Приблизительные планы дворов I и II по рисунку села Голино из альбома Мейерберга (рис. 16): I — изба, 2 — сеник, 3 — клеть, 4 — постройка для скота (хлев), 5 — забор, 6 — навес; ≈ — обозначает, что нами дается вероятное название постройки

сторона на рисунке не видна. Возможно, там были ворота. Таким образом, перед нами план двора, близкий к современному южновеликорусскому типу, для которого характерно, что все постройки имеют каждая свою крышу, расположены по сторонам двора, ограничивая его внутреннее открытое пространство. Две правые постройки, судя по их положению, величине и высоте крыши, вероятно, представляют собой избу с сеником (у сеника сбоку изображен, повидимому, навес — «присень»). Две левые постройки, очевидно, хозяйственного назначения. Одна из них — та, что напротив избы, вероятно, клеть, а другая — хлев или что-либо подобное (см. план, рис. VII).

Правее двора I видна группа построек, образующая двор II. В этой группе видны только три постройки. Из них левая, ближняя к озеру, — изба. Параллельно ей расположена вторая постройка с соломенной крышей. Сзади избы находится третья постройка, образуя с избой Г- или Т-образную связь. Здесь тот же характер застройки — строения не вытянуты в одну линию, не стоят вплотную, а как бы охватывают с трех сторон открытое пространство. Тип застройки этого двора трудно определить, так как неясно, были ли сзади еще постройки. Ближе всего он к П-образному (но нет ворот), т. е. к одному из подтипов южнорусского типа застройки.

В середине рис. 19 изображены четыре или пять построек, которые, судя по их расположению, также составляли двор. Две левые постройки, несколько выше обычных, примыкают друг к другу последовательно. О назначении этих построек ничего определенного сказать нельзя. Возможно, одна из них была избой. От этих построек вправо тянется забор-заплот к двум или трем (на рисунке неясно) постройкам гораздо меньшего размера, стоящим близко одна к другой. Скорее всего, это хозяйственные постройки. Как и на предыдущих рисунках, постройки не соединены в единый комплекс, а расположены отдельно. Такого же типа был и двор, изображенный на рис. 29 альбома (крайний справа). Слева расположены две постройки, соединенные по типу последовательной однородной связи. Одна из них — та, что выше и больше размером, очевидно, изба, а вторая — сеник. В отдалении от них стоят две отдельные хозяйственные постройки. Такое расположение вполне соответствует описаниям писцовых книг: «двор пуст, а хором изба да сеник, да сеница, да мылна...»

¹⁷ См. в альбоме рис. 4, 37 и 38.

¹⁸ См. в альбоме рис. 16, 25, 38, 32 (крайняя постройка справа) и 51.

¹⁹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. I, М., 1918, стр. 463.

или «двор пуст, а хором изба да сеник, да сеница, поварня, мшанник...»²⁰ (все постройки стоят отдельно, связаны только изба с сеником).

Интересен в альбоме рис. 37. В его правой части показана изба с двумя окнами фронтону и одним сбоку. Над входом пристроен навес на столбах. За избой нет никакой связанной с ней постройки. На некотором расстоянии от избы, правее, расположе

Рис. VIII. Двор, гор. Торжок (Альбом Мейерберга, рис. 40; несколько увеличено)

постройка, по размерам и высоте равная избе. Сзади этой постройки неясно видны какие-то пристройки. Дальше видны крыши двух погребов. Весьма вероятно, это один из тех дворов, о которых в писцовых книгах говорится: «изба, да клеть, да напогребницы». Примерно такого же типа двор изображен и на рис. 38 (крайний справа), только сзади избы видна соединенная с ней последовательной однорядной связью постройка меньших размеров (сеник?).

Очень интересен и двор, изображенный на рис. 40 (наш рис. VIII). По этому рисунку можно хорошо представить себе план двора (см. наш рис. IX).

Двор ограничен постройками со стороны реки и забором. Большая изба на подклете с крыльцом и лестницей поставлена параллельно реке. Справа к ней примыкает последовательно «в однорядье» какая-то постройка гораздо меньших размеров и почти вдвое ниже самой избы. Слева от избы изображены ворота с крышей. От ворот, перпендикулярно реке, расположена третья постройка (назначение неизвестно). Двор слева и со стороны реки ограничен постройками, справа и с береговой стороны — забором. Этот двор мог принадлежать и не крестьянину, но планировка его представляет для нас несомненный интерес.

Таким образом, все шесть рассмотренных дворов отличаются одной характерной, общей для всех чертой. Постройки расположены не в тесной связи друг с другом, а раздельно. Только некоторые из них почти всегда в связи (изба + сеник).

Рис. IX. Приблизительный план двора (гор. Торжок): 1 — изба, 2 и 3 — постройки неизвестного назначения, 4 — ворота, 5 — крыльцо и лестница, 6 — забор пряслами, 7 — забор частоколом

В тех случаях, когда постройки стоят в связи, они образуют стороны двора, близкого к типу южнорусского (см. наши рис. VI и VII)²¹. Неизвестность назначения построек не позволяет более подробно выяснить расположение их на дворе, но несомненно одно, что к середине XVII в. в районах, через которые пролегал маршрут посольства Мейерберга — Кальвуччи, двор, объединяющий под одной крышей основные хозяйственные постройки (особенно постройки для скота) и примыкающий к избе по типу однорядной связи, еще не сложился в господствующий тип застройки. Правда, на рисунках очень часто показано, что к избе примыкает сзади какая-то постройка, но вряд ли она была тем «двором», который объединял под одной крышей основные хозяйственные постройки.

На основании разбора только рисунков альбома Мейерберга трудно делать какие-либо определенные заключения. Однако рассмотренные материалы позволяют

²⁰ Писцовые книги Московского государства, отд. II, СПб., 1877, стр. 395 и 399.

²¹ См. в альбоме рис. 16.

наметить ряд выводов, представляющих несомненный интерес для истории крестьянского жилища.

Прежде всего, судя по рисункам, в XVII в. на территории от Пскова до Москвы крестьянское жилище в основном было «поземным», т. е. без подклета, тогда как в XIX в. для этих районов характерно жилище не только обязательно на подклете, но большей частью на высоком подклете.

Весьма интересно отсутствие сеней. В этнографии установилось мнение, что сени с давних пор — неотъемлемая принадлежность каждой крестьянской избы. Однако рисунки альбома Мейерберга позволяют поставить это под сомнение. Сеней на рисунках почти нет. Вход там, где он прослеживается, ведет прямо с улицы в избу. Не делая пока окончательных выводов, допускаем предположение, что появление сеней как обязательного элемента двух- или трехкамерного жилища русских относится к более позднему времени, чем считалось до сих пор. Но этот вопрос нуждается в уточнении.

Анализ застройки двора не позволил выявить какой-либо ярко выраженный тип. Совершенно определенно можно утверждать только, что все планы, отраженные в альбоме, гораздо ближе к южнорусскому типу застройки, чем к севернорусскому. Постройки на дворах часто стоят отдельно, не образуя какой-либо связи или определенного порядка. Надо полагать, что в отношении XVII в. вообще еще преждевременно говорить о каком-либо типе застройки двора на рассматриваемой территории, так как дворы, очевидно, еще не сложились, не оформились, постройки еще не были собраны в единый комплекс, а ставились раздельно.

Несмотря на неясность назначения большинства построек на рисунках альбома Мейерберга, можно сказать, что скотный двор в том виде, в каком он известен по материалам этнографии XIX в., в то время отсутствовал. Ни одна из построек, за редким исключением, не подходит по своему характеру к скотному двору XIX в. Очевидно, были отдельные постройки для скота: хлевы, конюшни, мшаники, а постройки, которая объединяла бы все это под одной крышей, еще не было. Это подтверждается и многими документами того времени, так как в них отсутствует понятие, по смыслу соответствующее скотному двору крестьян XIX в.²²

Итак, приведенный краткий разбор рисунков альбома Мейерберга дает основание поставить под сомнение правильность весьма распространенных в этнографии и археологии представлений о будто бы древнем формировании основных характерных черт типов русского крестьянского жилища XIX в. Основываясь на рисунках альбома Мейерберга, можно предполагать, что и в XVII в. у крестьян средней и северной России еще не сложились те типы жилища, которые стали известны в XIX в.

Вероятно, окончательное сложение типов крестьянского жилища XIX в. в данных районах произошло не раньше конца XVII — начала XVIII в.

²² В документах XV—XVII вв. упоминаются отдельные специализированные постройки для скота: хлевы, мшаники, конюшни, причем и этих построек на крестьянских дворах очень немного. По данным писцовых книг Московского государства по Тверскому уезду, на один двор приходится всего по 0,18 постройки для скота (см. «Писцовые книги Московского государства», отд. II, СПб., 1877, стр. 193—403).

Х Р О Н И К А

ОБСУЖДЕНИЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ «ВУЛЬГАРИЗАТОРЫ В ПОЗЕ МАРКСИСТОВ», ОПУБЛИКОВАННОЙ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

15 декабря 1954 г. состоялось расширенное заседание редколлегии журнала «Советская этнография», посвященное обсуждению корреспонденции «Вульгаризаторы в позе марксистов», помещенной в газете «Правда» от 9 декабря 1954 г.

Открывший заседание заместитель главного редактора журнала И. И. Потехин отметил, что критика в адрес журнала совершенно правильна. Опубликование статьи В. Н. Белицер и Г. С. Масловой «Против антимарксистских извращений в изучении одежды» — серьезная ошибка в работе редколлегии журнала. «Правда» не случайно обратила внимание на эту статью, где в конспективной, часто поверхностной, а местами и крикливой форме подвергаются критике серьезные методологические ошибки в области изучения одежды. Эти ошибки — идеализм в духе марровской «трудмагической тарабарщины», теорию движения мод, смыкающуюся с концепцией Наумана о «снижении» культуры народными массами, отсутствие классового анализа при изучении одежды, — конечно, критиковать следовало и следует, но критика должна быть всесторонне аргументированной, глубоко научной, неразрывно связанной с творческой разработкой тех вопросов, в изучении которых ошибки допущены. Между тем в статье В. Н. Белицер и Г. С. Масловой такая критика зачастую подменяется наклеиванием бездоказательных ярлыков, голословным отлучением от марксизма и т. п. Редколлегия не помогла авторам улучшить статью, — более того, она усугубила ее недостатки, поместив статью под претенциозным заголовком, не соответствующим содержанию и характеру статьи.

Критика, которой подвергся журнал на страницах газеты «Правда», должна побудить нас внимательно проанализировать работу журнала. Необходимо отметить, что общий научно-теоретический уровень некоторых публикуемых работ недостаточно высок; зачастую статьи имеют узко вещеведческий характер, описания одежды, жилища и т. п. даются в отрыве от истории народа.

Серьезные недостатки в содержании журнала неотделимы от организации работы редакции. У нас до сих пор не налажена связь с читателями; планы публикаций не обсуждаются на расширенном заседании редколлегии; не практикуется обсуждение вышедших из печати номеров журнала; бывает, что даже не все члены редколлегии знакомятся с той или иной статьей до ее публикации. Не ведется борьба за выполнение плана заказов журнала; плохо поставлен критико-библиографический отдел.

Необходимо укрепить принцип коллегиальности в работе редколлегии журнала и расширить последнюю. Совершенно необходимо создать редакционный аппарат, в настоящее время фактически отсутствующий. Бюро отделения исторических наук АН СССР не раз принимало соответствующие решения, однако ни Институт этнографии, ни Бюро отделения не боролись за их реализацию.

С. А. Токарев в своем выступлении отметил, что из критики, которой подверглась работа журнала, следует сделать серьезные выводы. Нельзя столь легко наклеивать ярлыки «антимарксистов» на всех инакомыслящих. Марксизм требует конкретного изучения всей совокупности исторических условий; необходимо вскрывать ошибочность той или иной теории, оперируя научными фактами, а не голословными обвинениями в формализме и т. п. Нельзя также заумно выражать простые мысли, скрывать их за искусственной наукообразной фразеологией.

Вина за опубликование статьи в большей степени ложится на редакцию, нежели на авторов. В. Н. Белицер и Г. С. Маслова — специалисты в области изучения одежды. Статья их носит критический характер, и редакции следовало поместить ее не в основном разделе журнала, а в отделе критики и библиографии и не под таким претенциозным заголовком. Журнал должен усилить творческую разработку научных вопросов, шире публиковать дискуссии и обсуждения.

А. И. Першиц в своем выступлении сказал, что редакция журнала совершила ошибку, корреспонденция в «Правде» правильно и своевременно заостряет на ней наше внимание. Однако возможно, что эта корреспонденция не всеми будет правильно понята. У отдельных этнографов может сложиться впечатление, что при изучении одежды не нужен классовый анализ и т. п. Следовало бы просить «Правду» поместить статью, где затронутые вопросы были бы освещены более обстоятельно.

П. И. Кушнер указал, что «Правда» справедливо критикует журнал, поместивший статью, стоящую на недостаточном высоком теоретическом уровне, и придавший ей претенциозный заголовок. В статье следовало серьезнее проанализировать теорию влияния мод на народную одежду, показать связь этой теории с концепцией Наумана. Недостаточно аргументирована и критика ошибок ряда авторов. Вместе с тем в статье подробно дискутируются мелкие вопросы, не имеющие принципиального значения.

В. К. Соколова считает, что корреспонденция в «Правде» сигнализирует о наличии существенных ошибок в работе журнала. Надо принять серьезные меры к повышению теоретического уровня нашей работы. Необходимо просить «Правду» поместить статью о задачах и методах советской этнографии.

Н. Н. Чебоксаров сказал, что помещенная в «Правде» корреспонденция ставит перед этнографами ряд важных вопросов и имеет большое принципиальное значение. Было бы неверным понять выступление «Правды» таким образом, что не нужно заниматься изучением одежды. Необходимо опубликовать в «Правде», в «Коммунисте», в «Вопросах истории» статьи, посвященные задачам советской этнографии, ее месту в ряду других исторических наук. Подготовка таких статей будет способствовать поднятию теоретического уровня этнографов. Необходимо и другое: редакция «Советской этнографии» должна систематически собирать совещания для обсуждений статей, носящих теоретический характер.

Последнее подчеркнул в своем выступлении и С. И. Брук.

Г. С. Маслова отметила, что критика в адрес авторов и редакции правильна. В статье в ряде случаев усложнены простые вопросы, имеются неудачные формулировки. Статью необходимо было значительно лучше продумать и доработать. Основной ошибкой является несоответствие претенциозного заголовка содержанию статьи; она была озаглавлена авторами — «Некоторые вопросы методологии изучения одежды», но этот заголовок был изменен редакцией.

То же отметила и В. Н. Белицер, указав, что критика со стороны газеты «Правда» является справедливой.

Подытоживая высказывания участников заседания, И. И. Потехин подчеркнул, что выступление газеты «Правда» должно побудить редакцию улучшить работу с авторами, оказывать им более действенную помощь в подготовке публикуемых статей. Необходимо уделять больше внимания теоретическим статьям. Не ослабляя принципиальной критики антинаучных концепций в области этнографии, надо сделать эту критику глубоко научной, аргументировать ее большим фактическим материалом, тесно связать с творческой разработкой тех или иных теоретических проблем. Необходимо еще раз осветить в печати задачи и методы этнографии; постановка этих вопросов поможет улучшить работу центрального печатного органа этнографов СССР — журнала «Советская этнография».

Редакция

СОВЕЩАНИЕ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА ПО ТЕМЕ «СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА НАРОДОВ СССР»

6 декабря 1954 г. в Институте этнографии АН СССР было проведено совещание авторов, работающих по теме «Семья и семейный быт колхозного крестьянства народов СССР». В совещании приняли участие сотрудники академий наук союзных республик Украинской ССР (К. Г. Гуслистый, Е. М. Кравец, И. Ф. Симоненко), Белорусской ССР (А. И. Залесский), Армянской ССР (Э. Т. Карапетян), Литовской ССР (А. И. Вишняускайте), Латвийской ССР (действительный член АН Латвийской ССР Р. А. Пельше и Э. П. Лассе); от Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград) — В. И. Герасимова. На совещании были заслушаны следующие доклады: 1) В. Ю. Крупнянский «Методика изучения колхозной семьи в с. Вирятино Тамбовской области»; 2) Е. М. Кравец «Изучение семейного быта колхозного крестьянства Украины»; 3) И. Ф. Симоненко «Семейный быт закарпатского села Нересницы»; 4) Э. Т. Карапетян «Состав армянской колхозной семьи»; 5) Э. П. Лассе «Семья и семейный быт колхозного крестьянства Цесисского района Латвийской ССР»; 6) А. И. Вишняускайте «Роль семьи в производственной и общественной жизни колхоза».

Из выступлений участников совещания выяснилось, что в Армении и Литве уже закончены монографии по изучению семейного быта, отдельные главы которых подверглись оживленному обсуждению. Украинские этнографы сообщили о содержании и общем направлении работы по изучению семьи и семейного быта, которая проводится в

настоящее время в республике. Интересные сведения о быте закарпатского села Нересницы сообщил И. Ф. Симоненко. Одним из недостатков проведенной работы является то, что изучению подверглись не все семьи, живущие в данном селе, а лишь семьи колхозников. Между тем, значительный процент населения связан с промышленными предприятиями, и быт его, несомненно, имеет свою специфику.

Из работы А. И. Вишняускайте обсуждалась одна глава — о роли семьи в хозяйстве колхоза. Эта работа получила хорошую оценку со стороны участников совещания. Вся же монография А. И. Вишняускайте целиком обсуждалась на специальном заседании сектора народов Европы и сектора славянорусской этнографии Института этнографии АН СССР.

С особым интересом участники совещания прослушали доклад В. Ю. Крупнянской и сообщение П. И. Кушнера о методах исследования русской колхозной семьи, проводившихся в Тамбовской экспедиции Ин-та этнографии как часть общей работы по изучению культуры и быта русского села Вирятино. Московские этнографы подробно ознакомили присутствующих с результатами применения при изучении семейного быта этнографической анкеты, разработанной П. И. Кушнером. Анкета дала точные сведения о численности населения, уровне его культуры, о профессиях, о родственных отношениях, о том, кто является главой семьи, о составе и характере семей села Вирятино. Анкетным обследованием было охвачено 454 семьи (1454 чел.). Статистические данные позволяют исследователю поставить ряд новых проблем и правильно осмыслить процессы развития культуры и семейного быта. Так, например, в результате анкетного обследования выяснилось, что из вирятинцев постоянно или временно отсутствует 396 человек (226 мужчин и 170 женщин). Это говорит о большой подвижности населения и о том, что в настоящее время число женщин, уходящих в промышленность, почти равно числу уходящих мужчин, между тем, как в прежние время в отходе были исключительно мужчины. Статистические данные позволяют также более глубоко изучить различные формы влияния города и городской культуры на колхозную семью. В. Ю. Крупнянская в своем выступлении подробно остановилась на важности обследования бюджета семьи, которое дает возможность проследить рост материального благосостояния колхозников, оказывающий решающее воздействие на все стороны семейного быта (рост культурных потребностей семьи, новые формы взаимоотношений между ее членами и т. д.).

П. И. Кушнер рекомендовал этнографам использовать в своей работе метод стационарного изучения быта, проводимого в различное время года. Такое изучение дает всесторонний материал, позволяющий делать правильные выводы. Целесообразно начинать изучение семейного быта в одном районе и постепенно расширять территорию исследования, выявляя общие закономерности развития семьи.

Оценивая работу московских этнографов по изучению семейного быта русского крестьянства, многие выступавшие отмечали, что объективные показатели статистики, анкеты, анализа семейных бюджетов дадут этнографу возможность поставить на научную основу изучение семьи и семейного быта и перейти от простого описания этнографических явлений к установлению закономерностей в развитии советской семьи. Вместе с тем выяснилось, что для ряда этнографов обследование семейного бюджета представляет трудность, что объясняется и недостаточно глубокими познаниями в области экономики, а в ряде случаев — неумением подойти к населению, всегда неохотно дающему сведения о личном бюджете. Участники совещания выразили пожелание, чтобы в ближайшее время Институтом этнографии была разработана методика бюджетного обследования, которая должна найти свое место в программе по изучению семейного быта.

Оживленные прения разгорелись по теоретическим вопросам, связанным с изучением семьи и семейного быта, как, например, вопрос о структуре современной семьи и ее численном составе, о возможности возникновения в настоящее время крупных неразделенных семей и т. д. Материалом для дискуссии послужили выводы, которые сделала в своем выступлении Э. Т. Карапетян о составе современной армянской семьи. В связи с ростом материального благосостояния в послевоенное время наблюдается тенденция к увеличению числа неразделенных семей в некоторых районах. Наоборот, в начальный период коллективизации в Армении замечалось уменьшение числа членов семьи, что объяснялось, по мнению докладчика, распадом бедняцких семей. Эти выводы были подвергнуты сомнению В. Ю. Крупнянской, А. И. Козаченко, Э. П. Лассе и другими участниками совещания. Выступающие высказали мнение, что в условиях Армении есть еще какие-то специфические условия, способствующие сохранению неразделенных семей и даже увеличению числа их. И. И. Потехин обратил внимание участников совещания на необходимость более глубокого изучения процессов, имеющих место в развитии советской семьи и предупредить против опасности поспешных выводов, когда, например, сохранение больших, неразделенных семей рассматривается как пережиток патриархальщины, а ее распад безоговорочно расценивается как явление положительное. Большинство этнографов (Р. А. Пельше, В. Ю. Крупнянская, Э. П. Лассе, Е. М. Кравец и другие) указывали, что процесс деления семьи (имеется в виду семья крестьянская) — явление прогрессивное, способствующее высвобождению личности. П. И. Кушнер заметил, что не следует смешивать вопросы о неразделенной семье и о численном составе семьи; вопрос об измельчении семьи, о характере этого измельчения требует специального исследования.

На совещании выявилась необходимость глубже изучать вопрос о пережитках старого быта в современных семейных отношениях, а также о причинах продолжающегося еще влияния религиозных предрассудков на быт крестьян. Как это было видно из докладов Э. П. Лассе и А. И. Вишняускайте, в колхозах Прибалтики до сих пор сохраняется еще ряд отрицательных явлений в семейном быту. Это сказывается, например, в отношении молодого поколения к старикам, которым часто взрослые выделявшиеся дети не оказывают материальной помощи и даже иногда не поддерживают с ними родственных отношений. Такие мелкособственнические тенденции в семейном быту отражают влияние буржуазных отношений, еще недавно существовавших в Прибалтике.

А. И. Козаченко, К. Г. Гуслистый, А. И. Залесский и другие в своих выступлениях уделяли большое внимание вопросу о влиянии религии на быт. Отмечалось, что до сих пор этнографы не занимаются глубоким изучением корней религиозных предрассудков и причин их сохранения среди населения. Более того, в ряде случаев делаются неверные выводы об отсутствии в советской деревне религиозных пережитков, что создает искаженное представление о действительности. Необходимо глубоко и всесторонне анализировать быт и не только вскрывать причины сохранения религиозных пережитков в сознании людей и их быту, но и подсказывать правильные пути преодоления этих пережитков, учитывая специфику быта того или иного народа. Участники совещания отмечали, что назрела необходимость в составлении специальной программы по изучению народного мировоззрения.

По мнению всего авторского коллектива, совещание оказало большую практическую помощь этнографам, работающим над изучением семьи и семейного быта, как в методическом, так и в общетеоретическом отношении. Более отчетливо выявились те основные вопросы, которые должны найти разрешение в проводящихся работах.

При обсуждении докладов выявилась специфика в развитии советской семьи и семейных отношений у различных народов и в то же время наметилась общность процессов этого развития. Принято решение издавать исследования по семье и семейному быту в отдельных сборниках и выпусках. К концу 1955 г. должен быть подготовлен первый выпуск трудов по изучению семьи и семейного быта колхозного крестьянства народов СССР, в который войдут уже готовые монографии.

Л. Пушкарёва

СОВЕЩАНИЕ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА ПО ТЕМЕ «СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛИЩЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА НАРОДОВ СССР»

В ноябре 1952 г. на состоявшемся в Москве совещании по координации исследовательских работ в области этнографического изучения социалистической культуры и быта народов СССР одной из ведущих была признана тема об исследовании современного жилища. Ряд этнографических учреждений нашей страны договорился о том, чтобы к 1956 г. подготовить сводный труд о жилище колхозного крестьянства различных народов Советского Союза.

2—7 декабря 1954 г. Институтом этнографии АН СССР было организовано совещание авторов этого труда с целью обмена опытом работы по сбору и научному общению материалов. На совещании присутствовали научные работники Украинской и Белорусской ССР, Прибалтийских республик, Грузии, Таджикистана, Казахстана, Коми АССР, Чувашии, Мордовии, Казанского филиала Академии наук СССР. Было заслушано 11 докладов.

Во вступительном докладе Н. Н. Чебоксарова (Ин-т этнографии АН СССР) были даны основные установки и поставлены узловые вопросы, которые необходимо будет разрешить авторам сборника при написании статей. Основной задачей исследования современного жилища, как подчеркнул докладчик, должно быть выявление закономерностей его развития. Этнографы обязаны показать, в каких конкретных формах протекает в наши дни развитие крестьянского жилища у различных народов СССР, какое место занимает оно в их культуре, каковы его общие черты, свойственные колхозному крестьянству нашей Родины в целом, и каковы специфические особенности, характерные для отдельных народов. В центре внимания исследователей должно быть современное жилище колхозного крестьянства. Однако для того, чтобы раскрыть происходящие в настоящее время процессы преобразования старых и формирования новых типов крестьянского жилища, необходимо изучить его историю в предшествующие периоды жизни народа. Жилище нужно исследовать в тесной связи с хозяйственной, общественной и культурной деятельностью народа. Изучение жилища колхозников должно сочетаться с изучением колхозной семьи — ее численности и состава, трудовой жизни и домашнего быта.

Выполняя директивы партии и правительства об установлении теснейшей связи науки с нуждами коммунистического строительства, теории с практикой, советские этнографы, изучающие жилище, обязаны выявить характерные для различных народов

нашей Родины, наиболее ценные и рациональные навыки и приемы сооружения крестьянских построек и определить, в какой степени они могут быть использованы для улучшения старых и строительства новых домов колхозников.

Три доклада были посвящены исследованиям жилища восточнославянских народов (русских и украинцев).

В докладе Л. Н. Чижиковой (Ин-т этнографии АН СССР) «Исследование современного жилища по материалам села Вирятино Тамбовской области» показан опыт детального исследования всего наличного жилого фонда на сравнительно небольшой территории — только одного села. В Вирятине, одном из наиболее типичных для южных областей РСФСР русских селений, весь современный жилой фонд состоит из построек разных типов, которые складывались в разные годы на протяжении последней сотни лет. Сплошное подворное обследование, как ценный метод изучения жилища на небольшой территории, позволяет детально анализировать жилище и проследить, как оно изменялось, вскрыть причины этих изменений. Жилище исследуется докладчиком в тесной связи с конкретной историей села, с учетом уровня и специфики его социально-экономического развития, с историей семейного быта крестьян. Особое внимание уделяется вскрытию тех изменений и процессов в развитии жилища, которые происходили в связи с социалистическим переустройством села и коллективизацией сельского хозяйства.

Доклад Г. Е. Стельмаха (Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР) «Предварительные итоги этнографического изучения развития современного жилища колхозного крестьянства УССР» был посвящен анализу современного сельского жилого строительства Украины. В докладе было уделено много места характеристике новых типов украинского жилища, их генезису и выявлению той территории, на которой они распространены в настоящее время. Был поставлен также вопрос о существовании одинаковых черт развития современного жилища у всех восточных славян при сохранении национальных специфических особенностей в жилищном строительстве отдельных народов. Значительное внимание было уделено докладчиком описанию бытового использования новых колхозных домов и выявлению их ценных конструктивных особенностей. Большой интерес представляет в докладе анализ новых проектов сельских домов, которые создаются украинскими проектными организациями с учетом традиционных типов сельского жилища.

Интересный материал об изменениях, происшедших за последние годы в жилище Закарпатья, дал доклад И. Ф. Симоненко (Украинский государственный музей этнографии и художественного промысла АН УССР) «Процесс перехода от традиционного трехкамерного жилища к многоквартирному дому городского типа». В Закарпатье, где социалистическое переустройство деревни началось только с 1948 г., особенно ярко находят свое отражение важнейшие черты основного экономического закона социализма. За 6 лет в Закарпатье было построено 22 тысячи жилых домов для колхозников. Есть села, где сейчас не осталось ни одной старой постройки. С развитием нового строительства произошел постепенный переход от трехкамерного традиционного жилища к многоквартирному дому городского типа. Колхозники сейчас предъявляют значительно более высокие требования к планировке, конструкции и убранству своего жилища. Однако сельские строители мало используют рекомендованные им соответствующими организациями проекты колхозных домов, так как последние имеют ряд существенных недостатков и не удовлетворяют бытовым требованиям колхозников.

Исследованиям современного жилища советских республик Прибалтики были посвящены доклады И. Буткявичюс (Ин-т истории и права АН Литовской ССР), А. К. Крастыни (Ин-т этнографии и фольклора АН Латвийской ССР) и Н. В. Шлыгиной (Ин-т этнографии АН СССР).

В докладе И. Буткявичюс основное внимание было уделено исследованию нового жилищного строительства, которое на территории Литвы за годы Советской власти получило большое развитие. В Прибалтике преобладающая еще и в настоящее время хуторская система расселения является большим тормозом при коллективизации сельского хозяйства. В Литве уже в широком масштабе производится перевод хуторов в новые колхозные поселки, с чем связано большое жилищное строительство. Строительство новых жилых домов происходит при действенной помощи и руководстве со стороны партийных и советских органов. В сельском жилищном строительстве широкое применение находят разрабатываемые литовскими организациями проекты новых колхозных домов.

В докладе А. К. Крастыни «Внутреннее убранство дома латвийских колхозников» уделено внимание характеристике старого жилого фонда и новому жилищному строительству. Интересным моментом в докладе была демонстрация карты распространения нового жилищного строительства в различных районах Латвии. Значительное место было отведено описанию внутреннего убранства домов латвийских колхозников.

Гораздо в меньшей степени развито новое жилищное строительство в колхозах Эстонской ССР, где колхозниками в основном пока еще используется старый жилой фонд. Поэтому в докладе Н. В. Шлыгиной «Современное жилище колхозного крестьянства Эстонской ССР» основное внимание было уделено исследованию старого эстонского жилища и тем изменениям, которые произошли в нем за годы Советской власти. Изменения в жилище происходили главным образом по линии исчезновения так называемых «социальных типов жилища», особенно характерных для периода буржуазной диктатуры в Эстонии: исчезли плохие жилища бедняков, батрацкие половы-

ны в богатых домах, бывшие батраки переселились в хорошие новые дома. Большие изменения произошли во внутреннем убранстве колхозных домов.

Дополнением к докладу Н. В. Шлыгиной явились краткие сообщения Т. Паэвере об изучении современного крестьянского жилища Этнографическим музеем Эстонской ССР и Л. В. Рихтер (Ин-т истории АН Эстонской ССР) об исследованиях жилища селу юго-восточной Эстонии и Псковской области.

Мало строится новых жилых домов в колхозах Коми АССР. В докладе Л. Н. Жеребцова (Коми филиал АН СССР) «Современное жилище народа коми» дана характеристика жилых и хозяйственных построек народа коми и поставлены вопросы, связанные с их происхождением и развитием. Автор выделяет несколько типов жилища коми и подчеркивает, что все они сложились под влиянием русской культуры.

Интересный доклад А. И. Робакидзе (Ин-т истории АН Грузинской ССР) «Некоторые итоги изучения современного жилища колхозного крестьянства Грузии» явился итогом большой работы целого коллектива сотрудников Ин-та истории АН Грузинской ССР. Грузинскими этнографами охвачены все основные районы республики (за исключением Гурии). В колхозах Грузинской ССР в связи с большими доходами, получаемыми колхозниками от виноградарства и цитрусовых культур, наблюдается большой размах сельского индивидуального строительства, осуществляемого по специально разработанным проектам, для составления которых колхозниками нередко приглашаются инженеры и архитекторы. В докладе дана характеристика основных моментов развития жилища во всех исследованных районах и показаны большие изменения, происшедшие в жилищном строительстве Грузии за годы Советской власти.

Обширную сводку о жилищном строительстве народов Поволжья (русских, татар, чуваш, мордвы) дал Н. И. Воробьев (Ин-т языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР) в своем докладе — «Основные моменты в развитии жилища колхозного крестьянства народов среднего Поволжья». Осветив на широком историческом фоне, как складывалось и развивалось жилище народов Поволжья в эпоху феодализма и в годы развитого капитализма, докладчик показал те большие сдвиги, которые произошли в жилище в Советскую эпоху. Новое сельское жилищное строительство народов Поволжья отражает общий подъем жизненного и культурного уровня трудящихся нашей Родины. Материал, собранный по жилым и хозяйственным постройкам Поволжья, свидетельствует о большой исторической общности народов Поволжья. При сохранении национальной специфики у всех них наблюдаются сходные черты в сельском жилище.

Дополнением к докладу Н. И. Воробьева было интересное сообщение И. П. Макушина (Мордовский научно-исследовательский ин-т) о жилище мордвы-эрзи. В результате многолетней работы И. П. Макушиным был собран интересный материал, положенный им в основу кандидатской диссертации. Значительное место в выступлении было уделено исследованию мордовских поселений. К исследованию современного мордовского жилища докладчик подошел исторически, поставив интересные вопросы о происхождении мордовского жилища и взаимовлиянии культур русского и мордовского народов. Жилище мордовского крестьянина исследуется докладчиком в связи с историей края, изменением его социально-экономических условий, в связи с семейным бытом крестьян.

Развернувшиеся после докладов прения носили более информационный, чем дискуссионный характер. Участники совещания сообщили об исследованиях современного жилища в Таджикистане, Киргизии, Казахстане, Белоруссии и Эстонии.

На заключительном заседании председательствующий Н. Н. Чебоксаров подвел итоги совещания. Было отмечено, что большая работа по исследованию современного крестьянского жилища проделана в Прибалтийских республиках, на Украине, в Белоруссии, в Грузии, в Таджикистане, Поволжье и Коми АССР. На совещании не были представлены доклады по исследованию жилища Средней Азии, Армении, Азербайджана, Молдавии, Карело-Финской ССР.

Заслушанные на совещании доклады свидетельствуют о том, что на местах уже собран большой и интересный материал о современном жилище колхозников. Взаимное ознакомление с материалами различных областей и республик нашей страны поможет авторам лучше разобраться в своих исследованиях и привлечь ценные сравнительные данные по смежным территориям. Представленные на совещании исследования уже сейчас позволяют поставить некоторые вопросы об общих закономерностях развития современного жилища в Советскую эпоху в различных областях нашей страны.

Недостаточно были освещены на совещании такие вопросы, как исследование жилища вместе с поселениями и усадьбами в связи с семейным бытом крестьян.

В резолюции совещания был утвержден план будущего сборника, поручено комиссии по организации сборника составить в ближайшие два месяца проспект статей и намечено привлечь к участию в сборнике научные силы тех учреждений, которые не принимали участия в данном совещании.

Л. Чижикова

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОСА НАРОДОВ СССР

14—18 июня 1954 г. в Москве происходило совещание по изучению эпоса народов СССР, организованное Институтом мировой литературы им. А. М. Горького и Институтом востоковедения Академии наук СССР. Совещание вызвало большой интерес научных фольклорных и литературных кругов. Впервые за последние несколько лет были поставлены на обсуждение актуальные проблемы исследования эпоса народов СССР. В совещании приняли участие представители большинства республик и областей Советского Союза.

Е. Э. Бертельс (Москва), открывший совещание, в своем вступительном слове отметил высокие достижения в области советской фольклористики. Е. Э. Бертельс подчеркнул, что в оценке эпических сказаний проявилась неправильная тенденция исследователей, с одной стороны, изображать всякий эпос как народный, в то время как в эпосе народов имеются феодально-байские песнопения, пронизанные исламскими и панисламистскими мотивами, с другой стороны, — видеть во всех народных эпических произведениях проявление феодально-байской, антинародной идеологии. Е. Э. Бертельс считает, что нельзя при оценке народных эпических сказаний прошлых веков искать в них мировоззрение, свойственное советским людям, а следует оценивать их с точки зрения исторической правомерности.

С докладами на совещании выступили В. И. Чичеров и А. К. Боровков (Москва). В центре внимания докладчиков стояла проблема народности эпоса. В. И. Чичеров подчеркнул, что традиционный эпос народов СССР — большая художественная ценность, сохраняемая нами как культурное наследие, имеющее воспитательное, познавательное и эстетическое значение. Докладчик отметил, что основной задачей исследования эпоса народов СССР является марксистское изучение отдельных эпических сказаний разных народов и создание обобщающего сводного труда по истории эпоса народов СССР; задачи и приемы собирания и изучения эпоса определяются его местом и значением в современной нам действительности и в истории народа. Это утверждение В. И. Чичеров противопоставил буржуазному объективизму, содействующему сохранению и активизации консервативных и реакционных идей и настроений. Ошибки в изучении эпоса народов СССР использовались буржуазными националистами, которые, идеализируя прошлое, пропагандировали родо-племенную вражду и феодально-религиозную идеологию (популяризация эпоса «Деде Коркут», «Коркут-ата», «Великого похода» из эпоса «Манас» и др.). С другой стороны, нигилистическое отношение к эпосу народов СССР является одной из форм проявления буржуазного национализма; отрицание возможности создания народом эпических сказаний приводит к порочному утверждению, что господствующие классы являлись единственными создателями культурных и художественных ценностей.

Докладчик отметил, что особое значение в марксистском изучении эпических сказаний имеет проблема народности эпоса. По мнению В. И. Чичерова, народность эпоса обнаруживаемая в национально своеобразных образах, всегда охватывает наиболее глубокие, насущные, жизненно необходимые интересы трудовых масс. Положительные герои эпоса — всегда носители высоких качеств и свойств народа. Народный эпос возвеличивает лучшие качества, свойственные людям, — любовь к родине, трудолюбие, героизм, глубину и чистоту чувств. Решение вопроса о народности эпоса базируется на анализе идейно-художественных особенностей его, при этом глубокое социальное содержание искусства выявляется как основа его народности; народность же, проявляющаяся в эпическом произведении в целом, всегда национально-специфична.

В. И. Чичеров подчеркнул, что одной из главных задач исследования эпического народного творчества является изучение эпических произведений в конкретно-исторических условиях, вызвавших рождение и развитие тех или других поэм и сказаний, обусловивших их эпическое своеобразие. Такое изучение докладчик противопоставил формально-историческому методу, который схематизирует явления и факты, лишая художественное произведение его общественного значения.

Выступая против формально-сравнительного метода, докладчик одновременно говорил о целесообразности использования сравнений и сопоставлений при изучении фольклорных материалов: сравнительно-историческое изучение эпических сказаний помогает в выяснении процессов развития народного творчества отдельных народов, их семей и вместе с тем раскрывает общие закономерности формирования народного искусства и путей его развития.

Касаясь критической оценки эпического творчества, В. И. Чичеров обратил внимание на сложность этой задачи; при этом он указал на недопустимость приукрашивания жизни и мировоззрения народа в прошлом. Историческая ограниченность и противоречивость народного мировоззрения в некоторых случаях порождали идеализацию прошлого. Те или иные отрицательные стороны в древнем и средневековом эпосе отнюдь не означают, что эпос не народен. Эпос сложное явление, и лакировать его нельзя; надо, верно определив народную основу данного эпоса, дать правильную марксистскую оценку того положительного и отрицательного, что в нем имеется. В. И. Чичеров противопоставил высказанную им точку зрения в оценке народного эпического творчества точке зрения вульгарных социологов, которые, исходя из наличия в эпосе некоторых консервативных элементов, пересчеркивали эпос и объявляли его реакционным в своей основе.

Вместе с тем, докладчик указал на ошибки либерально-буржуазных ученых, которые некритически воспринимали и восхваляли пережиточные элементы, получившие отражение в эпосе.

А. К. Боровков, рассматривая в своем докладе проблему народности на материале эпических сказаний народов Средней Азии и Казахстана, отметил, что эта проблема находится в центре внимания советских литературоведов и фольклористов.

Докладчик указал на то, что эпическое творчество не представляет в идейном отношении чего-то целого и однородного. Борьба классов оказывала непосредственное влияние на развитие эпоса и на творческую деятельность сказителей. Поэтому в оценке эпического наследия особое значение приобретает ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре.

А. К. Боровков подчеркнул, что народность эпического произведения определяется его идейным содержанием, идейной направленностью действий и поступков героев. Идейной основой народных эпических произведений является защита родного племени, народа, страны от захватчиков, ненависть к разбойничьей политике ханов и батыров, сделавших разбой и грабеж своим ремеслом, стремление народа к мирной жизни, ненависть к эксплуататорам, к религиозному ханжеству и фанатизму, сочувствие народным героям. А. К. Боровков отметил, что проблема народности эпоса содержит широкий круг вопросов. При решении ее необходимо анализировать идейное содержание эпических произведений, изучать пути развития эпического творчества в связи с историей общества, исследовать вопрос о художественных особенностях эпоса и формах изменения эпического текста. Последнему докладчик уделил особое внимание.

А. К. Боровков сказал о том, что неверные представления о героическом эпосе как собственно «народном» творчестве, противопоставляемом письменной литературе, пагубное влияние исторической школы, идеалистических концепций А. Н. Веселовского и Н. Я. Марра, а также буржуазно-националистическая фальсификация эпического творчества привели к искажению трактовки идейного содержания эпических произведений народов Средней Азии и Казахстана.

Докладчик заметил, что в эпических сказаниях народов Средней Азии и Казахстана нет таких, в которых изображались бы доклассовые отношения общества. В связи с этим А. К. Боровков считает, что вопрос о классовой структуре кочевого общества подлежит уточнению.

Отмечая значительный интерес советских ориенталистов к вопросу об отражении истории в эпосе народов Востока, А. К. Боровков указал, что исторический фон большинства эпических произведений очень условен и не допускает отождествления эпических событий и образов с фактами истории и историческими лицами. Длительный период борьбы народов Средней Азии с ойратами в XV—XVIII вв. в значительной степени обусловил изменения исторического фона эпических сказаний.

Участники совещания, высказываясь по докладам В. И. Чичерова и А. К. Боровкова, конкретизировали и в отдельных случаях развили и дополнили основные положения докладов применительно к эпосу отдельных народов.

М. И. Богданова (Москва) в своем выступлении указала на то, что до сего времени не были достаточно четко и ясно определены и разработаны методы и приемы исследования и публикации эпических сказаний народов Средней Азии, что приводило ко многим ошибкам. Касаясь вопроса о народности эпоса, М. И. Богданова подчеркнула органическую связь этого вопроса с вопросом об исторической и социальной основе эпоса. В тесной связи с этим стоит и вопрос о сводном тексте эпоса киргизского народа «Манас». М. И. Богданова считает, что при создании сводного текста «Манаса» нельзя забывать, что творцом «Манаса» являются не отдельные манасчи (у которых обычно записывается «Манас»), а весь народ. Поэтому отдельные части «Манаса» следует рассматривать не изолированно, а в соответствии с целым произведением. М. И. Богданова считает, что созданию сводного текста «Манаса» должна предшествовать глубокая текстологическая (по сверке различных рукописных вариантов) и исследовательская работа. Высказываясь относительно отражения в эпосе пережиточных норм и древних представлений народа, М. И. Богданова отметила, что, поскольку они служат характеристике эпохи, их следует сохранять, хотя они не соответствуют современным представлениям. При этом необходимо обращать особое внимание на редакционную трактовку в эпосе того или иного явления. Что касается феодально-байских и клерикальных напластований, то эпические произведения следует от них освободить.

А. А. Валитова (Москва) подвергла критике проспект сводного текста «Манаса», который составили писатели и поэты Киргизии А. Гохонбаев, К. Маликов, Г. Сыдыкбеков. По мнению А. А. Валитовой, эта работа представляет собой не сводный текст «Манаса», а сводную поэтическую обработку его. А. А. Валитова высказалась и против модернизации эпического текста «Манаса» и приведения исторического эпоса к виду «колхозного Манаса».

Н. Курраев (Ашхабад) в своем сообщении охарактеризовал эпические сказания туркменского народа «Гер-оглы», отметив, что хотя эпос «Гер-оглы» народен в своей основе, он не лишен феодально-клерикальных напластований. Народному эпосу «Гер-оглы» Н. Курраев противопоставил антинародный, пронизанный реакционной идеологией эпос «Коркут-ата».

Р. Амонов (Сталинабад) сделал сообщение об эпосе таджикского народа «Горгули», который бытует и в прозе, и в стихах. Р. Амонов считает этот эпос народным,

хотя в нем получили отражение и противоречия народного мировоззрения, и феодально-клерикальные наслоения. Он отметил, что на эпос «Горгули» оказал значительное влияние ислам — в некоторых вариантах герои эпоса борются за мусульманскую веру. Р. Амонов указал на связь «Горгули» с таджикскими сказками.

И. С. Брагинский (Москва) на примере таджикского эпоса «Горгули» поставил ряд теоретических проблем. Он обратил внимание на важность конкретно-исторического подхода к оценке эпоса, на необходимость оценивать эпические явления, во-первых, с точки зрения их исторической правомерности и прогрессивности для определенной эпохи (то, что в свое время в эпосе было прогрессивным, может быть несозвучно современности, и это обстоятельство, по мнению Брагинского, не исключает народности эпоса); во-вторых, с точки зрения историко-познавательной и художественной значимости и в современную эпоху. И. С. Брагинский затронул вопросы периодизации фольклора и также коснулся анализа языка и формы эпических сказаний; при этом он отметил, что форму и язык эпических произведений нужно изучать в связи с историей данного вопроса.

Выступление Н. С. Смирновой (Алма-Ата) было посвящено истории собирания, изучения и публикации казахского народного эпоса. Она отметила положительную деятельность русских ученых-ориенталистов, а также местных ученых в деле собирания казахского народного эпоса до Великой Октябрьской революции. Однако, сказала Н. С. Смирнова, многие проблемы изучения казахского эпоса решались дореволюционными исследователями без учета художественной специфики и единства национального эпоса; в частности, неправильно решался вопрос о взаимоотношении эпических и исторических событий. Далее Н. С. Смирнова указала на достижения советских ученых в области изучения и публикации казахского эпоса, подчеркнув руководящее значение постановлений ЦК партии по идеологическим вопросам. Касаясь проблемы народности казахского эпоса, Н. С. Смирнова акцентировала внимание на изучении эпоса в единстве его формы и содержания.

Х. Т. Зарифов и М. Афзалов (Ташкент), характеризуя узбекский эпос «Алламыш», указали на его народную основу и вместе с тем отметили наличие в нем более поздних мусульманских влияний.

Л. И. Климович (Москва), высказывая суждения относительно каракалпакской, узбекской и казахской версий «Алламыш», подчеркнул их народность. Он обратил внимание на то, что при составлении сводного эпического текста нельзя комбинировать в единое целое общие места, встречаемые в классово-противоположных версиях, и путем их механического соединения создавать так называемую народную версию.

Об эпосе бурятского народа «Гэсэр» сделал сообщение А. И. Уланов (Улан-Удэ). Он высказался против признания эпоса «Гэсэр» антинародным и отрицал наличие феодальных элементов в «Гэсэре». По мнению А. И. Уланова, феодальные элементы в эпосе не могли появиться, так как «бурятский народ не переживал эпохи феодализма». Утверждение Уланова об отсутствии воздействия идеологии господствующего класса на народный в основе эпос вызвало возражение со стороны В. Р. Щербини и некоторых других участников совещания, усомнившихся в отсутствии в «Гэсэре» феодальных напластований.

С. С. Суразаков (Горно-Алтайск) охарактеризовал эпические сказания алтайского народа. По мнению С. С. Суразакова, о народности эпоса нужно судить на основании целого произведения, а не по его фрагментам; необходимо определить идейную направленность эпоса, выяснить, во имя чего борется эпический герой и полезно ли это всему народу. С. С. Суразаков высказался против осовременивания эпических сказаний при их издании. Он привел как недопустимый факт пример литературной обработки Енчиновым сказания Шиме-Судурчы, в котором эпические герои произносят революционные речи.

И. В. Пухов (Якутск) охарактеризовал якутский эпос олонхо, возникший в период разложения родового строя. Он отметил, что в своей основе олонхо является народным эпосом, хотя и не лишен байских наслоений и пережитков старины, которые нельзя пропагандировать. И. В. Пухов особо подчеркнул, что якутский эпос обогатился в идейном отношении в результате общения якутов с русским народом.

И. А. Плоткина (Тува) заострила внимание на вопросе о критерии народности. При этом она высказалась против вульгарно-социологизированной трактовки эпических сказаний и причисления их к антинародным лишь потому, что в них упоминаются сказочные образы ханов, царей и царевен. И. А. Плоткина говорила о нецелесообразности предлагаемой иногда для публикации народных тувинских сказок замены, например, «ламы» мудрецом или «золотой царевны» золотой девушкой.

Большой интерес вызвало выступление З. Н. Куприяновой (Ленинград), охарактеризовавшей эпическое творчество малых народов Севера и поставившей вопрос об организации работы по его собиранию и изучению.

В. Я. Евсеев (Петрозаводск) посвятил свое выступление карело-финскому эпосу «Калевала», отметив историко-познавательное значение этого эпоса. Большое внимание В. Я. Евсеев уделил вопросу исторических напластований и реконструкции «Калевалы».

Л. К. Раудсеп (Эстония) в своем выступлении охарактеризовала эстонский эпос «Калевипоэг». Отмечая достижения в области собирания, изучения и публикации эстонского фольклора, она подвергла критике ошибки, допущенные представителями буржуазной националистической науки.

В. М. Сидельников (Москва) остановил внимание на вопросах изучения и пуб-

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ГЭСЭРИАДА

(Критико-библиографический очерк)

Под Гэсэриадой принято понимать цикл устных и письменных сказаний о Гэсэ, имевших широкое распространение в Центральной и Восточной Азии. Гэсэр являлся любимым героем тибетцев и тангутов, монгольских и тюркских народов. Одна из монгольских версий Гэсэриады была занесена даже на берега Волги. Столь широкое распространение эпических произведений о Гэсэре позволяет думать, что в данном случае мы имеем дело с явлением незаурядным.

Далеко не все сказания о Гэсэре изучены в достаточной степени. Лучше всего мы знаем монгольскую Гэсэриаду, представленную пекинским ксилографом. Другие версии монгольского Гэсэра представлены рукописями, многие из которых нам известны, а немногие известные мало доступны исследователю.

Сравнительно широко публиковался бурятский Гэсэр. Исследователь располагает и дореволюционными публикациями, и публикациями, относящимися к Советской эпохе. Но исследование бурятский Гэсэр все же слабо — только в самые последние годы были поставлены и нашли какое-то решение некоторые вопросы изучения бурятской Гэсэриады.

Совсем плохо обстоит дело с тибетским Гэсэром. Кроме пересказов и переводов отдельных фрагментов и рукописей некоторых глав, мы ничего не имеем. А это обстоятельство сильно тормозит изучение Гэсэриады в целом, ибо без тибетских версий трудно или почти невозможно решение вопросов об исторических корнях Гэсэриады, ее генезисе и бытовании, об отношении монгольского Гэсэра к тибетскому, о кула Гэсэра и т. д.

Знакомством с Гэсэриадой наука обязана усилиям русских ученых, начиная с публикации и изучение этого замечательного произведения свыше ста лет назад. Первая солидная публикация, перевод на немецкий язык и правильное определение характера Гэсэриады принадлежит Я. И. Шмидту¹. По мнению акад. Шмидта, Гэсэриада является героической сагой монголов.

Ему же принадлежит и первая попытка определения национальной принадлежности опубликованной им версии. Как известно, вопрос об отношении монгольского Гэсэра к тибетскому до сих пор не решен окончательно. Б. Лауфер даже полагал, что нельзя приступать к изучению Гэсэриады, не имея тибетского Гэсэра. Но тем не менее, по вопросу о национальной принадлежности Гэсэра исследователями высказывались различные суждения. Я. И. Шмидт, опираясь на данные филологического анализа текста, пришел к выводу, что пекинская версия Гэсэриады не носит никаких следов перевода.

Много сил положил на собирание и изучение сказаний о Гэсэре другой крупный русский ученый Г. Н. Потанин². Он опубликовал перевод версии тангутского Гэсэра и перевод одной из бурятских версий «Абай Гэхэр Богдо хана»³.

Г. Н. Потанин, следовательно, собрал большой материал по интересующему вопросу. И в этом его бесспорная заслуга перед наукой. Однако исследовать этот материал он не сумел. Оказавшись в плену сравнительной фольклористики и теологии,

¹ Я. И. Шмидт, Подвиг исполненного заслуг героя Богды Гесер-хана, СПб. 1836; его же, Die Thaten Bogda Gesser Chan's des Vertilgers der Wurzel der zehn Uebel in den zehn Gegenden, St. Petersburg — Leipzig, 1839.

² Г. Н. Потанин, Тунгусско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, вып. IV, СПб., 1883.

³ Перевод М. Н. Хангалова.

восточного происхождения русского фольклора, он дальше сопоставлений и чисто внешних параллелей с произведениями фольклора других народов не пошел.

А сопоставления делались самые разнообразные и порой довольно неожиданные. Г. Н. Потанин сравнивал Гэсэра то с Абутаем, то с Чингисом, то с героями тюркского эпоса. Нашел он общие черты между Гэсэриадой и сказанием о Вавилонском царстве, между Гэсэром и Урусланом Зальзаровичем.

Ошибочные концепции обусловили бесплодность исследований Г. Н. Потанина. С. А. Козин справедливо отмечает, что сравнительный метод Г. Н. Потанина ничего не дал для изучения Гэсэриады и что ощущается потребность освободиться от дурной бесконечности фольклорных сопоставлений.

Однако сопоставления Г. Н. Потанина не всегда были просто бесплодными. Его параллель Гэсэр — Чингис послужила оружием для тех, кто нападал на Гэсэриаду уже в наше время.

Исследования Я. И. Шмидта и Г. Н. Потанина являются наиболее значительными из всех дореволюционных работ, посвященных Гэсэриаде. Дальнейшее изучение сказания о Гэсэре велось уже советскими учеными.

Б. Я. Владимирцов много сделал в области изучения фольклора монгольских народов. Он ввел в науку, в частности, героический эпос ойратов. Публикацию перевода их эпоей Б. Я. Владимирцов снабдил введением, в котором он, опираясь на анализ художественных особенностей произведений ойратского героического эпоса, делает вывод об аристократическом происхождении ойратских былин.

То обстоятельство, что Б. Я. Владимирцов обратил внимание на своеобразие ойратских эпоей, является безусловно положительным моментом в исследовании нашего монголоведа. Однако делать на этом основании вывод, что былины принадлежат степной аристократии, у нас нет достаточных оснований. Художественные особенности той или иной эпоей мало могут сказать о принадлежности ее тому или иному классу. Решающим моментом является социальная направленность произведения, его идейные мотивы. Идейные же мотивы ойратских эпоей свидетельствуют, что они созданы народом и отражают думы и чаяния своего создателя.

Со времени выхода в свет книги «Монголо-ойратский героический эпос» прошло тридцать лет, но теория аристократического происхождения эпоса порой дает о себе знать. Совсем недавно нигилисты в Бурят-Монгольской АССР пытались использовать эту концепцию в своих целях. Перечисляя обстоятельства, породившие путаницу в их головах, они ссылались и на теорию Б. Я. Владимирцова об аристократическом происхождении эпоса.

Гэсэриадой Б. Я. Владимирцов специально не занимался, но в его литературоведческих работах, относящихся к двадцатым годам, есть места, касающиеся интересующего нас вопроса. Для него была бесспорной принадлежность «Повести о Гэсэре хане» к произведениям тибетской народной литературы, не знавшей «эпиды буддийского монастыря, в особенности монастыря секты желтошапочников»⁴. Б. Я. Владимирцов считает монгольский Гэсэр переводом или пересказом одного из многочисленных произведений о тибетском Ке-саре. Однако он тут же добавляет, что трудно установить, когда и кто сделал перевод и какая из многочисленных версий переводилась, а потому «установить отношение монгольского Гэсэра к тибетскому Ке-сару — дело будущего»⁵. Стало быть, Б. Я. Владимирцов, устанавливая какое-то родство Гэсэра с Ке-саром, не считал вопрос об отношении этих двух героев окончательно решенным. В заключение он пишет, что сказание о Гэсэре у монголов необычайно популярно, они «считают его национальным созданием, и оно, действительно, является у них таковым»⁶.

В другой работе, касаясь бурятского Гэсэра, Б. Я. Владимирцов устанавливает некоторую общность «Абай Гэхэр Богдо хана» с тибетской Гэсэриадой, но вместе с этим считает, что бурятские сказания о Гэсэре являются самостоятельными произведениями. «Имя одного из героев, — пишет Б. Я. Владимирцов, — колоссальной бурятской эпоей, далеко превосходящей размером Илиаду, вместе со многими мотивами сказочной его истории попало к бурятам через монголов из Тангута — Тибета»⁷. Значит, «Абай Гэхэр Богдо хан» — бурятская эпоей, только имя ее героя и ряд мотивов сказочной истории пришли к бурятам из далекого Тибета. В свете дискуссий, чьим местом в последние годы, это указание Б. Я. Владимирцова имеет большой интерес.

В наше время больше всего для исследования Гэсэриады сделал С. А. Козин. Ему принадлежит новый перевод пекинской версии. Акад. Я. И. Шмидт, как об этом говорилось выше, перевел Гэсэра на немецкий язык, С. А. Козин же дал русский перевод.

Своему переводу С. А. Козин предпослал очень интересное введение. Он, как и его предшественники, признает народность «Сказания о милостивом Гэсэр Мэргэн-хане, искоренившем десяти зол в десяти странах света». Однако в своих заключениях С. А. Козин идет дальше, устанавливая в этом произведении демократические эле-

⁴ Б. Я. Владимирцов, Литература Востока, вып. II, 1920, стр. 105.

⁵ Там же, стр. 106.

⁶ Там же, стр. 107.

⁷ Б. Я. Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, Пгт.—М., 1923, стр. 16.

менты, которых прежде никто не замечал. Сказание о Гэсэре, пишет С. А. Козина, «аллегорическая поэма-сатира, с острым сатиры, обращенным в сторону господствующих классов — духовных и светских феодалов, современных памятнику»⁸.

Действительно, антифеодальные и антиламские мотивы в этом произведении обнаруживаются легко. Гэсэр рождается для того, чтобы уничтожить смуту на земле, выражающуюся в пожирании сильными слабых. Еще младенцем он уничтожает ламу-оборотня, откусывавшего языки новорожденным, и черного ворона (по мнению С. А. Козина, олицетворение светских феодалов), ослеплявшего младенцев. В одной из глав поэмы повествуется, как мангас, приняв облик ламы, превращает Гэсэра в осла. Сравнение ламы с чудовищем-мангасом говорит само за себя. Кончается же пекинская версия похождениями Гэсэра в аду и описанием той трепки, которую он задал владыке ада. Ламам, следовательно, сильно досталось от авторов «Сказания о Гэсэре». Указанных выше и других эпизодов вполне достаточно для того, чтобы понять ту ненависть, которую питали к Гэсэру главари секты желтошапочников.

Не меньше стрел пушено авторами Гэсэриады в сторону светских феодалов. Выше уже говорилось о вороне. Несколько дальше Гэсэр заявляет, что у чертей и нойонов один закон: вряд ли можно было триста лет назад более определенно высказаться о феодальных порядках. Наконец, все произведение заполнено борьбой с Цотонем, олицетворением отрицательных черт феодалов, и цотоновщиной. А самая большая глава, которая многими считается центральной, посвящена войне Гэсэра с шарайгольскими ханами. То обстоятельство, что Цотон оказался союзником этих ханов и предателем своей родины, кажется вполне закономерным явлением.

Итак, Гэсэр борется не только со сказочными чудовищами (мангасами, альбинами и т. д.), но и с вполне конкретными врагами простого народа — феодалами, ламами и т. д.

Во введении к Гэсэриаде С. А. Козин затрагивает и вопрос об отношении монгольского Гэсэра к тибетскому. Этот спорный и до конца не выясненный вопрос он решает так же, как и Я. И. Шмидт, т. е. признает пекинскую версию Гэсэриады монгольским произведением. С автором нового перевода сказания о Гэсэре можно согласиться, ибо исследователи, считающие пекинскую версию переводом с тибетского, не могут сослаться на соответствующий оригинал. Имя же героя и сходство тех или иных эпизодов не дают еще права подвергать сомнению самобытность монгольской Гэсэриады.

При решении этого вопроса следовало бы учитывать, что с Гэсэром можно встретиться и в оригинальных монгольских художественных произведениях. В широко известной «Повести о мудрых беседах мальчика-сироты с девятью орлогами Чингиса», относящейся к юаньскому или близкому к нему периоду, упоминается Гэсэр хан. Этот факт дает нам основание предполагать, что монголы познакомились с Гэсэром задолго до выхода в свет пекинского ксилографа. Обстоятельства, при которых произошло это знакомство, нам пока не известны. Возможно, упоминание Гэсэра в «Повести о мудрых беседах мальчика-сироты» является отзвуком тибетского похода Чингиса. Монгольские воины могли услышать в Тибете сказание о Гэсэре, в частности, главы о рождении героя и его войнах с шарайгольскими ханами, родящие монгольскую Гэсэриаду с тибетской. А дальше монгольский Гэсэр стал жить и развиваться самостоятельно, все больше и больше приобретая самобытный характер.

Возможен и другой путь проникновения Гэсэра в Монголию: его могли занести ойраты. Этим, быть может, и объясняется упоминание в произведениях ойратского героического эпоса Засиххэра (один из батаров Гэсэра), шарайгольских ханов, Тагада и т. д. Во всяком случае наличие Гэсэра, его батаров и противников в произведениях монгольской литературы и героического эпоса вполне подтверждает мнение Б. Я. Владимирцова о том, что Гэсэриада стала вполне монгольским произведением.

Большой интерес представляет замечание С. А. Козина, что под термином «Гэсэриада» подразумеваются разные вещи, которые следует, если мы хотим быстрее достичь истины, строго различать. Термином «Гэсэриада» покрываются литературные произведения о Гэсэре, устные народные сказания и культ Гэсэра (храмы, воздвигнутые маньчжурами в честь Гэсэра, ритуал и культовые легенды). Это упоминание С. А. Козина имеет большое значение для исследователей многочисленных произведений о Гэсэре. Игнорирование граней между этими тремя элементами часто вызывало путаницу. Нередко исследователи, узнав о культе Гэсэра, объявляли всю Гэсэриаду религиозным произведением, смещение же устных и литературных произведений на практике иногда приводило к тому, что из-за ламских фальсификаций народную Гэсэриаду объявляли произведением феодально-ханского эпоса.

Для доказательства народности Гэсэриады С. А. Козин привлекает упоминание о черноголовых, вождем которых был Гэсэр. Акад. Козин считает, что под черноголовыми подразумеваются простые люди, те слабые, которых пожирали сильные. Но это не совсем правильно: черноголовые много раз встречаются в повести, но точное значение этого термина дается лишь в одном месте, на которое исследователи не обращали внимания.

Из плача коня Нанцона явствует, что под черноголовыми надлежит понимать

⁸ «Гесэриада», М.—Л., 1936, стр. 34.

не простой народ, а всех земных людей, противостоящих героям, происходящим от небожителей. Ведь конь Нанцона причисляет к черноголовым и сына непальского хана. В словесной перепалке, предшествовавшей единоборству, один из противников говорит: «разве ты не знаешь сына непальского хана, Турген-Бироа?», а племянник Гэсэра Нанцон с неменьшей гордостью заявляет: «Я — благородный Нанцон, сын тенгрия»⁹. После поединка конь Нанцона, оплакивая сраженного хозяина, причитал: «ужели тебе, мой родимый Нанцон, тебе, сыну могучих небожителей — тенгриев, суждено пасть от руки человека этой земли — Чжамбутиба? Ужели тебе, мой милый, болезный мой Нанцон, тебе, рожденному по изволению царственного тенгрия, подобает пасть от руки черноглогового человека?»¹⁰

Интересно, что то же самое выражение встречается в «Сокровенном сказании». Алан-гоа, оправдываясь перед старшими сыновьями, говорит, что ее внебрачные дети отмечены печатью небесного происхождения, они не под пару простым смертным. Здесь слово «черноголовые» переведено С. А. Козиным «простые смертные»¹¹. Очевидно, этот перевод вполне соответствует смыслу слова.

Конечно, такая поправка не меняет общей оценки произведения, но в интересах истины ее необходимо было сделать.

Следует также отметить, что введение к Гэсэриаде содержит критику сравнительного метода в фольклористике, о чем говорилось выше.

Таковы основные результаты исследования С. А. Козиным пекинской версии Гэсэриады. Они не вызвали возражений в 1930-х годах, не вызывают их и в настоящее время. Но в последующих работах С. А. Козин высказал ряд положений, которые вызвали резкий протест общественности.

В исследовании, посвященном «Сокровенному сказанию монголов», акад. Козин объединил в одну трилогию Гэсэриаду, Джангариаду и «Сокровенное сказание». С. А. Козин считает, что все эти произведения являются творением народного гения и что в каждом из них выражена народная идея соответствующей эпохи: «в поэме о Темучжине — Чингис-хане выражена монгольская народная идея XIII в. о предводителе-единодержце, в Джангариаде — народные чаяния ойратов XV в. о герое-борце за национальное самоутверждение и, наконец, в Гэсэре — порожденная смутами и междоусобиями XVII в. идея о народном герое, борющемся за социальную правду»¹².

В свое время против этих положений никто не выступил. Это обстоятельство и дало, очевидно, возможность С. А. Козину повторить то же самое в 1948 г.¹³ На сей раз его положения встретили многочисленные возражения. «Эпос монгольских народов» подвергся критике за идеализацию феодально-ханского эпоса и образа Чингиса. Под феодально-ханским эпосом подразумевалось «Сокровенное сказание»¹⁴.

Конечно, «Сокровенное сказание» нельзя безоговорочно считать эпическим произведением. Оно содержит много литературных фрагментов и эпических элементов, но все же остается летописью, первой из известных нам монгольских летописей. Она эпична вначале, где все основано на легендах, но дальше сообщаются уже исторические факты. Большинство фактов, приводимых в «Сокровенном сказании», находит подтверждение и в сборнике летописей Рашид-ад-дина.

Еще меньше имеется у нас оснований считать «Сокровенное сказание» произведением народного творчества. В заключительном параграфе летописи мы читаем: «написано во время пребывания двора в урочище Долоан-болдах Келуренского Кодее-арала, что между двумя урочищами Шильгим и Цек, в седьмой месяц Хурансара, год мыши (1240), во время происходившего там Великого сейма — хурила»¹⁵.

Значит, автором (или авторами) летописи является не народ, а придворные и участники Великого сейма, т. е. степная аристократия. Идеи и чаяния этих слоев монгольского общества и выражает «Сокровенное сказание». Наличие же в памятнике произведений народного творчества означает лишь то, что феодалам всегда свойственно было обворовывание народа, присваивание духовных ценностей, созданных народом. «Сокровенное сказание» не единственное тому доказательство. Феодально-ламские слои пытались использовать в своих целях Гэсэриаду и ряд других произведений народного творчества.

Через несколько месяцев выступили в Улан-Удэ на страницах газеты «Бурят-Монгольская правда» от 18 декабря 1948 г. с рецензией на книгу С. А. Козина «Эпос монгольских народов» Ц. Галсанов, Х. Намсараев, Д. Цыремпилов, Д. Лубсанов и другие. В первой части рецензии они повторили уже знакомый нам по выступлению газеты «Культура и жизнь» тезис об идеализации феодально-ханского эпоса и Чингиса. Тезис, как видно из предыдущего, правильный.

Однако нельзя признать правильными их нападки на Гэсэриаду и Джангариаду. Произвольное объединение в одну трилогию придворной летописи и эпических народных произведений не делает еще эти последние творениями феодалов. А некоторые

⁹ Гэсэриада, стр. 157.

¹⁰ Там же, стр. 158.

¹¹ «Сокровенное сказание», М.—Л., 1941, стр. 81.

¹² Там же, стр. 62.

¹³ С. А. Козин, Эпос монгольских народов, М.—Л., 1948.

¹⁴ «Культура и жизнь», 31 июля 1948.

¹⁵ «Сокровенное сказание», стр. 199.

критики сделали именно такой вывод, объявив не только «Сокровенное сказание», но и Гэсэриаду с Джангариadou произведениями феодально-ханского эпоса. Они некрптически восприняли концепцию С. А. Козина о трилогии и стали доказывать, что «мифический Гэсэр — все тот же реальный Чингис», а Гэсэриада — «это опять-таки сказание о Чингис-хане и его империи»¹⁶. Всех инакомыслящих, считавших «Абай Гэхэр Богдо хана» произведением народного творчества, увлекшиеся критики объявляли буржуазными националистами.

Не ограничиваясь отрицанием народности бурятской Гэсэриады, Ц. Галсанов выступил и против ее самобытности. В одном из своих докладов он доказывал, что «известный монгольский вариант и так называемая бурятская версия «Гэсэра» по своему внутреннему содержанию, по своему сюжетному сходству оказываются почти идентичными или адекватно родственными произведениями, а расхождение отдельных эпизодов и персонажей сугубо формальное. Если к этому добавить, что монгольский «Гэсэр» является переводным с ламско-тибетского и феодально-китайского, то легко понять, откуда происходит «Гэсэр», каким образом и через кого попал он в Буря Монголию, какую политическую подкладку он имел в пору своего распространения»¹⁷. Выходит, что Гэсэр — вовсе не бурятский, создан он не народом, а ламами феодалами.

Желая окончательно развенчать Гэсэриаду, Д. Цыремпилов, Г. Цыденжапов, Х. Намсараев и Ц. Галсанов выдвинули новый тезис — об антирусской направленности этого произведения. В своем письме в газету «Культура и жизнь» они так и заявляли: «эпос «Гэсэр-хан» культивирует враждебное отношение к русскому народу»¹⁸.

Такова новая точка зрения на Гэсэриаду, сформулированная Ц. Галсановым его единомышленниками в 1948—1949 гг. Она отличается исключительной четкостью и категоричностью, но не отличается убедительностью. Все мотивировки сводят к чисто внешним моментам, глубокому анализу версии Гэсэриады не подвергались исторические условия сложения эпопеи игнорировались. Раз герой носит ханский титул, произведение наполнено войнами, а жизнь народа, его мирный труд, радости горести, борьба с угнетателями не показаны, значит Гэсэриада принадлежит к числу произведений феодально-ханского эпоса. Совершенно очевидно, что противники народности Гэсэриады скользят по поверхности, не берут во внимание идейные мотивы произведения, не желают считаться с тем обстоятельством, что автором эпопеи был народ феодальной эпохи с присущим ему мировоззрением.

На такой же зыбкой почве зиждется и отрицание самобытности бурятского Гэсэра. Какая-то доля правды в цитированном месте доклада Ц. Галсанова имеется. Действительно, среди забайкальских бурят имел распространение монгольский Гэсэр (пекинская версия), но в других местах бытовал чисто бурятский Гэсэр, отличающийся от монгольского и по форме, и по содержанию. Для бурятского Гэсэра характерна стихотворная форма, причем стихи «Абай Гэхэр Богдо хана» роднят его с другими эпическими произведениями бурятского народа. Монгольскому же Гэсэру, как известно, присуща прозаическая форма.

Отличается бурятский Гэсэр от монгольского и по содержанию. Есть, понятно, и общие места. Иначе и быть не могло, коль скоро мы имеем дело с родственными народами, живущими к тому же по соседству. Если в бурятский фольклор проник русский «Конек-горбунук», то стоит ли удивляться, что бурятская Гэсэриада имеет общие места с монгольской? Однако не отдельные совпадения определяют характер произведения, а весь дух его. Если же мы будем рассматривать всю эпопею в целом, то окажется, что свое в ней резко преобладает над заимствованным. Есть такие версии, в которых совпадение отмечается лишь в двух или трех случаях.

Герои бурятского Гэсэра в подавляющем большинстве случаев носят бурятские имена. Топонимика эпопеи, исключая мифические объекты, связана с территорией, занимаемой бурятским народом. Нашло отражение в бурятских версиях Гэсэриады общение с русским народом, влияние русской культуры (русские слова, упоминание элементов материальной культуры русского народа, казак, охраняющий Гэсэра и т. д.). А самой замечательной чертой бурятской Гэсэриады является, пожалуй, ее разветвленность. У бурят появились сказания о батарах Гэсэра, его сыновьях и т. д. Это обстоятельство также свидетельствует о самобытности бурятских улигэров о Гэсэре.

Остается только недоумевать, как Ц. Галсанов, Д. Цыремпилов, Г. Цыденжапов, Х. Намсараев и другие могли пройти мимо этих бьющих в глаза фактов.

Цитированное выше утверждение Ц. Галсанова и других относительно того, что Гэсэриада культивирует враждебное отношение к русскому народу, имеет под собой еще меньше оснований. В данном случае они целиком базировались на внешних параллелях, столь свойственных компаративистам, на беспочвенных догадках и поспешных выводах. Ход их рассуждений таков. В монгольской Гэсэриаде герой сражается со сказочными мангасами. Конечному с монгольского языка в бурятском часто соответствует д. Значит, бурятское мангад — эквивалент монгольского мангас. А мангад в некоторых бурятских диалектах означает русский. Отсюда делается вывод, что Гэсэр воевал с русскими.

¹⁶ «Против извращений советской идеологии», Улан-Удэ, 1949, стр. 36.

¹⁷ Там же, стр. 45.

¹⁸ «Культура и жизнь» от 11 января 1951 г.

При этом совершенно игнорируются многие весьма существенные обстоятельства. Начнем хотя бы с того, что в бурятских улигэрах Гэсэр сражается не с мангадами, а с мангадхаями. Мангад и мангадхай — разные вещи, и смешивать их не следует. Далее, не все буряты называют русских мангад. В ряде диалектов русские именуются ород и орос. Правомерно ли явления, свойственные некоторым диалектам, распространять на все?

Следует также учитывать и время сложения бурятской Гэсэриады. На этот счет существуют различные точки зрения. Некоторые фольклористы полагают, что «Абай Гэхэр Богдо хан» сложился шестьсот лет назад (предполагалось даже празднование этого юбилея). Другие считают, что Гэсэр на несколько сот лет старше. С какой бы точкой зрения мы ни согласились, ясно одно: Гэсэриада сложилась задолго до того, как бурятский народ познакомился с русскими. Следовательно, мангадхай могут быть кем угодно, но только не русскими.

Правда, произведения устного народного творчества не имеют канонизированного текста, а образы иногда переосмысливаются. Не произошло ли в XVIII или XIX в. эволюции, в силу которой мангадхай стали олицетворять русских? На этот вопрос дает отрицательный ответ сам эпос. В эхирит-булагатской версии есть очень интересный эпизод с казаком. Совершенно очевидно, что этот персонаж проник в эпопею совсем недавно. Каковы же отношения его с главным героем? Этот казак служит Гэсэру верой и правдой, помогает в борьбе с враждебными силами. Когда Гэсэр, преданный близкими, подвергается нападению, казак поднимает тревогу при приближении противника и спасает тем самым Гэсэра от гибели. Казак в Гэсэриаде — фигура как бы героическая, он помогает главному герою бороться с мангадхаями. В других произведениях бурятского фольклора есть эпизоды, показывающие, что от мангадхаев в равной степени страдали и русские, и буряты, а герой сражается за избавление от страданий и тех, и других.

Таким образом, допущение о возможной эволюции или переосмыслении отдельных образов произведения не подтверждается фактами. Рушится, стало быть, самый оригинальный тезис Ц. Галсанова и его единомышленников.

Итак, в выступлениях указанной выше группы правильным можно считать лишь критику исторических концепций С. А. Козина и его попытки объявить «Сокровенное сказание» народным произведением. В отношении же Гэсэриады они занимают неправильные позиции, все их высказывания проникнуты духом национального нигилизма.

В разгар описываемых споров аспирантом Института востоковедения АН СССР Ц. Дамдинсурэн была написана диссертация, посвященная исследованию исторических корней Гэсэриады¹⁹. Автор этого исследования выдвинул ряд в высшей степени интересных положений, среди которых на первое место, как нам кажется, следует поставить установление исторического прототипа эпического Гэсэра.

Ц. Дамдинсурэн привлек к исследованию как материалы эпоса, так и китайские и тибетские исторические сочинения. Он прежде всего обратил внимание на историчность многих данных о Гэсэре, содержащихся в монгольском переводе одной из тибетских версий Гэсэриады. Изучение тибетских исторических произведений подтвердило, что действительно существовало царство Лин, которым управлял в XI в. Гэсэр ха. Дальнейшие поиски привели к тому, что и в китайских летописях были обнаружены следы Госыло, которого Ц. Дамдинсурэн отождествляет с Гэсэром, и даже Сы-Догу (тибетское Са-тоун, монгольское Цотон).

На Уланудэнской сессии высказывались скептические замечания по поводу этой находки Ц. Дамдинсурэна. Однако следует вспомнить, что еще Я. И. Шмидт в предисловии к своему переводу пекинской версии упоминает исторического Гэсэра. Очевидно, первый исследователь Гэсэриады имел для такого замечания какие-то основания.

Установление реального прототипа Гэсэра позволяет нам отказаться от многих гипотез, отождествляющих главного героя Гэсэриады то с Чингисом, то с китайским Гуань Ди, о котором речь еще впереди, то с кесарем (и даже кайзером), то с персонажами произведений русского фольклора.

Выше уже говорилось, что к Гэсэриаде имеет какое-то отношение и культ Гэсэра. Под этим культом в литературе подразумевались храмы в честь Гэсэра, воздвигнутые маньчжурами. Однако храмами дело не ограничилось. Г. Н. Потанин²⁰ сообщает о слов сказителя Самбарчи, что в пяти тангутских деревнях долины Ительгол есть храмы с изображением Гэсэра и двух женщин. В той же книге Г. Н. Потанин приводит хангаловский перевод одной из версий бурятской Гэсэриады. В предисловии к своему переводу М. Н. Хангалов сообщает о повериях бурят, связанных с Гэсэром. Оказывается, «когда свирепствуют болезни, рассказывать сказку про Абай-Гэхэр-богдо-хана считают очень полезным, потому что нечистые духи, насылающие болезни на людей, будто бы боятся сказки об Абай-Гэхэр-богдо-хане. Иногда буряту, едущему в темную ночь по безлюдной степи, становится жутко; тогда он начинает мурлыкать сказку про Абай-Гэхэр-богдо-хана. Если, собираясь в дальний путь, придется слушать

¹⁹ Ц. Дамдинсурэн, Исторические корни Гэсэриады, Диссертация, Л., 1950.

²⁰ Г. Н. Потанин, Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, стр. 44.

сказку про Абай-Гэхэр-богдо-хана, это считается хорошим признаком, дорога буддизма благополучной и дела будут успешными»²¹.

Ц. Дамдинсурэн касается только храмов, принадлежавших маньчжурам. Он доверяет, что эти храмы в действительности посвящены не Гэсэру, а китайскому богу войны Гуань Ди, историческим прототипом которого был знаменитый китайский полководец Гуань Юнь-чан. Маньчжурские завоеватели, заимствовав многое у китайцев, приняли и Гуань Ди, объявив его гением-покровителем маньчжурской династии. Чтили они новое для них божество истово и повсеместно, где только стояли маньчжурские войска, воздвигали храмы, получавшие правительственные субсидии. Простые люди завоеванных маньчжурами стран не знали Гуань Ди, но знали Гэсэра. В этом месте неведомого им бога они как бы поставили свой кумир — хорошо известного Гэсэра. Так в храмах Гуань Ди стали поклоняться Гэсэру.

С доводами Ц. Дамдинсурэна можно согласиться: покоренные маньчжурами народы могли не знать Гуань Ди. Но еще Я. И. Шмидт указывал, что маньчжуры считают Гэсэра своим гением-покровителем. Есть на этот счет указания и у Б. Я. Владимирцова: «маньчжуры и китайцы, в силу каких-то традиционных преданий, давно уже стали отождествлять Гэсэра — Ке-сара с героем знаменитого китайского романа «Троецарствие», с Гуань Ди; повидимому, мнение это поддерживается и китайскими тибетскими народными рассказами»²².

Так как эти мнения остаются не опровергнутыми, не исключена возможность, что маньчжуры сооружали храмы в честь Гуань Ди и Гэсэра одновременно. Конечно, культ Гэсэра для Гэсэриады — явление привходящее, прямое отношения к произведению не имеющее. Однако литературоведу необходимо учитывать и это обстоятельство. Исследователи, в том числе и Ц. Дамдинсурэн, обращали внимание на тот факт, что Гэсэриада подвергалась гонениям со стороны официальной церкви. Очевидно, эти гонения были вызваны популярностью культа Гэсэра. В нашем распоряжении есть порядочное количество рукописей, в которых фигурирует имя Гэсэра. Но к Гэсэриаде они никакого отношения не имеют, а представляют собой молитвы, адресованные Гэсэру. Но такого бога не было в ламаистском пантеоне, поэтому официальная церковь считала Гэсэра еретическим божеством, а молитвы, связанные с его именем, — возмутительной ересью. Культ Гэсэра, следовательно, мог представлять собой своеобразный протест народных масс против официальной церкви и ее святых.

В работе Ц. Дамдинсурэна содержатся новые доказательства самобытности монгольской Гэсэриады. Признавая тибетского, монгольского и бурятского Гэсэра самостоятельными произведениями, он особенно тщательно исследовал материал, позволяющий судить о разнице или сходстве первых двух эпосов. Ц. Дамдинсурэн не располагал полным оригинальным текстом тибетской Гэсэриады, но в его руки попал переписанный одной из тибетских версий на монгольский язык в рукописном виде (так называемый монгольский Лин Гэсэр). Сравнивая эту рукопись с пекинским ксилографом, Ц. Дамдинсурэн пришел к следующим результатам: «из тринадцати глав монгольских версий только две-три главы имеют некоторую аналогию с тибетской версией. Это главы о рождении Гэсэра и о войне с шарайголами. А остальные одиннадцать глав — самостоятельное монгольское произведение. На основе сходства двух глав из тринадцати нельзя, конечно, сделать вывод, что вся монгольская версия переведена с тибетского»²³. Исследование Ц. Дамдинсурэна в этой части является первой попыткой сказать что-то обоснованное в подтверждение тезиса о самобытности монгольской Гэсэриады. Он в данном случае оперирует не догадками и предположениями, как это делали его предшественники, а фактами, полученными в результате сравнения тибетской версии с монгольской.

В диссертации Ц. Дамдинсурэна есть раздел о народности Гэсэриады. Опираясь на большой фактический материал, исследователь приходит к выводу, что подавляющее большинство известных нам версий (тангутско-тибетских, монгольских, бурятских) принадлежит к произведениям народной литературы. Феодално-ламских фальсификаций, в которых Гэсэр выводится распространителем буддизма или завоевателем-агрессором, мало, и их чуждый народу характер совершенно очевиден. К тому же они существуют в рукописном виде и народу не известны.

Таковы основные положения исследования Ц. Дамдинсурэна о Гэсэре. Они не вызвали возражений ни на дискуссии, предшествовавшей защите, ни на самой защите, состоявшейся, как и упомянутая дискуссия, в октябре 1950 г. в Институте востоковедения АН СССР. Нашли поддержку они и на дискуссии, состоявшейся в том же Институте в апреле 1951 г.

Заключительный этап этой затянувшейся дискуссии о Гэсэриаде наступил в феврале 1953 г., когда в Улан-Удэ была созвана объединенная научная сессия Института востоковедения АН СССР и Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры²⁴.

Сессия заслушала шесть докладов и содокладов, в обсуждении которых приняла

²¹ Г. Н. Потанин, Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, стр. 114—115.

²² Б. Я. Владимирцов, Литература Востока, вып. II, стр. 106.

²³ Ц. Дамдинсурэн, Исторические корни Гэсэриады, стр. 7.

²⁴ См. «О характере бурятского эпоса «Гэсэр», Улан-Удэ, 1953.

участие двадцать пять человек. И докладчики, и участники прений сошлись на том, что бурятский Гэсэр — произведение народного творчества. Не составили исключения упоминавшиеся выше нигилисты. Под влиянием фактов и настроений широкой общественности они вынуждены были отступить, но отступали с боем, стараясь всячески оправдать свои прежние заблуждения. Наиболее характерным с этой точки зрения было выступление Ц. Галсанова. На сессии он делал доклад на тему «К вопросу о критическом изучении эпоса «Гэсэр». В прошлом докладчик считал Гэсэриаду реакционным произведением. Сессия ожидала, что Ц. Галсанов либо попрежнему будет отстаивать эту же точку зрения, либо решительно от нее откажется. Однако ни решительного отказа, ни столь же решительного перехода на новые позиции в докладе не было. Ц. Галсанов много критиковал компаративизм Г. Н. Потанина, теорию аристократического происхождения эпоса Б. Я. Владимирцова, концепции С. А. Козина, говорил о проявлениях идеологии буржуазного национализма в различных республиках, в том числе и в Бурят-Монголии, но ничего не сказал о национальном нигилизме, на позициях которого стояли он и его соратники. Более того, Ц. Галсанов предпринял попытку зачеркнуть все достижения монголоведов в деле изучения Гэсэриады, заявив, что на протяжении более ста лет исследователями высказан целый ряд суждений как по поводу эпоса, так и относительно его главного героя — Гэсэра. Однако подход к изучению этого эпоса столь различен и мнения о нем столь противоречивы, что «ясности в данном вопросе в ученом мире нет и до настоящего времени»²⁵.

Ссылки на мнимое бессилие и слабость нашей науки, а также попытка обойти молчанием проявления национального нигилизма сделали доклад Ц. Галсанова несамокритичным. Его признание народности Гэсэриады выглядело не очень убедительно. Создавалось впечатление, что он не пожелал до конца вскрыть свои ошибки и причины, их породившие, которые крылись не столько в отдельных ошибочных положениях Г. Н. Потанина, Б. Я. Владимирцова, С. А. Козина, сколько в путанице, порожденной Ц. Галсановым и его единомышленниками.

Не встретило на сессии возражений и положение о самобытности бурятской Гэсэриады, обоснованное в сокладе «Самобытность и бытование бурятского эпоса «Гэсэр». Положение Ц. Галсанова об антирусской направленности бурятской Гэсэриады также не выдержало испытания. Участники сессии привели достаточное количество фактов, свидетельствующих о неизменно дружественных отношениях, издавна существовавших между русским и бурятским народами.

В ходе прений выяснилось, что с 1948 г. бурятский фольклор был почти заброшен, им перестали заниматься. Со сцены бурятского театра сошли хорошие оперы, посвященные эпическим героям. Оперы «Энх болод батар» и «Баяр», пользовавшиеся большим успехом в дни декады бурят-монгольского искусства в Москве в 1940 г., в Улан-Удэ сейчас не ставятся.

На заключительном заседании сессии выступили Г. Д. Санжеев и П. И. Хадалов. Первый от лица Института востоковедения АН СССР, а второй от лица Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры констатировали совпадение точек зрения обоих институтов и полное единодушие всех выступавших в прениях относительно народности Гэсэриады.

Исход многолетней дискуссии о характере Гэсэриады весьма наглядно показал, что буржуазный национализм способен оборачиваться и своей другой, нигилистической стороной. Нигилисты, как и буржуазные националисты, мешают правильной оценке и правильному использованию культурного наследия, развитию лучших национальных традиций. Они отрицают творческие возможности народа, способность его создавать крупные художественные произведения. Успешное продвижение вперед советской фольклористики возможно лишь в борьбе как с буржуазным национализмом, так и с национальным нигилизмом.

Покончив с нигилистическим отношением к литературному наследию, сессия высказалась за развертывание работы по собиранию и критическому изучению фольклора.

Г. И. Михайлов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

The beginning of diplomacy. A sociological study of intertribal and international relations. By Ragnar Numelin. Oxford University Press, London, Eynar Munnsgaard, Copenhagen, 1950.

Новая книга известного финского социолога Р. Нумелина направлена против взглядов реакционных, особенно американских, социологов и этнографов, утверждающих, что воинственность присуща человеческой природе (Росс, Богардус, Бернард) и что война является наиболее «естественным» занятием для большинства народов на протяжении всей их истории (Боссард)¹.

²⁵ «О характере бурятского эпоса «Гэсэр», стр. 28.

¹ См. М. П. Баскин, Современная американская буржуазная социология на службе экспансионизма. М., 1952, стр. 76, 88.

Книга посвящена мало разработанному в мировой этнографической литературе вопросу о межплеменных отношениях в первобытном обществе. Основной идеей книги является правильная мысль о том, что главной формой сосуществования людей в первобытном обществе являлись мирные отношения. Эта мысль последовательно проводится через всю книгу и подтверждается на большом конкретном этнографическом и историческом материале.

Книга интересна тем, что, аргументируя выдвинутые им положения, Нумелин на большом фактическом материале стремится раскрыть содержание экономических, политических и религиозных отношений как между современными отсталыми народами, так и между народами древности. Положительной чертой книги Р. Нумелина является также и то, что в ней уделяется значительное внимание историографии вопроса.

Обширный ссылочный аппарат показывает, что автор использовал большую этнографическую литературу, и в том числе несколько работ советских этнографов. Однако положительные стороны книги Р. Нумелина до известной степени снижаются такими ее недочетами, как недостаточный историзм и некоторые теоретические погрешности. Нумелин подразделяет племена и народности, находящиеся к приходу европейцев на низкой ступени развития, на самые отсталые и более развитые. Но деление это несколько условно и не всегда соблюдается самим автором, в результате чего рассматриваются вместе обычаи и взаимоотношения племен и народов, находящихся на самых различных этапах первобытно-общинного строя или даже начавших уже переход к классовому обществу и образовавших ранние государства типа Бенина, Дагомеи и т. д.

Исследование Р. Нумелина состоит из введения и одиннадцати глав.

В введении автор высказывает общие соображения о причинах и времени происхождения дипломатии и международного (межплеменного) права, излагает свой взгляд на задачи, метод и значение предпринимаемого им исследования и особо останавливается на принципах отбора иллюстративного материала.

Р. Нумелин указывает, что дипломатия как средство поддержания мирных отношений между племенами и народами существовала уже у самых отсталых народностей и этнографических групп земного шара и что определенные нормы международного (межплеменного) права возникли сразу же после начала межплеменного общения. Автор предостерегает от отождествления современных отсталых племен и народов с людьми первобытного общества, так как даже самые отсталые современные этнографические группы прошли многотысячелетний путь развития.

Объясняя выбор темы исследования, Нумелин пишет, что, по его мнению, современные проблемы международных отношений легче понять, если рассмотреть их в свете всей истории человеческой культуры. Что касается метода исследования, то Нумелин призывает к широкому использованию сравнительного метода и к тому, чтобы взять положительное зерно у всех этнографических школ. В частности, он предлагает сочетать в исследовании понимание культуры как целого, характерное для эволюционной школы, с историческим (конкретным) подходом к явлениям, типичным, по его словам, для школы культурных кругов. Таким образом, методика Нумелина — эклектична.

В I главе автор рассматривает формы организации человеческого общества на различных этапах его развития, а также наиболее типичные формы правления, встречающиеся у отсталых племен и народов. Автор, как и большинство буржуазных этнографов, считает первичной ячейкой человеческого общества семью. Род, по его мнению, возник из разросшейся семьи. Вопрос о соотношении материнского и отцовского рода в истории человеческого общества он решает уклончиво, говоря, что материнский род, может быть, и древнее отцовского, но отцовский тоже очень древен. Государство, по мнению Нумелина, может характеризоваться различными признаками, и в частности под государством можно понимать группу людей, объединенных общностью территории и происхождения. Исходя из этого, Нумелин полагает, что государство в его зачаточных формах существовало уже в родо-племенном обществе.

Особняком стоит в I главе разбор Нумелином вопроса о развитии родового и племенного управления и единоличной власти. Нумелин ослепляет распространенную в буржуазной этнографии точку зрения, согласно которой в роде и племени господствуют единоличные начальники, обладающие почти неограниченной властью. Он старается показать, что в действительности власть вождей и старейшин очень ограничена и они ничего не могут решать без племенного совета, которому и принадлежит действительная власть. Ссылаясь на самые отсталые общества, например веддов, Нумелин говорит, что вначале единоличной власти совсем не существовало и вся власть принадлежала племенному совету; лишь впоследствии появились вожди и старейшины. Сначала они могли лишь давать советы соплеменникам, но по мере развития общества началось усиление единоначальной власти.

Во II главе дана критика теории «войны всех против всех» при первобытно-общинном строе и излагаются собственные взгляды автора на войну. Нумелин, привлекая обширный этнографический материал по народам всех частей света, показывает, что войны сравнительно редки среди отсталых народов нового времени. Особенно миролюбивы племена собирателей, охотников и рыболовов. Что касается палеолитического человека, то, по мнению Нумелина, археологический материал не дает свидетельств, указывающих на распространенность войн у людей каменного века. Воинственность, говорит Нумелин, начинает развиваться лишь в бронзовом веке. Автор обвиняет американских этнографов и социологов в одностороннем использовании фактического материала, в

игнорировании тех научных работ, которые опровергают их теории «войны всех против всех». Глава заканчивается выводом, что применение насилия, военные действия наименее типичны именно для первобытного общества и что развитие их связано с появлением деления общества на классы. Именно в этом глубоко верном выводе и заключается большая ценность II главы рецензируемой работы. Подчеркивает Нумелин и реакционную роль церкви, санкционировавшей войны как «святое дело».

III глава интересна как сводка сведений о положении чужестранцев в отсталых обществах. В главах IV—VI автор на многочисленных конкретных примерах разбирает обычаи, связанные с межплеменными сношениями, в том числе права и обязанности вестников. Нумелин старается показать, что человек с самого своего появления в своих действиях руководствуется общественными чувствами (community instincts). Благодаря этому очень рано возникли экономические, религиозные, брачные и другие связи между племенами. Вестники и посыльные, с помощью которых осуществлялись эти связи, делились на несколько категорий. Основными были категории собственно посыльных (messengers), передававших то или иное сообщение из одного племени в другое, и «посланников» (envoys), в чьи обязанности входило ведение переговоров с вождями или племенными советами чужих племен по вопросам объявления войны или заключения мира, использования охотничьих и рыболовных угодий, заключения межплеменных браков и т. п. Посыльные, выбираемые обычно из числа наиболее уважаемых людей в племени, пользовались рядом привилегий. Они были неприкосновенными, их пребывание в чужом племени обставлялось специальными церемониями и т. д. Особо подчеркивает Нумелин тот факт, что посыльными часто выбирались женщины.

В VI главе Нумелин, сравнивая власть старейшины и военного вождя в племени, приходит к выводу, что первый из них был подлинным представителем власти, власть же военного вождя носила временный и преходящий характер. Такой взгляд правил лишь по отношению к определенному этапу развития доклассового общества; Нумелин не заметил постепенного усиления власти военных вождей, наиболее ярко проявившегося на последних этапах родо-племенного строя.

В главе VII автор описывает порядок заключения мира и церемонии, его сопровождающие. Он указывает, что мир мог быть заключен или подтвержден путем жертвоприношений, сопровождающихся соответствующими клятвами, путем устройства межплеменных празднеств, межплеменных браков, обмена продуктами, внесения компенсации за причиненный ущерб, посадки молодых деревьев и т. п.

В главе VIII рассматривается вопрос о праве убежища в родо-племенном обществе и высказывается явно идеалистический взгляд на его происхождение из различных магико-религиозных воззрений. Далее автор описывает тайные общества, подчеркивает их межплеменной характер; однако мнение автора, будто одной из их основных функций являлось поддержание мира, глубоко ошибочно. Нумелин не заметил роли тайных обществ как орудия родовой аристократии и вождей, служившего целям подчинения родовых общинников.

Главы IX—X посвящены мало разработанному вопросу о межплеменной торговле и ее роли в развитии межплеменных сношений. Нумелин считает, что наиболее ранней формой торговли был обмен подарками в пределах племени или между дружественными племенами. Позднее на основе обмена продуктами между дружественными племенами возникла так называемая «немая торговля» между враждебными племенами или племенами, не поддерживавшими друг с другом постоянного общения. Местом такой торговли были обычно межплеменные границы. Постепенно «немая торговля» переросла в примитивную рыночную торговлю в виде периодических встреч людей на определенном нейтральном месте с целью обмена продуктами своей деятельности. Особо отмечает автор важную роль женщины в рыночной торговле. Глава заканчивается выводом, что торговля, вызывая общение людей и формируя общие интересы, явилась важным фактором в развитии цивилизации.

В главе XI дан краткий обзор развития экономических и политических отношений между народами с античности до настоящего времени. Приводя факты, свидетельствующие о непрерывно нарастающем расширении сношений между народами, Нумелин приходит к выводу, что основой, обеспечившей развитие европейской цивилизации, являлись мирные отношения, а не войны, которые были катастрофами, нарушавшими нормальный ход развития человеческого общества. Глава заканчивается призывом к решению всех спорных вопросов мирным путем, путем дипломатических переговоров.

В конце книги помещен список использованной литературы, распадающийся на 3 части (историческая и философская литература; литература по международному праву и социологии; этнографическая и географическая литература).

Подводя итоги разбору книги Р. Нумелина, надо сказать, что несмотря на имеющиеся в ней недостатки как теоретического, так и отчасти фактического характера, рецензируемая работа имеет большое положительное значение, так как она направлена против войны и милитаристской пропаганды реакционных американских социологов и этнографов. Она представляет собой ценный вклад буржуазного ученого в дело борьбы за мир. Выход в свет книги Р. Нумелина еще раз показывает, что в борьбе за мир принимают в настоящее время участие представители самых различных слоев и групп населения.

НАРОДЫ СССР

Русское народнопоэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XX, М., 1953.

За последние три года советская фольклористика обогатилась значительными исследованиями обобщающего характера. Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) выпустил третий и первый томы «Очерков русского народнопоэтического творчества»¹. Второй том готовится к опубликованию. После ученика Ю. М. Соколова, вышедшего еще в 1938 г., издание Пушкинского дома является новой попыткой проследить и осмыслить с более глубоких позиций марксистско-ленинской методологии на основе последних достижений науки весь процесс исторического развития русского народного поэтического творчества.

Одновременно с первым томом ленинградского издания в Москве вышел сборник статей по народному поэтическому творчеству, выполненный Институтом этнографии Академии наук СССР. Эта книга не является монографическим исследованием всей народной поэзии в целом. Подзаголовок сборника определяет его как «Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа». Однако этот подзаголовок скорее говорит об особой скромности авторского коллектива и не может снизить всего труда до значения простых публикаций и сообщений. Сборник объединяет ряд обширных законченных научных исследований, в большинстве являющихся итогом длительного изучения. Мало того, в книге представлены работы по многим важнейшим вопросам фольклористики, все статьи решают основную проблему в содержании народного творчества — отражение в нем сознания народа на разных этапах исторического развития. Все это поднимает значение сборника до труда обобщающего характера. Сборник ставит своей задачей рассмотреть под социально-политическим углом зрения наиболее значительные жанры и произведения народной поэзии, а это значит — найти ключ для понимания всех сторон содержания и формы. Таким образом, замысел книги требует разносторонних и обширных разысканий.

Как и «Очерки» Пушкинского дома, издание Института этнографии, отвечая важнейшим задачам современной фольклористики, строит все исследования на основе глубокого историзма. В редакционном вступлении подчеркивается, что народное творчество дает возможность не только «проникнуть в психологию и сознание различных групп трудящихся, понять их чаяния и стремления», но и «определить, в каком направлении развиваются и изменяются их воззрения» (стр. 4). В хронологическом порядке анализируемых проблем расположены и статьи, охватывающие время, начиная с XVII в. до начала Советской эпохи.

Ценность работ обобщающего порядка особенно возрастает, если учесть многочисленные ошибки и пороки, господствовавшие до последнего времени в нашей науке.

Редакция сборника Института этнографии оговаривается, что книга «не претендует на характеристику мировоззрения русского народа во всей его полноте. В него не вошли статьи, характеризующие мораль народа, воззрения его на природу и др. Включенные в сборник статьи ставят своей задачей раскрыть в результате анализа отдельных видов народного творчества основные черты общественного сознания русских крестьян и рабочих в разные исторические периоды и показать формирование нового, социалистического сознания после Великой Октябрьской социалистической революции» (стр. 15).

Вопросы, решаемые коллективом московских фольклористов, исключительно актуальны, проблематика, поднятая ими, давно назрела. В книге заново пересматривается фольклор о крестьянских войнах XVII и XVIII вв., анализируются причитания знаменитой вопленицы Ирины Федосовой, характеризуется дореформенный фольклор рабочих Урала, изучаются волшебные сказки, рабочие песни периода массового рабочего движения. Завершается сборник обзором народного творчества двадцатых годов нашего века. Большинство статей отличается новизной точек зрения, методологической обоснованностью и свежестью привлекаемого основного и дополнительного материала.

Редакционное введение дает установку на выявление самых сильных сторон идеологии трудящихся, отраженных в народной поэзии, но указывает и на слабые стороны народного сознания в прошлом.

Ценность сборника и в его замысле, и в его выполнении бесспорна. И все же отдельные стороны общетеоретических позиций коллектива не могут не вызвать больших сомнений.

В сборнике не делается различий между народнопоэтическими материалами коллективными, массовыми, и произведениями, известными в единичных текстах, в которых в значительной мере отразилось индивидуальное авторское сознание. Таковы причитания Федосовой. Правильно ли в равной мере в этих различных группах произведений усматривать отражение народного сознания? Не требует ли этот вопрос значительных уточнений и теоретических обоснований?

¹ «Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи». Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, М.—Л., 1952; «Очерки русского народнопоэтического творчества X—начала XVIII веков», Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, М.—Л., 1953.

Вызывает серьезные упреки забвение авторами в отдельных случаях специфики природы фольклора. В народно-поэтических произведениях, созданных в далеком прошлом и сохранившихся в поздние эпохи, вопрос о том, какого времени сознание народа отражается в их содержании, представляет значительную сложность. Авторы не предлагают никаких обоснований для его решения. Практически же решают его каждый по-своему, никак этого не мотивируя. В статьях о причитаниях Федосовой, о революционных песнях 1890—1905 годов решение вопроса о том, мировоззрение какой исторической эпохи в них отражено, не представляет трудностей. И те и другие произведения сохранились в подлинных текстах той поры, когда они были созданы. Иначе обстоит дело с песнями о Степане Разине, с волшебными сказками, с творчеством рабочих Урала дореформенной эпохи. В песнях о Степане Разине, известных по записям XIX и XX вв. и нашего времени, В. К. Соколова усматривает мировоззрение русского крестьянства конца XVII в. Правильно ли это? Можно ли в записях советского времени усматривать отражение народного сознания XVII в.? Можно ли предполагать, что социалистическая действительность не наложила никакого отпечатка на тексты этих произведений? Можно ли предполагать, что образ борца за народное освобождение не претерпевал никаких изменений за время с XVII в. до наших дней? В некоторых сюжетах В. К. Соколова намечает определенные линии развития, но этого далеко не достаточно.

Прямо противоположного метода придерживается Л. Н. Пушкарев в статье о сказках. Содержание сказок в вариантах XIX в. он (опять-таки безговорочно) рассматривает как произведения капиталистической эпохи и видит в них отражение народного мировоззрения этого времени. А между тем большинство анализируемых им сказочных сюжетов сложилось не в XIX и не в XX вв., а много лет и, может быть, столетий раньше. Можно ли полностью игнорировать это обстоятельство? Правильно ли смотреть на волшебные сказки как на произведения XIX в.? В этой, наиболее слабой методологически и наименее убедительной по аргументации статье не делается различий между эпохами крепостничества и капитализма. Народное сознание, по мнению Л. Н. Пушкарева, оставалось неизменным в течение этих эпох.

Казалось бы, редакционная статья должна была остановить свое внимание на этих важнейших вопросах. Однако она этого не делает.

Нельзя не остановиться еще на одной стороне содержания статей, вызывающей большое сомнение.

В сборнике почти не учитывается эстетическая природа анализируемого материала. Встает вопрос: можно ли при изучении содержания народной поэзии и определении народного мировоззрения, отраженного в ней, совершенно игнорировать то, что это содержание выражено в художественно-образной форме? Художественная форма произведений вместе с содержанием составляет взаимно обусловленные стороны искусства. И одно без другого не может быть понято. Редакторы сборника дают такую заявку, которая как будто должна снять вопросы о художественной специфике изучаемого материала. Они признают народную поэзию искусством реалистическим, утверждая, что в ней «даются типические образы и ситуации, раскрывающие социально-историческую сущность изображаемых явлений» (стр. 6). Однако принять эту формулу без уточнений и без дифференцированного подхода к разным видам произведений народного творчества совершенно невозможно. Можно ли художественный метод волшебных сказок, исторических песен, революционных песен, легенд и других произведений, совершенно различных по методу изображения действительности, признать единым для всех реалистическим методом? С этим невозможно согласиться.

Поставленные здесь вопросы особенно осложняются тем, что нельзя найти единого рецепта для анализа всех явлений народной поэзии. В том-то и дело, что в каждом отдельном случае они должны решаться применительно к данному жанру или произведению, к его содержанию, к особенностям его формы и т. д. и т. д. Обходить же все эти вопросы невозможно, когда исследуются самые различные явления.

Сборник открывается статьей В. К. Соколовой о народном творчестве, изображающем крестьянские войны XVII и XVIII вв. Одновременно с этой статьей в «Очерках» Пушкинского дома была напечатана статья Б. Н. Путилова о разинском фольклоре. Оба автора ставят своей задачей заново пересмотреть и более глубоко осмыслить этот фольклор с марксистско-ленинских позиций, привлекая и вновь опубликованные тексты. Достоинством обеих статей является то, что оба автора усматривают в произведениях о крестьянских восстаниях не столько летопись событий, сколько выражение народного понимания и народных оценок изображаемого; значение и жизненность песен о Степане Разине усматриваются не в исторической документальности, а прежде всего в освободительных и протестующих настроениях, выраженных в них.

Работа В. К. Соколовой имеет значительное преимущество перед статьей Б. Н. Путилова. В ней произведения разинской тематики представлены в большей социальной дифференциации. В. К. Соколова выделяет тексты, записанные консервативно настроенными собирателями, указывая на неполноценность этих вариантов. Выделяются в ее работе и произведения ненародные. Работа В. К. Соколовой характеризуется вместе с тем и более последовательным историзмом. Б. Н. Путилов определяет весь фольклор разинской тематики как народное творчество «времени восстания Степана Разина» и только вскользь оговаривается, что «часть разинского фольклора слагалась по воспоминаниям о минувшем восстании». Но он не различает в конкретном анализе произведений, созданных позже. В. К. Соколова совершенно

справедливо усматривает в песнях о Степане Разине произведения, созданные в разное время. Особенно свежей и интересной является ее мысль о том, что две группы песен о Степане Разине соответствуют двум этапам народного движения. К первой группе она относит сюжеты главным образом казацкие, в содержании которых в большей мере отразился «разбойный» характер восстания¹, в них на первом месте стоит фигура Разина, а противником героев являются «бусурмане». Вторая группа песен характеризует разворот движения на Волге, когда в него включились разные группы угнетенных масс и главным образом крестьянство. Образ Разина в этих песнях отходит на второй план, противник в них получает социальное осмысление, а самое восстание в большей мере понимается как социальное возмездие. Эти песни носят более массовый характер. Мысль о наличии в разинских песнях двух групп, соответствующих двум этапам восстания, является центральной во всем исследовании. Нам представляется, что эта мысль могла бы пролить свет на многие темные стороны в поэзии о Степане Разине и в истории ее дальнейшего развития. Следовало бы, например, указать, что крестьянская группа песен обогащалась новыми сюжетами из так называемых «безымянных», примыкавших к разинскому циклу. Можно предположить, что прогрессивность идейного содержания песен второй группы обеспечила ей особую популярность.

Совершенно верно трактуется В. К. Соколовой песня о «сынке» как более поздняя и вовсе не связанная с конкретным историческим событием, как это утверждалось всеми предшествующими исследованиями. Действительно, не рассказ о казаче-разведчике, казненном в Астрахани, как это описывает Стрюйс, а народный протест, выраженный в образе «сынка», не подчиняющегося властям, лежит в основе идейного пафоса сюжета. Совершенно закономерно чрезвычайное распространение этого сюжета и усиление в нем в процессе бытования элементов протеста.

Значительное количество накопленных разновременных вариантов позволяет, как нам кажется, прийти к выводу, что в процессе развития разинского фольклора наиболее исторические сюжеты с течением времени утрачивались народной памятью, сохранялись же и развивали свое содержание такие, которые отвечали растущим освободительным идеям.

Очень убедительно разбирает В. К. Соколова установившееся мнение об особой революционности песни в записи Трутовского о расправе с астраханским воеводой.

В. К. Соколова правильно считает, что обогащение разинского фольклора происходило не только за счет присоединения безымянных народных песен, но и за счет песен литературных. Давно пора было определить место этих песен, получивших массовое распространение, в разинском цикле. Сам народ не отличает отобранных и освоенных литературных песен от своих старых исторических.

При всех достоинствах статьи В. К. Соколовой нельзя не отметить в ней и некоторых пробелов. Исследовательница не доводит до конца исторический принцип анализа. Она считает, например, возможным характеризовать сознание крестьян XVII в. песенными вариантами XX в., а также советского времени. В настоящее время назрела потребность определить весь разинский фольклорный цикл в его историческом развитии. К сожалению, В. К. Соколова полностью этой задачи не решает.

Совершенно не оправдано в статье игнорирование различий песен о Разине с историческими преданиями о нем. И тот и другой жанр используется исследовательницей на равных правах как источник для познания мировоззрения народа. Жанровая специфика при этом не учитывается, а между тем песни о Разине представлены в исследовании в их идейном и художественном единстве как целостное явление. Такого анализа требовали и предания.

Вторая часть работы В. К. Соколовой характеризуется умением четко социально определить анализируемый материал.

Статья М. Г. Китайника посвящена рассказам рабочих дореформенного Урала. Недостаток фольклорных материалов в этой области автор восполняет тем, что собирает много художественно обработанных произведений и материалов из литературных источников. Все собранное автор рассматривает в единстве, выделяя только различные тематические циклы. Привлечение в фольклорный фонд записей и обработок, сделанных писателями, следует приветствовать. Но при этом нельзя забывать того, что в литературных произведениях подобного рода может присутствовать не только точка зрения уральских рабочих, выразившаяся в оригинале предания, но и взгляд писателя, записавшего или даже обработавшего его. Определение народности содержания тех или других произведений автором делается несколько механически.

Статья К. В. Чистова «Ирина Федосова как выразитель крестьянского мировоззрения пореформенного периода» отличается большой свежестью и оригинальностью. В противовес своим предшественникам², К. В. Чистов рассматривает причитания И. А. Федосовой не как индивидуальное творчество талантливой поэтессы, а как коллективное, отражающее народные взгляды точно датированного исторического периода. Разыскания К. В. Чистова объясняют содержание творчества знаменитой плакальщицы конкретно-историческими и местными условиями жизни олонечских крестьян в конце 1860 гг. Новые материалы, приведенные автором, смелость его суждений, разрывающих со многими установившимися точками зрения, не могут не расположить к себе.

² М. К. Азадовский, *Ленские причитания*, Чита, 1922; Г. С. Виноградов, *Сб. Русские плачи*, «Библиотека поэта», Л., 1937.

Однако, при всей ценности и оригинальности этой статьи, в ней есть и весьма спорные, а иногда и противоречивые суждения.

Недостатком методологической основы этой работы является полное отрицание индивидуального начала в плачах Федосовой. Все содержание ее плачей автор рассматривает как отражение народного мировоззрения. Он совершенно обходит вопрос о соотношении традиционных элементов содержания и формы с реалистическими элементами в ее плачах, а между тем традиционными мотивами своего творчества Федосова соприкасалась с творчеством всех других плакальщиц своего времени, которые тоже выражали народные взгляды. В творчестве Федосовой присутствуют такие традиционные представления крестьянства, как взгляд на смерть, на судьбу-долю, систематически олицетворяемые ею и типичные не только для ее плачей. Эти представления органически сочетались со всеми прогрессивными общественными взглядами Федосовой, с реалистическими элементами ее метода и не могут игнорироваться. И мировоззренческая сторона, и художественный метод творчества плакальщицы требовали анализа, более разностороннего и сложного.

К. В. Чистов анализирует творчество знаменитой плакальщицы в наиболее прогрессивной его части, и в этом новизна и ценность этой работы. Социально-политическое содержание ее плачей характеризовалось М. К. Азадовским и Г. С. Виноградовым в самом общем плане. К. В. Чистов выявляет конкретно-историческую обусловленность их содержания. Но это никак не снижает в них типического в более широком значении. Содержание плачей Федосовой типично в отражении в них жизни олонечного крестьянства конца 1860 гг., но оно типично и как отражение жизни и взглядов народа в переходный период, сохраняя отдельные черты дореформенного и частично пореформенного его состояния.

Выявляя в творчестве Федосовой наиболее передовые элементы содержания, К. В. Чистов временами склонен к модернизации ее сознания. Утверждая, с одной стороны, что «Федосова была безусловно религиозна», он одновременно в другом месте говорит, что она «ясно ощущала трагичность крестьянской веры, инстинктивно чувствовала ее противоречивость» (стр. 107). Исследователь даже видит «протест Федосовой против божьей несправедливости» (там же). Тексты плачей не дают права утверждать наличие такой сложности и противоречивости в религиозных воззрениях Федосовой. Эта сторона ее мировоззрения отличается несомненной цельностью. Никак нельзя согласиться с толкованием «Плача об убитом громом-молнией». Автор обнаруживает, будто «Федосова приближается здесь к раскрытию внутренней противоречивости христианства» (там же). Автор видит в словах плача не осуждение убитого крестьянина за то, что он не ходил в церковь, а «гнался за крестьянской работушкой», а осуждение божества, которое за это наказывает. Приведем текст:

Вы не знали, спорядовыи суседушки,
Вы ни светлого христова воскресеньца,
Ни бладычного господня божья празднича;
Да вы в божию ведь церковь не ходили,
Да вы госпуду-бладыке не молились,
Все ведь гнались за крестьянской работушкой...

Не осуждение христианского божества, а осуждение корыстолюбия, жадности, накопительства прежде всего выражено в этих словах Федосовой, хотя речь и идет здесь, казалось бы, о крестьянском труде. Авторское толкование этой цитаты по меньшей мере произвольно. Еще более произвольно толкование следующей цитаты, приведенной К. В. Чистовым на той же странице.

Религиозность Федосовой, неграмотной крестьянки, не вызывает сомнений. Об этом говорят все тексты ее причитаний. И эти взгляды не содержат в себе никакой противоречивости — они очень цельны. Сложность ее сознания заключается в том, что она сохраняла и дохристианские представления, сочетая их с христианскими, и вместе с тем, будучи религиозной, не могла покоряться, не желала мириться с пороками общественного строя.

Слабая сторона мировоззрения Федосовой, сказавшаяся в ее религиозных взглядах, отчасти, несомненно, объяснялась силой традиций, которых она не могла преодолеть. Эти традиции сказывались и в содержании, и в форме причитаний как жанра, воспринятого и поэтически развитого ею.

Очень спорным является положение автора об отношении Федосовой и всего пореформенного крестьянства к самодержавной власти. И здесь он обнаруживает внутреннюю противоречивость: в похоронных причитаниях он усматривает царские иллюзии, в рекрутских он видит прямое осуждение царя, признание его виновником несчастий рекрута и его семьи. Ошибка исследователя заключается в утверждении, что в определении рекрутской повинности как «злойдеи службы государевой» следует якобы видеть обвинение, адресованное самодержавной власти. Трудно думать, чтобы все это так отчетливо осознавалось Федосовой, как этого хочется автору. Осуждение «грозной службы государевой» связано в представлении вопиющей не с виновником царем, а с местными властями и командирами. В своей мысли Федосова не доходила до того логического конца, который усматривает К. В. Чистов.

Очень сомнительны разыскания автора о положительных политических идеалах Федосовой, уводящих якобы в период новгородской вольности. Увлечшись сомнительным предположением В. Барсова, К. В. Чистов отошел от жизненной правды, приписывая неграмотной, хотя и исключительно талантливой, крестьянке олонечного заолустя глубокие исторические познания.

Спорность отдельных положений работы К. В. Чистова объясняется новизной и смелостью постановки вопроса, что само по себе является несомненным достоинством ее.

Работа Л. Н. Пушкарева выпадает из всего цикла статей. Большинство выводов строится автором на анализе случайно выхваченных примеров. Л. Н. Пушкарев пытается рассмотреть волшебную сказку как отражение мировоззрения трудового крестьянства времени крепостничества и капитализма. Эти периоды развития общества он не только не различает, но рассматривает их в некоей «цельности». Анализируя тему труда в волшебных сказках, Л. Н. Пушкарев не задается вопросом о том, одинаков ли был взгляд народа на труд в крепостной деревне и в деревне капиталистической. Работа страдает известным формализмом. Пытаясь доказать, что тема труда органична всей волшебной сказке, автор аргументирует свою мысль не тем, что рассматривает ее как следствие основных идейных устремлений народа, выраженных во всем содержании сказочного цикла, а перечисляет, в каких сказочных зачинах и других компонентах сказки встречаются мотивы труда.

Статья В. И. Чичерова «Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1907 гг.)» — одна из лучших статей сборника. В ней анализируется процесс сложения и первоначального развития массового революционного песенного творчества пролетариата. Автор прослеживает зарождение рабочего фольклора эпохи капитализма, формирование его как искусства, жизненно точно правдиво рисующего труд и быт рабочих, но теоретически неспособного еще обобщить политические задачи и цели пролетариата. Автор устанавливает также связи первых начальных песен, отвечающих задачам экономической борьбы, с песнями баррикад пролетарских демонстраций, а также с песнями большевистского подполья. В статье приведен большой материал массового революционного фольклора, который анализируется в связи с развитием рабочего движения в России. Исследователь обнаруживает идейную связь произведений литературных, распространенных в рабочих массах 1890—1907 гг., с произведениями фольклорными, ставшими популярными песнями. В этой очень богатой наблюдением работе недостает только такого заключения, которое бы суммировало, что же из этого творчества девяностых — девяностых годов вошло в сокровищницу русского народного творчества и переросло значение только своего времени и почему. Этот итог потребовал бы от автора некоторого художественного анализа произведений, чего он, к сожалению, совсем не сделал.

Завершается сборник работой В. Ю. Крупянской «Советское народное поэтическое творчество 20-х годов».

Тема статьи В. Ю. Крупянской в значительной мере совпадает с первой главой «Очерков русского народного творчества советской эпохи», написанной А. Н. Лозановой. Обе работы дают много нового в изучении народного творчества эпохи гражданской войны. Особенно ценными в этих работах являются сведения об истории создания и условиях бытования отдельных песенных текстов. Статья В. Ю. Крупянской направлена на выявление передовых революционных и социалистических идей в народном творчестве 1920 гг. Автор приводит факты этнографического порядка о восприятии песен различными кругами народа, о распространенности отдельных сюжетов. Включая в научный оборот много сведений по истории и документации текстов, В. Ю. Крупянская восполняет те пробелы, каких слишком много в общей картине фольклора периода гражданской войны.

С нашей точки зрения, в статье В. Ю. Крупянской имеется одна очень спорная установка. Она не касается вопросов художественной формы анализируемых произведений, не включая это в свои задачи, так как работа посвящена только анализу мировоззрения народа, отраженного в содержании народной поэзии. Верно ли это? Вновь формирующееся творчество выразилось в новых формах, использовавших идейные и художественные традиции прошлого.

А. Н. Лозанова в сформировавшемся жанре новых песен подчеркивает такие особенности, как точность в изображении событий, обилие имен и топографических указаний. Иначе говоря, А. Н. Лозанова видит в песнях гражданской войны прежде всего развитие традиций боевой солдатской песни. В. Ю. Крупянская делает упор на другом. Она выделяет традиции революционно-агитационных песен в творчестве гражданской войны, в развитии идей и образов этих песен. И то и другое мнение следует признать односторонним, не дающим полного определения жанрового своеобразия первых советских песен.

Передовые революционные круги народных масс несли в ряды Красной Армии революционное сознание. Идею воспитание осуществлялось различными средствами, в том числе и через массовую песню. Все лучшие песни периода гражданской войны были проводником идей социалистической революции.

Но оформление этих песен весьма неодинаково. И это зависело от того, какая социальная среда создавала новые тексты и на каких традициях эти новые произведения основывались. Рабочие, влившись в ряды Красной Армии, внесли в ее новое творчество традиции пролетарских революционных песен, солдаты, пришедшие с фронтов империалистической войны, переосмыслили солдатские песни и создавали новые на их

поэтической основе, крестьянские массы принесли свои традиции, обилие военно-бытовых и семейных тем. Конечно, в живой жизни процесс сложения новых песен не был таким схематичным, он был сложнее и разнообразнее, но социальные истоки отдельных жанров ясно обнаруживаются в первоначальных песнях гражданской войны. Идейное руководство пролетариата видно и в народном творчестве. Оно сказалось в том поэтическом воздействии, которое оказали на формирование нового жанра песен о гражданской войне пролетарские революционные песни.

В. Ю. Крупянская, анализируя песни о гражданской войне в некоем единстве и целостности, не учитывает особого значения социальных истоков, отразившихся в отдельных поэтических элементах этого своеобразного в своем единстве песенного творчества.

Можно упрекнуть исследовательницу также в том, что ею не раскрываются связи литературных песен с фольклорными, не показывается песенное творчество зачинателей нашей массовой советской песни в его общности с творчеством народа, а в этом и состояла как раз новизна этого нового фольклора.

Сборник Института этнографии Академии наук СССР является значительным вкладом в советскую фольклористику. Он не только вводит значительные материалы и новые более верные и глубокие трактовки в научный оборот, но и наводит на многие размышления, заставляет пересмотреть и решать по-новому такие вопросы, как связь литературы с устным народным творчеством, связь народного творчества с конкретными явлениями действительности и многое другое.

Т. М. Акимова

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Искусство в Народной Республике Албании. Албанский комитет культурных связей с заграницей, 1953.

В 1953 г. Албанским комитетом культурных связей с заграницей был издан альбом «Искусство в Народной Республике Албании». Издание преследует цель ознакомить читателей с различными жанрами искусства албанского народа.

Альбом содержит следующие разделы: «Культура и искусство в Албании» (4 стр.) — общий вводный раздел; «Народное искусство» (6 стр.), где рассказывается о народной поэзии, музыке и танцах, о художественных ремеслах, описываются национальные костюмы и образцы национальной архитектуры; «Музыка» (8 стр.) — содержит описание народных музыкальных инструментов, сведения о развитии современной музыкальной культуры, о деятельности профессиональных коллективов и кружков художественной самодеятельности; «Театр» (7 стр.), излагающий историю создания и развития национального театра; «Скульптура и живопись» (14 стр.), рассказывающий о работах художников и скульпторов прошлого и настоящего; и, наконец, «Археология» (12 стр.), где перечислены важнейшие археологические находки на территории Албании, дается общее понятие о смене культур, указываются музеи страны. Каждый из разделов состоит из краткого текста и большого числа фотоиллюстраций. Текст, так же, как и подписи под иллюстрациями, дается на трех языках: албанском, русском, французском.

Издание такого альбома позволяет самым широким кругам читателей в различных странах познакомиться с художественным творчеством богатого талантами албанского народа, искусство которого до сих пор очень мало известно за пределами его страны. Именно в этом заключается основное положительное значение рецензируемой книги.

Албанский народ создает в своей стране основы социализма. Развитие экономики, подъем материального благосостояния трудящихся сопровождаются небывалым в истории Албании размахом культурного строительства; «...угнетенные народные массы, веками прозябавшие в темноте и невежестве, восстали против своих угнетателей и, взяв в свои руки дело всестороннего развития своей страны, вступили на путь прогресса. Запруженная до сих пор жизненная энергия народа вырвалась наружу» (стр. 6). О том внимании, которое проявляют правительство и Албанская партия труда к развитию культуры и искусства, о всесторонней помощи работникам культуры, о строительстве клубов, организации библиотек, читален, музеев, об учебных заведениях и научных учреждениях, театрах, киноискусстве рассказывается в первом, вводном разделе книги.

Народное искусство Албании характеризуется чрезвычайным разнообразием форм. Население каждого района, иногда даже отдельной деревни, имеет свой традиционный костюм. Национальные костюмы албанцев, несомненно, надо причислить к произведениям народного искусства — столько художественного вкуса, изобретательности, мастерства выполнения отражено в них. В настоящее время национальные костюмы сохраняются в сельской местности и частично в городах; в большой степени они заменяются костюмами общераспространенного городского типа. Женские костюмы всех районов страны украшаются разнообразными вышивками, серебряными подвесками, пряжками, ожерельями. Старинное ювелирное искусство в Народной республике возродилось на новых, кооперативных началах. Кроме украшений, современные мастера изготавливают разнообразные декоративные изделия и предметы народного обихода, отличающиеся тонкой работой.

Женские костюмы области Фиери шьются из домотканной материи, затканной многоцветными, преимущественно геометрическими узорами. Разнообразные орнаменты этих одежд перекликаются с орнаментами ковров, тканых и вязаных шерстяных изделий, выработка которых распространена по всей стране.

Особое развитие получила в Албании резьба по дереву. Ею покрыты интерьеры жилых домов, православных церквей, предметы обихода. Особенно славятся резчики по дереву из Дибры. Дибряне издавна считались хорошими строителями, в различных районах страны они занимались на постройку зданий и украшали замечательной резьбой потолки, стенные шкафы, ставни, мебель, черпая сюжеты для сложных орнаментальных композиций в основном из растительного мира. Мастера юго-восточной Албании украшали резьбой православные церкви, причем сочетали мотивы из растительного и животного мира. Замечательные образцы албанского искусства представлены на фотографиях: отделка церкви в г. Корче, богатого жилого дома в г. Шкодера. Различные предметы обихода, главным образом мундштуки и курительные трубки, покрытые резьбой и ярко раскрашенные, изготавливаются на лучковых токарных станках. Это ремесло особенно развито в районе Тираны. Мастера в настоящее время объединены в производственные кооперативы. Фресковая живопись представлена в альбоме фрагментами росписи галереи мечети Этэм Бей в г. Тиране.

При всем многообразии форм прикладного искусства его основная тематика и художественная манера остаются неизменными: это сложные орнаментальные композиции двух типов — геометрического и растительного (последний иногда сочетается с животными мотивами). Тонкий вкус и замечательное чувство пропорций отличают произведения албанского прикладного искусства. Это жизнерадостное творчество, радующее глаз, веселящее душу.

Такая же общность внутреннего содержания при разнообразии внешних форм наблюдается в музыкальном и песенном искусстве албанцев. Наиболее старинные песни исполняются без инструментального сопровождения. Другие поются под аккомпанемент лютни, чифтели (своего рода мандолины), волынки, бубна. В северной горной области песни исполняются чаще всего соло или дуэтом. На юге страны — иные мелодии. Здесь песни поются обычно хором, из которого выделяется запевала. Разнообразны и танцы различных районов страны. Музыкальный фольклор албанского народа так же, как и устное народное творчество, отражает историческое прошлое страны (эпические песни о подвигах воинов, сражавшихся против иноземных захватчиков, о национальном герое Георгии Кастриоти — Скандербеге, о вождях народных восстаний). В современном фольклоре воспеваются герои национально-освободительной войны, трудовые подвиги передовиков социалистического строительства.

Красной нитью через все народное творчество албанцев проходит глубокая любовь к своей родине. Почти пятистолетнее турецкое иго, деятельность антинародных правительств, иностранная оккупация во время второй мировой войны — все эти мрачные события, принесшие неисчислимые бедствия Албании, не погасили творческих сил народа. В сокровищнице народного творчества находят источник для своего развития современное профессиональное музыкальное искусство, театр, живопись и скульптура.

При благоприятных условиях, которые создают народно-демократический строй для работников культуры и искусства в стране, где еще в 1938 г. было всего три хора, три духовых и один симфонический оркестр, созданы теперь десятки самодельных и профессиональных хоров, оркестров и балетных групп, насчитывающих многие тысячи участников. Главным центром музыкальной деятельности является филармония. Музыкальное искусство Албании стоит на высоком идейном уровне. Образцом для него является русская классическая и советская музыка.

Драматический театр стал входить в быт албанского народа лишь в конце XIX в. в период национального возрождения Албании. Первыми драматургами явились передовые писатели этой эпохи Самуи Фрашери и Антон Зако Чаупи. При режиме короля Зогу театральная деятельность проводилась кружками прогрессивной учащейся молодежи и рабочих. Во время национально-освободительной войны против фашистских оккупантов подпольные театральные группы в городах и самодельные коллективы в партизанских отрядах вели большую агитационную работу. В настоящее время основным профессиональным коллективом является Народный театр в Тиране. Многочисленные кружки художественной самодельности, организованные не только в городах, но и в селах (где в прошлом население вообще не имело представления о театрах) помогают выявить таланты народа и являются средством воспитания и просвещения трудовых масс. Албанские театры ставят пьесы албанских драматургов (среди них выделяется историческая драма «Халиль и Харья» Коля Якова), комедии Мольера, советские пьесы и др.

Археологические раскопки обнаруживают памятники живописи, скульптуры и архитектуры, датируемые еще иллирийской эпохой. Среди них — вазопись, женские статуи в иллирийской одежде, мозаика. Изобразительное искусство средневековья посвящалось в основном религиозным сюжетам. Однако художники зачастую изображали персонажи священной истории в албанских костюмах. В XIX в. известны художники, работавшие в бытовом жанре (Ндоц Мартини, Коль Хидромено). Для этнографа большой интерес представляет картина художника К. Хидромено «Шкодранская свадьба», репродукция которой дана в альбоме. По ней можно составить себе представление о порядке свадебной процессии, о городской архитектуре; здесь детально изображена праздничная и будничная одежда населения г. Шкодера в XIX в.

При антинародном режиме короля Зогу художникам приходилось работать в очень тяжелых условиях. Изобразительное искусство приходило в упадок. Ныне народное правительство обращает большое внимание на развитие искусства; организируются выставки и конкурсы, молодые художники и скульпторы обучаются в Лицее искусств и на специальных курсах. Современная живопись и скульптура Албании следуют принципам социалистического реализма советского искусства. Среди скульптурных портретов, в которых воплощены образы героического прошлого албанского народа, заслуживает внимания памятник национальному герою Георгию Кастриоти — Скандербегу работы скульптора Я. Пачо. Албанские художники и скульпторы изображают эпизоды национально-освободительной войны, мирный труд своего народа, создают портреты лучших людей страны.

Археология является новой отраслью албанской исторической науки. Антинародные правительства прошлого торговали историческими ценностями страны, отдавая их на разграбление иностранным коллекционерам. В самой Албании не было квалифицированных кадров археологов, не было ни одного музея.

В настоящее время центром исторических исследований является Институт наук. В Тиране открыт Музей археологии и этнографии, в крупных городах страны — краеведческие музеи. Ведутся систематические раскопки, изучение архитектурных памятников средневековья. Материалы, добытые археологами, занимают подобающее им место в создаваемой заново истории албанского народа.

Древнейшие следы человека на территории Албании датируются мезолитическим временем. Среди памятников первобытной эпохи наиболее богата находками неолитическая стоянка, открытая на дне осушенного озера Малик. Бронзовый и железный века представлены многочисленными курганами. Значительное число памятников относится к местной иллирийской культуре: скульптура, гробницы, керамика, бронзовые сосуды, остатки храмов и амфитеатров, крепостные сооружения, наконец, монеты, имевшие хождение на западе Балканского полуострова и на территории современных Венгрии и Румынии. В I тысячелетии до н. э., особенно в прибрежных районах страны, стало распространяться греческое влияние, которое во II в. до н. э. сменилось римским, а позднее — византийским. Однако эти влияния оставались поверхностными и никогда не вытесняли местной самобытной культуры. Наиболее изучены археологически древние города Аполония (современный Поян) и Бутротум (Бутринто).

Ученые Албании, пользуясь помощью со стороны ученых Советского Союза и стран народной демократии, успешно работают над изучением жизни и многовековой культуры своего народа.

* * *

Рецензируемая книга имеет, несомненно, очень большой интерес. Однако она не лишена недостатков. Существенным пробелом является ограниченное число цветных иллюстраций. Из 47 таблиц цветных только две. Черно-белые фотоиллюстрации при всем их прекрасном качестве не дают полного представления о характере орнаментов и фресок, о красочности национальных костюмов, о художественном достоинстве картин. Очень жаль, что русский перевод текста выполнен небрежно и грешит ошибками, порой существенными. Например, на стр. 47 сообщается, что до сих пор не обнаружена еще живопись древнего времени, исполненная на камне или на дереве, она представлена лишь различными сценами на вазах античного периода. В русском же переводе речь идет о скульптуре («...не найдены скульптуры, высеченные на камне или вырезанные из дерева»), что ставит читателя в тупик, так как несколькими строками ниже упоминаются четыре статуи в иллирийских одеждах. На стр. 61 говорится о том, что иллирийская культура «связана с образованием первых государств в этой области Балкан»; в русском переводе она почему-то «связана с образованием первых четырех царств на Балканах», хотя ни о каких «четыре царствах» в албанском оригинале нет упоминания. Неолитическая стоянка на озере Малик названа «археологическим центром», что в данном контексте не имеет смысла (стр. 61, 63); тут же вопреки албанскому оригиналу вместо неолитической эпохи появилась энеолитическая. Совершенно искажено название Гальштатской эпохи (стр. 62), слово «обычай» переведено «законы», что нарушает смысл текста (стр. 49). Так же неудачен перевод некоторых мест на стр. 13. Совершенно не по-русски звучит выражение «костюмология» (стр. 14) и т. д.

Отдельные недочеты альбома отнюдь не могут отразиться на общей оценке этой книги, имеющей большое познавательное значение. Следует приветствовать инициативу Албанского комитета культурных связей с заграницей, издавшего альбом, и пожелать научным и культурным учреждениям Албании и впредь знакомить мировую общественность с культурным достоянием своего народа.

Ю. В. Иванова

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи советской этнографии в проведении научно-атеистической пропаганды	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
Б. Ф. Поршнев (Москва). О древнейшем способе получения огня	7
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
А. Н. Рогачев (Ленинград). Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина Гора)	29
П. И. Борисковский (Ленинград). Раскопки палеолитического жилища и погребения на стоянке Костенки II в 1953 г.	39
Г. Ф. Дебец (Москва). Палеоантропологические находки в Костенках	43
Л. Н. Чижилова М. Н. Шмелева (Москва). Современное русское крестьянское жилище (с. Вирятино Тамбовской области)	54
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
М. В. Чураков (Ленинград). Берберы и арабы в этнической истории Алжира	72
Ю. В. Кнорозов (Ленинград). Письменность древних майя (Опыт расшифровки)	94
Из истории этнографии и антропологии	
М. О. Косвен (Москва). Материалы к истории русской этнографии XVII века	126
Заметки. Сообщения. Рефераты	
А. П. Окладников (Ленинград), В. В. Нарышкин (Анадырь). Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове	151
Н. Начинкин (Ленинград). Материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева	159
Г. Громов (Москва). Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища	164
Хроника	
Обсуждение корреспонденции «Вульгаризаторы в позе марксистов», опубликованной в газете «Правда»	172
Л. Пушкарева (Москва). Совещание авторского коллектива по теме «Семья и семейный быт колхозного крестьянства народов СССР»	173
Л. Чижилова (Москва). Совещание авторского коллектива по теме «Современное жилище колхозного крестьянства народов СССР»	175
У. Б. Далгат-Чавтараева (Москва). Совещание по вопросам изучения эпоса народов СССР	178
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Г. И. Михайлов (Москва). Гэсэриада	182
Общая этнография	
Л. Файнберг (Москва). The beginning of diplomacy. A sociological study of intertribal and international relations. By <i>Ragnar Numelin</i>	189
Народы СССР	
Т. М. Акимова (Саратов). Сборник «Русское народнопоэтическое творчество»	192
Страны народной демократии	
Ю. В. Иванова (Москва). Искусство в Народной Республике Албании . . .	197

ПОПРАВКА К № 4 ЖУРНАЛА ЗА 1954 г.

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
32	2 снизу	и И. Ф. Симоненко, Указ. соч., рис. 7, фиг. 3	и И. Ф. Симоненко, Быт населения Закарпатской области, „Советская этнография“, 1948, № 1, стр. 73, рис. 7, фиг. 3.